

ВОЛОГОДСКИЙ
ЛАД
2022

ВОЛОГОДСКИЙ
ЛАД
Литературно-художественный журнал

1 (40)
2022 год

• ТЕМА НОМЕРА

Николай Владимирович Баскаков. Портрет В. И. Белова. 1967. Холст, масло. Вологодская областная картинная галерея

Чудесно пойманные МГНОВЕНИЯ

Фотохудожник
Николай Карачёв

О снимках Николая Карачёва,
помещенных в его фотоальбоме
«Сохта. Тихая моя родина»,
так отзывалась

Ольга Сергеевна Белова:
- Фотографии излучают ощущение
неторопливой и радостной жизни.

Окончание на цветной вклейке в середине номера

Тимониha. Между небом и землёй...

• ФОТОВЗГЛЯД

Тимониha. В доме Василия Ивановича

Тимониha. Гармонь писателя

Тимониha. Вид из окна

Тимониха. Самое дорогое...

Письма Белову

• ФОТОВЗГЛЯД

Тимони́ха. Дом Васи́лия Ива́новича Бело́ва

Тимони́ха. У око́лицы

Белов писал о каждом из нас

Конечно, самое главное в вологодской жизни событие текущего года - юбилей Василия Белова. А почему, собственно?

- Я никогда не помышлял стать писателем, никогда не стремился к этому. Так что же всё-таки заставило меня взяться за перо? А то, что я видел вокруг много недостатков, проблем. Как исправить их, как привлечь внимание? Лучше, чем печатным словом, не придумаешь.

Так Василий Иванович сказал на встрече с читателями в Иванове (Виталий Сердюк. Не хлопайте мне, ведь я не артист... Василий Иванович Белов отвечает на вопросы ивановских читателей. - «Вологодский ЛАД», 2007, №3).

Удивительные слова. Ведь это говорит не журналист, задача которого - откликаться на злободневность. Василия Ивановича во всем мире считают - и основательно! - великим писателем, который владел словом как мало кто. Белов описывал состояние души своих героев так достоверно и наглядно, что читатель воспринимает как живых людей Ивана Африкановича с Катериной («Привычное дело»), Олёшу Смолина и Константина Зорина («Плотницкие рассказы» и цикл «Воспитание по доктору Споку») или Павла Рогова (трилогия «Час шестый»), - перечислять можно долго, для примера взяты герои только самых известных произведений.

Читатель беловской прозы видит в них не выдуманных персонажей; герои эти близки всем нам, как соседи по подъезду или односельчане. И не так уж важно,

пишет Белов о горожанах или жителях деревни, - души каждого человека созданы Творцом; все мы боремся с одними и теми же грехами и стараемся следовать одним и тем же заповедям. Как уж получается - другой вопрос...

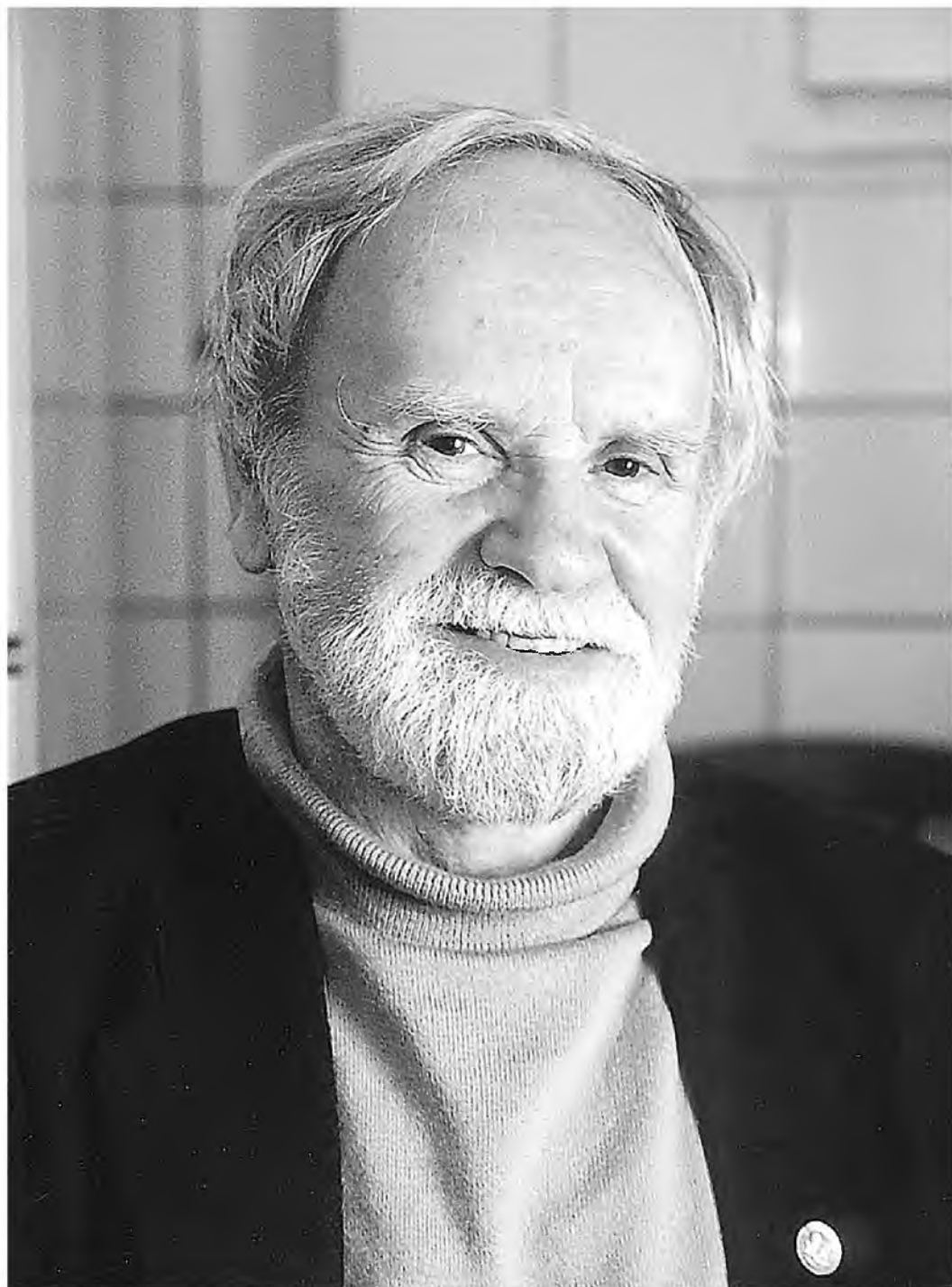
Белов, кстати, и о недостатках писал - и говорил о них довольно резко с высоких трибун. В основе обличений Василия Ивановича - не озлобленная укоризна, а любовь к родным и к родному, стремление наладить людскую жизнь, помочь нам всем научиться жить по-человечески, а не по чьим-то идеям и повелениям.

Давний автор «Вологодского ЛАДА» профессор Виктор Николаевич Бараков в прошлом году переехал из Вологды в Краснодар. Читает лекции на филологическом факультете местного университета. Недавно он по семейным делам приезжал в наш город и сообщил, что литературно-исторический журнал Краснодарского края «Родная Кубань» очередной номер посвящает юбилею Василия Белова.

Так что не только вологодское это имя - Василий Иванович Белов. Имя нашего великого земляка всей России дорого...

В номере журнала, который вы держите в руках, большая часть материалов говорит о Василии Ивановиче - его жизни, его творчестве... Есть, правда, и такие тексты, что вроде бы не связаны с нашим юбилеем, - но все публикации несут на себе отсвет беловского отношения к миру, к людям, к родной Вологодчине.

Андрей САЛЬНИКОВ

Василий Иванович Белов. Фотоснимок архиепископа Максимилиана сделан в середине 1990-х годов в Санкт-Петербургском подворье Валаамского монастыря

Первая книга Василия

Из воспоминаний сестры писателя

Шёл незабываемый 1940 год - самый счастливый год для семьи Беловых.

Колхоз «Северная деревня». Деревня Тимониха. Грамотные, трудолюбивые родители Иван Федорович и Анфиса Ивановна. Маме как раз нашли замену на работе. Она была заведующей МТФ, а теперь - хозяйка сельмага, это в двухэтажном доме в соседней деревне: вверху - начальная школа, внизу - магазин. Молочно-товарная ферма - хлопотное хозяйство: коровы, телята, овцы, лошади оглашали деревню по вечерам.

Работы у всех по горло. Жизнь кипит. Все истово верят тов. Сталину. Но всё чаще и тревожнее разговоры взрослых: «В воздухе пахнет грозой». Ясно: войны не миновать, Гитлер совсем обезумел. Уже в Польше... Отца периодически отзывают на военные учения. Он готовит новобранцев к боям.

В семье четверо детей. Юрик учится в семилетке, Васе восемь лет, Шура, Иванко малы, а Лидушка родилась в конце 1940 года. Домашнее хозяйство на руках бабушки, Александры Фоминичны. С ней мастерим игрушки. Помним о Боге.

Как же счастливы были, когда собирались все дома! Отец обязательно перед ужином читал вслух. Сыновья припадали к его плечу справа и слева. «Сказка о царе Салтане», не хочется с ней расставаться. Мальчикам она дороже наваристых ароматных щей и душистого хлебного каравая. Мама накрывает на стол, управившись со скотиной. Отец говорит: «Приказ командира - прежде всего! Обсуждению не подлежит!»

После уроков забежал Вася к маме. Она подала ему большой сероватый мятый лист - очевидно, это обертка со штуки

«чертовой кожи», грубоватой ткани, присланной с фабрики в магазин:

- Вот возьми, Вася, дома разрежь на малые листочки. Будете рисовать. Всем хватит.

Вася прибежал домой очень возбужденный, сразу же начал разворачивать лист на полу. Он оказался не только мятый, но тут и там прорванный. Разглаживая, сгибая, отстригая рваное, брат твердо сказал:

- Буду тяте книгу делать!

Я сидела за столом и с Васи глаз не спускала - следила, как увлеченно и долго он возился с листом. Ему хотелось сложить так, чтобы было похоже на книгу. Но хотя бы четыре четырехугольных листка никак не выходило. Пришлось ему сложить в книгу четыре высоких треугольных листа. Сделал по-своему. Он остался доволен и сразу же с нетерпением, схватив коробку с цветными карандашами, приступил к рисованию и подписи.

Я в это время собирала обрезки и несла на шесток. Потом любовалась рисованием, в которое Вася полностью погрузился. Мы оба были очень рады рукоделию Васи.

Вечером пришёл Юрий. Вася, довольный и счастливый, показывает книгу, ожидая похвалы. Юрий взглянул - и давай хохотать:

- Это что за блины летят?!

Обескураженный Вася опешил, но не заплакал.

- Пушки с пристани палат, не видишь? Кораблю пристать велят. Град на острове стоит, не видишь?

- Град вижу. Пушку вижу.

И стал что-то объяснять Васе про ядра, летящие из пушки.

Но Васе было уже не до смеха: так бесцеремонно и сразу было поругано его вдохновенное, искреннее, доброе начинание для радости отца...

Он схватил книгу и побежал куда-то прятать её. В его характере, мы знали, было не раз такое. Понравившуюся мелкую безделушку он хранил для себя, прятал в укромном месте...

Эту ценную книгу мы больше никогда не увидели... Но она перед глазами. Мятая, сероватая. Но я-то живая свидетельница. Вижу её как сейчас.

Мы с внуками Ильёй и Никитой постарались её воссоздать.

Александра Ивановна
МАРТЬЯНОВА (Белова)

Всякое дело для него было важным

Много поистине выдающихся людей дала Отечеству вологодская земля. В их числе и Василий Белов, жизнь которого, на мой взгляд, всегда походила на реку: постоянно одно и то же русло и в нем в каждый момент свежая вода. Талантливый и интересный был человек! Один из тех, кто жил работой и искренне верил в то, что делал. Неравнодушный к радостям жизни, стремившийся всё изведать и всё постичь, обладавший редким талантом щедро и безоглядно тратить себя на человеческую дружбу. Тратиться, ничего взамен не приобретая, кроме дружбы за дружбу, любви - за любовь...

Мы познакомились с ним, можно сказать, случайно. В Вологде, во время очередного длительного моего заполярного отпуска. Я шел на встречу с Аркадием Шороховым, в ту пору заместителем главного редактора газеты «Красный Север», с которым дружили уже несколько лет. В тот день он ожидал меня на улице Октябрьской. С ним был еще один человек.

- Василий Белов, - представил его Шорохов. - Наш вологодский писатель.

Мы обменялись рукопожатиями. Незнакомец внимательно посмотрел на меня

и широко улыбнулся. Его глаза светились добротой. Подумалось: это про таких людей, как мой новый знакомый, говорят, что глаза - зеркало души. Они вызывали к нему доверие, и я охотно, как старому знакомому, коротко рассказал о себе, о Мурманске, с которым судьба прочно связала мою жизнь. Пригласил даже в гости к нам в Заполярье.

- А что - возьму и приеду! - отреагировал Василий Иванович. - Давно собираюсь поехать в ваши края, да всё не получается...

Получилось спустя несколько лет после той нашей встречи. В сентябре 1981 года на первый литературный праздник Кольского Заполярья - «Дни Баренцева моря» - приехала представительная делегация советских писателей во главе с секретарем правления Союза писателей СССР Сергеем Павловичем Залыгиным. В её составе был и Василий Иванович Белов.

Литературный праздник - важное культурное событие в жизни любого региона. Неудивительно, что мне, тогда собственному корреспонденту ТАСС в Мурманской области, руководство агентства поручило все-сторонне освещать его в союзной печати.

С Беловым встретились в тот же день.

- Мы очень рады возможности приехать на Кольский полуостров, - сказал мне Василий Иванович. - Ведь одно дело - знать о нем по бумагам, и другое - увидеть своими глазами. Конечно, приехали не только для того, чтобы познакомиться с этим суровым, но прекрасным краем, с его мужественными людьми - поездка носит и деловой характер. Мы познакомимся с творчеством местных писателей, сообщаем об их новых произведениях и планах на будущее.

Высказался тогда Василий Иванович и о творчестве заполярных литераторов.

- Приятно, что мурманская писательская организация, совсем еще молодая по стажу, уже заявила о себе интересными книгами, многие из которых посвящены морякам и металлургам - основному отряду рабочего класса области...

Уже под конец праздника побывавшие в разных местах области участники столичного литературного десанта с восхищением отзывались о Заполярье и его людях.

- Здесь очень холодный климат, но дыхание жизни тёплое, - говорил Василий Иванович. - Согревают его мурманчане. Это настоящие энтузиасты, люди с горящими глазами. Сколько тепла в их сердцах! И они этим теплом щедро делятся со своим суровым краем... Они остаются здесь жить, а раз так, то им вовсе не безразлично, что творится вокруг них...

Помнится, я тогда задал ему вопрос: почему он чаще пишет о сельской жизни, а не о городской?

- Сельское население, по-моему, обижено вниманием государства, - ответил Белов. - И не только сейчас. Так у нас повелось издавна. Ему приходилось тянуть лямку, как при царе, так и в годы советской власти, в интересах не самих крестьян, а государства, которое обложи-

ло их непомерными налогами, не создав условий для труда...

Белов видел эту крестьянскую жизнь, испытал её на себе еще ребенком и, когда стал писателем, старался рассказывать о ней словами честного свидетеля. Он не умел ничего делать вполовину, относиться к чему-либо слегка, без особого интереса. У него не было маленького дела. Всякое дело для него было важным. Отчаянный человек и хороший оратор, он мог убедить любого умеющего слушать и воспринимать услышанное. Эти прекрасные человеческие качества, проявившиеся уже в юные годы, выделяли его в среде сверстников. А так уж устроена деревенская жизнь, что она сама выдвигает в город людей, выделяющихся из общей среды по их предприимчивости и практической сообразительности. Ибо только в городе и можно было в полную силу развернуться их таланту, как сказал мне однажды другой знатный вологжанин, писатель Александр Яшин.

Жизнь Белова - это история человека недюжинного характера и редкого трудолюбия, деятельно участвовавшего в реализации многих полезных Отечеству дел.

В первый его приезд в Заполярье мне не удалось подолгу беседовать с ним, как, впрочем, и с другими участниками «литературного десанта» - Сергеем Залыгиным, Виктором Астафьевым, Валентином Распутиным. Гости, как говорится, были в Мурманске нарасхват.

Больше мне не пришлось с ним общаться. А тогда, в Мурманске, в знак дружбы Василий Иванович вручил мне свою книгу «Плотницкие рассказы», вышедшую в свет в 1968 году. На титульном листе он написал: «Тезке - от автора».

Василий БЕЛОУСОВ,
заслуженный работник культуры
Российской Федерации, почётный
гражданин Мурманской области

С ними было легко и надёжно

В заметках Сергея Багрова о земляках-писателях (глава «Голос из клетки», см. стр. 91 текущего номера журнала. - ред.) описывается беседа автора с Василием Беловым. Сергей Петрович упоминает местечко под названием Глебовское: «Это родина нашего юного друга». Белов улыбнулся: «Уж не Саши ли Цыганова?»

Я - младший брат А. А. Цыганова, о котором вспоминает Василий Иванович. А деревня Глебовское - наша родина. Здесь я родился, жил, отсюда ушёл в большую жизнь.

И вспомнился мне 1981-1982 год. Отслужив в армии, я вернулся домой. Устроился на работу в лесничество, но жил в Глебовском с отцом и матерью. Хозяйство было большое - три коровы, три быка, поросята, овцы, лошадь. Работы хватало всем.

Как-то уже осенью, в начале сентября, управившись по хозяйству, мы сели ужинать. Было около девяти вечера. На столе картошка, рыба, мясо, грибы, огурцы, капуста и молоко.

Отец вёл разговор, что надо начинать копать картошку - садили для себя и скотины много; мать говорила о своих коровушках. А я, молодой, беспечный, ни о чем не говорил - просто ел.

Но вот со стороны прихожей и крыльца послышался стук в окно - деревенские так не стучат, они больше в двери.

Я пошёл открывать. У нас не принято спрашивать: «Кто там, кого надо?» Стучат - значит, надо, значит, кому-то понадобились. У порога стояли двое мужчин. Один пониже ростом, в курточке, с рюкзаком, второй, повыше, - в до-

ждевике и тоже с рюкзаком. Тот, кто пониже ростом, спросил: «Мы не ошиблись - здесь ли живут Цыгановы Александр Яковлевич и Валентина Кирилловна?» Отвечаю: «Вы пришли правильно, заходите». Меня спросили: «Ты не Николай, брат Саши?» - «Да», - говорю. - «Это он нам посоветовал приехать к вам и познакомиться с вашими родителями».

Зашли в дом. Гости, положив рюкзаки, прошли на кухню, где сидели отец и мать. Пожав руки, представились: «Василий Белов, Сергей Багров - с Вологды писатели, хорошие знакомые вашего сына Александра, по его просьбе мы у вас».

Отец у меня хоть был человек резкий, но гостеприимный и хлебосольный. Вел гостям раздеться, пригласил за стол. Гости, покопавшись в рюкзаке, поставили на стол «беленькую», положили колбасу, сыр и еще что-то, уже не помню. После стопки и сытного ужина пошла-потекла беседа. Батя интересовался, чем живут приезжие, на какие средства.

Только мать, работавшая на почте, знала, кто такие Василий Белов и Сергей Багров. А когда отец узнал, что на жизнь можно зарабатывать не только руками и силой, но и головой, был потрясён. И тогда выиграла в бате крестьянская кровь - он повёл гостей показать, как надо жить и чем надо жить.

Ходили писатели по двору и огороду, осмотрели хлев, конюшню, сеновалы, дровяник - и восхищались. Сколько надо иметь силы, терпения, сколько вложить труда, чтобы всё это росло, мычало, работало... И тогда Василий Иванович сказал такие слова, что даже батя успокоился

и смирился: «Вот на таких и держалась Россия - пока её не подкосили!»

Наутро, взяв у родни лодку (половина Глебовского - Цыгановы), мы с Беловым и Багровым отправились на рыбалку. Клевали окуни, сорога - и на уху, и на жарёху было довольно. Мы сидели, опустив удочки, и отдыхали. А два писателя, два опытных человека, не учили меня ничему; они просто спрашивали, как тут люди живут. Они знали, что такое родиться в деревне, где повседневный труд, где короткое детство и где рано вступают во взрослую жизнь, душой и сердцем понимая: чтобы жить, надо работать, а чтобы работать, надо есть - и будет сила. Вечером за свежей ухой текла уже другая тема разговора.

Василий Иванович и Сергей Петрович сразу стали мне дорогими, почти родными людьми. На второй день их пребывания у нас мы пошли в лес за грибами. Ни Белов, ни Багров не спорили и не говорили о

литературе и политике. Мне было с ними легко и как-то надёжно. Писатели радовались, как дети, найденному грибу, голосу незнакомой птицы, мощи леса, следам лосей и кабанов.

И ещё прошёл один день. И снова вечер. За ужином мать выставила «беленькую». Отец пить не стал, не хотел себя растравливать. А наутро, попив молока и обняв каждого по очереди, они покинули наш гостеприимный дом и хлебосольных хозяев - это слова гостей, я запомнил их на всю жизнь. Навсегда в моей памяти и пожелание: до конца пронести чистоту души с верою в завтра.

Я тогда не понял, что это было - сон или явь. Эти люди перевернули мою жизнь, указали дорогу, по которой я стараюсь идти, помогли поверить в себя. Сколько лет прошло, но свежа память об этих днях...

Николай ЦЫГАНОВ

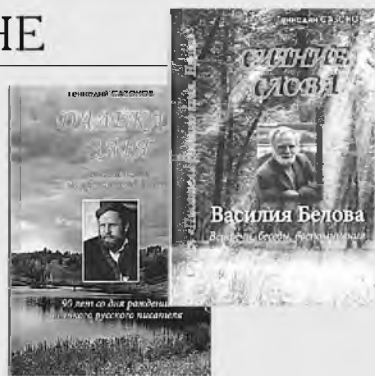
• ИЗДАНО НА ВОЛОГОДЧИНЕ

Грязовецкий край в жизни писателя

Геннадий Сазонов. *Далекая зоря. Василий Белов на грязовецкой земле.* - Вологда: АНО «ИНТЕЛИНФОРМ», 2022. - 102 с., илл.

К 90-летию Василия Белова
Геннадий Сазонов подготовил книгу
о пребывании великого русского
писателя в Грязовецком районе.

Издание представляет собой переработанную и дополненную главу из книги «Сияние слова Василия Белова», вышедшей в том же издательстве в 2019 году. «Сияние слова Василия Белова» рассказывает читателям о встречах Геннадия Алексеевича Сазонова, известного вологодского писателя и журналиста, с Василием Беловым, а также включает воспоминания о нем. Книга раскрывает малоизвестные страницы различных периодов жизни классика русской литературы.

«Далекая зоря» подробно представляет грязовецкий период жизни В. И. Белова. Он участвовал в строительстве деревообрабатывающего комбината в посёлке Вохтога, работал литературным сотрудником районной газеты «Коммунар», был первым секретарём райкома комсомола. В Грязовце Василий встретил Ольгу Забродину, ставшую его женой (Ольга Сергеевна выступила литературным консультантом книг Геннадия Сазонова). Отсюда он поступил в Литературный институт в Москве.

Народ рисует ЛАД

Конкурс рисунков «Я рисую ЛАД» провёл с февраля по июнь текущего года музей-квартира Василия Ивановича Белова.

Конкурс был приурочен к 90-летию со дня рождения В. И. Белова и к 40-летию выхода в свет его знаменитой книги «Лад: Очерки о народной эстетике». Участникам предлагалось создать рисунок, иллюстрирующий содержание произведения, народный быт и культуру Русского Севера.

Творческие работы на конкурс прислал 321 человек в возрасте от 6 до 80 лет из 31 региона России. География конкурса обширна: Вологда, Череповец и 12 районов Вологодской области, Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Владимир, Великий Новгород, Липецк, Петрозаводск, Казань, Белгород, Чебок-

сары, Курск, Тамбов, Таганрог, Тверь, Кострома, Архангельская, Астраханская, Нижегородская, Рязанская, Воронежская, Курганская, Пензенская, Самарская, Свердловская области, Красноярский, Краснодарский и Ставропольский края, Удмуртская Республика, Республика Хакасия, Республика Коми, а также Донецк и Одесса.

Жюри конкурса возглавил народный художник России, член-корреспондент Российской академии художеств Валерий Николаевич Страхов. Оценивать творческие работы ему помогали вологодские писатели и художники, сотрудники музея-квартиры.

Надежда Богатырева, 40 лет (Ставропольский край). Заготовка сена семьей

Наград удостоены 60 участников конкурса. В каждой возрастной категории определены победители и призёры, а также те, чьи работы отмечены специальными дипломами.

- Отраднo, что есть такой большой отклик на предложенную тему конкурса, - считает народный художник России Валерий Страхов. - Отраднo, что во многих школах страны ребятам рассказывают о замечательной книге «Лад». Василий Белов - писатель, в творчестве которого каждый найдет для себя что-то близкое и родное. У него есть произведения и для детей, и для взрослых, это очень живой, искренний писатель. Все работы, поступившие на конкурс, - красочные, яркие. Особенно интересно было смотреть детские работы, ведь детское творчество - это особый вид искусства: ребенок познает мир и создает что-то новое, любая детская работа может украсить любой интерьер, и всегда это будет красиво.

Принимать решение о победителях было очень трудно. Все участники очень старались. Мы обращали внимание и на исполнение работы, и на проявления любви, сердечного участия, восторга к народной культуре.

С мнением Валерия Николаевича согласна член жюри конкурса Инга Чурбанова, член Союза писателей России:

- Жаль, что мы не можем поощрить всех! Ведь каждый, кто направил работу на конкурс, уже продемонстрировал и интерес, и энтузиазм, и любовь к творчеству Василия Белова и его книге «Лад». Каждый раз, когда я принимаю участие в жюри какого-либо конкурса, у меня всегда возникает желание создать из конкурса

Софья Жукова, 8 лет (Вологда).
Молоко от любимой коровы

какой-то длительный фестиваль. С моей точки зрения, любой конкурс должен иметь, прежде всего, просветительскую задачу. Необходимо, чтобы такие творческие проекты возникали как можно чаще, и лучше в формате фестиваля, особенно когда речь идет о детском творчестве. В детском возрасте нужно поощрять не столько за результат, сколько за усилие и старание... Порадовало, что много работ не декоративно-прикладных, но отражающих очень трепетное отношение к сюжету книги. Сюжетные вещи гораздо более ценны, чем просто иллюстрация; стремление участника в рисунке выстроить сюжет - это со-творчество.

Полный список победителей опубликован на сайте организаторов: <https://kirmuseum.org/ru/news/podvedeny-itogi-otkryto...>

Тепла и воды не лишенный,
Южанин - такой оптимист -
Два месяца, как оглашенный,
Цветет у окна «декабрист».
Начав с ноября первоцветом,
Меня он весьма окрылил:
Пахнуло немеркнувшим летом...
...А он и январь прихватил:
У нас - Рождество и Крещение, -
Лихой снегопад и мороз, -
А он - на чужбине растенье -
О родине помнит всерьёз...

Этот ветер всюду вхож, -
Что ему державы:
Этот ветер расхорош
Раздувать пожары.
Он, сплетая провода,
Высекает искры -
От сухой травы беда
Находится близко,
От летящих на неё
Огненных каскадов!
Вновь сибирский окоём
Полон дымом-смадом:
Польхают лес и дол,
Избы и амбары,
Убегают рысь и волк,
Но везде - пожары!
«Ветер, ветер, ты могуч! -
Я к тебе взываю, -
Пригони дождливых туч
Удалую стаю,
Над огнём - останови
И до капли выжми,
Чтобы снова муравьи
Думали о жизни».

Ночами птицы не летают:
Куда-то скрылись, где-то спят.
А чуть рассвет - и снова стаи
Над зимним городом кружат.

Идет охота на волков...
В. Высоцкий

Идет охота на дедков
И на старушек
С изъятьем ихних орденков
Из-под подушек,
Идёт выманивание
Скупых рублишек:
«На хлеб у Вани-Мани есть, -
Зачем излишек?»
Идёт охота молодых
Веселых, здравых
На матерей и на отцов
Родной державы.
Не открывай, убогий, дверь
Для славных с виду;
Они порой - пойми-поверь, -
Страшней ковидов.

“ Главное в творчестве
для меня - говорить
русским языком
о русской жизни. В основном
провинциальной, которую
я знаю лучше, чем городскую.
О людях северной русской
деревни. О родителях,
ровесниках XX века,
о братьях, друзьях, учителях,
родственниках и знакомых.
О себе, о своей семье,
о любви, о детях, о природе.
О нравственной высоте
тружеников - земледельцев,
истинных христиан
(крестьян).

Ольга Фокина в беседе
для журнала «Православное
книжное обозрение»

Первое мая! А снегу насыпало
Больше, чем к первому января!
В реках воды основательно прибыло,
Небо апреля трудилось не зря:
Залит асфальт первомайской

снежницей, -

Нечего голубю в зоб подобрать,
У магазинов дежурит милиция,
Люди - в «намордниках» -

велено ждать

Гнева иль милости коронавируса,
Старым и хворым - сидеть по домам:
Все карантинные плюсы и минусы
Так или этак аукнутся нам.

С крыш побелённых съезжают

сугробики, -

В полдень подтаяли: всё-таки - май!
Но и, опять же, у нас тут

не тропики, -

Горстку за ворот себе не поймай
Снежную...

Всё минувшее смято, брошено...

Я с «улучшенным» не вяжусь:

Если «лучшее» - враг «хорошего»,

Я от «лучшего» - откажусь.

Милое дело - смотреть из окошечка
На возрожденный ликующий мир,
На лиственный деревьев роскошество,
На белопенный цветения пир
Яблонь, рябинок, черемух и вишенок:
Май на исходе - нельзя опоздать:
Нынче у солнышка нету обиженных,
Каждому - ласка! Всему - благодать!
Выйдя во двор, привечай

мать-и-мачеху,

Юную мяту, склоняясь, обоняй,

Да не спугни хоровод одуванчиков:

Хмурым присутствием - не затеняй!

Май кончился. Остыли батареи.

В деревню рвётся городской народ,

Хоть ягоды - когда еще созреют! -

Ведь ягодник ещё и не цветёт.

А вот грибы - совсем другое дело:

Земля дождями перепоена,

Тепло июня вовремя пришло -

И бор опять в грибах, как в орденах, -

Зовёт и ждёт, ликуя и кукуя,

На белый мох, под сосны на бору,

И неужели снова не сбегу я

К нему - и тех грибов не соберу?

Деревенская изгородь. Фото Николая Карачёва

Вера
Коричева

Вера Николаевна Коричева родилась в 1964 году в городе Загорске Московской области (ныне Сергиев Посад). Окончила Московское художественное училище «Памяти 1905 года» по специальности «художник-декоратор». С 1986 года живёт в Вологде. Работала художником-оформителем в областном драмтеатре, театре для детей и молодёжи, на Вологодском вагоноремонтном заводе им. Калинина, дворником, слесарем-сборщиком. Автор трёх сборников стихов: «Планета тополей» (2006), «Родная чужбина» (2009), «В ожидании божественной лазури» (2012). Дипломант и лауреат ежегодных поэтических конкурсов «Посадская лира» (2007 - 2014), г. Сергиев Посад. Стихи публиковались в газетах и журналах России и Эстонии. В «Вологодском ЛАДЕ» неоднократно печатались стихи и критические статьи Веры Николаевны.

Памятная колея

РЫЖИКИ

*Нынешней осенью -
Рыжиков урожай.
Бог повелел лесу:
Рыжиков нарощай!*

*Тайными нимбами
Светятся из-под листьев,
Чтобы над ними
Встретились я и ты.*

*Чтобы над ними
Кланялись ты да я,
Густо раскинулась
Рыжиковая семья.*

*Солнышко шает,
А леший сегодня спит.
Чутко шагаю -
На шляпку бы не ступить.*

*Хрупкими нимбами -
Ангелов нынче тьма! -
Тусклые дни мои
Высвечены до дна.*

*Только пропала
Памятная колея,
Где над грибами
Кланялись ты да я.*

ОСЕНЬ, БАБУШКА И Я

Памяти бабушки
Варвары

Сегодня осень
Сделалась добрее.
Светлы моей пустыни
Миражи.
Вот бабушка
Рябиновым вареньем
Прослаивает сладкие
Коржи.
Мой день рождения.
Придут подруги
Вкушать пирог
Под сливовый компот...
Моргаю - бытие летит
По кругу,
И год за годом,
И - за годом год.

Но осень обернулась,
Встрепенулась,
Перемешала
Яшму и янтарь,
И - бабушка над правнуком
Согнулась
И вслух ему читает
Календарь -
Рецепт приготовления
Капусты,
Пока подогреваю
молоко...
Моргаю - и опять
В пустыне
Пусто,
А прошлое -
Легко и далеко.

Смеётся осень,
Шлёт немного синьки,
По капельке вплавляя
В серый цвет...
А бабушка в халате
И косынке

Позирует,
Пишу её портрет.
Работа удалась,
Модель похожа,
Но только жжёной
Умбры* - перебор,
Теперь она мулаткой
Темнокожей...
Моргаю снова,
Помню уговор.

Привет тебе
От внучки непутёвой
Хочу послать,
Но адрес... где найти...
Пишу письмо
На листике кленовом.
И пусть оно
На небо улетит.

* Умбра жжёная - краска тёмно-коричневого цвета.

БЕРЕЗОВАЯ РУБАХА

Растаяла зима -
Кругом зазеленело.
Чтоб не сойти с ума,
Возьмусь бегом за дело.

Отрезы пелены
По ящичкам попрячу
И зелёные льны
Достану на удачу.

В них выплески листвы
Застенчивой расцветки
И крапы синевы,
Сидящие по веткам.

Забуду рифмовать
И задавать вопросы.
Намечу рукава
На выплесках берёзы.

Надумаю пустить
По нижней трети стана
Небесных синих птиц

Распахнутую стаю.
Отрежу, присборю,
Стачаю, разутюжу,
Края заговорю
От сглаза и от стужи.

В порыве свежих чувств
К весенней первой дымке
В рубаху облачусь...

И стану невидимкой.

ПОДАРОК

Подарил поэт поэтке
Не букет и не конфетки,
А скребки для снега-льда,
Для ударного труда.

- Ты их, девка, не жалей-ка,
Чай, они из нержавеющей,
Да и сварка удалась,
Чистить плиты - в самый раз!

Что букеты? Все букеты
Не дотянут и до лета,
А конфеты-шоколад -
Право слово, чистый яд,

Да от них одни болезни!
Он, скребок, в сто раз полезней:
Отобьёшься ото льда,
И фигуре нет вреда,

Знай скреби свои ступени,
Там, глядишь, весна приспееет.
А не нужен станет лом,
Кинь в контейнер за углом...

...

Всё равно я их жалею:
Чищу, холю и лелею.
И на лето, всякий раз,
От докучных прячу глаз.

Всё равно я их не брошу,

Нет подарка мне дорожке,
Вдруг профессию сменяю -
Их на память сохраняю.

Прикасаюсь после стану
Я щекой к прохладной стали,
Если станет тяжело...
Чтобы солнышко пришло.

СТЕНА

Между нами стеной станет дождь -
Жизнь пойдёт своим чередом...

Между нами стена молчания -
Одинокая, одичалая,
Стопудовая, непрозрачная,
Для забвения предназначенная.

Я не стану лоб об неё разбивать,
Я не стану окно на ней рисовать -
Повернусь спиной, прислонюсь спиной,
Породнюсь нераздумчиво
с той стеной...

Два крыла ощутила моя спина -
Два крыла подарила мне та стена,
Густо вышитые пылью солнечной,
Не пудовые - невесомые...

Золотая стена молчания -
Светоносная, не печальная.
Повернусь к стене, поклонюсь стене
За свободу летать, что открылась
мне.

Я не стану стену лбом пробивать
И замок с ключом на стене малевать...
Помолюсь за неё, кромешную, -
Ни печалинки чтобы, ни трещинки.

БОЛЬНИЧНОЕ

Я рисовала на стене больничной -
Сосну и сосенки,
Кустарники и ели.

А между ними - переливы птички,
Многоголосия
Малиновые трели.

А на стене напротив - рисовала
Эдемской яблони
Серебряную крону
И рать крылатую, что яблоки
клевала:
Дрозда и зяблика,
Кукушку и ворону.

И зацветали в пелене палаты
Сады прекрасные
И поросли лесные,
И кущи вещице - их плещущее золото,
И глушь безгласная
Мне ночью долго снились.

Но прилетел наутро серый дождик,
Как воробей большой,
Растрёпаннный и зябкий,
И отмывал следы моих художеств,
То крыльышком шуриша,
То треугольной лапкой...

И стали стены нестерпимо голы.
И снова мне напомнили о боли.

В ЗАЩИТУ ПИОНЕРСКОГО РЮКЗАКА

Что такое весна?
Это Он плюс Она.
А Она без Него -
Это что? Ничего...
Александр Черницкий

Ева сделана из ребра Адама -
Так гласит Библия

«Она есть «Что», -
Провозгласил поэт.
И я зависла над вопросом жгучим.
Но если «Что» -

Какой же я предмет?
Стол, Стул, Буфет
Или Дверная ручка?

А может быть,
Я Чайник на плите,
По боку белому
Вся в ландышных кудряшках?
И даже, может быть,
Рюкзак - из тех,
Что в юности носили
Мамы наши?

Короче - как бесформенный
Мешок
Из мягкого брезента
Цвета хаки...
Быть Рюкзаком согласна.
Хорошо.
И мягкость формы -
Это тоже кстати.

Своеё лицо смогу менять легко.
Смогу быть колкой -
Или шелковистой...
А чем загрузит -
Щебнем или мхом,
Так это только от Него
Зависит.

В нашем райском саду
Даже яблони не было -
Лишь осина да ёлка
Над медленной речкою.
В долгий вечер не сладкое
Яблоко Евино -
Мы отведали горечи
Огуречной.

Да в придачу по рыбке
Копчёного окуня,
Да запили чаёчком
Листово-смородиным...
Ни души не бродило

Вокруг или около,
И дожди затяжные
Земли не морочили.

Мы за звёздами
В дальнее небо не лазали.
Просто звёзды уснули,
Укутавшись облаком.
Осенённые августом
Яблочно-Спасовым,
Не сумели мы яблока
Даже попробовать.

Но вздыхала прохлада
Над бархатным омутом,
И осина дрожала
Всем телом столбиственным.
Мы лежали вдвоём
В твоей маленькой комнате,
Словно в лодочке
Возле заброшенной пристани.

Ночь качала, качала нас -
В лодке ли, в люльке ли,
Насылая нам сны,
Безмятежно-нелепые.
Был прекрасен тот сад,
Ежевично-колючечный,
И сияли плоды...
Только яблони не было.

Пытаюсь ноябрь пережить
(Не впервой и не внове).

Проростки пшеницы и ржи -
Но ни капли спиртного -
Добавить в короткого дня
Запотевшую колбу
И воду почаще менять
В синем ковшике с полбой
Стараюсь...

(Не надо искать,
где зарыта собака)...

И день начинаю не с гамм,
А с прелюдии Баха.
Он знает секрет ноября,
Он умеет настроить...
Но как остывает игра -
Настроенье пустое,
И снова ни капли огня
В помутившейся колбе.

Никто, как собаку, меня
Не зовёт даже в полдень
На улицу, где миражи
Непогоды в избытке...
Пытаюсь ноябрь пережить.

А попытка - не пытка.

Если станет очень страшно
И привидятся поминки,
Если ночью не заснётся
И навалится тоска...
Погляди, как на окошке
Стая розовых фламинго
Повытягивала шеи
Из цветочного горшка.

Оцетинившись щитами,
Наострив прицельно клювы
В каждый угол мироздания,
Где царит сегодня тьма,
Птицы-воины не дремлют
(Злые духи им не любы),
Дружным, звонким, тесным строем
Охраняют восходы дня.

Может статься, даже завтра
Отодвинутся тревоги
И напомнит час рассветный,
Что не время умирать.
В раме смутного окошка
Неожиданно - аж вздрогнешь! -
Вместо птиц розовокрылых
Встанет ангельская рать.

Александр
Пошехонов

Александр Алексеевич Пошехонов - член Союза писателей России.
Автор более двадцати книг (стихи, стихи для детей, афористическая проза).
Родился 23 января 1956 года в деревне Доронино Череповецкого района. В журнале «Вологодский ЛАД» стихи Александра Алексеевича публикуются регулярно, начиная с первого номера в 2006 году.

Я ушёл в свою Россию

СТИХИ ИЗ ЦИКЛА

* * *

Александр Цыганову

*Широка моя дорога,
Не берусь предполагать:
От калитки, от порога
С утра есть куда шагать.*

*Хочешь - лесом, хочешь - лугом,
Хочешь - просто на зарю...
По пути с хорошим другом
Созвонюсь, поговорю.*

*По дороге той машинки
Не проедут невзначай,
Вдоль дороги той кувшинки,
Клевера да иван-чай.*

*На распутье пилигримом
Одиноко постою.
В будущем необозримом
Затеряюсь, как в раю.*

*Затеряюсь, затеряюсь -
Рай безбрежен, как и Бог.
А пока я удивляюсь
Широте земных дорог!*

ИЗ ДАЛЁКИХ ВЕКОВ

Александр Цыганову

*Из далёких веков наплывают
седые туманы,
И тяжёлые тучи на русские грады
плывут.*

*И овраги с кипреем кровавым,
как старые раны,
Нам о павших кричат и на новые
битвы зовут.*

*Где-то там, за холмами,
скликаются хищные птицы,
Где-то там, за горами, плетутся
интриг невода.*

И глядят из веков павших предков
бессмертные лица,
Чтобы помнили мы нашу русскую
славу всегда.

Чтоб не кисли умы в пенной браге
пустых разговоров,
Чтобы вера и правда крепили
потомков ряды.

Чтоб не прятались мы
за беспамятством личных заборов
Ни от праздников общих и дел,
ни от общей беды.

А когда станет явью сердечная
наша тревога
И орда супостатов появится снова
вдали,
Встанем все как один за Отчизну,
за Веру, за Бога
На святых рубежах непоруганной
русской земли.

Встанем все как один,
потому что иначе не можем.
Встанем все как один
перед памятью славных имён.
Мы сегодня сердца наши
памятью общей тревожим,
Чтобы завтра не сгинуть
в беспамятстве новых времён!..

БЫВАЕТ...

Бывает - словно сил излишек,
Любое дело по плечу.
Гляжу на нынешних мальчишек
И сам мальчишкой хохочу.

Но понимаю, понимаю:
Не расхохочешься, дружок!..
Давно не друга обнимаю,
А вересковый батожок.

Скрипит спина. Давленье скачет.
Не всякий крендель - по нутру.

Да и душа частенько плачет,
Частенько плачет ввечеру.

Листаю старые журналы,
И по старинке печь топлю,
И старой жизни перевалы
По старой памяти люблю.

Обрядил снежок земельку,
Нет ни тропочки, ни следа.
Я, как сказочный Емелька,
На печи по снегу еду.

Мимо вышек «Мегафона»,
Мимо «фишек» интернета,
Мимо «пепси» и «айфона»,
Мимо «шарпа» и «рунета».

На плечах моих фуфайка -
Я не лезу вон из кожи.
Во сто крат любого «лайка»
Слово доброе дороже.

Вот подброшу в печь дровишек,
Кислых щей сварю к обеду,
И без всяких модных «фишек»,
Куда следует, доеду!..

ПОСОШОК

В век сплошного интернета
Сочиню я свой стишок
Про скитальчества приметку -
Вересковый посошок.

Я отстал от новой жизни,
От лихих «стальных коней».
С посошком-то по отчизне
Мне шагаются вольней.

Сам себе и запевала,
И рассказчик, и дударь.
И дороги, и привалы
Любы пешему, как встарь.

Ну а если пообмякну,
Уловив какой грешок,
Звонкой торбой оземь брякну,
Обопрусь на посошок.

Призадумаясь немного:
Что там дальше, впереди?..
Поклонюсь земле и Богу,
Посошок прижав к груди!

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ДМИТРИЕВА

Как тепло в моём домишке:
Сверху свет ночной звезды,
Справа - печка, слева - книжки,
В них друзей моих труды.

В знобкой памяти увижу
Всех, ушедших поперёд.
С каждым годом мне всё ближе
Незабвенный тот народ.

Да и сам я с каждым годом
Приближаюсь к тем местам,
Где всегда одна погода,
Где душа всегда чиста.

Где лишь сосны да берёзки
Украшают божий свет,
Где былого отголоски
Тут и там. А смерти нет.

ПАМЯТИ МАТЕРИ

Детство полевое за горами,
Но его картинки - в голове:
Мне пять лет. Бегу навстречу маме
По весенней ласковой траве.

Первых одуванчиков улыбки,
Тёплое дыханье ветерка.
И поют берёзовые скрипки,
И надёжна мамина рука.

Рыжий колченогий жеребёнок
Из былого голос подаёт...

Я уткнулся в память, как ребёнок
В матушки спасительный живот.

Вот и пролетели жизни годы,
Вот и сам стою на рубеже.
Проплывают чьи-то пароходы,
А мои причалили уже.

Уже круг друзей. Не стало мамы.
День вчерашний ценится вдвойне.
Спрятаны и радости, и драмы
В рамках фотографий на стене.

Бытие земное - не игрушка,
Покатилось время кувырком...
Я уткнулся в память, как в подушку,
Утирая слёзы кулаком.

ПАМЯТИ ЛЕОНИДА БЕЛЯЕВА

Как-то неуютно, одиноко.
Ни друзей, ни недругов - покой.
Да луны недремлющее око.
Да бумага с ручкой под рукой.

Кажется, событий разных - море,
А выходит - памятью живу:
Тут тебе и праздники, и горе,
Всё былое - будто наяву.

То перед тобой родные лица,
То ветра осенние - в надлом.
Оттого и по ночам не спится,
Оттого и в сердце бурелом.

Не влекут ни подвиги, ни слава,
Если рядом нет души живой.
Память, память... Экая забава.
Полюшко с некошеной травой!..

ОДИНОЧЕСТВО

Хлеба мало. Сразу стало
Как-то вдруг не по себе.
И глядит в окно устало
Одиночество в избе.

*Поутихнет на сердце боль -
Стану тоже смотреть в окно.*

*В тёплый, ласковый - в свой мирок
Окунулся я и живу.
Пьяный ветер, коль будет прок,
В собеседники позову.*

*То молитвой, то трудом
Освящаю неброский быт.
Не обходит печаль мой дом,
Но и Богом я не забыт!*

ДРУГОЕ

*Не жизнь, а наваждение болезненное -
Как в зазеркалье, как в кошмарном сне...
А жизнь мне вспоминается иною,
Где всё пространство собрано во мне.*

*И никуда не надо торопиться,
И никого не надо догонять.
Там небеса бездонные, там птицы,
Там каждый кустик хочется обнять.*

*Там нет врагов и пасмурной погоды,
Там все друзья, кого ни назови.
Другое понимание свободы,
Другое состояние любви.*

*Другие города, другие сёла
С грачиной весенней бороздой.
И я другой - наивный и весёлый,
Непуганый, небитый, не седой!..*

ЧЁТКИ

*Материнские бусы я в чётки облёк,
Греет пальцы тепло янтаря.
И молитвы слова - к угольку уголёк -
Греют душу мне, верой горя.*

*И слеза набегает на очи мои,
Как безбрежного моря волна.
А у сердца поют и поют соловьи,
И любви шелестят письмена!..*

ЗАТЯЖНЫЕ ДОЖДИ

*Затяжные дожди...
Снова, снова на крышу
С обветшавших небес
Истекает вода.
Этот горький исход
Круглосуточно слышу,
Опасаясь, что он
Не пройдёт никогда.*

*Раньше были дожди -
На часок, на минутки,
Бабье лето ласкало
Предзимним теплом.
А теперь?.. А теперь
Длятся целые сутки
Злые пляски воды,
Позабыв о былом.*

*Потому и грущу
В деревенской отчизне,
Глядя, как заливаает
Вода огород.
Потому и сижу у окна,
Как на тризне,
Не надеясь увидеть
Гостей у ворот.*

*Только ворон гортанно
Кричит у заставы,
Только плотно обсели
Скворцы провода,
Только мокрая зелень
Осенней отавы,
Да пустая дорога
Манит в никуда...*

ЖИЛИ-БЫЛИ

Юрию Максиму, поэту

*Жили-были, ели-пили,
Мёд не высох на усах,
Столько серебристой пыли
В волосах и словесах!*

*Полинялые одежды
Не спешим в утиль сдавать.
Коль жива в глазах надежда -
Не резон нам унывать.*

*Дом с крылечком, стол да печка,
Скрип пера да стук весла -
Жизнь заветное местечко
Напоследок припасла:*

*Хочешь - в рощу, хочешь - в поле,
Хочешь - по грибы в лесок.
Хочешь - пой на вольной воле,
Будет крепче голосок!*

*Будут крепче руки-ноги,
И, конечно же, сердца.
По отеческой дороге
Прошагаем до конца!..*

КАК ВСЕГДА

*Как всегда, мороз пришёл неожиданно,
Заалел с востока небосвод.
Стали привлекательней диваны
И желанней стал водопровод.*

*У меня же нет водопровода,
Солнечных и прочих батарей.
На печурке старой грею воду,
Мёрзну по утрам, как дуралей.*

*И стучит моё сердечко гулко:
Продержаться бы, не заболеть...
Но спасает старая печурка,
Не даёт совсем-то околоть!..*

*Скорее бы снег заиграл,
Скорее бы солнце зарделось!..*

*Рассвет вдохновенно пылал -
Куда вдохновение делось?..*

*Туманится купол небес,
Облизана ветром дорога,
Колючий шатается лес,
Шумит, словно выпил немного.*

*Брожу по застывшей листве,
Ломаю на лужах ледышки.
Лелея в своей голове
Мудрёные мысли из книжки.*

*Из памяти сонной зову
Картинки былого и даты -
Как будто в тумане плыву
За жизнью: куда ты, куда ты?..*

*Однажды потухнет очаг,
Исчезнет земная беспечность.
И будет лишь небо в очах
Да звонкая звёздная вечность!*

СИНИЕ ТЕНИ

Памяти бабушки Анны

*Синие тени на белом снегу.
К бабушке Анне из школы бегу.
В валенке тонком замёрзла нога.
Бабушка Анна мне даст пирога.*

*Бабушка Анна, мой ангел земной,
Многие годы ты рядом со мной,
Учишь умненько, журишь не со зла...
Жизнь отгорела, осталась зола.*

*Вымерзли ивы на нашем пруду.
К бабушке Анне устало иду.
К бабушке Анне иду не спеша.
Встретится скоро с душою душа.*

Андрей
Лушников

Андрей Евстафьевич Лушников родился в 1964 году в городе Рубцовске Алтайского края. Окончил факультет журналистики Алтайского государственного университета. Работал на Алтае журналистом, литературным редактором. Печатался в журналах «Алтай», «Сибирские огни», «Север». Автор четырёх сборников стихов и прозы, романа «Опрокинутый жертвенник». Член Союза писателей России. Живёт в Вологде.

Слезинка на смуглой щеке

*В грузовике не спит попутчик,
Он крутит старое кино.
И фары свет - надежды лучик -
Тумана штопают рядно.*

*Накинув на спину дерюгу,
Он мчится прошлому вослед,
Как будто выследил ворюгу -
Того, кто выкрал двадцать лет.*

*Он плавал к чёрту за три моря,
Пивал с богами наравне
И, папирской беломоря,
Сидел в прокуренном коне.*

*И в колее своей беспутной
Елозил, словно чумовой,*

*Пока под кожу он попутной
Не влез машине грузовой.*

*Вот и зачем, как из фелюги,
Его тельняшка моряка
Маячит из ночной дерюги,
Летит внутри грузовика?*

*Ни дома нет, ни домочадца,
В бурьяне выросло дитя.
Зачем ему куда-то мчаться,
Башку седую очертя?*

*Не спит попутчик. Но, однако,
Во мрак ныряя головой,
Он мчаться будет, сам не свой.
И фары выхватят из мрака:
«Итака».*

Травинка - что Божья ресница.
Повержена бурей в плен,
Глядишь, она - зашевелится,
Поднимется тихо с колен.

Пусть к осени даже завянет
На родине бедной моей,
Но снова весной воспрянет.
И так - до скончания дней!

И если ты полный невежда,
То хоть у сороки спроси -
Когда умирала надежда
У нас на Священной Руси?

СОН ТАМЕРЛАНА

Костями у русского Дона
Легла Золотая Орда.
Ни всплеска, ни крика, ни стона.
В улусах мертвы города.

А Дон, как огромная рана,
Резни замывает следы.
Так ярость эмира Турана
Крушит улусбеков Орды.

Здесь тумены сдал Тохтамыша
Коварный Ярык-бек оглан.
И в ночь, под шатровую крышей,
Ко сну отошёл Тамерлан.

Орда в Терек харкает кровью.
Доволен Железный Хромец -
Лишь вороны по Приднепровью,
Сожжён и разграблен Елец.

Туман расстилается хмуρο,
И стелется к северу страх,
И тёмные тучи Тимура
Жгут жертвы на чёрных кострах.

Смердит по-над степью насильем -
За вспольем, уж невадалеке.

Дружину собрал князь Василий,
С хоругвями встал на Оке.

И ужаса всходят посевы
Из многострадальной земли.
Владимирский лик Приснодевы
С мольбами в Москву принесли.

На бой с Тамерланом неравный
Острят топоры на Руси,
И верит народ православный,
Что помощь придёт с небеси.

А русское небо бездонно.
Клекочет во мраке орлан.
В шатре, над излучиной Дона,
Тревожно уснул Тамерлан.

Оставила что-то силёнка,
И раны к рассвету болят.
Доверчивый, словно ребёнок,
Он в сон погружает свой взгляд.

Кто рвётся с ним в дикую сечу?
Эмир хочет знать наперёд.
Он видит - вся в белом, навстречу
По берегу Дева идёт.

Совсем неземная походка,
Семь ангелов чуть позади,
Она говорит ему кротко:
«Тимур, ты на Русь не ходи!

Ты в путь не ходи неизвестный,
Не лей православную кровь.
У русских Правитель Небесный,
У русских всем правит Любовь.

Ты знаменем сделай улыбку.
Лишь добрый получит сполна.
Ты можешь исправить ошибку».
Исчезла... Как чаша, полна

Туманом у Дона низинка.
Во сне побеждён Тамерлан.
И, выйдя из сердца, слезинка
На смуглой щеке замерла.

Солнце в небо вцепилось репъём,
Поезд вытянул шею к перронам,
По краям опалённым тряпъём
Степь тянулась полдня за вагоном.

Монотонный, размеренный стук.
Редко выбежит где-нибудь трасса.
А в купе - только доктор наук
Да небритый проходчик с Кузбасса.

Проводник, ты на них не сердчай.
Далеко им до лордов английских.
Они выпили весь свой «не чай»,
Что сближает в дороге неблизких.

Доктор смело бровями хитрит,
Сквозь очки целит в даль, как наводчик,
И, неделю, наверно, не брит,
Пододвинулся ближе проходчик:

«Я спросить собирался давно.
Я, быть может, скажу неискусно.
Я гляжу в эту степь за окно,
И мне, словно на родине, грустно.

Я хотел прослезиться тайком.
И тут дело совсем не в напитке.
Я давно уже в чувстве таком,
Словно здесь я родился в кибитке.

Ты ученый, ты мне назови
В катакомбах истории крепки.
Вот откуда у русских в крови
Грусть по дикой Барабинской степи?»

И сказал визави, наклонясь:
«От истока всё движется к устью.
Ты послушай: когда-то жил князь -
И он тоже страдал этой грустью.

Он в Ростове княгиню взрастил
Из подаренной ханом степнячки,
Феодорой её окрестил,
Чтобы степью не бредить в горячке.

А когда стал он беден и стар,
Записавшись, как рекруты, в нети,
Разошлись по степи - до татар
С его грустью скуластые дети.

Так что, друг, ты душой не криви!
И сквозь нас прошагали их цепи.
Вот откуда у русских в крови
Грусть по дикой Барабинской степи!..»

И всё тот же размеренный звук
Под колёса летящей скудели.
Ещё долго - из разных наук -
Два проходчика молча сидели.

А потом «академик» обмяк
От жары и коварного хмеля.
И сквозь слёзы увидел горняк
Свет в конце рокового тоннеля.

В ГОРОДКЕ ТЕРПЕЖЕ

Где нет остановки трамвая,
Где липы настороже,
Влюблённых скамейки скрывая,
Стоят в городке Терпеже -

Сидит на вечерней скамейке
Вся в трауре, словно желна,
В тоске по весёлой семейке
Ушедшего мужа жена.

В руке телефона огарок
На нерве последнем дрожит -
Ушедшего мужа подарок,
Которым она дорожит.

Никак не отыщет родного
Ушедшего мужа жена,
Звонит она снова и снова,
Но в трубке её тишина.

И боль её рвётся наружу
Всё смуть в городке Терпеже.
Звонит и звонит она мужу
Сказать, что недолго уже.

СЛОВО СТЕПАНА РАЗИНА
6 ИЮНЯ 1671 ГОДА

*«Что стою в цепях я в царской свите -
Знайте - чаша вольницы пуста.
Вы меня, как можете, простите
Ради милосердного Христа.*

*Если бы не Яковлев Корнило -
Я бы достучался до царя,
Смерти не глядел бы я в горнило,
Кровь не проливал бы я зазря.*

*То, что не привёл в Москву я струги,
Кровопивцев не пригнал к царю -
Я даю на отсечение руки.
Это я вам верно говорю.*

*То, что не добился перемоги -
Мой поклон вам до самой земли -
Я даю на отсечение ноги,
Чтоб они до Господа дошли.*

*Чтоб не повертать времён теченья,
Чтобы не пришёл я к вам опять -
Голову даю на отсечение.
Большого с меня уже не взять».*

*Осторожно, как будто зверушка
На охотника из темноты,
У заветных дверей побирушка
Смотрит в мир из дупла нищеты.*

*Целый вечер кафе-рестораны
Разгоняют на улице мрак,
Побирушку амбал из охраны
От дверей не прогонит никак.*

*Скажет ей: «Что, старуха, неймётся?
Что тарацишься, как татарва?»
А она лишь в ответ улыбнётся:
«Жива».*

Полёт надежды. Фото Алексея Колосова

Ростислав Панов

Ростислав Андреевич Панов - поэт, прозаик, журналист. Больше 35 лет проработал в никольской районной газете «Авангард», областной газете «Красный Север». Член Союза журналистов России. Выпустил в Вологде, Никольске и Кичменгском Городке более десяти сборников стихов и прозы. Публицистика, стихи и проза Ростислава Панова публиковались в районных, областных и московских газетах, альманахах «Звезда Поюжья», «Северных Увалов эвересты». «Вологодский ЛАД» публиковал стихи и прозу Р. А. Панова, его воспоминания об армейской службе на Кубе. В минувшем году Ростислав Андреевич отметил своё восьмидесятилетие.

Русские песни поют нам березы

* * *

Василию Мишенёву

*Зайду я в тихий березняк,
Присяду на пенек.
Не закурю я свой табак,
Зажгу я костерок.*

*В лесу спокойно и тепло,
И радостно душе.
Кругом сугробы намело,
Сижу как в шалаше.*

* * *

Василию Мишенёву

*Как будто теплило немножко,
Как будто теплило чуть-чуть.*

*Давай-ка выпьем на дорожку
И снова двинемся мы в путь.*

*Скрипит снежок. Луна мутнеет.
Как хорошо сидеть в тепле!
Но нас никто не обогреет
На этой горестной земле.*

*И впереди - леса, угоры
Да деревенок редкий след,
Где доживают зимогоры
И где детишек вовсе нет.*

*О, Русь моя! Ты вся застыла
В уборе белом снеговом.
Свое величье позабыла,
Неужто спишь ты вечным сном?*

Да, тишина в старинном поле,
Да, тишина царит кругом.
Картина жуткая до боли...
О Русь! - осиротевший дом!

* * *

Жене Светлане

Отцвело. Отгрелело. Отпело.
Улетело в холодную мглу.
Уж порою снежинка несмело
Прилипает в окошке к стеклу.

Ну и что? Всё меняется в поле,
Вот и старость к порогу пришла.
И хоть руки распухли от соли,
Кормового не брошу весла.

Пусть берет меня море, качает,
Пусть упругие волны бегут.
Я плыву в окружении чаек,
Что тревогу на крыльях несут.

Отдаляется берег всё дале,
И не видно уже маяка,
Но желания нету причалить,
Значит, живы с тобою пока.

* * *

Осень шлет уведомленья.
Как конверт - кленовый лист.
Распишусь под ветра пенья,
Под его веселый свист.

Распишусь. Вспорхнет открытка.
Кто-то ждет её вдали,
У окошка, у калитки,
На краю земли.

* * *

Рожь наливается и сплет.
Стоят погожие деньки.
Лишь на Руси вот так умеют
Сказать, взглянув из-под руки:

«А рожь-то матушка на диво,
Ишь, колос звонкий и тугой...»
И я люблюсь с дедом сивым
Безбрежной нивой золотой.

Она, как Родина, чудесна,
Неповторима и светла,
Она, как девушка, прелестна,
Пока еще не отцвела.

* * *

Стынет небо. Стынет речка.
Почернела аж вода.
Хорошо лежать на печке
В эту пору иногда.

Слушать ветер за окошком.
Сквозь окно луна глядит.
Как серебряная брошка,
Поднимается в зенит.

* * *

Постучусь в избушку старую,
А тебя там нет уже.
Постою минутку малую,
Словно в поле на меже.

* * *

Музе Вячеславовне

Как круто жизнь переменилась,
Совсем другое бытие!
По краю бездны Русь скатилась,
И все кончины ждут ее.

Но не получится. Очнется!
Родник заглохший вновь вскипит.
И поле спящее проснется,
И в нем душа заговорит.

* * *

Светел месяц над дорогой,
Над деревнюшкой моей,

“*Вся трудовая жизнь
Ростислава Андреевича
Панова связана с
никольской районной газетой
«Авангард», в редакции которой
мы и познакомились лет сорок
пять назад, и могу сказать, что
знаю, как проходило творческое
становление писателя.
Истинная поэзия всегда
волнует. Строки доходят до
самого сердца. Это в полной
мере отношу к творчеству
Ростислава Панова. Его
поэтические строки тонки, как
свист прилетевшей под окно
синицы, и легки, как лунный
свет, пролившийся на деревья и
тропинки ночного сада.
У поэта должно быть чуткое и
зрячее сердце.
Ростислав Панов может
слышать песни берез и голос
родника, и не просто слышать,
а поведать об этом людям,
переложив звуки природы на
человеческую речь. У писателя
строгое отношение к слову.
Его язык и в стихах, и в прозе
истинно русский, с глубокими
народными корнями.*

Василий МИШЕНЁВ

*Над равниною убогой
Зарастающих полей.*

*Он плывет себе неспешно,
Осеня синь снегов,
Ободряя всех нас, грешных,
Перед стаею волков.*

ОСЕННЯЯ НОЧЬ

*Всё спит давно в тиши огромной,
Стоит, безмолвствуя, река.
Лишь лунный свет в окошке дома
Трепещет жалом огонька.*

*Земля как будто незнакома,
Пушилкой в космосе висит.
А тополек напротив дома
Без шапки, кажется, дрожит...*

* * *

Анастасии Малковой

*Будут ветры, будут вьюги,
Снегопады день за днем
Перекроют всё в округе,
Не проехать ни на чем.
Только замаять не помеха
Мне, пожалуй, одному.
На работу мне не к спеху,
В гости тоже ни к чему.*

*В общем, в целом, от крылечка
Я не сунусь в кутерьму.
В снегопад милее печки
Нету, кажется, в дому.*

* * *

Ольге Рыковой

*Конец июля грозовой.
То вечером, то ранью
Гроза грохочет за рекой,
Земли касаясь дланью.*

*Свежо и шумно под дождем,
А воробьи под крышей
Толкуют что-то о своем,
Грозу едва ли слышат.*

*Крапивой пахнет у крыльца
И мокрым кленом.
Благодари, мой друг, Творца:
Дыши озоном.*

Юрий
Максим

Юрий Михайлович Максим родился в 1954 году в деревне Плосково Череповецкого района, живёт в городе Устюжне Вологодской области. Автор семи поэтических сборников. Стихи в разное время публиковались в журналах «Москва», «Наш современник», «Роман-газета. XXI век», «Встреча», «Юность», «Воин России», «Невский альманах», «Север», «Русская провинция», «Берега», «Врата Сибири», «Родная Кубань», «Вологодский ЛАД»; в альманахе «Академия поэзии», в газетах «Литературная Россия», «Литературный Санкт-Петербург». Лауреат областного поэтического конкурса имени Николая Рубцова (1985), победитель российского литературного конкурса имени Вячеслава Кузнецова (2005), лауреат премии имени Владимира Соколова журнала «Юность» (2005), победитель международного поэтического конкурса «Золотое перо - 2007». Член Союза писателей России и Союза журналистов России.

У времени ТОТ ЕЩЁ ВЕС...

* * *

*В борьбе с урожаем забрезжил
просвет,
на грядках осталась капуста.
Как точнее пугало, старый поэт
следит за пушинкой искусства.*

*Она опускается птичьим пером,
напитанным синью небесной.
И кружатся листья,
что станут костром
красы поминальной древесной.*

И знает поэт, что перо и листья

*стирают пространства границы.
Летящие лики земной красоты
покроют стихами страницы...*

ПРОЕЗЖИЕ

*У времён много схожего,
но времена не прежние.
Реже увидишь прохожего,
всюду теперь - проезжие.*

*Мчат, не остановить вам,
мило не улыбнуться.
Грустная перспектива,
не отвлекай их - столкнутся.*

Многое необъяснимо,
как в биографии прочерк.
Человечество едет мимо,
остановиться не хочет.

Стёрты остатки кочек,
что ему остаётся?
Мимо себя проскочит,
проскочит и не вернётся...

* * *

Одно замещает другое,
и видишь с течением дней:
исчезла великая Троя,
но много троянских коней.

И много возникло такого -
другого, с которым живём
под сенью российского крова,
что схоже с троянским конём.

Итог простодушья - известен:
подрезаны крылья мечте,
не стало о Родине песен,
герои - другие. Не те...

КРЕСТ ВРЕМЕНИ

Н. Ф. Иванову

Упало нам время на плечи -
не сбросишь невидимый крест.
И он не становится легче,
у времени тот ещё вес.

Бывало, наверное, хуже,
бывало, быть может, подлей,
но не было времени глуше
к сердцам истомлённых людей.

И выстоять, выиграть надо
сражение душ и умов.
В крови нашей - дух Сталинграда,
Победы немеркнувшей зов.

Мы доли иной не просили.
Чужие рецепты - не впрок.
Мы - русские! С нами - Россия,
а значит, и Правда, и Бог.

* * *

О, как, бывало, зябло тело!
А в теле маялась душа.
О, как она тепла хотела!
Зимой о жарком лете пела,
морозным воздухом дыша.

Как свет ловил колючий иней!
И, отражая солнца свет,
он красным был, конечно, синим...
На проводах электролиний,
на ветках отмахавших лет.

Взлетали хриплые вороны,
алмазной пылью сея вниз.
Но что вороны для короны,
для дуба сверхэтажной кроны?
Всего лишь маленьких каприз.

О, как бывало жарко телу!
В открытом поле при ходьбе,
когда душа к тебе летела
из-за морозного предела,
заиндевшая в судьбе...

* * *

Часы летят. Часы вечерние
качают тени на стекле.
А в небе звёзды. Через тернии
их видят люди на земле.

Они их видят в ночи тёмные,
когда нет света фонарей.
И замирают удивлённые
в алмазной россыпи огней.

И месяц ярок, и Полярная,
серебряный сияет ковш.
И вспоминаешь что-то главное,
а потому чего-то ждёшь.

*Часы летят. Часы вечерние
и дней летучих, и ночей.
И светят звёзды, светят верные -
твоих негаснущих очей.*

НАЛЕГКЕ

*Осталось век дожить свой налегке
спиной к берёзе и лицом к реке,
где проплывали льдины, облака,
и думать: жизнь - такая же река.
Она была когда-то глубока...*

*Но время намывало острова,
и растеклась река на рукава.
Они до синя моря не дойдут,
в озёрах и болотах пропадут.
У них другой означился маршрут...*

*Но - верится в пропащие места!
В них неизбывна Божья красота.
Поселятся в болотах кулики -
праправнуки растекшейся реки.
Настанут их счастливые деньки...*

*Рука Творца раздвинет гроздь туч,
земли коснётся. И забьётся ключ.
Заговорит на птичьем языке,
пророча русло будущей реке.
Всё начиналось в жизни налегке...*

ХЛЕБ

*Самый лучший запах на Земле -
запах выпекаемого хлеба.
На моём обыденном столе
золотится дар земли и неба.*

*Мне его печёт моя жена,
ей доступно древнее искусство
смолотого хлебного зерна.
Всё без хлеба кажется невкусным.*

*С каждым днём сильней боготворю
хлеб труда, намоленный веками.
«Даждь нам днесь» - о хлебе говорю
за столом и в православном храме.*

*Нелегко даётся людям хлеб,
не забудь, возьми его в дорогу.
Он всего главнее на земле -
в нём молитва и частичка Бога...*

Юрий Воронов. Иллюстрация к книге В. И. Белова
«Лад». СЗКИ, Архангельск, 1985

Наталья Унгерова

Наталья Александровна Унгерова родилась в Москве. Окончила Российский православный университет. Работает преподавателем русского и сербского языков и литературы. Поэт, переводчик. Автор сборника стихов «Нескончаемое лето» и книги прозы и стихов «Крестоносная Румия» (в соавторстве с Н. Милаковичем). Живёт в Черногории.

С сердцем я не в ссоре...

В ЭТУ ЗЕМЛЮ...

*В эту землю кротко отцветаю
Лепестком воскресшей тишины.
Если ждать тебя, то как с войны.
В вишнях сад, и плачется, как в мае.
Вербы слов боятся содрогнуться,
Мир натянут трепетно, как лук.
Я боюсь теперь других разлук,
Из которых можно не вернуться.
Странная родная сторона,
Бедное надколотое блюдо,
Так хочу теперь к тебе пригнуться,
Лептою оставив семена.
Мир, как слезы детские, правдив,
А другие разве столько значат?
Сын рождается - Родина заплачет,
Никуда еще не проводив.*

БРАТУ

*Хорошо, что с сердцем я не в ссоре,
Сердцу - биться,
строчкам этим - быть.*

*Посмотри, как корчится цикорий,
Не умея горечь разделить.
Сколько лет прошло - десятилетий,
Сколько ветер обломал ветвей,
Сколько горьких высохло соцветий,
Сколько мы нахмурили бровей...
Гаснет тропка в травах,
словно свечка,
Все успело стихнуть и застыть.
Посмотри, как обмелела речка,
Что боялись мы не переплыть.*

В МАЕ

*Пусть смотрит день зеленым
взглядом
И не спешит листвою шуршать,
Но вздрогнет вдруг моя душа
От завтрашнего листопада.
Тот, кто крылат, всегда гоним,
И потому все птицы правы.
Как нервно шелестели травы,
Когда вчера я шла по ним!*

Те травы ранят всё острее -
За то ль, что я их принимаю?
Быть может, ивы плачут в мае
От листопада в сентябре.

ВОСПОМИНАНИЕ

Тот же шустрый спорыш у калитки,
Муравей ползет по рукаву.
Кажется, как детские улыбки,
Яблоки попадали в траву.
Мы колени все в пыли разбили,
Сколько хочешь на руках земли.
Как траву ту взрослые растили,
Кустики несли, несли, несли...
Если в полдень вдруг заморосило,
Как досадно было детворе!
Вы зачем-то дождь «благой» просили
И бросали веник во дворе...
В мареве с ума сходили осы.
Пыльные елозили штаны...
Корни, словно бабушкины косы,
Навсегда теперь заплетены.
Но уходят в прошлое поверья,
Как когда-то в вечность - сыновья.
Лишь осталось несколько деревьев
И четыре взрослых муравья.
Во дворе разросся подорожник,
Знатен наш тамбовский чернозем.
Только где же бабушка, о Боже?..
И цветы несем... несем... несем...

ДЕРЕВЬЯ

И опять этот май неумело,
но искренне всхлипнет,
Содрогнется нечаянно в светлом,
дурманном чаду.
По аллее бреду, и грустит
белопенная липа,
Или крохотной былкой в чужом
прорастаю саду.
Припадаю к дорожным камням,
словно каменной, грудью.
Здесь разносит твой ветер останки
цветов, словно прах.

Я готова расти на камнях,
отказаться от «будет»,
Возвращаясь, печальное имя качать
на ветрах.
Мне теперь говорят, что дорога
не «право», а «десно»,
И душа не отвергнет радушный
и добрый приют.
Из шагов как из ямбов, смотри,
получаются песни.
...Замереть и стоять...
А деревья поют и поют...

ДОМ

Подорожник - как сон, изумруд
лягушат,
Полусонные лодки в осоке шуршат.
Старый дом пережил и рожденье,
и смерть,
Он без окон, как старец, как бедный
слепец.
Но лет тридцать назад,
он ведь помнит, тогда
По колено была нам в болоте вода.
Словно в сказке - герои ее дураки -
Покорялись, как царства, нам
все чердаки.
Посмотри - в небо, словно
ковер-самолет,
Кольбель улетела в последний полет
Или древней ладьей уплыла по реке,
Лишь осталось кольцо от нее в потолке.
Но ни с неба, ни с берега нету вестей.
Дом наш старый давно
не встречает гостей,
Он остался в том мире, где память
живет,
Я, проснувшись сегодня, услышу его
И заплачу, что нет под ногами земли,
Где подсолнухи ярче, чем солнце,
цвели...
Как кукушка в малине, под первой
звездой,
Нас пристроила жизнь
в неродное гнездо.

ЗЕМНОЕ СЧАСТЬЕ

От года нам осталась только
треть.

Так осторожны мысли, словно
астры.

Трава права, пришла пора желтеть,
Но в том и есть ее земное счастье.

Нет, не чернее гроздь бузины
Земли тамбовской, тем сумев
поранить.

Во сне я обходила полстраны,
По-августовски муча свою память.
Там сенокос. К губам прильнет
вода...

Мне жаль, что я к страде той
безучастна.

Я не люблю приморского плода,
Но в том и есть мое земное счастье.
Успеть, пока звенит на ветках медь,
Прильнуть к твоей земле
нечерноземной

Должны теперь мы. И ее согреть.
И в то тепло смиренно бросить
зерна...

Смотри, лампадно вздрогнула печаль,
Печаль, как хлеб, разломится
на части...

Вкушай тот хлеб. И колыбель качай.
Она и есть твое земное счастье.

Какие странные круги
Творит душа в преддверье мая!
Какие за тобой шаги
Идут, тебя не догоняя?..
И снова дождь, прошение «Даждь!»,
Но так ли я сама послушна?
Дождь щели, словно карандаш,
Закрашивает в наших душах.
Шаги, шаги, шаги, шаги...
Замри уже, пригни колени.
Сердца - землистые комки,
Что до посевов околели.
А может, и не боронить

Весной земли, на зависть брату?
Меня здесь будут хоронить,
Его же пусть - потом когда-то.
Зачем круженье, если миг
И плодоноснее, и ярче,
Когда ко мне мой брат приник
И снова, будто мальчик, плачет?..

ПРИОСТАНОВИСЬ У ИНОКОВКИ

Жизнь - дорога,
И без остановки
Поезд мой летит куда-нибудь.
Приостановись у Инокówki -
Воздуха заветного вдохнуть.
В янтаре медовых зверобоев
Шустро проскользнув, вернусь в вагон,
На свое сиденье голубое,
Зверем, обреченным на загон.
Ты моя бесцельная дорога,
Летняя привычная беда.
В черноземы погрузить бы ноги,
Чтобы не отмылись никогда.
Без звериной не прожить сноровки.
Ноги оплетают сорняки.
Приостановись у Инокówki,
Мне б напиться счастья из реки.
На окно молюсь, как на икону,
А в глазах от скорости рябит,
И шумит мне вслед река Ворона,
По-вороньи, горестно шумит.

РАЗГОВОР

Наш разговор боимся мы начать,
Чтоб слов и звезд не потревожить
ясность,
А названная деревом свеча
И пламенеет, и боится гаснуть.
Ты знаешь, пусть я вслух
и не молюсь,
Но я всегда лишь об одном просила,
Я и сейчас прошу - верни мне Русь,
Упругое хождение по сини.
Как ветку, память тихо покачнуть,

Воспитывайте в себе внутреннего редактора!

К столетию Сергея Викулова

В текущем году отмечается 100-летие Сергея Викулова, выдающегося поэта, общественного деятеля и редактора журнала «Наш современник» (1969 - 1989). Юбилейные мероприятия продолжатся в течение всего года. Так, 5-7 августа 100-летие Сергея Викулова отметили в Белозерске - на малой родине поэта. В юбилейных торжествах приняли участие авторы из Москвы, Череповца, Вологды, Белозерска, Ярославля, Рыбинска. Состоялся «круглый стол» под названием «С. В. Викулов: поэт и редактор. Современное осмысление (творчество и деятельность)». Участие в обсуждении приняли и авторы нашего журнала - Сергей Созин и Павел Широглазов. Публикуем выступление Сергея Созина.

Сергей Васильевич Викулов был редактором «Нашего современника» больше двадцати лет - с 1969 по 1989 год

Автор статьи Сергей Созин вручает дочери поэта Полине Сергеевне альбом с фотографиями, сделанными на областном семинаре молодых писателей. Фото из архива автора

Мне повезло встретить на своём творческом пути Сергея Васильевича Викулова. Это произошло на областном семинаре молодых писателей в ноябре 1993 года, где он руководил нашей секцией поэзии, - 71-летний, элегантный, собранный, энергичный, чётко формулирующий мысли, дающий предельно лаконичные оценки нам, «семинаристам». В нём чувствовалась какая-то иная, я бы сказал, столичная закалка. За прошедшие почти три десятилетия, конечно же, многое забылось. Но в памяти осталось весьма важное для меня...

Вот один из его советов: «Написав в эмоциональном порыве очередное своё стихотворение, положите его в стол. Пусть отлежится с месяц. Переполюющий вас восторг от только что созданного «шедевра» за это время несколько поубавится. И, возможно, через месяц вашему удивлению не будет предела. Не исключено, что посетит мысль: «И с этим

я собрался «штурмовать редакции»?!» Затем перепечатайте стихотворение, внося явно напрашивающиеся коррективы. Спустя некоторое время снова вернитесь к вашему опусу. И тогда уже решайте его судьбу: в редакцию или в урну. Чаше бывает - в урну. Так воспитывайте в себе «внутреннего редактора». С приобретением опыта эти временные интервалы у вас будут сокращаться». Актуально ли это наставление Сергея Васильевича в наши дни? Безусловно!

На память о влиянии Викулова на вологодских писателей вручил дочери поэта Полине Викуловой фотоальбом со снимками того самого областного семинара.

Сам я получил от мэтра весьма достойную оценку, о чём мне сообщил Виктор Вениаминович Коротаев, отдав под мои стихи 6-ю страницу газеты «Русский огонёк» (№49 от 9-15 декабря 1994 г.). А Александр Александрович Романов, я думаю, также с подачи Сергея Васильевича, пригласил меня после моего выступления на семинаре к себе в гости, чем я в тот же вечер и воспользовался. Сохранилась редкая фотография этих домашних посиделок, которую я вручил детям поэта на очередных Романовских чтениях.

Наше общение с Сергеем Васильевичем продолжилось во время банкета. Сергей Викулов поинтересовался у меня, на какие, скажем так, «маяки» в литературе я ориентируюсь. Перечислив Фета, Тютчева, Есенина, я упомянул и Шекспира. На последнего мы оба и «запали». Оба были в курсе лекций нашего земляка, шекспироведа Игоря Олеговича Шайтанова. Но погрузиться в тему нам, конечно же, не дали. Мэтр был нарасхват... Договорились продолжить общение в Москве, у него дома. Встреча, к сожалению, не состоялась. Отдыхая в подмосковном санатории «Архангельское», я сделал одну - безуспешную - попытку. Помню даже день -

25 июля 1995 года. Я сбежал из санатория на открытие памятника Владимиру Высоцкому, после чего направился к Сергею Васильевичу. «Сотовых» тогда не было, шёл наугад - и, естественно, дома писателя не застал. Близкие высказали сожаление и угостили меня чаем...

Теперь о детище С. В. Викулова. Активному сотрудничеству с журналом «Наш современник» череповецкие литераторы обязаны череповчанину Александру Евгеньевичу Брагину, бывшему заведующим отделом очерка и публицистики в годы редакторства Сергея Васильевича. Вернувшись в середине 90-х на родную землю, он принял самое активное участие в продвижении творчества своих земляков. Чуть больше года Александр Евгеньевич возглавлял литературное объединение Череповца. В июле 1999-го вышел 7-й номер главного журнала писателей России - мы называли его «череповецким». Восемьдесят страниц было отведено материалам под рубрикой «Писатели и журналисты Череповца в гостях у «Нашего современника». Столичный журнал опубликовал произведения более двадцати талантливых череповчан. Среди отобранных А. Е. Брагиным авторов оказались три будущих члена Союза писателей России (четверо тогдашних авторов журнала уже вступили в СПР).

Александр Евгеньевич в рассказе «Со своего шестка», написанном в 2016 году, поделился воспоминаниями о работе в «Нашем современнике» в начале 80-х, когда он под личным контролем Сергея Васильевича номер за номером готовил к публикации беловский «Лад». Изредка я встречался с Брагиным в его творческом затворничестве в деревне Лысково, и всегда писатель с большим пиететом вспоминал своего главного редактора.

Журнал же продолжал печатать череповчан.

В 2002-м вышел спецвыпуск «Нашего

современника», посвященный 225-летию Череповца, страницы номера были полностью отданы творчеству моих земляков. Во втором номере за 2012 год напечатана моя статья «Прививка Сталинградом». На протяжении последних десяти лет в журнале появляются стихи лауреата конкурса имени Николая Рубцова и конкурса «Золотое перо», лауреата литературной премии имени Александра Невского в номинации «За верность поэтическому образу России» череповчанина Александра Пошехонова.

Говоря о значении «толстых журналов» для нас, творящих в провинции, не могу не упомянуть калининградский журнал «Берега» (главный редактор - Лидия Довыденко). Так, шестой номер за 2017 год вышел с большой подборкой произведений моих земляков («Череповецкие берега»). По словам главного редактора - «блистательной команды Череповца».

Не забывает свою малую родину и вологодских литераторов и главный редактор журнала «Врата Сибири» Леонид Иванов, ежегодно посещающий родное село Липин Бор. Гостем нашего фестиваля «Рубцовская осень» был и главный редактор «Невского альманаха» Владимир Скворцов, любезно предоставляющий страницы возглавляемого им издания моим землякам. Говорю о «толстых» литературных журналах, с которыми непосредственно работал. Нельзя не вспомнить наш журнал «Вологодский ЛАД»: свой среди своих.

Одним словом, «толстые журналы» дают нам, пишущим на периферии, чувство сопричастности к общероссийским литературным процессам, возможность в полный голос заявить о себе и рассеять иллюзии московской литературной тусовки о том, что за Садовым кольцом литература заканчивается.

Отмечая 100-летний юбилей Сергея Васильевича, задаёшься естественным

вопросом об увековечении памяти писателя. Думаю, не вызывает сомнений, что памятник ему должен появиться - как вариант, перед входом в культурный центр его имени в Белозерске.

Вместе с тем хочу обратить внимание на инициативу поэтессы Инги Никитиной, моей коллеги по Вологодской писательской организации Союза писателей России, участвовавшей в юбилейных мероприятиях к 100-летию С. В. Викулова. При самом активном её участии в Вологде появился «Литературный сквер»: здесь мы в рамках проекта «Вологда - город рябин» посадили деревья в честь ушедших в мир иной писателей-вологжан. Именные деревца... С табличками под каждым. Мне выпала великая честь высадить дерево в память о Сергее Васильевиче Викулове.

Но без грустной ноты не получается... 30 апреля этого года, находясь в Вологде, я, естественно, в очередной раз заглянул в наш скверик, благо он находится

напротив входа в наш «писательский штаб». Картина печальная! Забытая территория. Покосившиеся таблички с именами писателей. Зброшенные деревца. Переполненный возмущением, пошёл разбираться: за кем числится территория?! А территория-то знаковой организации - «Вологдареставрация», окна которой выходят прямо на этот запущенный скверик. Нашёл мастера, она как раз выводила сотрудников на очередной апрельский субботник. Воззвал к сочувствию - и встретил понимание, лишний раз убедившись, что мир не без добрых людей. Но это, как мы все здесь понимаем, не решение вопроса. Необходимо прямое участие департамента культуры, поддержка литературной общественности и Союза писателей России.

Сергей СОЗИН,
член правления
Вологодской писательской
организации Союза писателей России

Участники юбилейных торжеств в Белозерске, посвященных столетию С. В. Викулова

Николай
Алешинцев

Николай Созонтович Алёшинцев родился в 1950 г. в деревне Анисимово Великоустюгского района. Окончил Великоустюгский сельскохозяйственный техникум. Работал егерем, управляющим отделением, был директором совхоза, возглавлял сельскую администрацию. Член Союза писателей России. «Вологодский ЛАД» не раз публиковал прозу Николая Созонтовича. Он - автор нескольких книг прозы и стихов. В нынешнем году вышла новая книга писателя «Благодарю за встречу», читайте о ней на странице 224.

Волоковое поле

ПРОЗА РАЗНЫХ ЛЕТ

КАЧЕЛИ

Летний вечер. Над речкой, едва прикрытой шёлковой поволокой тумана, негромко рассказывает гармошка о печалях неразделённой любви. Взвизгивают могучие деревянные качели. Страшно садиться на закреплённую верёвками доску, но так хочется взлететь над землёй и, подобно птице, приблизиться к кудрявым, таинственным облакам. С шутками раскачивают батогами парни смельчаков, и те уносятся ввысь, да так, что даже у стоящих на земле захолонёт от испуга сердце. Девки жмурятся и визжат то ли от восторга, то ли от страха. Парни просят наподдать, но куда уж выше. Не дай Бог, что-то сорвётся - улетишь в пропасть на холодные речные камни. Подумать страшно. Но вот и остановились качели.

Сойдёт смельчак на землю и с ликованием в сердце будет рассказывать, как удивительны и красивы с высоты знакомые поля и леса. И, ей-богу, там, наверху, вечерние звёзды ярче. Радостно чистой мальчишеской душе. Да и как не радоваться - целая жизнь впереди.

Неохота покидать угор, но пора. Завтра сенокос. Нельзя не спавши-то на работе. Разморит на жару. А мужик на зарюде - сено складывает, а всё вокруг видит: огреет матюком да навильник сена, комом поданный, назад сбросит.

Расходится молодёжь. Первыми покидают угор парочки. А затем тают в летних синих сумерках щебечущие стайки парней и девчат. Жалостно скрипнув, словно прощаясь, остановятся качели. Всё кончается в этом мире. По-разному, но кончается. Только об этом ли думать,

если тебе семнадцать лет, белая на тебе рубашка и именно с тобой идёт самая красивая девушка на свете.

* * *

Огромный, одетый не по погоде - в поношенное демисезонное пальто и выдавшие виды стоптанные кирзачи, мужик сидел на скамейке возле совхозной деревянной конторы и кого-то ждал. Страшный шрам, разорвавший правую бровь, окладистая седеющая борода делали лицо незнакомца свирепым настолько, что идущий рядом с молодой мамой ребёнка, увидев его, заплакал, сунувшись в спасительную юбку. Женщина подхватила малыша на руки и ускорила шаг.

Мужик опустил голову на большие жилистые ладони. Выбежавшим из конторы бухгалтерам показалось, что он спит.

Ну, спит и спит. У каждой скота полон двор, - а обед всего-то час, потому усвистали, не останавливаясь. И только одна, позже других вышедшая, наклонилась к приезжему и окликнула:

- Эй! Спишь, что ли? Невесту проспишь. К директору никак? А у него сегодня начальство. Долго учить будут, как в дожди сено заготавливать. Откуда прибыл-то?

Приезжий поднял голову. Перед ним, чуть наклонясь, стояла женщина в беленьком платочке, из-под которого выбивалась непослушная прядь русых волос. Чешские сапоги-чулки, коричневая кримпленовая юбка и лёгкая светлая куртка. Всё как у всех. Только пронзительный взгляд карих глаз требовал честного ответа.

- А не страшно будет? - всё-таки хотел отмахнуться приезжий.

- Пуганые мы здесь. Говори уж, ты ведь к нам на работу?

- С Севера я. По освобождению. Пятнадцать лет от звонка до звонка. Справка есть.

Отчего без особой причины он разоткровенничался, Степан так и не мог понять.

- Значит, с Севера. К нам с юга не приезжают. Голодный, поди? Пойдём, хоть покормлю.

Отметила, как при последнем её слове взметнулся кадык на жилистой шее мужика. Развернулась и пошла по разтерзанной тракторами улице. Оглянулась и, убедившись, что приезжий следует за ней, показала рукой на устало шагающего высокого черноволосого мужчину и, как давно знакомому, объяснила:

- Вон и муж мой на обед идёт. Ещё в пять утра по лугам уехал. Дороги развезло. Только на лошади и проедешь. Небось, набило ляху-то в седле с непривычки. Через день дожди. Звать-то тебя как?

- Степан, - ответил приезжий, перепрыгивая колею.

- Меня Анной звать. Мужа - Константином.

К дому подошли втроём. Константин первым протянул руку. Уже в доме, собирая на стол, Анна рассказывала мужу, почему позвала Степана обедать.

- Вижу, незнакомый сидит, неухоженный. Поняла, что «бич». Порасспросила. Сколько этой братии через нас прошло - у всех одна песня. Сиротское детство, худая компания, шесть рублей вытасчил у кого-то в автобусе, поймали, суд неправедный, все сволочи. А этот мудрить не стал. Пятнадцать лет, говорит. Освободился. Справка есть. И в голосе, Костя, в голосе блатной бравады нет. Поверила. Наверняка, думаю, голодный. Резнуло что-то в сердце: вдруг наш Валерка тоже вот так бедствует.

И, уже обращаясь к Степану:

- Сын у нас непутёвый какой-то. Всё странствует. Ищет какую-то необыкновенную жизнь. Едва свою не потерял - год назад подрезали в поезде. Незнакомые люди спасли. На первой же станции вызвали «скорую» и сами вместе с ним в больницу поехали. Настояли на операции. Кровь свою отдали. Врач, его оперировав-

ший, рассказал. Парочка, грит, молодые совсем, а настырные. Вот и суди о людях по возрасту. Как, Костя, город-то зовут, куда я к Валерке ездила? Да, да, Барнаул. С тех пор мимо чужой беды пройти не могу. Добро ведь тоже людей связывает, правда?

Анна замолчала, словно ожидая ответа. Мужики увидели, как хочется ей, чтобы слова её подтвердились. И ответили враз:

- Конечно, связывает.

Анна улыбнулась и ушла на кухню.

Выпили по рюмке водки, пообедали и вышли на веранду покурить. Константин, подавая Степану пачку сигарет, спросил:

- Анна сказала, что у тебя за спиной пятнадцать лет зоны. Столько за убийство дают.

- Так за убийство и дали, - ответил Степан торопливо, словно боясь, что Константин его опередит.

- Ну тогда уж рассказывай всё без утайки. Ты ведь к нам на работу хочешь устроиться? А я, понимаешь, здесь секретарём парткома, и уж так повелось, что за кадры отвечаю. Наш участковый за двадцать вёрст живёт и приезжает чаще всего уже к готовому трупу. С живыми мы с директором воюем.

- Да мне и таить-то нечего. Родился под Ярославлем, там же кончил десятилетку. Женился. Мамка невесту из заречной деревни подобрала. После свадьбы привёл жену к матери в дом, говорю: «Мама, тебе хотелось, чтобы я на Гале женился. Я и женился. Вот она. Живите сейчас вместе, а я в Ленинград в военное училище поеду поступать». Утром и уехал. Плакали бабы. Горько, взаправду плакали. Потом, когда шальной кобылой жизнь задом развернулась, вспоминал я эти слёзы.

А тогда?! Молодой был, здоровый. Ветер свободы и приключений ноздрями чувствовал. Что там бабы слёзы? «Молодость дана, чтоб не теряться, старость - об упущенном жалеть». Не терялся. Училище закончил. Служил взводным в Таджики-

стане. Хотел в академию поступать, да направили в Афганистан. Всего насмотрелся. В бою спас от гибели генерала и получил пулю в ногу. Правда, и боевой орден тоже получил, а генерал подарил мне свой именной ТТ. Забыли мы тогда на радостях, что ножи и оружие не принято дарить.

Берёг я тот ТТ и хоть с трудом, но провёз его, когда в группу наших войск в Германию был переведён. Это уже после окончания Рязанской академии в восемьдесят шестом году. Направили в Фюрстенберг. Командиром ДШБ. Самым молодым в войсках оказался. Стремительно взлетала качель моей жизни. Высоко. Голова, видимо, закружилась. Армейская служба не тяготила. Я солдат любил. Они чувствовали. И никогда не подводили.

Фюрстенберг - страшное место. Женский концлагерь там был во время войны. Говорили, что озеро, находящееся рядом, иногда покрывалось слоем пепла из крематория. Девяносто три тысячи сожгли. Когда я приехал, лагерная красного кирпича стена да скорбные памятники мученицам напоминали о недавнем варварстве.

А так городок типично немецкий, аккуратные двухэтажные домики. Ондулином крытые. Всё ухожено. Но что-то часто стал я о матери и Гале вспоминать. И на свой отъезд по молодости уже по-другому смотрел. Письма писал, прощения просил. Всё бы хорошо, а на душе мутрно. Выпивать чаще стал. И хоть там строго, с женщинами умудрялся встречаться. На офицерской вечеринке по случаю Первого мая подошёл ко мне комдив и говорит: «Хороший ты, Стёпа, мужик, но побереги себя. Рюмашки да бабы ляжки до добра не доведут».

Как в воду смотрел. Девятого мая недалеко от наших казарм встретил я милостивую, аккуратную немочку. Вылитая Ирина Алфёрова. Главное - глаза как живые звёзды. Такими глазами мёртвого

поднять можно. Но и убить за них, как потом оказалось, тоже. А тогда... поблагодарила мысленно школьную учительницу за то, что после уроков меня оставляла и добилась, что по-немецки стал я не хуже её разговаривать.

И рванул на приступ. Мол, отцы наши целую Германию победили, так неужели я с одной немкой не справлюсь! Хотя была она замужем, такая любовь вскипела, что не было минуты, когда б мы друг о друге не думали и не стремились к встрече. Словно заколдовали нас. Во снах друг к другу приходили. Только не всегда те сны радостными были.

А однажды вообще страшное привиделось: будто мы с Эльзой в России. Раскачались на деревянной качели, стоящей у речного обрыва. И вдруг срываются её руки с гладких жердей и падает она, а я и помочь ничем не могу. Только бы в воду, думаю, а не на камни упала. И сам вслед за ней прыгнул. Упали мы в воду, она ко мне руки тянет, а я от неё ухожу... Проснулся весь в холодном поту. Кое-как до восьми часов дождался. Позвонил ей.

Сказала, что всё «карашо», а голос грустный-грустный. Оказывается, кто-то из дружков её мужа намекнул, чтобы тот за женой присматривал. А муж давай дома разборки устраивать. Ушла она к подруге ночевать.

С тех пор муж подозрительным стал: звонил часто. То домой возвращался раньше времени. А я ведь уж без неё и жить-то не мог.

У нас от всех болезней одно лекарство. Выпью - на какое-то время полегчает, а потом совсем невмоготу становится. Увижу её - и радость из меня, как ключ, от камней и ила очищенный, бьёт.

Однажды вечером приходят в квартиру трое. Два офицера - товарищи по службе - и незнакомый пожилой прапор. А я тоску шнапсом заливаю. Шутка ли, три дня с Эльзой не виделись. Понимал ведь я тогда,

что ничего хорошего из нашей любви получиться не может.

Друзья говорят:

- Лекаря тебе привели. Восточную медицину знает. Должен помочь.

Послал бы их, да старика постеснялся. А тот сел рядом со мной на кровать и так пристально взглянул, что мне неловко стало. Как будто насквозь его взгляд меня прошил. Одному из друзей моих скомандовал, чтобы блюдце чайное на стол поставил. Подсели мы к столу. Он говорит: «Смотри на блюдце внимательно». Смотрю и вроде бы трезвею, а на блюдце сначала капельки появились, а потом и струйки на доньшко с кромок побежали. Протрезвел я совсем, когда блюдечко наполовину наполнилось прозрачной водичкой.

- Слёзы это твои, мужик. Крутенько с тобой обошлись. Ты с этой немочкой красное вино из початой бутылки, случайно, не пил? - спрашивает.

- А я помню? Пил, наверное. У немцев - не у нас: бутылку до дна редко допивают. Неделями другой раз к одной прикладываются.

- Отравила она тебя. Красками опоила. Поди вот, немка, а женское славянское зелье знает...

Я глаза таращу. Не верю, конечно. Старичок затылок чешет.

- Худо, - говорит, - сегодня мне не помочь. Тут траву нашу, расейскую надо. Есть у меня немного сушёной. Терпи. Завтра вечером принесу. Только, ради Бога, не пей. И к ней не ходи. Нехорошо у меня что-то на душе.

А я возьми и спроси:

- Объясни ты мне, отчего такая напасть именно со мной случилась? Я ведь впрямь жить без неё не могу. Больно, словно танком меня утюжат. Раньше такого не бывало.

- Это не мука, а вперёд наука. Нельзя перед жизнью себя вечным подполковником мнить. Отчего у тебя болезнь, я

сказал. А вот почему именно тебя корёжит, попробуй понять. Хочешь, притчу расскажу?

Лежало полено в поленнице, лежало-полёживало. Но однажды показалось ему, что тесновато. Давят отовсюду, распрямиться не дают. И стало оно наверх выбираться. Сотоварищей своих распахало. Те попищали малость, да успокоились. Выбралось полешко и от свободы обалдело. Над другими посмеивается: «Вы тут бока пролёживаете, а ведь есть другая, свободная жизнь. Гуляй - не хочу». Вот. Ты бы какое полено в первую очередь из поленницы взял? Правильно, верхнее. Утром пришёл хозяин и, конечно же, в первую очередь взял то полено, которое другими не придавлено. Унёс, сложил в печку и поджёг. Лежит полено и горько думает: «Осторожней надо было со свободой-то. Кто знал, что плата за неё столь высока. Сгорю вот сейчас».

- Подумай, - говорит мне прапорщик, - над притчей. А сегодня чтоб никуда! Понял?! Чую, смертное дело получится может. А похороны, друг мой, тоскливое дело.

Только ушли, Эльза звонит: «Приходи. Мужа не будет два дня». И «пропал казак». Вся медицина восточная побоку. Хватанул я остававшуюся рюмку, пистолет в грудной карман сунул - и вперёд...

- Подожди, - перебил Константин, - позвоню. Узнаю, где директор.

Он ушёл в переднюю комнату и вернулся минуты через две:

- Не будет сегодня директора. Уехал по бригадам на катере. Это, всего скорей, до утра. Пошли в дом. Анна сейчас уйдёт, там и поговорим.

- Да нет, нехорошо как-то. Пойду я. Спасибо. Честно говоря, трое суток не ел. То и от водки быстро развезло. Разоткровенничался.

- Ну и правильно. Перед партией, которую я тут представляю, и надо как на

исповеди. - Константин явно язвил в свой адрес, и это Степану было по душе. Не зазнаистый и не трус этот парторг. Другой бы и слушать не стал, не то что кормить незнакомого человека.

Уходить не хотелось. Да и куда уходить?

И вдруг Степан со всей отчётливостью понял, что в этой жизни у него никого нет. Телеграмму от Гали о смерти матери получил ещё в следственном изоляторе. Позже, но ещё в Германии получил и подробное Галино письмо. Она писала, как ждала его мать. Как, уже прикованная болезнью к кровати, посылала её встречать Стёпку, едва чья-то тень мелькнёт за окном. Написала Галя и о том, что живёт не одна. Нить, связывающая его с прошлым, оборвалась, и это было больно. Особенно сейчас, когда открылась перед ним простая и понятная чужая жизнь.

Степан взглянул в открытое окно, в бездонное голубое небо, на синеющий до далёкого горизонта лес, и ему вдруг стало страшно от чувства собственной ненужности во всём этом великолепном, огромном мире.

Парторг понял его состояние.

- Давай плеснём на каменку. О работе не сомневайся, решим. Поживёшь пока в общаге с шефами, а там видно будет. С пастухами у нас беда. Хотя сам другой раз иди. Пойдёшь пастухом? Там заработок повыше.

- Пойду. Деньги для меня не последнее дело. Слушай, я всё тебя по имени да по имени. А по отчеству как величать? - спросил Степан, отодвинув выпитую рюмку.

- Сергеевич, - отозвалась вместо мужа собравшаяся уходить Анна.

Через минуту её белый в горошек платочек уже мелькал на деревенской улице.

- Боевая она у меня и на людей быстро чувствительная, - сказал, помолчав, Константин. - Друг у меня был. Со школьной скамьи вместе. Жили душа в душу. А она мне всё твердит: «Осторожней с ним, Ко-

стя. Подведёт». И что ты думаешь? Как в иглу вдела. Когда узнали про Валеркину беду, Анна сразу решила ехать. И надо же такому случиться, что денег нет, хоть шаром покати. Валерке же отдали, когда поехал. Я к директору, в кассу, в магазин. Нет ни у кого. Сумма-то нужна порядочная. К другу: он только что хвастался, что заезжим москвичам на тысячу рублей мёду продал. А он и заюлил. На машину, мол, коплю. На книжке уже. Снимать да снова потом ложить... Проценты потеряю.

Я всё понял. «Все други, все товарищи до чёрного лишь дня». Плюнул. Выматерился и позвонил знакомому в Лузу. Не надеялся. Знакомство-то шапошное: у него машина в дороге забуксовала. Мы сзади ехали и, конечно, помогли. Есть же такие мужики? Говорит, вот тебе мой адрес и телефон, и, если прижмёт, найди меня. Полцарства не обещаю, потому как у самого нет, но выручу обязательно. Назавтра я получил деньги. Ни расписки взамен, никакой другой бумажки не попросил тот лузяк. Конечно, как появились у меня деньги, увёз в Лузу.

Как видишь, Анна у меня надёжней рентгена. А с отчеством не напрягайся, а то и мне придётся тебя подполковником звать. Продолжайте рассказ, товарищ подполковник.

Степану после очередной рюмки водки вдруг захотелось выговориться, и он, вспомнив, на чём остановился, продолжил:

- Пришёл я к Эльзе. А на ней лица нет. Обратное меня гонит. Плачет, немецкие слова с русскими путает, дрожит вся: «Он убьёт тебя, убьёт! Он никуда не уехал и сейчас будет здесь. Подруга прибежала. Он там у них в доме. За нашим подъездом следит. Уходи! Уходи немедленно!».

Но тут уж мне вожжа под хвост. Нет, думаю, не знаю, как у вас в Германии, а у нас в деревне так не пляшут. Бабами от беды не прикрываются. Не пойдёт! Я - русский офицер! От поноса не умру. От пули?

Ну это, как мама раньше говаривала, другой коленкор. А Эльзе говорю: «Если и уходить, то вместе».

Прислонилась ко мне головой, затихла, а шёпотом одно твердит: «Нет, нет. Не пойду. Убьют тебя».

Дверь резко открылась. Смотрю на поднимающуюся руку немецкого офицера, а в голову чушь какая-то лезет: какие они все аккуратные. Всё у них блестит. Вот и «вальтер» в руке тоже блестит. Да это же смерть моя зубы скалит! Что ж он медлит? Не ожидал увидеть русского? Или считает, что ему будет за мои похороны? Они всё просчитывают. Только сегодня не надо этого делать! Втолкнул Эльзу в комнату и при обратном развороте выстрелил. Он тоже. Потом меня не было. Пуля скользнула по черепу. Рассекла бровь. Оглушила.

Когда очнулся, в квартире уже шерстили офицеры следственного отдела. Наши и немецкие. Муж Эльзы погиб сразу. Его увезли. Её я тоже больше не видел. Следствие вели пятнадцать дней. Трибунал заседал пятнадцать минут. Вердикт: пятнадцать лет. Само собой, лишение звания и наград. Мне тогда показалось, что уж лучше бы расстрел. Жить не хотелось.

Зона сантимертов не любит. Закружило так, что всё «мирское» на второй план отошло. Каждый день за жизнь приходилось бороться.

Как-то на вторую, наверное, весну ещё в марте тепло стало. Грачи, чайки прилетели. Но вдруг «рявкнули» морозы, да такие, что птицы от голода и холода погибать стали. Увидел я: одна из чаек, как только захочет сесть, так и падает. Словно пьяная. Поймал её. И тельца-то никакого нет. Только сердечко, наверное, и живо-то осталось. Со страху часто-часто бьётся. А «крестики» на ногах совсем отвалились. Потому и падала.

Соорудили мы ей с одним бывшим хирургом костыльки. Даже пальчики из кембрика приспособили. Долго привыкнуть не

могла, всё оторвать хотела. Ну и, конечно, на лету её новое шасси не убиралось. Но привыкла со временем. И однажды пошла вразвалочку. Бойкая такая стала, перо очистилось, и всё вокруг меня вертится. Лежу как-то на нарах, и она рядом пёрышки перебирает. Подумалось: вот ведь, вся-то велика ли, а какой путь преодолевает, только бы в родные места вернуться? А я, боевой офицер, войной крещёный, раскис при первом же шторме. Посчитал: мне только тридцать три года. В сорок восемь выйду. А вдруг досрочно освободят, о заслугах моих вспомнят? Надеялся, хотя знал, что статья моя не амнистируется.

Но я живой. А пока человек жив, у него всегда есть хотя бы один шанс. Качели не только вниз падают, но и вверх поднимаются. Среди зеков и охраны люди, конечно, были разные. От другого за версту навозом пахивает, даром что ничего тяжелее и грязнее стакана сроду не поднимал. Но сама наша жизнь доказывает, что они в меньшинстве. Были там ребята, которые офицерское братство не пустым звуком считали. И хоть не раз смерть возле меня крутилась, всё обходилось. А со временем начальник лагеря, тоже афганской пыли похлебавший, узнал каким-то образом, что я рисовать умею. Вызвал. С тех пор я больше рисовал, чем лес валил. Это и спасло.

А на свободу тянуло. Особенно весной. Засвистят крыльями утиные стаи, гуси в небе прогогочут, напомнят, как мы с Эльзой их на озере, что рядом с Фюрстенбергом, зимой батонами подкармливали. Перевернётся всё под зековской телогрейкой. Да куда денешься? Ещё почему-то стал немца того жалеть. В жизни, конечно, не всё делится надвое, но, наверное, нельзя за это убивать. Люди же мы? Во сне как-то приснился. Сидит, лакированной перчаткой голову подпёр и говорит по-немецки: «Ты знаешь, как страшно лежать под землёй одному? Зачем ты меня убил? Я хотел

жить. Эльза была для меня единственной радостью. Почему ты отнял её? Ты и её убьёшь. И тогда мы снова будем вместе». Произнеся эти слова, он поднял голову и зловеще улыбнулся. Мне стало страшно, и я проснулся от собственного крика.

Ничего нет вечного. Прошли и мои пятнадцать лет. Освободился. Надо жить! Но это мне надо, а больше никому до меня дела нет. Помотался туда-сюда. Но тайное клеймо в паспорте все дороги закрыло. Бичи в Лузе подсказали: «Езжай в деревню, где глуше. Оттуда разной ядовитостью, как тараканов, местный народ вытравили. Работать некому. Зиму перекантуешься, а летом опять на вольные хлеба». Так вот я у вас и оказался.

- Да, подполковник, досталось тебе по самую маковку, - помолчав, протянул Константин Сергеевич, - но не киснешь, и это главное. Я агроном, Стёпа. Без этой земли себя не мыслю. И не за себя порой обижаюсь на разных выкидшей-реформаторов, а вот за её никчемные муки, за зряшные усилия по вечному преодолению безмозглости. Ей ведь всё равно, кто у власти: коммунисты, капиталисты. Обмануть землю реформами и сменой строя невозможно. Ей нужен труд, и всё вернётся сторицей. Наши провозглашения и наша болтовня - для неё шелуха и ничтожность. У неё другое предназначение. Космическое, если хочешь.

В юности, бывало, заседлаю лошадь, какая поярее, и в поля. Особенно на расвете любил. Пришпорить лошадку-то, а она, милая, из характерности своей и без того ключом кипит. Птица всякая из-под копыт в стороны! Брызгами! Вылетишь на полевой взлобок, а вокруг, насколько хватает взгляд, сине-зелёное раздолье. И всё живое, и всё вместе с тобой жизни радуется. И никакой грязи не видно, словно её и нет. Богатырём себя мнишь. Петь хочется. Ничего уж не страшит.

Только заметил я, Стёпа, что из несущихся, словно конница, миллионов пушинок розового осота только те продолжают род, которые сумели остановиться, не пролетая родной земли. Полёт? Полёт хорошо, когда есть на земле надёжная посадочная площадка. Дай Бог, чтобы и ты обрёл её.

Константин Сергеевич хотел налить водки Степану, но тот, аккуратно перевернув рюмку, отодвинулся от стола:

- Не буду, Сергеевич, не наливай. Боюсь я после того случая водки. Пробовал как-то ещё в зоне досыта попить. Офицеров уговаривал в Германию со мной вместе бежать, - Степан усмехнулся. - Ревел, говорят, что лось на гону. А наутро прапор тот старенький вспомнился и слова его: «Водки, ради Бога, не пей. И к ней не ходи». Так что уж извини.

- Как знаешь! Тогда и я не буду. А тебя к нам, Степан, сам Бог послал. Услышал мои партийные просьбы. И нанесённые атеизмом обиды простил. Есть в этом Его прощении какая-то загадочная сила.

Дли меня наглядная агитация - как серпом по известному месту. Доим не ахти. Привесы того хуже. А вот оформление всего этого чтоб на высоте. И чтоб всё как на фронте! Даёшь! А кому давать-то? На фермах ни одной здоровой доярки нет. Посмотрю на их руки - жить стыдно становится, не только агитацию разводить. Но ведь приходится. Так что, Степан, выручай! Может, всё-таки выпьешь, за трудоустройство? Не будешь? Тогда пошли устраиваться. Могу и женить. Вдов у нас по три, а то и четыре в год прибывает.

Бригадир, невысокая плотная женщина, критически осмотрела Степана и спросила в упор: «Не сбежишь? До тебя двое были: кроме кровати, всё умудрились пропить и сбежали. Хорошо хоть заработок не весь получили. Было с чего удерживать».

- Ты, Петровна, не зная броду, юбку не загибай! - жёстко прервал её парторг.

Мода дурацкая из-за пары сволочей обо всех худо судить. Твоё дело жильём человека обеспечить, а не оценки ставить. Завтра с утра в контору за пастухом побежишь? Побежишь. А к человеку отнестись поприветливей - ума не хватает. «Не сбежишь?» Да после такой «ласковой встречи» невольно куда глаза глядят унесёшься. Лишь бы тебя не видеть. А ты, подполковник, прости её. Мужики эту работу не выдерживают. Народу надёжного мало осталось. А скотина того не понимает и каждый день есть хочет. Вот и издёргалась вся. Прости уж. В Афгане тоже не с цветами встречали?

После этих слов Петровна взглянула на Степана как-то по-особенному, и всё устроилось быстро. Через пятнадцать минут Степан уже сидел в просторной комнате общежития на только что заправленной им кровати.

Константин Сергеевич довольно хмыкнул:

- Ну вот, отдохни с дороги, а вечером приходи ужинать. Обязательно. Не то Анне за тобой бежать придётся.

Назавтра Степана определили пастухом к большому и, как оказалось, непослушному стаду. Выручил Константин Сергеевич.

- Как оно? - спросил. - Подчиняются военной дисциплине? Ничего, привыкнут. Только ты, Степан, впереди стада ходи. Так-то удачней будет. Да и им тебя видней, а значит, спокойней. Они умные тоже. На вот. Я тебе аванс привёз. Магазин вечером долго работает. купишь необходимое. Плитку и кипятильник Петровна занесёт. Да, если время будет, прикинь, что необходимо для рисования и черчения. Краски там, бумагу, ДВП, ещё что. В город поеду, привезу.

Лето в тот год жарило, словно в отместку за тягостные всему живому весенние длительные отзимки. Коровы, пытаясь хоть как-то спастись от жары, паутов и

слепней, не вылезали из реки. Степан сам предложил пасти их ночью. Петровна не нарадуется. Шутка ли, пастух после смены придёт на склад и давай мешки с комбикормами на телегу грузить. По два сразу под мышками несёт. И на ферме посторожит, если сторожа в загул уйдут. Зарабатывать стал больше директора.

А тот и доволен:

- Мне бы таких пятеро - и никаких нытиков не надо. С утра у магазина оши-ваются, а к вечеру в крапиве головой. Зато уж потрепаться сами не свои. А этот танк, а не мужик, - хлопал он Степана по плечу, представляя приезжим. - Деньги вот непонятно куда девают. Куда, Стёпа?

Тот только улыбался, и шрам на лице распрямлялся и светлел.

Так прошло два года. Степан перешёл жить к овдовевшей Петровне. Но однажды пропал. Заявляли в милицию. Никаких следов не нашли, словно и не бывал. Константин Сергеевич обходил красные уголки и сокрушённо качал головой:

- Скоро новые цифры вписывать надо, а как? Художника нанять дорого. У само-го по этому делу руки не оттуда растут. Да бог с ней, с агитацией. Человека не стало. Хоть бы сказал чего? Или написал?! Ни ответа, ни привета. Куда летят, Стёпа, твои качели?

- Потерпи, Костя. Не время, наверное, ещё. Не до нас ему. И про качели свои он не всё ещё знает. Потерпи, - успокаивала Анна.

Прошлещё год. Отзвенело новое лето. Снова прощальными красками вспыхнул за околицей лиственный лес. Высоко в пасмурном небе, словно опасаясь услы-шать горестные призывы покинутой земли, уходили в неизвестность много-голосые вереницы гусей. Кто знает, может быть, они летели в те самые окрестности Фюрстенберга, где их кормили батона-ми русский офицер и хрупкая немецкая женщина, похожая на Ирину Алфёрову?..

* * *

Именно в такую ночь Анне показало-сь, что кто-то дважды стукнул коль-цом на входной двери. Негромко, два раза. Так всегда делал Степан, если ему приходилось их беспокоить. Как назло, на улице у входа перегорела лампочка, и когда Анна выскочила, то никого уже не было видно. Только гуси кричали в тёмном, совершенно непроницаемом небе. Осмотрелась и, когда уж глаза привыкли к крошечной тьме, разгля-дела на обшитом цоколе дома предмет, перевязанный белым шпагатом. Взвела. Крикнула негромко. Но снова только гусиное гоготание в ответ. Крикнула ещё раз, уже сильнее. Никто не ответил. За-шла в дом. Константин Сергеевич, уже одетый, спросил:

- Стёпа?

- Не знаю. Не знаю. Никого нет. Вот, что-то оставили. Смотри.

С этими словами она сорвала скры-вающую предмет бумагу. Это была картина. И когда она повернула её к мужу, то увидела на обратной стороне размашистую надпись: «Простите меня за неожиданный отъезд. Друг сообщил, что Эльза умирает. Рак. Я не успел. От неё у меня остался маленький квадратик от картонной коробки со словами: «Я тебя люблю». Говорят, она писала эту записку по-русски три дня. Плакала от боли и всё-таки писала. Её больше нет. Остановились мои качели. Храни вас Бог! Степан».

Внизу приписка тем же неровным по-черком: «Еду в родные места. Надеюсь, что там будет легче. Шлю на память картину с однополчанином по Афгану. Он родом из ваших мест. Спасибо за всё».

Анна развернула картину к себе.

Пограничный столб. Чуть поодаль, слева, две переплётенные стволами сосны, вершины которых сломаны ураганом.

Справа, у незнакомой, отливающей свинцом реки, остановившиеся деревянные качели.

Март 2009 г.

ВОЛОКОВОЕ ПОЛЕ

Сразу за нашим домом начинается большое, трудное к обработке Волоковое поле. Трудное - потому что на склоне, потому что глинистое и каменистое. Но главная трудность заключалась в определении его готовности к обработке.

Сырая почва тащится за агрегатами и уплотняется, пересушенная никаким способом не разделяется до нужного состояния. Если же удалось угадать тот момент, когда почва крошится, гарантирован хороший урожай отборного полноценного зерна. Многие века кормило это поле православных, многие века это поле было домом для зверей и птиц и никогда их не подводило. Любо было слышать весенним утром токование тетеревов, слышать щебетание, посвисты птичьей мелюзги, радостные крики прилетевших журавлей и видеть перелёты огромных стай полевых рябчиков. А летними вечерами первозданную тишину нарушал и оживлял таинственный «бой» перепелов. Чуден мир детства, жаль, что не вечен. Жаль, что приехавшие погостить ребяташки уже не увидят и не услышат того, что видели и слышали мы и что потерялось в вечных баталиях человечества за место под солнцем, за полный живот и кошелек. Довоевались! Живёт ещё поле, но, как и многие поля России, заброшено, не ухожено. Скоро некому будет восхищаться его весенним пробуждением. Не у кого будет спросить, почему оно так названо. А всё очень просто: дальняя оконечность поля упирается в пронизанные конными волоками хвойные леса. Словно нити трудолюбивой швеи, вышивающей

замысловатый узор, волока связывают между собой деревеньки и хутора, образуя единую общность, крепя трудовые, торговые и родственные связи.

Эти же волока выводили деревенских жителей к трактам, по которым можно было доехать до больших и малых городов. По этим волокам уходили в армию прадеды, деды, отцы, сыновья, по ним же возвращались те, кто остался в живых. Слышим ли мы, как ликовали их души при первом же шаге на залитую солнцем обочину родного поля? Как плакали, задыхаясь и вскрикивая, матери тех, кто не вернулся? Не слышим, видимо, коль позволяем себе бросить ту землю, за каждую пядь которой заплачено горячей родственной кровью. Не оттого ли так беспокойно, а иногда и несправедно проживаем отпущенные нам дни?

Не знаю, как ощущают родину люди, родившиеся в мегаполисах, но для большинства жителей Севера это чувство накрепко связано с полем, волоком, рекой и лесом. И если лес и река существовали как бы сами по себе, то поле и волока постоянно требовали человеческого участия. Труда.

Казалось бы, что в этом хорошего? Гни спину день и ночь. («Добывай в поте лица своего хлеб свой»). Но усталость от труда стократно окупалась радостью от его результатов. Не было и, смею утверждать, - нет человека, которого бы не восхищало тучное, волнами переливающееся хлебное поле, не вызывал бы восторг разлив голубого цветущего льна, не радовал бы тяжёлый, хлебом пахнущий поток золотого зерна, падающий из шнека комбайна.

В редкие минуты отдыха, казалось бы, усталые и забитые бытовыми проблемами люди находили возможность украшения жизни праздниками, творчеством, поднимаясь в творениях своих к духовной радости, утверждая тем самым величие

человеческое и его приближённость к Богу. Не отсюда ли такая разная речь в близких деревнях, разные узоры на одежде? По-разному вырезается деревянная утварь. Стремление сделать лучше, вышить красивее, сказать доходчиво и ёмко подарило будущим поколениям такие шедевры искусства, что мы до сих пор восхищаемся ими. У нашего поэта Сергея Викулова есть такие строки:

«Всему начало - плуг и борозда,
Поскольку борозда под вешним небом
Имеет свойство обратиться хлебом.
Не забывай об этом никогда!»
Трудно сказать лучше.

Поле жизни, волока, с помощью которых мы расширяем кругозор, труд во благо - это непоколебимые основы жизни. Сейчас так не считается. Редкостью на Севере стало колосающееся золотом поле. Да чего там, деревень и жителей в них всё меньше и меньше. Если бы на месте каждой деревни поставить памятный крест, то на модных сейчас съёмках дронами мы бы увидели сплошные кресты, памятные и безмолвные. Не отсюда ли это рубцовское: «Кресты, кресты. Я больше не могу». Горько и больно это осознавать. Из суеты больших городов не видно, как рвётся на части сердце человека, навсегда покидающего родные места. Не понимает он: кому помешал, проживая в деревне, с минимумом запросов и претензий? Почему стал лишним его хлеб, когда в мире полно голодающих? Чем лучше жизнь в провонявших отходами человеческой деятельности городах жизни в чистоте и ладе деревенских отношений? Если городская жизнь и впрямь лучше, то зачем, получая отпуска, рвёмся мы в деревню, к речке, к полю, к лесу; чаще к тем, о которых нам рассказывали родители. Патриотизм - это всего навсего любовь к знакомому. Придёт время, и мы узнаем, что это чувство присуще любой пичуге, лосю, рыбе и даже киту. И они тоже возвращаются на свои

родные поля, в свои заросли смородины, в свои реки и моря. А всё потому, что там безопасно; потому, что там есть всё необходимое для жизни, потому, что знакомо. И понятным становится воинственность местных обитателей, когда в родных им местах появляются непрошенные гости.

Поле Волоковое. Небольшое, по меркам южных полей. Но Родину не измерить гектарами и сантиметрами. Как не измерить часами и минутами нашу жизнь. Но можно рассказать о ней тем, кто начнёт свой путь позже. Показать жизнь такой, какая она была и где-то ещё сохранилась, с её радостями и невзгодами, с подлостями и благородством и обязательно с любовью.

Дай Бог, чтобы то, о чём мне удалось написать, нашло отклик в вашей душе. Дай Бог, чтобы русское поле дождалось новую весну, а по знакомым из рассказов родителей волокам в родные места вернулись их дети и внуки. Дай Бог!

ОКТАБРЬ

*К теплу стремимся,
словно птицы,
Не улетевшие на юг.*

Вот и пришло время, когда нам придётся шагнуть от щедрого золота сентябрьских костров в холодную непредсказуемость октября, при котором, как известно, «до обеда осень, а после обеда зима». Пора одеваться теплее, а не следовать примеру модниц, дрожащих на автобусной остановке. Юные барышни ещё не знают, что великий дар здоровья куда важнее всех ценностей мира, потому что только обладая им, мы имеем шанс на полноценную жизнь.

Природа в октябре - учительница строгая; и подчиняясь её воле, даже не по погоде одетые молодые мамы по самые пуговицы носиков укутывают своих малышей, тщетно пытающихся ощутить

и разглядеть всё время меняющийся мир. Бьётся маленькое сердечко под тёплыми одежками, в такт ему бьётся исходящее нежностью материнское сердце, и пусть никогда не будет тех сил, тех месяцев и такой погоды, которая могла бы их разлучить. Жаль, бывают. Октябрь в человеческих отношениях куда суровей и беспощадней природного октября. Не пускайте его в свои дома.

В хмуром небе, хрипло вскрикивая, большими беспокойными стаями мечутся на холодных ветрах готовящиеся к отлёту грачи и вороны. Объедаются последними ягодами черёмух и рябин непрерывно трещащие дрозды, молчаливо и высоко тянут гуси. Разноцветные лодочки-листья срываются с истончившихся ветвей и бегут по расцветенной полевой тропинке, пока не обретут себе последнее пристанище.

Всё раньше беспощадная княжна-ночь, взметнув чёрное покрывало, укорачивает день, забирает в плен осиротевшие поля, дрожащие на ветру беззащитные перелески, заселяет леса безобразной нечистью, которой в светлое время суток и цена-то грош, а в темноте - страшно.

Зато как радостно сердцу, когда из этой кромешной, пронизывающей сыростью темноты шагнёшь в залитую электрическим светом избу. Как хорошо, что ты на земле не один. Что есть близкие люди, которые, прощая тебя за нанесёнными вольные и невольные обиды, широко открывают двери своих домов. Их прощение и радушие - твой укор самому себе. Твоё очищение. И твоё осознание, что не зря случилась эта беспощадная ночь октября, что именно она раскрыла простую истину: как бы ни было трудно жить с людьми, одному (пусть успешному, богатому и сильному) жить просто невозможно.

Лесные обитатели в октябре готовятся к суровости зимы. Все, от малюсенькой бойкой ласки до хозяина тайги медведя,

наращивают под летней шубкой плотный подшёрсток, а некоторые, как зайцы и горностаи, ещё и переодеваются в белое, чтобы соответствовать преобладающему цвету зимы. Меняют цвет оперения куропатки, а тетерева, глухари и рябчики надевают на лапки пуховые валеночки.

Высветлились воды рек и озёр, первый заморозок просигналил задержавшимся птицам: пора. В одну неделю вслед за улетевшими в сентябре откормленными крикками метнутся с Севера свистящие крыльями стаи морских уток, а за ними, как прощальный аккорд осени, прозвучит далеко слышимый, тревожный клик лебедей. Да вот они, завершив плавный круг, садятся на отливающий свинцом залив. Сколько в них достоинства и какой-то неземной красоты. Сколько неистребимой силы, позволяющей подниматься за облака и преодолевать тысячевёрстные расстояния до южных берегов Европы, до тёплых долин Азии и Африки. Никогда, никогда бы не покинули они свою родину, но беспощадна и голодна наступающая зима на Севере. Вот и приходится улетать.

Люди тоже иногда срываются с родных мест. Дай Бог, чтобы в далёких городах им было тепло. И чтобы душевная боль об осиротевшей оставленной родине не позволяла им мириться с её потерей навсегда.

А пока октябрь. Ещё вечером провалились сквозь неприступные, казалось, кордоны лесов северные ветры, неся на плечах какой-то злой, колючий снег. В один момент всё побелело, стало незнакомо, непривычно. Родившийся в июне щенок с опаской ступает на белые доски крылечка, но быстро разобравшись, что белизна не опасна, с удовольствием носится по ней, задрав хвост и высоко подпрыгивая. Синичка молчаливо и деловито ищет на стене деревенского дома укромное, защищающее от холода место. Трудно представить, что в её малюсеньком тельце

бьётся сердце, способное сохранить жизнь в лютые морозы нашей зимы.

Октябрь - месяц свадеб. Да и пора; надо же, в конце концов, подвести к логичному завершению все эти летние ухаживания, валяния в росных травах и трепетные обещания. Невеста волнуется: «Мало ли что в порыве чувств он наговорил, а так ли в жизни-то обойдётся?» Волнуется и жених, но виду не показывает. Перед друзьями форс держит. Волнуются родители невесты. И то ли от всеобщего волнения или в угоду молодым одарит октябрь свадебные дни солнышком, которое после сырости и ненастья как-то особенно ласково и приятно.

Сорок лет пройдёт (а может, все пятьдесят), и снова в октябре поседевшие во многих испытаниях и делах нынешние молодые будут отмечать юбилей совместной жизни. Наверное, надо отмечать; шутка ли пронести хрупкий сосуд взаимной любви по трудной дороге длиною в жизнь. А то, что сосуд целёхонек, легко определить, подсмотрев, как, по-девичьи стесняясь, украдкой, подаёт бывшая невеста платочек бывшему жениху, и как благодарно тот смотрит на неё, вытирая с лица выступивший пот. Они всё знают друг о друге, и великое счастье - быть вместе, когда в одиночку уже было бы трудно, это их победа, основанная на умении прощать, на умении встать выше собственных привычек и желаний и, конечно, на пожизненной любви к детям. Октябрь проверяет нашу готовность пережить зиму, старость определяет, всё ли правильно мы делали на пути к ней.

Рассветы октября, как всегда, не торопятся и всегда холоднее, чем наступающий день. Если стихнет ветер и всерьёз подморозит, то большинство настоящих мужиков уйдут или уедут пытаться рыбацкое счастье на первом льду заветных озёр. Потеха, скажу я вам, не для слабоверных. В утешение жён, страдающих аллергией

на ершей, есть смысл дать бесплатный совет: терпите, милые. Общение с природой и с себе подобными чудачками уже завтра делает мужа «шёлковым» и готовым удовлетворить ваши самые смелые изыски при посещении дамских магазинов.

Когда-то, находясь в праздничном настроении невесты, вы, конечно знали о рыбацкой зависимости жениха, но тайно надеялись, что супружеское ложе и ваше обаяние в состоянии вытравить любые дурацкие наклонности, но ошиблись. Не печальтесь. С кем не бывает.

У соседки Гальки муж вообще охотник. Когда не спит, сказки рассказывает, что оцепеневшие от холода леса только кажутся необитаемыми, что в кромках боров живут ещё голубые куницы, могучие лоси подпирают рогами стылкое небо, глухари при взлёте ломают деревья и даже зайцы с испугу могут разнести в прах два-три прясла огорода.

Домой, правда, тоже никого не приносит, а всё равно доволен. Пусть. Галька говорит: «Всё-таки не так расходно и опасно, как если бы к водке пристрастился».

Грустно в октябре, и не верится, что даже в этот месяц природа накапливает неистребимую энергию жизни, способную противостоять зимней стуже, что хмурые дни октября тоже приближают нас к счастью встречи новой весны. И тогда! Отчаянно смелая, сорвётся с крыши первая капель, освободятся от ледяного панциря реки и вернувшиеся лебеди, плавно завершив большой круг, качнут, скользя, голубую нежность разлива.

В то восторженное время мы забудем сказать октябрю спасибо. Наверное, зря!

КУКОЛКА

Если верить застольной песне, то в не столь давние времена мужчины, влюбившись, обычно обещали женщинам «золотые горы и реки, полные вина». Не знаю,

устраивал ли такой взнос женщин, но, согласитесь, было в нём что-то заманчивое, сейчас бы сказали, романтическое. Не всегда сбывалось. Да разве у нас одних...

А я вспоминаю. Деревенский праздник. Маленькая и красивая, как куколка, женщина увещевает своего обиженного заезжим гостем мужа. Все насторожились, зная зверский характер и необыкновенную силу мужика. Такому дай волю, разнесёт весь праздник. А и вязать его охотников мало. Искалечит, чего доброго. Вся надежда на его жену. А она задачу знает. Вот наклонила буйную головушку мужа и шепчет на ухо, но все стараются услышать. Всем хочется узнать те волшебные слова, которые превратят её буяна мужа в ласкового и доброго телёнка. Но это один шанс из сотни. И он, этот шанс, на красивых губах его жены Валентины Сергеевны. Сможет она его найти - и станет «тишь и благодать», насколько это возможно при деревенском празднике. А не сможет - так не только посуда, а и гости «дорогие» полетят в неизвестном направлении. Потому все внимательно слушают мягкий и какой-то очень спокойный разговор: «Полно тебе, Толя. Не бушуй. Было бы из-за чего? Он твоего мизинца не стоит. Не со зла он, а по ошибке ляпнул. Прости. Пойдём лучше домой. Пойдём, милоё моё, у меня наливка черёмуховая для тебя сохранена. И я с тобой выпью. Пойдём».

Толя рычит, матросский его лексикон, звенит в воздухе непотребством: «Я его...». Чёрная туча, нависшая над праздником, заслонила собой пока ещё ничего не разумеющие облака, но и сама отвалила за настороженные воды Сухоны.

А Валентина свою работу знает:

- Не ругайся Толя. Кто он против тебя? Наплевай-ко. Пойдём домой. А то опять участковый приедет. А зачем он нам, правда?

Чудеса потому и чудеса, что они всё-таки происходят

«Куколка» подхватывает буяна под руку, и он тут же преобразился. Смеётся, машет землякам рукой и идёт домой, аки телёнок на поводке. «У меня Валька - человек! - назидательно говорит гостям. - Я за неё кому угодно голову по левой резьбе сверну!» Валентина улыбается:

- Иди, давай, свернуло. Пусть люди повеселятся.

Уходят. Праздник снова ожил. Человеческим говорком зазвучала гармонь. И уже никому не верилось, что пять минут назад могло произойти землетрясение местного значения, а вот надо же: не состоялось. А всё Валентина. Как у неё это получается? Шепнёт что-то своему Толе - и пожалуйста. Тот улыбнётся озорно. Обведёт гостей весёлым, с хитринкой взглядом и повторит не раз сказанные им слова. Вернее, только подумает, а все услышат:

«Вот, смотрите, какая у меня жена! Такой больше нет. Знаю, что смеётесь надо мной. А мне нравится ей подчиняться. Кто бы я без неё? Иди, Валя, иди. Я от тебя не отстану. Кто я без тебя?»

Так и уйдут. Нежная рука Куколки крепче любых наручников держит. Но не в этом дело. Руки вон у всех есть, и подходящие даже, но никогда в них не будет той силы, какая появилась и живёт в душе любящей деревенской женщины. А умерла Валя рано, в шестьдесят два года. Когда её хоронили, все боялись смотреть в открытый гроб. Даже смерть не испортила лицо женщины, и она лежала как живая. Казалось, вот сейчас выйдет из гроба, улыбнётся своей неотразимой улыбкой и скажет: «Вы зачем здесь? Или в деревне летом дел нет?» И пойдёт по тропинке вверх, молодая, стройная, красивая. Недаром Куколкой звали.

Анатолий загоревал. А через год умер. Похоронили его рядом с Валентиной Сергеевной в сухом и чистом сосновом бору. На две любви в тех краях стало меньше.

СТРАДА Размышления о крестьянском труде

Непонятная болезнь в одночасье свалила в больницу никогда раньше не болевшую доярку, которую даже в юности все звали Татьяной Алексеевной. Есть ещё в наших деревнях люди, не мыслящие себя без любимого, однажды выбранного дела. К ним не пристают сплетни, прозвища, они никогда не участвуют в деревенских дразгах, честны, скромны, их уважают. Такова Татьяна Алексеевна. Она, в отличие от записных правдолюбцев и борцов за справедливость, которые могут трепаться на собраниях часами, говорила о недостатках коротко, как-то извинительно, но всегда умно и по делу. Именно её слова имели вес и для ночного скотника, и для секретаря горкома, недоумевающего, почему в некоторых хозяйствах допускают «минус по молоку». То, что плюсовать до бесконечности не мог бы заставить даже Господь Бог, никого не касалось. В те благословенные, как сейчас кажется, времена жили какие-то богатырские дети, которым, если верить секретарю, всегда не хватало молока.

Я восхищался Татьяной Алексеевной, предлагал поберечь себя и сменить работу, но она категорически отказывалась. И вот эта проклятая болезнь. Естественно, приехав в город, я выбрал время её навестить.

В пятиместной палате Алексеевна находилась одна. Лежала, натянув одеяло до подбородка и, лишь увидев меня, чуть сдвинула его, хотела улыбнуться, но не получилось. Слезы сверкнули в тёмных впадинах глаз, но она тут же убрала их синеньким платочком - видимо, всегда держала его в ладони. Платок был совершенно сырой.

Господи, подумал я, почему, сейчас, когда ей плохо, то могучее государство,

на которое она работала с детства, куда-то смылось, бросило её на больничную койку и успокоилось, посчитав свою миссию в жизни Татьяны законченной?! А ведь так не должно быть. Весь мир, который кормят, одевают, делают пригодным для жизни люди, подобные Татьяне Алексеевне, должен крутиться, чтобы спасти её, если уж не из чувства будущего самосохранения, так хотя бы из чувства элементарной благодарности.

Труд таких людей позволяет артистам петь, политикам скандалить, банкирам получать бонусы. Именно он, по утверждению учёных, позволяет нам изображать из себя лучшее, что создала природа, а не бродить по планете, аки динозавры в поисках пропитания. Мы хитры и, восхваляя производительный труд, пытаемся переложить его на чьи-то плечи.

И сейчас помню в подробностях каждый миг моего посещения. Положил на тумбочку пакет с фруктами и тряпнёй.

Сел на старый, обтрёпанный стул и молчал. Надо было говорить, а я, немало поднаторевший в этом искусстве на многочисленных собраниях, не знал, о чём. Было ясно: всё сейчас сказанное - банально, глупо и совершенно ничего не стоит. Смотрел в окно, заполненное не повесенному хмурым небом, словно оно могло подсказать единственно правильные слова. Слабый голос Татьяны Алексеевны перебил мои тщетные поиски:

- Иванович, кого на мою группу подменной-то поставили? Неужто Машку-пьяницу? Всех коров доведёт, запустит. А у них сейчас отёлы, раздаивать бы надо.

Что-то оборвалось в моей душе: «Какие, к чёрту, коровы, какая Машка, если ты едва жива?» - чуть было не крикнул я, но вовремя спохватился и, стараясь казаться спокойным, пообещал:

- Алексеевна, не переживай, разберусь, если что - специалисты будут твоих коров доить. Только поправляйся!

Помню, хотел сказать что-то ещё, но махнул рукой и выскочил из палаты. Сбегаю по широкой больничной лестнице, я давил в себе слёзы и смог вздохнуть, лишь когда весенний прохладный ветер ударил мне в лицо.

Ночь, темень, грязь, которую чувствуешь сквозь застревающую в ней промокшую обувь. Девочка, за угловатыми плечиками которой нет и десяти лет, схватившись за мамкин сарафан, чтобы не отстать и не потеряться, пробирается на ферму. Фонарь вечером оставили на работе: бригадир велел беречь керосин. Хочется спать, но кто тогда поможет мамке на ферме? Она вон едва на ногах держится от голода. От травы да мха какие силы. Только живот пучит. Вот если бы обрату разрешили попить! Телятам, говорят, надо. А мы бы и выпили-то капельку. Много нельзя, умереть можно.

А днём к ним придёт бригадир и, словно споткнувшись о нищету, увидев провалившиеся, окаймлённые чёрным мамкины глаза, всё-таки попросит её сходить на сенокос:

- Это не тяжело, только валки посушить.

Самого себя стыдясь, выскочит комиссованный по ранению мужик на улицу, обтирая скомканным картузом ненужную на его должности сырость. И мама пойдёт.

«У нас хороший бригадир, - зевая, думает девочка, - в соседней деревне вон малыш боронил да уснул прямо на лошади. Так его бригадир - кнутом. Мамка говорит, что правильно. Если все спать на работе будут, мужики на фронте с голоду умрут. А мне жалко».

Вот и ферма. Зажгла фонарь, по-бабьи подоткнула платёшишко, косынку подвезала и, схватив молочное ведро, пошла к оглядывающемуся, мыкающему стаду.

Так она ходила сорок лет. Золушка, никогда не ставшая принцессой. Кормилица и спасительница изуродованной войной

страны. Отец не вернулся. Беспросветная, ничего доброго не обещавшая жизнь тяжёлым крестом давила мать. Она ушла навсегда весной, когда в третий раз вербашки на ивах распустились, а на южных проталинах, словно осколки ласкового солнышка, вспыхнули цветы мать-и-мачехи. Тяжко умирать весной. Вот она, жизнь, рядышком за окном, скворец вон прилетел, а петь будет уже без тебя.

Ещё на поминках председатель отвёл в сторону и, опустив глаза к полу, сказал:

- Возьми мамкиных коров, Татьяна, жалко на чужие руки отдавать.

Хороший, но беспощадный к бездельникам был председатель. Из тех, что верили: через две точки можно провести только одну прямую линию, и это линия партии. Ни себя, ни людей не жалел. Не всем нравилось, и его «съели». А после него по семь человек за год председательствовало. Всякое было. Терпели. Скот - не станок, не бросишь. Поревёшь вместе с коровами над скудным кормом, о начальстве нелестно подумаешь, а привыкшие руки делают знакомую работу.

- Баскими не были, а молодыми были, - судачат, пригревшись на завалинке, старухи, словно извиняясь за свою былую любовь к парням-одногодкам. Для многих из них любовь да рождение детей были теми счастливыми рассветами, ради которых можно перетерпеть многие жизненные невзгоды.

Тане повезло. Муж оказался добрым и мастеровым. Сначала и не пил. Но за хорошие дела - починил самовар или поросёнка на мясо забил - расплачивались, понятно, «угощением». На стреленском сплаве вообще только водкой рассчитывались. Вот и сорвался. А потом погиб в перевернувшемся тракторе. Сына и дочь оставил.

А уж когда деньги на работе стали платить, она научилась их беречь, распознала их силу, на всём сэкономила и радовалась каждому отложенному рублю. Не ведала,

что придёт час - и не продотряд, не вор, а президент, за которого она голосовала, оправдываясь демократическими преобразованиями и обещаниями счастья, отнимет её кровные, словно самый последний жулик.

Преобразования произошли, народные деньги достались единицам. Только на её счастье, как всегда, не хватило. Слава Богу, дети к тому времени уж были выучены. Сейчас тоже в начальстве, домой редко наезжают. Перед тем как лечь спать, смотрит новости и, насмотревшись, что чем выше начальник, тем злее ворует, молит Бога за детей: только бы они не споткнулись, не оскотинились. Ибо скотину всё равно на забой отправят. Тревожно. Всегда в передовых была, а медалки не дали. Да и Бог с ней. Руки вот к ночи болят, пальцы кривиться стали, а так бы жить можно. На праздник недавно приглашали. Ездил. Свету-то сколько зря жгут...

* * *

Нет, не по болтливости посвятил я скупые эти строчки судьбе одной из миллионов сельских жительниц. Мне выпала честь нести вместе с ними один, иногда непомерно тяжёлый, крест. Правда, другие уже были времена, и крестьян стали считать за людей, выдав им паспорта, назначили пенсию - аж двенадцать рублей. И даже с высоких трибун заговорили об успешных доярках и телятницах.

Строиться начали, и дети рождались, не дожидаясь материнского капитала, и уж поверилось: всё наладится. Но случился непостижимый умом нормального человека развал страны, разграбление сельского хозяйства. И те, чьи сердца не очерствели, не могли уже ничего поделать, кроме как напоминать в книгах и с кремлёвских трибун, что даже израненная страна не допускала запустения святого поля Руси; напоминать о голодных

женщинах, которые несли в котомочках семена для посева за пятьдесят и более вёрст, о детях и мужиках-инвалидах, везущих на конных санях и телегах солярку; о матерях, отдающих голодному ребёнку последнюю клеверную лепёшку.

Бескрылые ангелы, усталые и бескорыстные спасители России... За что, как проклятье небес, холодом мучил вас, безропотных и уставших, поздний черёмуховый отзимок? Какие силы помогли пережить ставший болезнью страх похоронки и как не сошли вы с ума, когда голодная смерть забирала безгрешных, но не видевших счастья детей? Плакала Богородица. Плакали земные милые сёстры, но те, кто могли бы защитить и утешить, сами сгорали в беспощадном огне войны.

Страда - так точно и ёмко назвать крестьянские будни мог только тот, кто ладно определял готовность земли принять семена, кто с тревогой смотрел в июльское небо, страшась ненужного в сенокос дождя, кто уходил от ставшего беспомощным, застрявшего в сыром поле комбайна, стирая пропитанной солярой рукой то ли дождевые капли, то ли бессильные слёзы от проигранного не по его вине сражения.

Отношение к родной земле - это всегда понятие нравственное, духовное или как сейчас - безнравственно-продажное.

Как мы будем жить, когда уйдут с последних ферм и полей такие, как Татьяна Алексеевна, переживающая о чужих коровах, как тот комбайнер, грозящий кулаком небу за бессовестный дождь? Кого впряжём мы в российскую тройку, коли все хотят быть наездниками и никто лошадьми?

Смотрю иногда детские конкурсы красоты, смотрю, как, изнывая от фальшивого счастья, выходит замуж пятикратная невеста. По поводу избавления родителей от неё - салюты, французские вина, дорогие подарки.

А я ругал доярку за перерасход молока для телят. За невыключенную лампочку.

Мои специалисты выискивали пути экономии воды, зарплаты, топлива... Мы, как оказалось, наивно думали, что такими мерами способствуем построению справедливого и доброго для всех общества, где трудолюбие будет и национальной идеей, и гарантом благополучия и почёта. Не получилось.

Но мы живы. Сужаются горизонты, мельчают помыслы, и уже кавалерийская атака в старом кино не вызывает желания к ней присоединиться. Всё меньше надежд, что разбуженное рокотом тракторов поле отзовется хлебом, что вернется заботливый, смекалистый мужик и, поддержанный делами нового, более развитого начальства, будет защитником и опорой разорённых, невинно убитых деревень. И Бог будет ему в помощь.

* * *

Недавно, проезжая по знакомым местам, я решил зайти к Татьяне Алексеевне домой. В захлащённом до ужаса жилище неопрятные незнакомые мне люди сказали, что она недавно умерла.

С уцелевшей иконы с укоризной смотрел на меня образ святого. Я выскочил на улицу, а в висках обречённой птицей билась мысль: неужели эти люди и есть новые хозяева родных нам мест? Чем лучше они врагов, устраивающих конюшни в наших церквях? Что ещё должно случиться, чтобы тревожно и больно стало не только сельским жителям страны, но и тем, кто на Конституции клялся «верно служить народу»?

Друг включил магнитолау. Проникновенно пела Екатерина Шаврина: «Грустить с тобой, земля моя, и праздновать с тобой». Татьяна Алексеевна любила эту песню, но никогда больше её не услышит.

Остаётся только грустить. Кто бы сказал - доколе?

28.03.2014

СВАДЬБА В СТРАДУ

День начался с того, что удалось, наконец, договориться о машинах на перевозку зерна на базу хлебопродуктов и тем самым хоть частично освободить склады и зернотока от гор поступившего с полей урожая. У нас всё не слава Богу: неурожаем и плохая погода - худо; хороший хлеб и хорошая погода - зернотока захлёбываются от потока сырого зерна, не в состоянии его просортировать и высушить.

Это где-то на юге хлеб может громадными конусами лежать под открытым небом и не портиться. А у нас в Нечерноземье так нельзя: суток хватит, чтобы сырое зерно начало греться, плесневеть и тем самым приходит в совершенную негодность. Останавливать уборку - преступление, вдруг пойдут обложные дожди, и готовый уже хлеб осыплется и прорастёт на радость грачам и воронам. На планёрках весь разговор крутится возле одного: где найти транспорт для отвозки зерна в район и что ещё можно приспособить под хранение зерна.

Вот в эту пору непростую нет-нет, да и появится у кого-нибудь из молодых жителей деревень желание немедленно жениться. Само по себе дело хорошее, радостное, а с точки зрения хозяйственной - сущее безобразие. Всё потому, что на таких свадьбах гуляет вся деревня, и гуляет законных три дня.

Всё остальное, не зная о счастье молодых, развивается по старому крестьянскому сценарию. Свадьба поёт, пляшет и танцует. Уборочная техника стоит, зерно прееет... Если и придут машины для его спасения, то грузить некому.

Изменить ситуацию, то есть прекратить свадебное гулянье, способен, возможно, Господь Бог, но у него и других дел невпроворот. Да и нехорошо как-то: у людей праздник, а ты тут с каким-то зерном. Оно, зерно-то, ещё не один год будет,

а свадьба - раз в жизни. Должна быть, по крайней мере.

И вот приехали в деревню, качающуюся от веселья, три главных местных начальника: председатель сельсовета, парторг и директор. Глядь, а кругом ни души. Вопросы решать не с кем. Все на свадьбе. Директор понял ситуацию и представил себе, как зерно превращается в ядовитую плесень и пыль. Он точно знал, что так и будет, если не найдут работников. Надо, значит, идти на свадьбу.

- И нас-то напоят, - сомнением сказал парторг.

- Ничего. Своим рюмкам мы хозяева. Иначе пропадёт хлеб, да и машины порожняком не отпавишь. Пошли.

Едва появились в зале, всё внимание присутствующих сосредоточилось на них. Ох уж эта народная любовь... Под рюмку она острее проявляется. Но как-то искреннее, честнее, что ли...

Выпили за здоровье молодых. И тогда встал директор и, смущаясь, но всерьёз, медленно подбирая нужные слова, сказал:

- Земляки! Сегодня у всех жителей деревни праздник. Особенно значим он для молодых, и я искренне поздравляю их с этим радостным событием в жизни - и, конечно, желаю им столько счастья, сколько зерна лежит сейчас на наших зернотоках и складах. Но счастье, как и зерно, надо беречь. Я знаю, что вы не хотели бы омрачить первый день совместной жизни молодожёнов известием о том, что празднуя, мы допустили порчу хлеба. Того самого хлеба, который мы сеяли весной, уставая, недосыпая, мучаясь в бездорожье. Который берегли и подкармливали летом и который откликнулся на наши труды щедрым урожаем. Мне неловко это говорить, но я хочу, чтобы все присутствующие на свадьбе сейчас встали, переоделись и пришли на склады и зернотока, лопатить и грузить зерно.

Много сейчас развелось деятелей, которые считают, что весь русский народ -

это только хмельные завсегдатаи пивных, которые с утра хлещут вино на задворках магазинов. И на этом основании некоторые сограждане, особенно увлекающиеся оппозиционными взглядами, считают, что русский сельский житель только тем и знаменит, что, соблюдая некрасовский завет, «до смерти работает, до полусмерти пьёт». Те же люди полагают, что он, русский мужик, в своё время, будучи «в нетрезвом состоянии», побил организованных и пунктуальных немцев, и теперь мы живём худо.

Но в тот свадебный день все, кто был на гулянье, пошли на зернотока, не переодеваясь. И это давало начальству право думать, что ни мат, ни угрозы, ни лишение части заработка не пугают крестьянскую душу. Зато доброе слово, по делу сказанное, непременно достигнет самых сокровенных хранилищ совести. И тогда?! Да хоть в атаку!

Мелькали ведра, высыпая в кузова машин зерно, блестели лопаты, перекидывающие его в закроахи под навесами. Белые рубашки превращались в серые. Пиджаки, повешенные где попало, тоже покрывались пылью, и только души людей, в едином порыве спасающих хлеб, были как никогда чисты. Когда машины ушли, переваливаясь с боку на бок от тяжести груза и лопаты подняли в воздух последние груды зерна, все собрались у автомобильных весов.

Директор зачем-то отошёл в сторонку. Отвернулся. Но даже пьяненький заведующий мастерскими, обычно любивший в этом состоянии поговорить с начальством «за жизнь», не только не подошёл сам, но не позволял это делать другим. Принесли со свадьбы ящик водки и закуски. А потом плясали и пели песни. Всё было так искренне, так от души и так радостно, как, к сожалению, уже не поют и не пляшут в наши дни. Нет причины. Да и свадьбы в деревнях редки.

Вологда - значит красивая

Вологодчины свет золотой. Сборник стихов поэтов разных эпох. - Вологда: Полиграф-Периодика, 2021

Что означает это загадочное имя - Вологда?.. Идет оно от русского «волока», как писал Александр Яшин? Или это «светлая, прозрачная вода», как говорят исследователи, выводя название города из наречий финно-угорской группы? Или слово это ничего не значит, как утверждает автор популярной, к сожалению, песенки: «Вологда-гда»...

На обложке этого фолианта - знакомые каждому вологжанину Софийские купола, намеченные золотой штриховкой. Название «Вологодчины свет золотой» сразу отсылает читателя к рисунку, рисунок подкрепляет название. Золото - это могущество, богатство... Значит, и книга - о силе и славе, о мощи и благосостоянии...

Книга представляет собой, как говорит подзаголовок на титульном листе, сборник стихов поэтов разных эпох. И в самом деле, в стихах 120 поэтов есть слова и об исторической мощи, и о природных богатствах.

Но - стихи говорят не только и не столько об этом. Среди авторов - Нобелевский лауреат Иван Бунин - и Николай Рубцов, единственная награда которого - всенародная любовь (а разве она не стоит сотни самых престижных премий!). Любимец советской власти и её вдохновенный певец Константин Симонов - и умерший в забвении и нищете в чужом эстонском краю эмигрант Игорь-Северянин (именно так, через дефис, писал поэт Игорь Лотарев свой псевдоним). Многолетние вологжане Василий Белов, Ольга Фокина, Борис Чулков, Нина Груздева - и недолго у нас гостившие Николай Тряпкин, Глеб Горбовский, Евгений Евтушенко, Иосиф Бродский (связь этого нобелиата с Вологдой ограничилась недолгим пребыванием в пересыльной тюрьме - на пути в конюшскую ссылку)... Всех не перечислить; есть среди авторов стихов о нашем городе люди, известные всему миру, - и те, чьи имена остались разве в памяти родственников... Многие поэты, известные и забытые, видят в Вологде в первую очередь красоту. Особенную, русскую, душевную, проникновенную - красоту прежде всего духа. Не зря же о хорошем человеке лучший отзыв: «золотой человек». Вот и свет золотой нашего края - не только в пейзажах и архитектуре, но и в душах вологжан.

Составитель сборника - известный русский писатель Александр Цыганов, много лет живущий в Вологде, - сумел отобрать из тысяч поэтических строк те, что показывают нам красоту родного города, его своеобразие, сохраненное, несмотря на множество новостроек и перестроек. Несомненно, эта героическая работа заслуживает самой высокой оценки.

Книга «Вологодчины свет золотой», изданная по поручению Губернатора области Олега Кувшинникова, поступит в библиотеки области.

Замечательный русский поэт Николай Тряпкин писал: «Не скупы вологодцы на праздники...». Да, мы рады праздникам, но нынешнее время на общие радости не богато. Выход в свет книги «Вологодчины свет золотой» - большой, хороший праздник для всех, кто любит наш край (а значит, для всех, кто живёт на Вологодчине!).

Анатолий Ехалов

Заслуженный работник культуры Российской Федерации, писатель, тележурналист, действительный член Петровской академии наук и искусств, член Союза писателей России. Анатолий Константинович Ехалов родился 28 марта 1951 года в деревне Новинка Ярославской области в семье учителя. Вскоре семья переехала в Шекснинский район Вологодской области. Анатолий окончил факультет журналистики Ленинградского университета. Автор более 15 книг прозы и публицистики, «Вологодский ЛАД» неоднократно публиковал его рассказы и повести. Анатолий Ехалов - автор большого количества сценариев для документального кино, постановщик народных праздников (праздник Топора, праздник Коровы, праздник Коня, «Шоу драндулетов», «В снегах Кириллова» и др.). Всё его творчество наполнено любовью и состраданием к человеческим судьбам. Совместно с ленинградским режиссером Александром Сидельниковым работал над документальными фильмами: «Преображение» (1988), «Вологодский романс» (1991), «Компьютерные игры» (1997). Анатолий Ехалов - лауреат многочисленных премий и фестивалей в области литературы и кино: им. Валентина Овечкина, им. Николая Лескова, им. Владимира Гиляровского, «Золотой витязь», Национальной премии «Ника», «Золотой бубен», Государственной премии Вологодской области за цикл телепередач «С Ехаловым по Вологодчине».

Александр Сидельников: человек с камерой на фоне горящего дома

ГЛАВЫ ИЗ БУДУЩЕЙ КНИГИ

Я не буду пересказывать содержание Сашиних фильмов, проще их пересмотреть. Не буду и анализировать их. На это есть специалисты. Но мне как писателю хочется рассказать о героях этих фильмов и в какой-то степени о том, как снималось кино.

Может быть, эти рассказы помогут вам составить портрет режиссера и времени.

«КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ»*

Была середина зимы 86-го года. Страну уже несло в открытый океан на встречу жестоким испытаниям. Было тревожно и одновременно весело, поскольку была еще надежда на лучшее будущее для России.

Позвонил Володя Шириков, мой большой друг, бывший в ту пору секретарем писательской организации, и попросил прийти в союз.

В писательской организации сидел незнакомый мне молодой мужчина. Он поднялся для приветствия, заметно стесняясь своего высокого роста, заулыбался.

Это был режиссер из «Леннаучфильма» Александр Сидельников. Только что он приехал из аральских степей, ставших недавно пустыней. Записывал интервью по поводу обмеления Амударьи и озера Арал. Надо заметить, что взгляд у него был удрученный; как потом оказалось, и у всей съемочной группы настроение было неважное.

Саша снимал фильм о вреде техногенных проектов, забывающих о человеке, его душе, нравственных устремлениях. Так и в случае с Аралом. Поставив вели-

кую азиатскую реку на службу сельскому хозяйству, орошению хлопковых полей, в погоне за объемами, ученые погубили чудесное озеро, превратив цветущие степи в пустыню...

Это была вторая по задумкам режиссера часть фильма. Нужно было наполнить первую часть последствиями так называемого сселения неперспективных деревень на Севере страны, инициированного академиком Заславской.

Александр Сидельников с женой, Валентиной Гуркаленко, и детьми

* Документальный фильм. Киностудия «Леннаучфильм». 1987 г.

Фильм, как это часто бывает, должен был лежать на монтажном столе, готовиться в сдачу. А к съемкам второй половины еще не приступали. Более того, не было представления, куда ехать, с кем встречаться, кого снимать...

Шириков просил меня помочь молодому режиссеру из Ленинграда.

- Ты-то ведь все знаешь, - сказал он. - Книгу публицистики о северной деревне готовишь к изданию. Надо ребят выручить.

- Съемочная группа здесь? - спросил я Сидельникова.

- Сидят в гостинице.

- Поехали...

Через три часа мы были на реке Двине в Коданове, у старого моего знакомого Николая Малова, бригадира совхоза, крестьянина, обладавшего философским складом ума.

Коданово было центром полутора десятка деревень, а место это называлось в народе «золотым доньшком». Мельницы, сыроварни, маслозавод, церковь, школа-семилетка, медпункт - все было уже закрыто, народ разъехался, и только Малов со своей семьей пытался удержать свой край от запустения. В брошенных деревнях, заросших бурьяном и заметенных снегами, где только волки торили тропы от селения к селению, доживали свой век последние старухи, чьими трудами когда-то этот край был превращен в «золотое доньшко».

И таких брошенных деревень на территории Вологодчины было несколько тысяч. Одних пустующих домов, пригодных еще для жилья, насчитывалось более 20 тысяч...

Картины запустения потрясали. Северная деревня, отдав свои силы коллективизации, индустриализации, войнам, восстановлению разрушенного хозяйства, целине и космосу, обескровленная и оставленная, наконец, в покое, тихо умирала...

ХАРОВСКИЙ ХАРАКТЕР

Мы со съемочной группой оказались в Харовске, небольшом городке при железной дороге, который был при этом крупным промышленным и строительным центром.

Здесь был большой лесопромышленный комбинат, стекольный завод, который из золотых харовских песков плавил особой прочности стекло для аккумуляторов подводных лодок, шпалопропиточный завод, завод «Музлесдрев», который выпускал резонансную доску для производства музыкальных инструментов, и еще дымила трубами база сельской стройиндустрии, производящая железобетонные конструкции для сельского строительства. Были еще мощная мелиоративная база, занимавшаяся улучшением сельхозугодий, база сельхозхимии, работали дорожники, маслозавод и льнозавод, обслуживающий несколько районов.

Надо сказать, что Харовский район славился особым характером местных мужиков. Задиристые, ершистые, боевые, упорные. Этот характер унаследовал у своих земляков и Василий Иванович Белов.

В пору молодости работал я в Шекснинском районе в газете. И вот редактор выдал мне командировку - ехать с делегацией Шекснинского «Музлесдрева» в Харовск, на тамошний «Музлесдрев», подводить итоги социалистического соревнования.

Итоги подвели, потом было застолье в заводской столовой, потом все пошли в гостиницу продолжить братание, но дорогой возник спор о методах подведения итогов. Спор перерос в потасовку. Шекснинские тоже имели свой характер, так что победителей соревнования определяли кулаками до полуночи на улицах Харовска.

Наутро вновь собралась в заводской столовой провожать делегацию. Председатель завкома говорил речь, сияя фин-

галом. И еще многие представители той и иной стороны светили синяками.

В войну многие харовчане проявили особый героизм и храбрость. Василий Прокатов, например, раньше Александра Матросова закрыл амбразуру пулемета своей грудью, спасая товарищей...

А нас Харовск встретил неласково. Уже в гостинице возник конфликт во время заселения. Администратор отказалась взять у директора фильма мешок с рублевыми монетами, который выдали ему в питерском банке. Других денег в банке не оказалось. Мешок был опечатан сургучной печатью, но для харовской тетеньки на ресепшене печать госбанка не стала аргументом. Принять железными рублями плату за гостиницу она отказалась. Мы тоскливо зависли в холодном вестибюле абсолютно пустой гостиницы.

Еле-еле наскребли мы по карманам на номер и спали на полу вповалку.

Наверное, харовская тетенька была довольна: «Знай наших. Эко какие приволоклись с Питера... Съёмщики». Но надо сказать, что в деревнях Харовского района мы всегда встречали гостеприимство и радушие.

Я заметил, что Саша Сидельников в спор не вступал, никого не убеждал, не увещевал, а покорно сидел на скамье и ждал. Видимо, этой невозмутимости его научила вера. Я знал, что Сидельников - человек верующий, что в те времена было далеко не общим явлением.

Утром мы дождались открытия местного отделения банка, поменяли рубли железные на бумажные. Надо сказать, что и в банке смотрели на нас подозрительно до тех пор, пока я не позвонил первому секретарю райкома Бондареву.

С бумажными рублями мы смело уже позавтракали в столовой и отправились сначала в большое село Кумзеро, стоявшее

на берегу одноименного озера. Внимание Саши сразу же привлекла полуразрушенная церковь Флора и Лавра, а рядом с ней разрушенная Богоявленская.

В первой был смонтирован льнозавод, тоже наполовину уже разрушенный. Под конструкциями завода мы увидели раскуроченный тракторок... И, казалось, это разрушение будет продолжаться, вытекая одно из другого, пока злая воля не сведет на нет саму жизнь в этом краю.

Съемки из Кумзера войдут в начало следующего фильма Сидельникова «Преображение».

Потом мы сидели за самоваром у деревенского почтальона, не помню сейчас его фамилии, пришли соседки его, в прошлом доярки, тоже жалели деревню и минувшую жизнь, хотя она для них была невероятно трудной.

Потом поехали в село Азлу, оттуда в Тимонику, погостили в доме Белова.

Традиционная харовская деревня, воспетая Беловым, также умирала.

Василий Иванович был дома. Сидельникова он встретил настороженно. Он всегда настороженно относился к незнакомым людям, взыскующим его внимания. Прошил Сашу глазами-буравчиками и спросил жестко:

- Всё видел? Видел, что осталось от русской деревни? - спросил он так, будто Сидельников и был виноват в этом погроме.

- Видел, - отвечал Саша, как на экзамене.

- Ну, и что скажешь?

- Разрушают среду обитания русского человека, - отвечал Сидельников.

- Сам пришел к этой мысли? Или кто подсказал?

- Сам...

- Молодец, - сменил Белов тон на доверительный.

...Но надо быть справедливым. Картины разрухи многим горожанам, приезжавшим в деревни, застили глаза.

Разрушения - это была одна, прежде всего бросающаяся в глаза, сторона северного сельского хозяйства.

Однако была и другая. И то, что село было на подъеме, что в каждом хозяйстве строились крупные животноводческие комплексы, велись мелиоративные работы по улучшению земель, создавалось самое современное сушильное хозяйство для зерновых, одна за другой вступали в строй крупнейшие птицефабрики и свинофабрики, строились дороги, многими воспринималось как само собой разумеющееся. Или настороженно, как губительный, разрушительный техногенный процесс...

Вот и Василий Иванович во многом не принимал вторжение в природу. Мелиорацию ругал. А спустя тридцать лет, могу засвидетельствовать, руководители крупных хозяйств говорят мелиораторам спасибо: если бы тогда не было ее, сельское хозяйство уже перестало бы существовать.

О положительных сдвигах в северной деревне в творческой среде как-то не принято было говорить. Все перекрывала боль за утрачиваемую многовековую деревенскую культуру...

Обида за раскулаченных крестьян...

Насильственную коллективизацию.

Разрушенные церкви...

А была ли возможность сохранить древнюю крестьянскую культуру и технический прогресс на земле одновременно?

В фильме нет прямого ответа на эти вопросы. Не было его и самом обществе.

Спустя много лет жизнь сама будет на них отвечать нам, оставшимся жить.

С той зимней нечаянной экспедиции на съемках фильма «Компьютерные игры» и началась наша дружба с Сашей Сидельниковым, а потом и его женой Валентиной Ивановной Гуркаленко, художественным руководителем киностудии «Леннауч-

фильм», целым производством - фабрикой на улице Мельничной в Ленинграде, с их детьми Ваней и Аленой, с огромным количеством друзей, творческой интеллигенции Санкт-Петербурга.

Я часто приезжал к ним. Привозил с собой рыбу и пек пироги. Тут же, в маленькой квартирке на Варшавской, собиралась гости, друзья и товарищи с разговорами, песнями, проектами. Ели пироги и пили чай, веселились.

Надо заметить, что Валентина Ивановна была во всей этой питерской кампании и центром, и духовным лидером, и крестной мамой для многих взрослых и маленьких человечков, играющих в коридорах.

Саша жил планами и мыслями о будущих и снимаемых фильмах. И хотя порой казалось, что главную скрипку в семье играет жена, Валя говорила, что, если потребуется, Сашу не остановить. Он принимает решения самостоятельно. Перешагнет и пойдет в том направлении, который выберет сам...

Мы дружили так, как у нас говорят: «Эти-то робята и чаю друг без дружки пить не станут».

Так было до осени 1993 года. Накануне мы разговаривали с ним по телефону. Я был в дальних деревнях Бабушкинского района.

Позвонил с почты Саше в Ленинград. В Москве кипел котел страстей вокруг Белого дома.

- Как ты думаешь, Саша, чем всё это кончится?

- Не думаю, что всё это серьезно, - отвечал он. - Стоят люди, дрожжи ногами выбивают...

На следующий день я узнал, что Саша, взяв камеру, уехал в Москву. Без благословения духовника, отца Николая Беляева...

«ПРЕОБРАЖЕНИЕ»

В ту ночь, когда появилось сообщение о кончине Василия Ивановича, я работал

с интернетом. И буквально через пятнадцать минут на различных информационных сайтах появилась версия причины, повлекшей за собой смерть писателя. По этой злой версии писатель не смог перенести пришедшей к нему вести о разграблении и осквернении местными жителями восстановленной Беловым на свои деньги в конце восьмидесятых - начале девяностых годов деревенской церкви, возле которой он и завещал себя похоронить.

Сообщение о разграблении и осквернении церкви было придуманным, никто его не передавал больному Белову, и умер он от болезней, но эта фальшивка прилепилась, и с утра только мне позвонили представители десятка всевозможных СМИ, даже из Ганновера звонили по поводу оскверненной церкви.

Хоронить Белова всё же решили в Тимонихе, в родном краю, которому он посвятил всё свое творчество, который страстно защищал от наступающего запустения всеми доступными ему средствами: в газетах, журналах, книгах, в кабинетах больших чиновников, на трибуне Верховного Совета СССР.

Накануне в Тимониху был направлен бульдозер, который разгреб не тронутые ногой человека снега, открывая доступ к деревне писателя и еще двум соседним деревням - Гридинской и Дружинину, в которых давно уже не оставалось зимовать ни одного местного жителя...

Друзья и поклонники опустили гроб с телом основателя «деревенской прозы» в мерзлую землю, помянули его в родовом доме, протопленном по этому случаю волонтерами, и разъехались по большим и малым городам.

И осталась свежая могилка писателя одна среди безбрежных снегов, затопивших уснувшую округу, где только голодные волки топчут тропы меж деревьями, где еще несколько десятилетий кипела и сверкала красками такая радостная

и гармоничная жизнь северной крестьянской цивилизации...

В ту осень я провел две недели в поездках по Краснодарскому краю в поисках народных талантов. И после теплого солнца, ласкового моря, зрелища виноградников без конца и края, буйства фестивальных огней и плясок возвращение на северную родину, где стояла мокрогогодная глухая осень, было тягостным. Впервые любезная сердцу родина представилась заброшенным сельским кладбищем. Теперь еще и Тимониха, и сиротская могилка великого писателя...

Жизнь из наших северных деревень стремительно уходит. И снова и снова хочется понять: что это? Историческая закономерность, суровая логика рынка, железная поступь технологического прогресса?

Так ли неконкурентоспособным оказалось наше сельскохозяйственное производство?

В свое время Николай Верещагин, основатель маслодельческой отрасли в России говорил, что если есть заливные луга, то не нужны и золотые прииски. Действительно, в 1984 году СССР произвел 2 миллиона тонн сливочного масла, это больше, чем Франция, Англия, Германия и США вместе взятые. С этой вершины Горбачев начал разваливать страну.

Увы, только в Вологодской области за эти годы поголовье молочного скота сократилось с 280 тысяч голов до пятидесяти. Знаменитые заливные луга, прославившие в свое время Вологодчины вологодским маслом, зарастают диким бурьяном.

Однако не зря же мудрый Белов завещал похоронить себя в родной Тимонихе, где не осталось ни одного жителя. Наверное, он всё же верил подспудно в возрождение села, а вместе с ним и всей России.

...Уже давно живет в сердце ощущение, что Тимониха - родная мне деревня, хотя

я не так часто и бывал в родовом доме Василия Ивановича. Но всё в ней мне родное и близкое: и люди, и река, и бездонное озеро, и окрестные леса, и эта дорога из Шапши, многократно описанная Беловым.

Вспомнилась и история, как однажды к Белову в гости приехал вологодский журналист, лихой гармонист Александр Рачков. Дело было летом, напились чаю, Белов поднялся на светелку книжки писать, а Рачков с беловской гармонью устроился у дома на лавочке.

Часа два жарил. Пусто в деревне, некому сплясать, частушечку гаркнуть. И тут видит Рачков: останавливается против него мужик с чемоданами, весь в мыле.

- Ты, что ли, играл?

- Я!

- Спасибо тебе! Если бы не гармонь, не дошел бы до дома. Вышел из автобуса в Азле, попуток нет, а надо идти. Чемоданы чугунные. И вдруг слышу: беловская гармонь играет. Откуда силы взялись! Подхватил чемоданы - и ходу. Кончится игра - чемоданы из рук валятся. Так под гармошку и дошел...

Белов и сам гармонист хороший. Рассказывал мне Петр Алексеевич Неклюдов, бывший редактор грязовецкой районной газеты «Сельская новь», как принял на должность корреспондента деревенского паренька Васю Белова, окончившего ПТУ.

И вот как-то раз приходит в газету письмо от селькора из дальнего колхоза, в котором очень живописно рассказывается о колхозной расташиловке. Была в письме фраза, которая очень понравилась Белову - «украли стог наилучшего сена». И всё в письме было убедительно и до банальности правдиво.

Нужно бы выехать на место, разобратся, но Белов доверился и сдал письмо в печать, добавив от себя перчику. Фельетон так и назывался - «Украли стог наилучшего сена».

Через несколько дней приходит в редакцию очень неллицеприятное опровержение, которое подписали почти все члены колхоза. Надо как-то гасить конфликт. Неклюдов забирает Белова, и едут они в Сидорово, в ту самую дальнюю бригаду, где сено якобы украли.

Народу собралась полная бригадирова изба. Хмурые, злые сидят, на журналистов враждебно смотрят. Неклюдов уж думает: как бы не навалили...

А Белов заметил гармошку в углу, подтащил к себе, начал голоса пробовать.

Кто-то говорит:

- Чего кот за хвост дергать, играй по-настоящему!

Белов заиграл увереннее.

Народ повеселел.

- Жарь, - кричат, - на полную катушку!..

Вася и пошел жарить. Кто-то не выдержал и в пляс пошел. И понеслось! Столы задвигали, заслонкой печной загремели, кто в магазин, кто домой за пирогами...

До полуночи плясали да за здоровье гостей пили...

В конце застолья говорят:

- Никакого нам от вас опроверженья не надо. Мы на вас зла не держим. Почаще приезжайте к нам с этим гармонистом!

Белова всегда восхищало народное творчество. Мне довелось быть у него в гостях, когда пришло известие о присуждении Василию Ивановичу Государственной премии за «Воспитание по доктору Споку». Тогда еще не отказывавшийся от стопки, Василий Иванович выставил бутылку, но почему-то водка не пошла. И вообще я заметил, что Василий Иванович не испытывал большой радости от премии.

Он пошел меня провожать по ночной Вологде. Мы дошли уже до водонапорной башни, и тут я спел ему частушку, появившуюся в связи с введением зимнего времени... Частушка была почти непечатного свойства:

*У народа час отняли,
Ералаш на глобусе...*

И тут Белов прямо-таки подпрыгнул от радости:

- Вот народ! Во дает!

Мне показалось, что эта частушка принесла Белову больше радости, чем известие о премии.

Наверное, в 1978 году, ранним летом, Василию Ивановичу дали от обкома партии квартиру во «дворянском гнезде». И мы, пятеро добровольцев, перевозили скарб Василия Ивановича, еще не понимая, на какую работу подписались. Неплохо жили вологодские классики, партия о них заботилась, и денежки у них водились. Целый день таскали мы диваны, кресла, столы, стенки, огромное, не поддающееся учету количество книг, картин... Уже на закате, взмыленные, уселись мы за стол, приготовленный Анфисой Ивановной на кухне старой квартиры.

Василий Иванович ворчал. Новая квартира не радовала.

- Вот тут я привык работать, эта березка мне в окно заглядывала, нашептывала чего-то. А там - каменный мешок. Глазу не за что зацепиться. Так надо им - давай, давай!

Выпили по стопке, похлебали «супцо», приходя в себя от тяжелейших трудов. Был с нами молодой сотрудник, работавший у меня в сельском отделе «Вологодского комсомольца», - Толя Смирнов. Он жил в деревне около станции Дикой, перебивался в общаге обкома комсомола и собирал документы для поступления в Литературный институт на поэтическое отделение.

На Белова Толя смотрел, не веря самому себе, как на Бога, который почему-то спустился с небес и запросто сидит с нами и ест суп. Но недолго он молчал ошарашенно, уже со второй стопкой он встал и срывающимся голосом стал говорить тост, чтобы мы выпили за великую честь, за великого писателя, создателя великих произведений...

Белов досадливо крикнул. Толку пришлось отправить домой, поскольку он так и не пришел в себя от потрясения, постигшего его.

Утром я узнал, что, пытаясь погасить бушующие чувства от встречи с великим писателем, он купил водки, выпил у себя в комнатке и стал полемизировать с воображаемым противником, выкрикивая обвинения несуществующему оппоненту: «Я поэт, а ты дерьмо!» - и так разошелся, что соседи вызвали милицию, думая, что за стенкой начинается драка. Забегая вперед, скажу, что в Литинститут Толя поступил, стихи у него были хорошие, но присущая ему восторженность души подвигла его весной повторить поступок Юрия Кузнецова - выпрыгнуть в раскрытое окно пятого этажа. Толя переломал ноги, из института его отчислили, он продолжал писать стихи, но уже не столь страстные.

Надо сказать, что в семидесятых-восьмидесятых годах под шатром сформировавшихся, известных и великих писателей Вологодчины взросло такое количество молодого подростка, что если бы все они благополучно развивались, то сегодня мы имели бы столько поэтов и прозаиков, которых в лихвой, как говорил Василий Иванович, хватило бы на какую-либо европейскую страну. Однако новой России 90-х мыслители и поэты были не нужны.

В тот весенний вечер, сидя у раскрытого окна напротив любимой березки Белова, мы пели. Сережа Чухин, подыгрывая одной гитарной струной, закрыв глаза, пел старинную шалыпинскую:

- Ничего в волнах не видно, не видно... Только слышно да только слышно... Одна лодочка чернеет...

Василий Иванович радовался и хвалил Сергея:

- Настоящий талант виден сразу.

Но таланту Чухина тоже не случилось развиваться по своему дарованию. На поэтической площадке Вологодчины было уже

тесно, и издавать книжки Чухину удавалось редко. А жить было нечем...

В сумерках стали расходиться. Мы вышли во двор, где стоял «уазик» Белова.

- Ты не торопишься? Давай посидим еще в машине, - предложил Белов. - Надоела эта суета, толкотня... Махнуть бы куда, где попроще.

- Поехали ко мне в деревню, проведем Валентина Муравьева... В бане попаримся...

Валентин Федорович Муравьев, мой старший друг, работал тогда директором Шекснинской птицефабрики.

- Вальку я люблю, - обрадовался Белов. - Настоящий мужик. Поехали!

Но тут открылась дверь соседнего дома, и на улицу вышли, воровато оглядываясь, два молодца.

- Кэгэбэшники, - сказал убежденно Василий Иванович. - Я эту породу на расстоянии чую.

А молодцы уже увидели машину и нас, сидящих в ней.

- Василий Иванович! - запричитали они, - какая радость! Подпишите книжки.

- Какие книги среди ночи! - резко ответил Белов.

- Тогда просьба к вам: отвезите нас в бассейн! Нас там ждут!

- При одном условии, - отвечал резко Белов. - Что мы с Толей в этом бассейне будем плавать. И чтобы нигде моя фамилия не звучала.

- Всё будет в лучшем виде, Василий Иванович. Мы только за полотенцами сбегает.

Белов оказался прав, это были сотрудники «органов», которые находились в учебном отпуске и сдавали экзамены и зачеты в Вологодском филиале юридической академии. Они решили устроить ночное купание своим московским преподавателям в городском бассейне. И тут подвернулись мы с Беловым.

Все-таки Василий Иванович был большим авантюристом.

Мы плавали в бассейне скромно. Отдельно от резвящихся юристов, ведя тихие разговоры. На Белове были большие голубенькие домашние трусы, которые вместе с воинственно торчащей бородой придавали ему довольно странный сказочный вид.

- Представляешь, первый раз здесь. Это купание в сорок тысяч рубликов обошлось.

- Как так?

- Когда я был секретарем Грязовецкого райкома комсомола, на субботниках и воскресниках мы заработали сорок тысяч рублей и перечислили в фонд строительства областного Центра молодежи. А построили бассейн... Вот и получается, что наше купание обошлось в сорок тысяч. Кто еще из грязовецких колхозников в этом бассейне купался?

Тут юридическая часть купавшихся, чувствовавшая себя хозяевами бассейна, играя мышцами, поднялась на вышку и стала провоцировать Белова прыгнуть с десятиметровой высоты.

- А что, Василий Иванович! Слабо прыгнуть?

И тут Белов подплыл к нырялке и стал подниматься вверх, сердито сопя.

- Василий Иванович! - бежал я следом, - вернись! Я прыгну за тебя. Для меня это привычно.

- Нет! Я буду прыгать.

Остановить его было невозможно. Харовский упертый характер! Но когда он вышел на доску трамплина и доска качнулась, когда огляделся и понял, на какой он жуткой высоте, я увидел, что ноги его дрогнули.

- Василий Иванович!

Но было поздно. Белов хотел нырнуть руками вниз - «рыбкой» и уже начал движение, но передумал, решив прыгать «солдатином», а в итоге сорвался с доски плашкой, не успев развернуться ни вверх, ни вниз. Удар о воду был жуткий.

Я тут же нырнул за ним. Когда я выско-чил на поверхность, Белов был рядом. Тело его было красно, труссы сорвало... Но, пре-одолевая боль, он, похоже, радовался.

- Брюхо отбило напрочь! Брюхо лопнет - наплевать, под рубахой не видать... А вот глаз выхвостнуло.

Он не подал своим предполагаемым соперникам никакого вида о поражении...

Потом мы еще сидели в гостинице у мо-сковских юристов. Последние заискивали перед Беловым, а он был с ними довольно резок. Кто-то принялся читать свои стихи. Белов его остановил.

- Не надо вам писать. Это графома-ния...

На этом и расстались. В деревню было ехать уже поздно или еще рано, и Белов вернулся в свою новую квартиру, я - в свою комнату на улице Яшина.

Кстати сказать, мне еще раз довелось перевозить Белова с квартиры на кварти-ру. Это было уже в 86-м году. Белову дали квартиру в новом обкомовском доме. Ве-щей, книг оказалось еще больше. Мы едва управились к вечеру. С нами пошли грузить и таскать вещи еще два старших товарища из партийной газеты «Красный Север», которых мучило похмелье. А похмельиться обычным порядком в ту пору в Вологде, да и во всей стране, было практически невоз-можно. В стране не без стараний Белова всю боролись с пьянством.

Они надеялись, что Василий Иванович проставится.

И вот к вечеру мы разгрузили старую квартиру Белова и по традиции сели за стол. Анфиса Ивановна, мать Белова, приготовила нам обед, выставила пиро-ги. Слово было за хозяином, но водки на столе не появилось, наши старшие товарищи с тоской смотрели на Белова.

Белов хитро усмехнулся.

- Водки нет у меня, - сказал он нако-нец. - Водка - отрава. Не могу же я травить своих друзей.

На наших товарищей было больно смотреть.

- Не знаю, был у меня на балконе оде-нок «Рябины на коньяке», - сказал Белов, нехотя поднимаясь.

Через минуту он поставил на стол отку-поренную и наполовину пустую бутылку с «Рябиной на коньяке». В бутылке кверху ногами плавала большая зеленая муха...

...Праздновали юбилей Романова Александра Александровича в деревне Пе-тряево. Тогда уже ни Белов, ни я не пили горькой. И мы пошли из душной избы прогуляться, вспоминая истории из кре-стьянской жизни. На берегу Корбанги мы разделись и вошли в реку. Она была настолько мелка, что едва достигала нам по щиколотки. Мы шли по реке в поисках какой-нибудь глубокой подбережицы, но увы...

Под ногами песок и пустые раковины. Белов поднимал их и разглядывал перла-мутровую внутренность.

- Ты знаешь, раньше крестьяне добы-вали в этих раковинах жемчуг. Жемчуг перекаточный. У каждой крестьянки был кокошник, вышитый этим жемчугом. Мы плохо знаем свою историю и кре-стьянский быт. Крестьянская семья была очень богатой, но это богатство было иного свойства, которое деньгами не оценишь.

Мы снова вышли на берег. И тут я за-метил, что наша одежда разбросана в бес-порядке по лугу. Карманы моей рубашки вывернуты. Рядом валялось писательское удостоверение и изжеванные долларовые бумажки.

Это похозяйничали овцы, которые паслись на лугу.

У Белова тоже были вывернуты карма-ны, но его деньги были не тронуты.

Василий Иванович даже обиделся.

- Ты посмотри, даже скотина нашими деревянными рублями погнушалась. Жди беды!

Беда уже, не спрашиваясь, валила в наши ворота...

...К семидесятилетнему юбилею Белова меня попросили написать сценарий и выступить в качестве ведущего этого вечера в Вологодском областном драматическом театре.

Я решил поставить на сцене большой стол с яствами, с пятиведерным самоваром в центре. Яства - крестьянские пироги всевозможные, варенье, мед, ягоды для гостей... На заднике был изображен дом Белова. На сцене стояли телеги, в которых на мешках лежали и сидели дети. Получилось красиво. Белову эскиз понравился. Понравился и сценарий. Но сам он, зная свой ершистый характер, сказал мне:

- Ты, если я там начну не то городить, возьми как-нибудь палку и дай мне по башке...

- Прямо на сцене? - засмеялся я.

- А что? Бей не жалея. И жена моя просила это тебе передать.

Да, я знал, как трудно управиться с Василием Ивановичем, вписать его в заранее подготовленный сценарий...

И вот юбилейный вечер. Зал полон. Гости из Москвы, дальнего и ближнего зарубежья, из русских городов, вологодских деревень.

Перед сценой опустился занавес, возникла дорога, ведущая в Тимонику, и Василий Иванович, идущий этой дорогой. Хотя и шагал он с палочкой, но он быстро увеличивался и вот уже огромный, во весь экран, шагнул в зрительный зал.

Когда поднялся экран и Белов, настоящий, в сопровождении детей, под величальные песни вышел на сцену, зал встал и устроил овацию.

Но едва стихли аплодисменты, как сценарий мой был погран.

Остановившись перед накрытым столом, Белов прищурился и спросил ехидно меня:

- А за чей счет этот банкет? На народные деньги гуляем?

- Конечно, на народные, - пришлось отвечать мне. - Пироги народ напек, мед, ягоды, варенье - все из вологодских деревень поклонники прислали. Ну, а на чай писатели скинулись.

- Ну, тогда ладно, - согласился Белов, но садиться в предложенное кресло не стал. - Яшин всегда так спрашивал: за чей счет гуляем? Дай-ка лучше мне микрофон, я тут всю ночь выступление на бумажке писал, надо прочитать народу.

- Да ведь мы договорились работать по сценарию, - отказал я ему и микрофона не дал. - Вот придет время, и я передам микрофон.

- Нет, ты мне сейчас дай!

Признаться, мне захотелось стукнуть его микрофоном по голове, как он и просил заранее.

Но публика уже скандировала:

- Белову слово!

Все мои сценарные придумки с музыкой, пением, деревенскими звуками, чтением замечательных страниц из беловского очерка «Душа бессмертна», рухнули.

Я передал обреченно Василию Ивановичу, который что-то напряженно искал по карманам, включенный микрофон.

- Выступление свое потерял. Придется так говорить, - сказал он в микрофон.

- Слово! - скандировал зал.

- Ладно, - обратился он в зал, - скажу. Тут у меня вчера последний зуб вывалился. Ха-а. Зуб мудрости. И только тогда я понял, что я не еврей. Слышите, я больше не картавлю...

Тут он повернулся ко мне:

- Кажется, я наговорил лишку. Теперь мне от жены влетит. - И передал мне микрофон: - Веди дальше...

За десять последующих лет Тимониха вовсе обезлюдела. Василий Иванович болел сильно и уже не в состоянии был присматривать за своим деревенским

хозяйством. Дурная трава захлестнула деревню, в доме его соседа Фауста прямо в крыльце выросла черемуха. Придет весна, и случайно брошенный окурочок может смести деревню за полчаса.

Как помочь? И чем помочь? Раздражали многолетние пустые разговоры о необходимости создания заповедника в Тимонихе.

Я позвонил главе Харовского района Александру Мазуеву:

- Давай хоть какое-то конкретное дело сделаем. Я предлагаю в июле проводить традиционный трудовой фестиваль «Сенокос в Тимонихе». Может быть, таким образом начнем спасать деревню.

Идея нашла поддержку. Мы распротранили ее по деревням Азлецкого поселения, в котором жило 700 человек, а летом оно увеличивалось до полутора тысяч. Неужели силами этого народа не привести в порядок знаменитое литературное место?

Оказалось, можно навести порядок не только в Тимонихе, но и вокруг собственных домов.

На фестиваль в Тимонихе съехалось около тысячи человек: из Азлы, Харовска, Вологды, Москвы. Только из Москвы приехало более 10 человек, пожелавших с косой в руках внести свой вклад в облагораживание Тимонихи.

Тимониха преобразилась на глазах. Привезли Василия Ивановича, принесли его на руках в дом, ноги уже не подчинялись ему, посадили на лавку. Он сидел у раскрытого окна, любуясь, как споро рождаются стога на луговине около его дома.

Подвели итоги соревнования косарей, стогометателей, вручили дипломы и немудреные сувениры. Среди женщин неожиданно в числе победителей оказалась директор фестиваля «Золотой Витязь» Наталья Полукарова из Москвы, привезшая Белову поклон от Николая Бурляева с видеофильмом «Всё впереди»...

Николай считал, что Белов сердится на него за этот фильм, несогласный с творческой интерпретацией знаменитого романа Белова. Много лет между ними не было общения. И какова же была радость у этой женщины, когда Белов, приняв фильм Бурляева, сказал вдруг:

- Хороший фильм. Передайте Николаю мою признательность...

Я пришел к Василию Ивановичу в избу, сел рядом с ним на лавку. На глазах его блестели слезы.

- Давай, Толя, выпьем по рюмке. Ольга, подай нам коньяку.

Ольга Сергеевна, жена Белова, принесла бутылку с коньяком.

- Василий Иванович, ты знаешь, я не пью с тех пор, как ты начал борьбу с пьянством в России. А ты, если хочешь, выпей. Я с тобой чокнусь.

Я достал из сумки свою книжку и, подписав: «Василию Ивановичу от автора с любовью» - подал Белову.

Василий Иванович взял книжку и стал писать ниже моего автографа.

- Вася! - остановила его Ольга Сергеевна. - Это же Толина книжка...

- Какая разница! - ответил ей Белов и поставил свою подпись.

ТИМОНИХА

Мы задумывали с Сашей Сидельниковым снимать фильм по публицистике Белова. А точнее, по его пронзительному очерку «Душа бессмертна».

Саня приехал из Питера без съемочной группы, приглядеться к природе, но не один, а с австралийцем, русским по происхождению и душе, уже немолодым человеком - Алексеем Шандарем. Он работал доктором, обслуживая фермерские хозяйства, расположенные вокруг Сиднея.

В России первый раз. Хотя нет. Второй. Он родился в Сибири в суровые годы противостояния и вражды, когда русский

бился с русским. Ему было всего два месяца, когда его мать унесла на руках, уходя с отрядами атамана Семенова через границу в Маньчжурию...

А далее, как у тысяч и тысяч русских, ушедших от преследований новой власти в Маньчжурию, Китай, Австралию, жизнь без родины, которая манила и притягивала невероятной, таинственной, необъяснимой силой...

...Белов в это время собирался в Сербию, изнемогающую под натиском бомб, брошенную Россией на произвол судьбы...

Вместе с Сидельниковым и Шандарем мы зашли к Белову в его городскую квартиру. Шандарь, никогда не видевший Белова, был в сильном волнении. Это и понятно, образ и чувство родины для него, как и для многих русских в изгнании, во многом складывались из книг Василия Ивановича. Белова в русской заграничной боготворили. Он сказал правду о северной деревне, о коллективизации...

Мы тепло побеседовали с писателем, и, поскольку Белов не мог с нами ехать, он вручил мне ключ от своего дома в Тимонихе.

Шандарь был счастлив. Он накупил огромный мешок конфет для предполагаемых встреч с деревенскими жителями, и мы поехали, останавливаясь то в Сибле, в которой когда-то жил Астафьев, то в Мартыновке, где обитало целое гнездо вологодских писателей: Полуянов, Багров, Леднев, Славолубова... И всюду Шандарь с мешком конфет, как Дед Мороз, трогательно приставал к деревенским старикам, одаривая их сладостями.

Красота вокруг была необыкновенная. Осень поражала багряными и золотыми нарядами лесов и деревень.

...Но вот и последний семикилометровый волок от большой деревни Азлы до маленькой Тимонихи в пяток дворов. Хотя ехали мы на вездеходном «уазике»,

отрезок этот дался нам не просто. Колес были разбиты и полны воды.

...Мы топим печь в родовом доме Белова. Постепенно стены его наполняются жилым духом и теплом.

Чищу картошку, приправив ее сметаной, ставлю в печь. Нет ничего вкуснее тушенной в русской печи картошки.

Только сели за стол, как на пороге, держась за глаз, появляется сосед Белова, Фауст Иванович.

Когда-то они с Василием Ивановичем вместе ходили в школу. Белов стал плотником, из плотников вышел в писатели, а Фауст стал колхозным конюхом. Он держал в своем хозяйстве лошадь и другую живность, не считая коровы.

Хозяйство это требовало расширения земельных угодий, и мне рассказывали, что Фауст постепенно теснит Белова, прирезая себе лишние сотки из беловских, якобы «гуляющих», владений. Надо знать, что нет ничего тягостнее в России земельных споров. И поэтому в отношениях соседей, как говорили мне, была некоторая напряженность.

И тут на пороге появляется Фауст в бедственном положении. Ночью он бродил по лесу в поисках сбежавшей лошади и глазом напоролся на куст. Глаз воспалился и болит. Фауст пытался лечить его прогреванием на печке, но стало только хуже. Фауст хотел, чтобы его отвезли в больницу.

Пришел звездный час Шандаря. Оказалось, что в его походной поклаже есть все инструменты для оказания помощи страдающему Фаусту.

Очень скоро австралиец извлек из глаза русского крестьянина уж если не бревно, но изрядную деревяшку, промыл глаз и дал домой глазных капель.

Фауст ушел ненадолго. Скоро он вернулся с куском баранины, чтобы мы сварили себе щей.

...Дороги совсем пали. Лист в колеях. Солнца не видно который день. Мокрые

вороны облепили кладбищенские деревья за Тимонихой и даже не каркают. У ворон тоже нет настроения.

Съемки пропадают.

Мы с Сидельниковым и Шандарем переживаем непогоду в Тимонихе.

Сестра Василия Ивановича, Александра Ивановна, давно уже горожанка, нынче припозднилась в деревне и была рада нам. По вечерам, не зажигая свет, мы сумерничаем за разговорами как всамделишные деревенские жители, обсуждая внутреннюю политику в сельсовете, районе и в стране, а также политику внешнюю.

Уже потемну раздались на улице шаги, пришел с фонариком из Гридинской, соседней деревни, Анатолий Заболоцкий, знаменитый оператор Шукшина и иллюстратор беловского «Лада».

Анатолию Белов подарил в Гридинской огромный крестьянский дом, и он тоже задержался в деревне, пытаясь с помощью железнодорожных домкратов поднять сруб и заменить нижние венцы.

Зажгли свет и сели чаевничать. Александра Ивановна выставила из печи чугунок с картошкой, тарелку с рыжиками.

- Только управился с грибами! - похвастал Заболоцкий. - Набрал столько, что скалялся. Не удержался. Последние грибы в лесу. Осенние опять. Вот они на вырубках прямо за дорогой.

- А что, Анатолий Дмитриевич! Не возьмешься ли ты снимать наш фильм по Белову «Душа бессмертна»? - спросил Сидельников.

Анатолий насторожился.

- Знаешь, Саша, я зарекся когда-либо брать в руки кинокамеру.

- Это почему?

- Кинокамера фальшива. Самое лучшее, что я снял в своей жизни - это 150 метров с реальной бабушкой в фильме Василия Шукшина «Калина красная». Вряд ли судьба подарит мне другой случай. Вот

оставил себе фотоаппарат. В нем больше правды.

...Наутро мы проснулись от залихватских частушек, звучавших за окном. По деревне, запряженная в одноколку, шла пегая лошадь. В телеге, словно Цезарь в колеснице, в несгибаемом дождевике стоял мужик в треухе и голосил на все округу:

Мы не свататься приехали,

Не девок выбирать,

Мы приехали подраться,

Из наганов пострелять...

Гремя молочным бидоном, колесница проехала дальше на Азлу, а доме появился Анатолий Заболоцкий.

Он потащил нас прогуляться по ближайшим деревням, знакомиться с местными жителями. Мы вручили в руки Анатолию Дмитриевичу видеокамеру, которую он принял, но с большим сомнением.

Солнце, наконец, проклюнулось на небе. Стало веселее. Мы пошли мимо церкви, восстановленной Беловым на собственные средства, к чудесному озеру Азлецкому, лежащему, словно в колыбели, среди живописных холмов, на которых уютно стояли большие деревни. Издали они казались живыми.

Маленькая ручьевинка на нашем пути впадала в озеро.

Ну и чудеса... Большой кусок озера превратился, видимо, совсем недавно в болото.

Мы вышли на него. Под нами зыбало озеро. Толя говорил, что глубина здесь прямо у берега была до 30 метров. Если провалишься, так с концами.

Спелая клюква краснела на болотце, как на богатом ковре, по отверстиям в этом ковре видно было, что в болоте ставили наживки на щуку и налима. Лодка качалась на волнах у берега.

От этой умиротворенной картины на душе стало тепло и радостно.

Удивительно, как здесь среди прочей деревенской ребятни вырос и сформи-

ровался классик мировой литературы Василий Белов? Не классик, и даже не писатель, а только Белов...

Хотя как сказать. Василий Иванович не раз говаривал, что в деревне есть писатели и получше его. Только они об этом не знают. Они - мужики.

...Мы поднялись в угор к двухэтажному дому из темной кондовой сосны. С крыши по желобу тонкой стружкой стекала вода. В бочке плавали юркие красноперые карасики.

Вышел хозяин, большой, рукастый, ловко выхватил из воды пару карасиков.

- Вот поставлю наживы, будет к обеду рыбник. Оставляйтесь. Баню натопим.

Помню, что звали его Леонид Громов. Прежде он работал в колхозе комбайнером. Хлеб косил и молотил. Рассказывал, как ездил на целину убирать зерновые.

- Горы хлеба. Глянешь, кепка валится... А теперь у нас все комбайны в металлолом сдали...

Так и шли от дома к дому, к новым знакомым, которые не переставали удивлять нас судьбами, умением устного рассказа.

Толин сосед, фронтовик, вышел на улицу покурить. На ногах у него были валенки с обрезанными голенищами. И Толя, показывая на них, возбужденно говорил:

- Вот чего надо снимать! Вот. Как он стоит... Как курит у дверей дома. Бабка не дает ему курить в избе. А зимой он ходит в «Запорожец». Власть ему за войну эту машинку подарила. А ездить некуда, да и не умеет. Вот он поставил ее на чурбаки вместо колес и ходит в нее курить.

Я представил эту картинку с высоты птичьего полета. Ночь. Заснеженная и заметенная на многие бескрайние версты Россия. Тропка, прогребенная в снегу от крыльца к машине на чурках. Маленькое оконце в избе с тревожной бабкой, и «Запорожец» с включенными фарами и работающими дворниками. И русский

фронтовик за рулем с папиросой. На чурках. Победитель.

...Мы были в деревне Дружинниково, когда из лесов и дол донеслись залихватские песни под звон пустого бидона:

*Хулиган я, хулиган,
Хулиган я временный,
Не скажу в какой деревне
Есть мужик беременный...*

Это возвращался домой наш молоковоз, сдавший в Азле молоко.

Заболоцкий встрепенулся и крепче ухватил видеокамеру.

Через пять минут у завора, преграждавшего въезд в деревню, появился наш герой. Из дома запыленно выбежала женщина и стала торопливо открывать въезд. Заболоцкий снимал сцену неотрывно: как вышел деревенский Цезарь из колесницы, как величественно бросил жене вожжи, как всплянул на крыльчке и царственно вошел в дом.

- Это шедевр! - выдохнул Анатолий. - Это не хуже, чем в «Калине красной» сцена с бабушкой в окне...

Утром следующего дня мы идем с Заболоцким за опятами. Они растут в траве густо, запах от них волшебный. Я тоже не удержался и настриг их столько, что получилось целое эмалированное ведро в уже готовом, маринованном виде.

Шандарь улетел в Сидней с запасом маринованных опят.

Я уехал в Дюссельдорф на конференцию, Саня - в Петербург, готовиться к съемкам.

Белов все еще был в Сербии. Мне рассказывал об этом Николай Бурляев, который тоже был там. Он носил через границу «Стингеры» для обороны Белграда. А Василий Белов во время налетов вместе с горожанами шел на мост через Дунай, чтобы спасти его от бомбежек натовских самолетов.

Время не ждало. И Сидельников один

со съёмочной группой поехал в Тимонику. Но там всё было не просто.

Саня рассказывал, как они установили камеру у крыльца магазина и стали спрашивать у выходящего народа: что они думают о Белове?

Разве могли подумать они, что Белов только для нас классик и непререкаемый авторитет, а в деревне он такой же житель, как и все остальные, с которым бежали в школу, купались на заезде?

И что многим не нравится, что он запустил огород, что, приезжая в деревню, не берется за косу или топор, а забирается на «мизинет» и сидит там безвылазно неделями. И что не видно, как его депутатство в Верховном Совете сказало на районе, колхозе, деревне... Товаров в магазине нет, дороги разбиты...

Эта новость, что Белова приехали «снять», разлетелась по всей округе. Первая половина, которая понимала слово «снять» как освобождение от депутатской должности, стала говорить: «Вот и правильно. Нечего щепериться». Другая половина, которая читала Белова и почитала его, встала по другую сторону баррикад.

А надо знать, что такие споры в деревне на несколько поколений оставляют след.

Тут вернулся из Сербии Белов. Он позвонил мне недовольный.

- Что случилось, Василий Иванович?

- Больше я никого в свою деревню пускать не буду...

И рассказал, что в деревне не прекращаются ссоры после откровений на камеру.

Но я знал, что Василий Иванович отходчив.

И всё же мы не смогли, не успели снять фильм о деревне Белова начала девяностых. Как я уже писал, Сашу Сидельникова нашла пуля снайпера у Белого дома, когда Ельцин расстреливал Верховный Совет. Только Белов был внутри горящего Белого дома в рядах защитников, а Саша - на улице с камерой в руках. Его, как опасного свидетеля, и убрал снайпер, сидевший на крыше, - как теперь стало ясно, на крыше американского посольства.

Уже после похорон Белов позвонил мне:

- Как жалко Сашу! Талантливый парень... Я очень жалею, что нагрубил ему. Хотелось бы всё вернуть...

Сейчас, разбирая архивы, Иван Сидельников, Сашин сын, нашел сценарий фильма о Тимонике. И у нас есть возможность на него взглянуть.

2022 г.

Владислав
Попов

«Пишу, когда не могу не писать, чтобы освободить душу от боли...» - признавался Владислав Попов. Писатель родился в Архангельске в 1961 году, после окончания Архангельского педагогического института преподавал русский язык и литературу в Покшеньге (Пиненжский район) с 1985 по 2016 год. Сочинял стихи с детства. В 2001 году была издана первая книга стихотворений «Времена года», затем вышли еще два сборника поэзии. С 2010 года перешел на прозу. «Я хотел написать книгу о последних крестьянах. Мы являемся последними жителями нашей деревни. Дети уехали в города. А смены за нами нет», – с болью говорил автор. Его рассказы и повести публиковались в журналах («Вологодский ЛАД» в 2018 году напечатал потрясающий рассказ В. Попова «А где-то плывёт рыба»). В 2013 году был принят в Союз писателей России. В 2018 году вышла первая книга прозы - «Ворота в синее поле», в 2021 - вторая: «Росняной хлебушек». С 2019 года Владислав Попов руководит Архангельским отделением Союза писателей России.

Токна

Темно в избе. Теплом печь дышит. Зимняя рама ещё не вставлена, и слышит Токна, как шелестит трава за тонким стеклом, как шиповник царапается в стену, как ветер посвистывает. Ползёт капля по стеклу. И вдруг - ровно шаги, тихие, осторожные. Подошёл кто-то, постоял, о стену опёршись, вздохнул печально и тихо.

- Кто кодит? - спросил Токна с кровати.

- Никола-бог ходит, - внятно ответил голос. Дерево скрипнуло. Зашелестела трава под окнами.

- А чего кодишь? - спросил Токна.

Не ответил никто. Толи ушёл, толи стоял у прясел, на реку смотрел. Выглянул в окно Токна - никого не увидел. Темно. Река едва-едва звёздным светится. Снова лёг Токна, думает: плохо без собаки. Собака - уши дома. Но не боится Токна, так просто про

собаку думает. Дверь на завёртушке, окно узкое, а он старый, а старому - чего бояться? Уснул Токна, подсунул ладошку под щеку и уснул. Приснилась бабушка Маша: сидит за швейкой, заплатку ставит и говорит:

- Вот такой у вас батюшка! Сама не знаю, пошто вас так называет? Петко, Санко и Тохна!

- Токна! - повторяет он во сне и улыбается.

- Вот непутёвый! - смеётся бабушка Маша. - Тохна, Тохна ты! Отчего «х» не выговариваешь? Скажи: х!

- К! - повторяет Токна и заливается. И Петко, и Санко тоже смеются.

Утром, часов в шесть, светлеет, несмело, робко. Токна уже по избе ходит, день наставляет. Топит голландку-печь, варит в чугуне картошку. Заливает овсяные хлопья крутым

кипятком. Соли-сахару щепотку - вот и каша под крышечкой готова. На крыльце выходит Токна, черпает ковшом воду из бидона, цедит ледяную тихонечко, во рту катает. Ломит зубы, лоб холодом давит. Льдинки о край бидона бьются, толкутся стёклышками. Качается в стёклышках небо. Радует Токна: ведрие, дождя не будет! В деревню-то невесело под дождём ходить. Каша поспела, чай поспел. На медный поднос - приданое бабушки - ставит Токна еду, во двор выходит. Сидит на лавице. Скребёт ложка по алюминиевой миске, подбирает кашу. Пар над кружкой вьётся. Соль подмокла, и солью подмокнушей хлеб пахнет. Над горой небо серое, над Истоками - синее, холодное. С листвы вся иголка рыжая на землю упала - снег близко, да всё не идёт. В прошлом годе шугу несло, по всему берегу шуршало, а сейгод запаздывает! Как понесёт шугу, впряжётся Токна в верёвку, поволочит на гору лодку-осиновку. Одна! Одна на все деревни осиновка у Токны осталась. Сядешь в неё - до воды ладошка, а ходкая! На воде - как пёрышко! Пока свой моторчик заводишь, пока прогреешь, пока на поводь шестом выправишь - Токна на осиновке уж Пинегу перебежал! Сидит в корме Токна, вёселко слева-справа ходит. Гребёт, спина прямая, глаза от воды блестят. Лавочка скрипит, косточка в плече у Токны в ответ поскрипывает. Жалуются друг другу: старые стали!

Доскребаёт кашу Токна, пьёт чай, греет о кружку пальцы. Корочку хлеба на столбик кладёт. Прилетит сорока, обрадуется. Ешь, сорока! Кто ещё хлебушком тебя угостит?

В десять одевается Токна, будто на праздник пойдёт. Переменяет рубаху, старую, вылинявшую на плечах и лопатках, на новую, в клеточку. Штаны достаёт синие, выходные, шуршащие. Сапоги зелёные из ЭВА натягивает, курточку стёганую на вате. Бьёт кепкой о коленку и на голову устраивает. Рюкзачок на плечи - вот и всё! Готов молодец!

В гору на околок, там полем и рощей, четыре ручья, четыре моста, два крестика оветных, один лес да снова деревня - поселение! - а в деревне - лавка, а в лавке - хлеб! Возьмёт Токна хлеба, масла солёного, красноборского, пряников да сухариков, чаю чёрного, широколистного. И слава Богу! Рыбка-то своя есть - в речке плавает.

Продавщица Светлана Токне радуется: - Пришёл, так чего мало берёшь? Бери водочки!

Токна виновато глядит на вино: полки широкие, какого только нет! И говорит, будто оправдывается:

- Так я давеча брал, Света, да всё и не попробовал!

- Не попробовал? - изумляется Света. - Ни стопочки?

- Не попробовал, да мне и так корошо. С кем пить-то? Не одному же?

- Тогда молока возьми, - предлагает Света, - хорошее молоко, долгоиграющее!

Токна, чтоб угодить, берёт, потом садится на табурет у печки, всем головой кивает, кто ни зайдёт, всех слушает. Сразу видно: соскучился! Господи, людей-то сколько! Вот тут-то вся и жизнь!

Предлагали Токне домик в деревне: всё одно пустой стоит! В деревне с людьми, все вместе, все рядом. Посмотрел он домик, посидел на железной пружинной кровати, поглядел на углы, пустые они, чужие, открыл дверцу и в печь заглянул, а там и угли не те, не родные. Вздохнул горько и ночью к себе ушёл, чтоб не увидели. Родное-то разве предашь?

Час-два сидел Токна, все новости вызнал, а уж в третьем домой задаваться надо, по солнышку-то весело идти! Листва слетела. Сквозисты, черны рощи, не птицами - сквозняками полны. В тени трава смёрзлась - не отошла с ночи, блестит, как солью посыпанная. На крыльце почтовом Виктор сидит, следит, как подходит Токна, протягивает ладонь, тяжёлую, мягкую:

- Догнала меня водочка, отдыхаю... Домой?

- Домой! - отвечает Токна. - Куда ж мне ещё?

На почте спрашивает:

- Клавдиевна! Есть ли мне письма?

- Пишут тебе, Толя, ещё пишут! А от кого писем-то ждёшь?

- Думал, Санко напишет или Петко.

- А ты им позвони, Толя! У тебя же мобильник есть!

- Не отвечают! Звоню-звоню - не отвечают. Может, симку сменили или умерли?

- Газеты купи! Газеты новые привезли! «Аргументы».

- Да ведь у меня телевизор есть! Ты лучше мне овсянки дай. Первого номера. Я пачки три возьму.

Душно на почте. Окна плачут. В печке железной, круглой, как бочка, головёшка чадит. И всё вокруг синенькое: синяя стойка, синие полки, синий сейф в углу, даже двери и матница синие. И от синего грустно Токне и неловко отчего-то.

- Давай и «Аргументы», почитаю! - говорит он. - И батарейки для фонарика.

Она склоняется к компьютеру, морщится, елозит по столу мышкой. Личико становится бледным, усталым, в морщинках капельки светятся, и прядочка крашенная ко лбу прилипла. Чего так печку топит?

- Как ты там, Толя? - спрашивает она и подаёт в окошечко сдачу.

- Корошо.

- Да где хорошо-то? Всё один да один. Вот не взял меня замуж!

- Да ты ведь мала была.

- Да и ты помоложе был...

На краю деревни у крестика Токна останавливается. Смотрит печально за спину, на дорогу, на избы, на почту с белой тарелкой. Мечтает, дойти бы скорей до дома. Дома хорошо, дома ладно, дома уж как-нибудь...

Идёт Токна, прижимает к груди пакетик с молоком. Бьётся молоко в картонные стеночки, будто сердце в ладонь бьётся.

Набрякли ручьи болотной водою, шумят в режах под мостами, песок несут, траву дёргают, твёрдую, осеннюю.

- А дома лучше, - с мягкой грустью уговаривает себя Токна. - Господи, воды-то ещё сколько! - думает он и удивляется. - Бежит, бежит, как весною, всё успокоиться не может. Конец октября, а снегу и не выпадало! Вот разве ведрие сейчас, так не ко снегу ли?

В лесу тише, темнее. Листья осины толсто лежат на тропе, тяжёлые, широкие, сырые, жёлто-рыжие, и всё от них светится золотым и рыжим: и стволы, и сучья, и мосток через ручей. В ямах, где брали глину, ровень вода, чистая, прозрачная, как промытое дождём стекло. Токна обходит холодные ямы и косит глазом, нет ли где гриба, красноголовика? И тихо, тихо, хоть бы синица пискнула. Оветный крестик белеет полотеньшком. Монетки ржавые на перекладинке. Иконочка под стеклом истлела.

Остановился Токна, надорвал уголок пакетика, отпил молока на глоточек. Потом ещё и ещё глоточек. Представил: перельёт в банку, и будет молоко в чистой банке на столе стоять, белым светиться. И хорошо будет, уютно.

Повернула тропа направо, запетляла вниз к луговому свету. Веяло оттуда травяным и солнечным. И когда запах подсохшей земли дошёл до него, обрадовался Токна, зажал пакетик и на свет кинулся. Вспугнул зайца.

Распахнулся лес. Встал Токна, как на пороге, и шагнул вперёд с облегчением и в радостной устремленности. И шёл Токна дорогой, и часть его пребывала в радости, а другая была в недоумении и в горечи, как сон казалось то время Токне, когда в каждом доме жили. Там свадьбу играли, там низку сновья изладили, там пела Панечка над внуком: «Егореюшко мой, серебреюшко...» И везде был Токна, говорил со всеми, работал со всеми, песни пел долгие и пиво пил сладкое, за реку перевозил, и - вдруг один остался. А голоса звучали...

- Господи Иисусе, помилуй мя! - прошептал Токна и вздрогнул, осознав, что повторил нечаянно слова бабушки Маши. Далеко внизу, за травой, за сосенками виднелась крыша его избы, и свернул к ней Токна, напрямик побежал, рвал ногами траву густую, думал, не выдержит сердце, однако осилил...

Здесь, на прибрежине, поставил избу Токнов дед. На самце носком топора вырезал год - 1928 и рыбку тоненькую с усиками - гыча. Ибо был дед из рода Гычей, и все его прадеды, и все его сыновья и нерождённые внуки были и будут Гычами. И Токна тоже был Гыч. И на каждом весле и на каждой деревянной лопате вырезал Токна юркую рыбку с усиками. А пошто они все были Гычами, Токна не ведал, спроси чего полегче. Вот и избу, на то и Гычи, у самой реки поставили.

- Льдом собьёт, сроег! - говорили люди с горы.

Да вот не срыло! Глядел дом всеми девятью окнами на реку, и было в нём бело от водяного холода и блеска, будто рыбьей чешуёй светился. Клёмком, поправлял Токна. И не росло у дома ни куста, ни берёзы - не желал старый Гыч, чтоб простор заслоняло.

Дома на горе все на лес смотрели, на сузём сырой и тёмный, врастали двory друг в друга жердями прясел, заплотами, черёмухой смердливой, малинниками да смородой, запахивались дымами и горечью бань по-чёрному, сплетались голосами да песнями. Было ли? Был мир - не стало мира. А он, Токна, живёт... зачем?

Пьёт Токна чай на лавочке. Вода в Пинеге, как стеклянная, не шелохнется. И глубока тишина осенняя. Далеко, в верстах двенадцати, заревёт, забубнит водомёт, оторвёт баржу от красного берега, за реку потащит. Людей повезёт, машины. И думает Токна, какая земля большая, из конца в конец спешат люди. А у него вся бродня - на болото, да в лес, да в деревню за хлебушком. А уж за рекой не помнит, когда был.

Деревня Токны уродилась небольшая. Семь дворов. Околок. И населяли двory Голуби да Медведи, Галицы да Пестряки, Сушонки да Конды, был дед Кочерга да Токна из рода Гычей. У каждого рода в деревне своё прозвище было. Богата была в старину деревня! Любая девка мечтала, чтоб Голубь или Медведь к ней посватался. Да и Пестряку и Конде была бы рада, не отказала. А Машенька Кокорина за Гыча пошла, рыбку любила, и подарил ей молодой Гыч серёжки серебряные, чусы по-нашему. Светилось в чусах зерно жемчужное, меленькое, речное, как молоко с голубикою. Ахнула Машенька и приняла Гыча. И имя новое приняла, Чусой прозвали. За серёжки серебряные. А была она с вершины, с Печища, из рода Крюков, которые никогда прямо не ходили, а крюками только, за деревню.

Весело жили, робили трудно и много, пиво варили, у ручья общественная пивоварня была. Но то, что бывалоче, не то, что теперече. Торчит из сухой травы пивной котёл, разъехался, пустив трещину сверху до самого доньшка. Вот так и жизнь пустила трещину, и вся сила через трещину вытекла, выщедилась. Не зажмёшь ладонями.

Перелил Токна молоко в баночки, сголубело оно, утихло. Одну на холод вынес, прикрыл сверху блюдечком.

Поглядел на Пинегу: холодно, синё. Час-другой - и сумерки. Забухмарится. Из-за леса туча вылезет, как полохоло. Горе, горюшко гороховое...

Токна дожевал на лавице размоченный сухарик, отряхнул со штанин крошки, опёрся на колени, угнездил в ладонях, как в чаше, крутлую голову и замер. Заходил ветер, закачалась лодка. Ворона прилетела, стала бродить по слуде, переворачивать клювом плоские камешки. Трава зашелестела, словно дождь мелкий по траве пошёл. И задумался Токна. Очнулся - подошёл кто-то, рядышком сел. Покосился Токна: худой, горбатый, скулы-то так и выперли, борошка седенькая, там густо, здесь пусто,

и глаза светлые, серые, как вода в Пинеге. Руки тяжёлые, длинные, казанки белые, как восковые. Жилочки голубенькие промеж них тянутся. На голове шапочка вязаная. На плечах - уж бог знает что, плащик не плащик - накидочка, на груди верёвочкой стянутая.

- Здравствуй, Анатолий! - сказал нежданный гость. И не удивился Токна: все его знали. Любого спроси, и любой ответит: «Перевозчика-то? Знаем! Жив ли ещё?» - «Жив, - ответишь, - да перевозить только некого!»

- Перевезёшь ли меня на тот берег?

- Чего ж не перевезти, - ответил Токна. - Лодка - вон она, под берегом. Вёсла только взять надо.

Не хочется Токне вставать, думает, ещё чего-нибудь гость скажет, а тот молчит, на тот берег смотрит. Шевелит ветер его бороду, вороток у накидки треплет, полы свивает.

- А то пойдём, - предлагает Токна, - чаю выпьем.

- Да и рад бы, - устало улыбается гость. - Да только мне на тот берег по свету надо. Попьёшь с тобой чаю, опять слабости поддашься, а мне нельзя.

- Какая слабость чай? Я ж не водку зову пить! Не видаля тебя раньше! На нашем-то берегу чего управлял?

- На гору к вам ходил, храм навещал. Давно поглядеть мечтал. Прадед мой у вас дьячком служил. Матвеем звали. Слышал ли про такого божьего человека?

- Не, не слышал, - тряхнул головой Токна. - Ни дед мой, ни бабушка моя Чуса Матвея твоего не поминали, видно, и для них давно было. Тебя-то самого как звать?

- Авенир я, - ответил гость.

- Авенир, - повторил Токна. - Не знавал я такого имени.

Вздыхнул и пошёл за вёслами. Сначала в избу заглянул, сунул руку через порог, снял со спицы куртку, шапочку поглубже натянул на уши. На крыльцо вышел. Сидит Авенир, ссутулился, ждёт Токну, ногу отставил - бо-

лит, что ли? Да у кого кости в лета такие не скрипят? Не ноют, едва почуяв сырость и ветер? Вот и у Токны спина со вчера к погоде болит. Вспомнил, как дед усмехался: «Тяжела погода! Уж поднимали, поднимали, а поднять не могли!» Нёс Токна вёсла, одно длинное, перо узкое. Другое - лёгонькое, короткое. Спустились к реке молча. Слуда широкая, жёлтая, как кость алебастровая. По воде рябь идёт - спустился ветер. А за рябью гладко, чисто, и в чистом облако отражается. Коротко взгremели о лодку вёсла - испугался куличок грома, побежал, замахал узенькими крыльшками.

- В корму пока сядь и за оба борта держись! - велел Токна. - Вдруг вильнёт, спихивать буду.

Раскатал новые бродни до самого верха, заскрипел ненадеванной резиной, согнулся, уцепился левой рукой, правую руку - глубоко вниз, растопырив пятерню, подсунул, обхватил острый нос осиновки.

- Ну! - выдохнул. Зашуршала осиновка по слуде, по кольшку круглому и сошла полностью в воду. Токна и сам в реку сошёл, удерживая, развернул лодку как надо и велел пересесть Авениру не в середину, а на шаг ближе к носу. Затем повёл осиновку туда, где слуда вглубь обрывалась. Журчала вода. Как пёрышко, скользила осиновка. Наконец, Токна протолкнул её вперёд себя и в корму на ходу запрыгнул. Тут же сидя подхватил коротенькое весло, улыбнулся весело, будто вина выпил, и почал грести, споро, наискось, поперёк течения. Из-под берега вышли, обняло холодом, широким, ровным, да весло грело. Река распахнулась и цвет поменяла. Прежде у берега вода бежала жёлтая, чайная, густая - всё из-за ручьёв, а теперь чистенькая побежала, беленькая. Над косой пошли, Токна перестал грести - само выведет! - так в прозрачности видно было, как текут, перекатываются песчинки по зыбучему дну, посверкивают на солнышке. Ударил Токна веслом о край заструги, подвернул лодку и пошёл махать

слева, справа, забрасывал весло и словно подтягивался к нему, весёлый, раскрасневшийся. Взмокла сразу рубаха под курткой, рванул ворот и грёб теперь только слева, чисто, сильно, забираясь в вершину, и вдруг неожиданно положил весло поперёк колен, выпрямил напряжённую спину, блеснул гордо глазами:

- Всё! Пускай само волокёт! Видишь, Авенир, кол? Вот к тому колу само и при- тащит. Задубел?

- Ничего, - скромно ответил Авенир и стал глядеть молча на левый берег, где вид- нелась изба Токны, где рощица, сбегаящая вдоль ручейны к реке, озарялась посередине верхушкой золотой осины. Выше, над деревней, тянулась к небу церковь, как веточка сломленной ели.

А Токна с любопытством разглядывал Авенира: «И волос под шапкой густой, сивый. Нос переломлен. Откуда пришёл? Зачем? И поклажи с собой нет, ни сумы, ни мешка...»

Жарко было под шапкой, Токна стащил её, взьерошил горячие волосы.

- А что пустой-то?

- А всё со мной, - ответил Авенир. - За- чем мне?

Отпустила река лодку, пошла медлен- ней. Токна встал в рост - не боись, не опру- жистая! - расставил ноги, воткнул в воду длинное весло, нашарил дно, оттолкнулся, протянул лодку на всю длину, и ещё, и ещё раз. Глухо постукивало весло о борт лодки, журчала за кормой вода, свиваясь в воронки.

- Сейчас мелко станет!

И вправду совсем близко пошёл песок, Токна выпрыгнул, ухватил цепь и повёл в поводу лодку. Берег длинный, до самой разлоги песок да пёстрый камешник.

- Сиди! - приказал Авениру. - До берега дотяну! - и обернулся. - Осень ведь. Пошто без сапог?

- Да нет у меня сапог, - виновато сказал Авенир. - Не думал...

- Ноги беречь надо.

Упёрлась лодка. Авенир в корму пере- брался, да что толку: едва продвинулись.

- Ну и что теперь? - усмехнулся Токна.

- Разуваться придётся. До сухого не допрыг- нешь! - и, видя, как засуетился Авенир, сказал: - Ладно! На лавку встань. Давай правую ногу! - развернулся, подставил спину, ухватил Авенирову ногу, потом другую и, краснея, зашлёпал по воде, пересёк и на камешник тяжело поставил.

- А лодка? - спросил Авенир.

- А что лодка? На мели лодка. Сейчас на- зад пойду! - и показал рукой. - Видишь, вежа на разлоге? До неё дойдёшь, подынешься - и направо иди. Там о берег дорога будет. Дойдёшь до нового кола, тропу увидишь. Она тебя к горе сведёт, на ней деревня, не видно отсюда, низко! Просто всё, не за- блукаешь! Поди давай!

- Заплатить надо! - сказал Авенир. - Сколько берёшь?

- Да Господь с тобой, поди давай! В радость мне было веслом помахать! Поди, пока не темно! Водит тут на лугу-то. Я на то колы и расставил. Раньше крест был, да водой подмыло.

И точно. Потемнело небо, засинело гуще. Поднялась туча, потащила на хвосте ветер.

- Ангел там, - тихо сказал Авенир и опу- стил глаза, - в храме стоит. Не видишь его, нельзя видеть, а он стоит. Поставлен на вре- мена вечные, престол охранять. Одиноко ему. Ты добрый человек, Анатолий, сходи к нему, помолись - легче ему будет службу нести. Сходишь ли? - и с тоской поглядел на Токну.

- Ладно, - тряхнул головой Токна и огля- нулся на реку: нет, тихо ещё.

- Пойду я, - слабо поднял руку Авенир. - Пойду. Спаси тебя Бог, Анатолий.

Зашуршали камешки под его сандалия- ми, запереворачивались. Ветер зарыхлил воду. Песок тёк позёмкою. Глядел Токна вслед Авениру, развевалась его чёрная на-

кидка, как крылья. Волочил Авенир ногу, загребал камешки.

Трудно было грести Токне. Ветер покосный сбивал лодку. Да у воды жить - да воды бояться? На середине хуже стало. Ветер разворачивал, толкал в спину, и устал Токна, покорился, пошёл по ветру, ибо старый стал и силы нет в теле прежней. Жёлтой воде обрадовался, протолкался в тени берега, затащился на слуду. И уж в темноте слабой прозвенел цепью, на ощупь замок навесил, замкнул. На берег забрался и пошёл мглистым, жёлтым от зари лугом. Гудел в проводах ветер. Тёмными струями текла под ногами трава. И казалось ему, что он всё ещё через реку перебирается.

«Вот так снег принесёт!» - подумалось ему. И ещё подумалось: где-то Авенир идёт, да уж по времени в деревню забрался...

Выхолодило поясницу. В избе зажёт свечу, поставил на стол. Опять провода обрывало. Теперь до утра не будет свету. Сидел в дрожащем живом кругу,пил настоящее на избяном тепле молоко, ломал хлеб. Потрескивала свеча, пускала мелкую искорку, отражалась в иссиня-чёрном окне. И себя он видел в стекле, рыжего, тёмного, как небо на западе, как сумрак в избе. Ходил ветер за окнами, лязгал жёлобом. В горе на деревне шатались кусты одичавшей черёмухи, дрожали в настывших избах стёкла, листали сквозняки выцветшие календари на стенах, вздувались истлевшие занавески. Скрипели избы, как скрипят старые кости. Текла трава между избами. И жалел Токна, что не спросил Авенира, куда он идёт? И всё виделись глаза его, серые, с жалобой. И как шёл Авенир по берегу, волочил раненую ногу, загребал раскатистые камешки...

Затих ветер. Лежал Токна на кровати, прислушивался к осторожным звукам и шорохам. И казалось ему, что дыхание его, стук его сердца, скрип кровати, потрескивание свечи влетают в ночь за окном,

в шелест травы, в рябь волны, в шуршание ветра. Смешиваются и становятся единым, общим. И он сам - часть этой ночи. Дышит трава, и он вместе с ней дышит, соединяясь с травой общим дыханием...

Проснулся. Догорела свеча. Синенькая точка едва чадила на кончике фитиля. Был второй час ночи. Токна вышел на крыльцо. Хоть бы какой огонёк откуда пробился! И даже там, где за двенадцать вёрст Шатрово, не светилось небо. Сыростью ледяной тянуло с близкого болота, видно, холод по ручейке прошёл. Как вброд, перебрёл Токна двор, сел на лавицу. Тускло мерцала Пинега. И беспокойно, смутно было на сердце. «Вот помирать буду, - расправил себя, - и никто воды не подаст, не склонится». Вздохнул тяжело Токна, подождал, никто на тяжёлый вздох не ответил. Домой побрёл.

Что утро пришло, по занавесочкам догадался, засветились они серенько. Дождь тыкался мягко, сильно, шлёпал в окна - теперь до обеда гостем станет.

Дела у Токны простые: печь истопить, поесть-попить приготовить. Токна мало ест. - Усыхаю понемногу, - так он говорит.

Бреет бороду Токна, глядит на себя в зеркало. Голова круглая. В глазах прежде столько было июньской зелени, а теперь вся она повыщвела. А как были с детства волосы не пойми какие, так и остались: здесь пего, там сиво, и жёсткие, прямые, как трава осенняя. И усы такие же: торчат во все стороны, в рот лезут.

- Гыч! Гыч! - кричали ему. А что ему сказать, чего обижаться, если он и вправду Гычом родился. Не нажил Токна ни семьи, ни детей. Ходил когда-то к Кате на пекарню. Придёт, конфет принесёт. Сядет на лавочку и улыбается, глядит, какая Катя дородная. Мягкая, румяная от печного жарыща, горячая, как хлебушек. Чай пили. Токна и дров наколет, и улицу от снега распашет, и за водой на Никольский колодец сбегает, и говорили Кате:

- Гляди! Хороший мужик-то, безотказный!

И смеялась Катя, закидывала руки за голову, показывала тёмные, горячие подмышки, рассыпала волосы:

- На что мне пескря такого?

Уехала Катя. До свидания не сказала. Токна по привычке или с тоски какой в потемне, думал, никто не видит, ходил к пекарне, стоял в растерянности подле пустых ящичков. Хлебом они пахли. Казалось, Катей пахнут. Постоит да пойдёт прочь. А потом и вовсе приворачивать перестал, и всё реже-реже в деревне его видали. Пекарню, к слову сказать, и вовсе прикрыли. Раскатали по брёвнышку и свезли куда-то. Мигом малинник вскинулся, и глядел удивлённо Токна на то место, где он с Катей когда-то чай пил, где он Катю любовался. Однолюб оказался Токна.

В полдень Токна собрался в деревню, в свой обход обычный. Да не зашёл, а в гору поднялся, где церква стояла. Видна с горы вся Пинега до Чёрного Яра, луг долгий, урочище, где когда-то деревня была, да вся под землю, как говорили, в одну ночь ушла.

Тихо было. Грустно, как всегда, после дождя осеннего. Раздвинул Токна сырую малину, взобрался по ступенькам, дёрнул на себя затёкшие стылостью двери - стоном отозвались они. Внутри сел сбоку, на пристенную скамью, опомнился, стащил шапку. Сквозь половицы торчали в белых макушках стебли иван-чая. Иконостас, как оконница без стёкол, застыл безглазо. Замер, навис над Токною. Думал Токна, бояться будет, и шёл с боязливостью, а вышло-то: печаль тихая. Прислонился головою к стене, смял в ком шапку, смотреть стал. На солее жестяночка с песком, а в ней огарочек - вчерали Авенир свечку зажигал?

Подул в разбитые окна ветер, зашелестел, закачался сухой иван-чай, закладывался. Дождь хлынул. В дырявую крышу закапало часто, гулко, и вздрагивал иван-чай от капель, и думал Токна: не ангел ли

прилетел? А потом подумал: нет, не ангел, запрещено ему отходить.

- Порадуй ангела, помолись, - просил Авенир, а как молиться, Токна не знал, и бабушка Чуса не научила, только и помнил с детства: «Господи Иисусе, помилуй мя».

- Господи Иисусе, - прошептал Токна, подойдя поближе к амвону. - Господи Иисусе, не умею молиться, не знаю. Всё есть у меня, большего и не надо, и ни к чему. Дай здоровья братьям моим, Санко и Петко. Если б письмецо мне написали или позвонили, мне было бы легче. Один я. И сил мало.

Зашелестел снова иван-чай за Токной, и показалось ему, что склонился над ним ангел и крылом обнял. И заплакал Токна, и не знал, отчего он плачет. И не мог ничего с собой поделать.

Шумел дождь. Капало из дырявой крыши на плечи, на колени Токне, и не хотел он никуда идти. А когда отплакалось, сидел на скамье просто. И твёрдо знал - не один сидит. Темно было от дождя, холодно. Холодны были тёсаные вгладь стены. Сырой травой дышало в проём окон. И увидел сердцем Токна, как ночь, тоска безгласная, затопляет церкву, как тьма собирается по углам и под сводами, как тяжело, как больно ангелу без огня и слова человеческого. И поднял глаза Токна и сказал дрожащим голосом:

- Ангел, я не вижу тебя, но Авенир сказал, ты есть. Пойдём со мной ненадолго, на сколько можно. Хоть в тепле обогреешься...

Шелестели занесённые ветром листья, покачивался иван-чай, тонко-тонко тянулись ниточки дождя с покатою крыши.

Брёл Токна домой. Белым светилась река. И долго-долго сидел Токна перед окном в родной избе, на реку глядел, на дорогу. На поле. Никто не шёл. Никто с горы не спускался. Уснул Токна, уронил голову на скрещённые руки и уснул. И снов не видел: так заспалось крепко. А очнулся, увидел на столе пёрышко, белое, пушистое, тёплое. И возвысилось его сердце и занялось радостью.

Священник
Евгений
Палюлин

Протоиерей Евгений Палюлин родился и вырос на Вологодчине, здесь его крестили, здесь он с детских лет алтарничал - помогал священникам во время богослужения. Окончив духовную семинарию, принял священный сан, служил в храмах Вологды. Нынче отец Евгений - настоятель храма Тихвинской иконы Божией Матери на проспекте Науки в Санкт-Петербурге. Очерки и рассказы протоиерея Евгения публикуются в петербургских и московских периодических изданиях. «Вологодский ЛАД» в 2014 году напечатал подборку рассказов отца Евгения о церковном детстве.

Бог наплат, никто не видал

- Проходите, девки, в избу, да не сымайте обутку-то, грязный пол-от, не мыла ишшо...

Немного крикливым певучим голосом, слышав скрип половиц у двери и вглядываясь в полумрак сеней, зовёт нас бабка Антонина.

«Девки» - это мы двое, бабушка и я, ее внук, который, как хвостик, всегда увязывался за бабушкой.

- Ой, ты, Таисия!

- Да, со внуком...

- А я думала - девки. Ну да ладно...

При входе в избу, у заборки, крестимся на образа с горящими перед ними лампадами. Заборка - это крашеная дощатая стена, иногда оклеенная обоями, отделявшая прихожую от самой избы.

Антонина, она же бабка Тоня, - грузная женщина в возрасте. По избе передвигалась плохо. Из-за больных ног очень редко выхо-

дила на улицу. Её всегда можно было видеть сидящей у окна с расшитыми занавесками.

Садимся на лавку, поближе к столу, на котором стоял самовар, немного просевший на одну ногу. Он похож на старого генерала: на груди, поверх краника, красовалось множество печатей, как ордена и медали у заслуженного вояки. В сахарнице - мелко колотый кусковой сахар и щипчики. По зазубринам было видно, как много твердого сахара повидали они за свою жизнь. В другой сахарнице - конфеты «дунькина радость» да постный цветной сахар. На тарелке - бублики с маком, пироги.

Пироги бабке Тоне носили всей деревней: знали, что сама не печёт. А человек на деревне она была нужный. Вот и мы пришли с пирогами.

- Третьеводни Шурка была на поскоти-не, дак еле ноги унесла! В чапарьжнике-то

кто-то сидит да пыхтит! - мы думали, в доме уже есть кто и Антонина кому-то рассказывает, а оказалось - нам. - Дак исподню порвала, эдак бежала. Ричку перепрыгнула, а в чапарьжнике-то мычит. Но обратно ворачиваться не стала, дак без грибов и воротилась. Один обабок токмо и принесла.

У бабки Тони голос певучий, говорила она немного на повышенных тонах, с элементом учительной интонации. Но это особенность многих в деревнях русского Севера.

- Давече с Манькой чай пили, - Антонина перескакивает уже на другой рассказ, - вечеряло, скотину уж во двory застали, и пастух домой ушёл. А идёт Сашка да орёт пьяный по всей деревне: мол, все коровы пришли, кроме моей. А ты поди на поскотину, кричу ему из окна, там в чапарьжнике корова твоя. Дак пошёл да привёл.

Сижу на широкой лавке, рассматриваю пестрые домотканые дорожки, они растелены на полу. У бабушки Таисии, как и у другой бабушки, Марии, тоже есть такие половики; есть вседневные, то есть на каждый день, есть праздничные и великопостные.

А на подволоке, так называлось пространство между потолком и крышей, лежал деревянный ткацкий станок. На этом подволоке много ещё чего лежало - старые чугуны с протёртым от времени днищем, старые самовары, какой-то непонятный для меня инвентарь.

- Парнишка-то, - бабка Тоня кивает в мою сторону головой, - поди, на всё лето привезли.

Прозвучало это то ли вопросом, то ли утверждением.

Из пыхтящего самовара в чашки с золотым ободком нам наливают чай.

- Чай-от индейский, давеча по три пачки давали...

Антонина рассказывает, как кто-то ходил в магазин, что находился в соседней деревне, и принес для нее дефицитный по тем временам индийский чай в пачках с

нарисованными на них слонами. Начались разговоры про погоду да про огороды. Про то, что мало дождя и что лук на грядках нонче будет мелким.

Из-за заборки показалась пятнистая кошачья мордочка, которая любопытно нас рассматривала.

- Морозка, а ну поди сюды, пирога дам, - опять же немного крикливым, поющим голосом зовёт ее Антонина. - По первым заморозкам родилась, дак Морозкой и назвали.

- Гли-ко, какая баская.

Кошка действительно была пятнистая и очень красивая.

Морозка, оценив ситуацию, двинулась навстречу, но не успела подойти к бабке Тоне, как увесистый ломоть жирного пирога плюхнулся на пол прямо перед ее кошачьим носом.

Аппетитно прожевав пирог, кошка внимательно уставилась на хозяйку - видимо, желая ещё получить кусочек.

- Хватит, вдругорядь дам! - кричит Антонина.

Ну, вдругорядь так вдругорядь. Морозка, видимо, поняла, что ей сказали, и, развернувшись, спокойно пошла обратно.

Вновь скрипят половицы - кто-то идёт.

- Ну-ко те, глянь-ко, Евстоля идёт.

- А батога-от выше её.

Евстоля, и правда, пришла с батогом - это палка, на которую старушка опиралась.

Войдя в избу, батог поставила в уголочек, перекрестилась, глядя на иконы.

- Ты, девка, давай-ко проходи сюда, - Антонина зовёт ее за стол.

Нужно сказать, что девке Евстоле было лет хорошо за семьдесят. Девками бабушки звали всех своих подружек, да оно и немудрено, ведь детство на деревне провели вместе и босиком на реку бегали.

- До обеда письмоноску ждала, - поправляя фатку на голове, рассказывает Евстоля, - да, поди, не придет, а должна была нонче пенсию принести.

Письмоноска - это почтальон, женщина средних лет из соседней деревни. С толстой сумкой на плече она обходила целую гряду деревень, разносила газеты и письма, а ещё в урочные дни разносила пенсию.

Даже в непогоду идти нужно было полями да перелесками, хорошо, если какой мужичок на лошади с подводой по пути едет или тракторист, а так всё пешком. Ждали письмоноску в селе с нетерпением, нередко угощали чаем да пирогами.

- А и ладно, что пришла, давай чай пей, - говорит Антонина и певучим голосом продолжает:

- Вон Сашка Кочетов давеча проезжал через Великодворье на лошаде, да и подвозил её. Дак денег, говорит, только на три деревни дали, до вашего Пирогова не дойду, говорит.

- Вот и поди ты...

Последнее было сказано не для того, чтоб попросить кого-то выйти, а так, ради красного словца.

Вновь неспешно продолжается беседа. Обсудили Иванов день и первый медонос.

- На-ко, лизни медку-то, - бабка Тоня подвигает ко мне глиняную миску с медом, в которой плавали две пчелы. - Давеча Анна принесла, первый мёд-от.

Старательно облизывая алюминиевую, почти съеденную ложку.

Мёд тянется, густой и ароматный...

Изба у бабки Тони очень старая, но крепкая. Посреди избы - большая русская печь. В деревнях на Пасху печи белили, и это создавало особое настроение праздника. Вот и у Антонины печь была побелена, но не нынче, а года три тому назад. На стенах - обои и часики-ходунки с болтающимся маятником и гирями на цепях, на подоконниках, в горшках и старых чугунах, цветет герань, ситцевые занавески с подвесами. Все это создавало неповторимую атмосферу деревенской избы.

Жаркое лето, а потому несколько окон открыты настежь. В окна вставлены де-

ревянные рамы с натянутой марлей. Она пропускает лёгкий тёплый ветерок.

- А я ведь, девки, вострошарая, - по-смеиваясь, рассказывает нам бабка Тоня. Мне уже хорошо знакомы эти вологодские говоры.

Вострошарая - это та, которая всё видит и знает.

- Вчерась, - продолжает нам рассказывать, - сестреничи Кострекины внука потеряли. Куды убрёл, не знают, а к вечеру уже. Да и не едал. Идут ко мне, да шаньги принесли. «На, - говорят, - напекли».

А сестрича-то мне: «Думаю - не цыганы ли увели? Не видала?» Да полноте баять-то неладное, - сказывала. - У рички Димка ваш. Там костер жгут, робят много - и наши деревенские, и ишшо всякие. Дак чайку попили у меня и пошли за ним, Смотрю - идут, ведут сорванца.

Изба у бабки Тони почти в середине деревни и окнами в аккурат на улицу, поэтому никто не мог ни пройти, ни проехать незамеченным.

Вновь слышим скрип половиц, тяжёлые мужские шаги и голос.

- Антонина! - это был Василий, он же Васька.

По деревням было принято, вне зависимости от возраста, называть уменьшительно-фамильярно: Василий - Васька, Леонид - Лёнька, Мария - Марья или Манька, Елена - Ленка, Татьяна - Танька, Тамара - Тамарка. Это в лучшем случае. Нередко в ход шли какие-то присловья, не имевшие отношения ни к имени, ни к фамилии. Например, Дудниха, Петушиха, Прониha, Прокуниha, Кочуриha, Кочеряжиha...

Василий был с похмелья, вошёл босиком. Перед тем как войти в избу, на мосту снял сапоги и портянки.

Мостом называли холодный коридор перед входом в избу.

- Васька, - опять же немного крикливым голосом обращается к нему Антонина, - да

ты пропащий, тверёзым-то, поди, и не видала тебя... Пошто пьян-то?

- Дак ведь, божатка, Иванов день, - как бы немного виновато начал оправдываться Василий.

Бабка Тоня этому Ваське крестной матерью была.

Храмы были закрыты, а те, что были, далеко находились. А из колхоза, где каждый день нужно или на поле быть, или на ферме, да если ещё при своей скотине, так не то что в храм - в город не выехать. Многие до двадцати лет дожили, а в городах не бывали.

Потому на деревню батюшку вызывали тайком, чтоб огласки не было.

Особо доверенные люди ходили по избам, да не ко всем, а к тем, кто умеет язык за зубами держать, и говорили: тогда-то, мол, поп приедет.

В какой-нибудь избе таз ставили и детей крестили.

Так вот, Антонина этого Ваську из таза после крестин воспринимала, а потому божаткой и была - так крестную называли.

- До Иванова-то дни, - смеётся Антонина, - неделя ишло...

В те годы по деревням самогон гнали. Тогда избу и двор изнутри запирали, а ко входной двери или веник или полено ставили: мол, дома никого нет. Самогон по деревням как внутренняя валюта был. Забор надо починить или усадьбу картофельную окупить, так самогоном и расплачивались.

Самогонование считалось преступлением, за это наказывали. Однако, несмотря на это, самогон гнали все. Из зерна, хлеба, сахара. Все это выбраживало в потаённых местах дома - у кого в хлеву, у кого в подполе. А когда варить начинали, по всей избе, да и рядом с домом витал характерный запах.

Нередко по деревням бывали облавы.

Вот и Василий, видать, пробу с первака снимал.

- Ты, Васька, аппарат-от сюды носи. Я ведь богомольная, - Антонина посмотрела

на образа с горящими перед ними лампадами, как бы проверив, не копят ли. - Сюды не придут. А ты ко мне на сеновал отнеси-тко да сеном привали.

- Вон, на Заднем нонеча с милицией приезжали, а по всей деревне гонят, дак у троих и забрали.

Вот и поди ты...

Позднее выяснилось, что какие-то женщины из деревни Заднее вуповод, то есть недавно, мимо Антонининых окон проходили да про всё и рассказали.

Ох, и интересные же названия северных деревень! Заполица - значит, за полем. Заднее, Среднее - это по расположению. Спросил как-то бабушку Таисию:

- Раз есть Заднее и Среднее, то где-то же Переднее должно быть?

- Нет, - говорит, - сколько тут живу, отродясь не слыхала.

Уже впоследствии выяснилось, что центром этой местности когда-то было село Георгиевское, с величественным храмом и школой. Там же, около храма, был и погост этой округи.

Самое дальней село от храма, потому что за ним был глубокий лес, - Заднее. А та деревня, что посередине, между ним и селом Георгиевским, называлась Среднее.

Важное дело на деревне эта Антонина выполняла - всё про всех знала. За день у неё до десяти человек бывало, новости расскажут, кто чего видал да слыхал. Многие гостинцы несли. Всех чаем поила, да и сама не один самовар выпивала.

А когда уж день к вечеру, из-за стола вставала и крестилась, приговаривая: «Бог напитал, никто не видал...» Закрывались окна, задвигались ситцевые занавески, чтобы на завтра раскрыться для свежих новостей.

Забавно это звучало и не укладывалось в моей голове, как это - вся деревня видала, как пила и ела.

И вдруг: «Бог напитал, никто не видал...»
Вот и поди ты...

Сергей
Багров

Представляем читателям новые главы очерков Сергея Петровича Багрова - они продолжают публикацию в номере нашего журнала за 2021 год. К великому сожалению, автор свежего номера «Вологодского ЛАДА» уже не увидит: Сергей Петрович скончался нынешним летом (см. некролог на стр. 236). Редакция и читатели выражают глубокое соболезнование родным и близким почившего. Его долгий путь в литературе отмечен Всероссийской премией имени Н. М. Рубцова «Звезда полей» и другими престижными наградами, множеством изданий и публикаций. Самая, наверное, ценная из них - читательская любовь и признательность за верность русскому слову, славным традициям отечественной литературы.

О друзьях-товарищах...

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ОЧЕРКИ О ПИСАТЕЛЯХ

В ЛЕСНОЙ ТИШИНЕ О Василии Белове

Приезд писателей в Тотму был для нас точно праздник. Об их приезде мы чаще всего не знали. Однако встречали их так, как если бы знали. Особенность всех тотмичей в том, пожалуй, и заключалась, что самым любимым их местом в летнюю пору, где чаще всего они собирались, была вечерняя пристань, к которой причаливал плывший из Вологды пароход. Сюда, к пароходу, любил приходиться и Вася Елесин. Я тоже редко когда пропускал его разворот, с каким он сближался с берегом Тотмы, пестревшим от множества кепок,

косынок, вихрастых голов, загорелых за- тылков, машущих рук, платочков и шля- пок. Так был встречен однажды Сергей Васильевич Викулов, самый яркий певец советской деревни.

На той же пристани встретили мы и Василия Ивановича Белова, автора только что вышедшей книги «Знойное лето». Белов прихрамывал, и лицо его было угрюмым. Мы поняли: что-то случилось на пароходе. Белов открылся:

- Ссора была. С пижонами. Из-за песни. Они пели какую-то красивую чепуху. А я потребовал нашу, русскую. И даже запел. И вот они на меня. Всей стаей... Не буду об этом и говорить. Противно. Сейчас бы мне, эх, настоящей лесной тишины. Может,

подскажете: где она тут?

Мы рассмеялись:

- Где же, как не в лесу!

Белов улыбнулся

- Что мне и надо!

Сказано - сделано. Переплыв на пароме через реку, мы оказались на том берегу, где была проселочная дорога, которая нас и вывела в Красный бор, одно из красивейших мест в окрестностях Тотьмы. День был чудесный. Мы с Елесиным приставали к Белову, чтобы он открыл нам, как это так у него в рассказах выходит соединение того, что случается в жизни сейчас, с тем, что было в ней и что будет. Белов поморщился:

- У вас и вопросы... Как у литературных светил. Вы это... выбросьте лучше из головы. Когда захочешь писать - напишется само. И о том, что вчера, и о том, что потом. И без всяких соединений.

Мы даже немного смешались:

- А как же нам быть?

- Никак. Просто жить! - ответил Белов и, выбросив руку вперед, спросил, как потребовал:

- Что вы там видите?

- Сухону.

- А там? - рука Белова вскинулась вверх.

- Облака.

- Опишите их состояние. По-настоящему опишите. Это и будет литература.

Право, около нас и над нами было всё так обычно, но в то же время и необычно. Большая река. А над ней? Уплывали одни облака. Приплывали другие, точь-в-точь строители, образуя на карте небес бело-пёрое государство. Так, наверное, и душа, сливаясь с душой, образуют счастливую территорию, где, подобно вполуху над рекой, торжествует развернутое сиянье.

Уехал в Великий Устюг Белов через сутки. А мы, как и раньше с Васей Елесиным, вновь и вновь выходили к вечернему пароходу. Ждали счастливого продолжения. Как в Викулове, так и в Белове видели мы творцов огромной величины, умевших

вздывать человеческий дух могуществом слова и слога. Одним словом, учились у них. И у них, и у классиков русской литературы, и у тех, кого мы искали, отправляясь в поездки по сплавающимся, лесным поселкам и хуторкам, где всегда находили хранителей русского языка, чья богатая речь была как книга, которую читаешь, читаешь, читаешь, зная о том, что она не закончится никогда.

ГОЛОС ИЗ КЛЕТКИ

В моей небольшой книжке «До свиданья, родина», вышедшей в 2004 году, есть рассказ «Забывтое поле», который я посвятил Василию Ивановичу Белову. Он небольшой, потому привожу его целиком.

«Задичавшее поле, где когда-то твердела в наливе высокая рожь, заросло плодовитыми сорняками. Это наша действительность, перекосы угрюмого века, на ветрах которого разлетаются семена чернобыльника и осота.

А над полем - привычные добрые облака и такое же доброе солнце. И знакомый косяк отлетающих птиц, и оса, зависшая над ромашкой. Это вечность, какая была здесь и прежде.

Оставаться с таким же неизменяющим лицом предстоит ей всегда. Потому что оса и птицы, солнце и облака обходились и обойдутся без человека. Человек же без них обречен. И еще обречен он без хлебного поля. Возвратить ему лучшие дни может лишь колосистая рябь поспевающих ржей, на усах которой качается доброе солнце».

Что сказал об этом рассказе Белов? Я не спрашивал. Да он бы, наверно, и не ответил. Главное, чтоб все это шло без лукавого и навязывания себя как достойного бытописца.

- Пиши так, как если бы перо вела соvestливая рука, - говаривал Белов. Говаривал как бы в пространство. И не однажды.

Я вспомнил одно видение. В два часа утра. Увидел, как встает из земли без лучей и сиянья огромное алое солнце. Такое бывает только в начале июля. Черные крыши домов, застывающая листва, пролетающий с мышью в когтях хищный филин.

Нет. Земля подбиралась не к собственной смерти. Шла она - к воскресению. И спасёт ее, я уверен был, тихий свет, разливающийся над миром. Православный народ называет его Божья милость.

- Такое местечко, под названием Глебовское, я время от времени и посещаю, - сказал я Белову. - Это родина нашего юного друга.

Белов улыбнулся:

- Уж не Саши ли Цыганова?

- Вот-вот.

- А почему ты вспомнил о нем?

- Это необъяснимо. Наверно, голос услышал. Оттуда, где люди в клетке. То есть в лагерной зоне, где не только охранные вышки, овчарки, бараки, но и ломающиеся судьбы. Несколько раз я бывал у Саши в гостях. А в первый раз - в зоне. Даже там выступал среди заключенных. Он, наш Саша, как воспитатель колонии, год за годом там пребывал. Тем, кто попал в эту клетку, пытался вернуть ту рискованную жизнь, которая на краю. Чтобы не было в ней последнего шага...

ПО БЕЛУ СВЕТУ

Уплывая в очередной раз из Тотмы в Вологду, Белов крепко пожал мою руку. И сказал как бы от имени всех, о ком беспокоился, как о братьях:

- Рубцов, Романов, Коротаяев, Багров, Цыганов... Каждый из вас имеет собственный стиль. Каждый по-своему видит всё, что около и вдали. И проявляет себя через собственную работу. Кто о ней судит? Пришедшее время. А в нем - тот самый, кто хотел бы прочесть нас не только глазами, но и душой. Слово писателя знай гуляет

по белу свету, помогая всем страждущим в постижении крена жизни, особенно в наши дни, когда рядом воинствуют ложь, обман, блуд и зависть. Но ведь и ты присутствуешь в этом мире. Чего ждать от тебя?

- Первым делом - того, что ты должен быть как опора, на которой и держится наша жизнь, - молвил я.

Белов вздохнул:

- О, как нам не хватает этой опоры... А где найти ее? Только в своем народе. Именно в тех, кто всегда рядом с нами...

СТОЯНИЕ

Об Иване Полуянове

Иван Дмитриевич Полуянов - личность незаурядная. Где он только себя не явил! В уютных залах библиотек, древнерусских архивах, на берегах почти всех вологодских рек, болот и озёр, в загадочных, пахнущих хвоей глухих сузёмах и на тех бесконечных просёлках и тропах, которыми нужно идти и идти, никуда не придя, чтоб опять и опять продолжить свою дорогу. Дорогу не только писателя, но и ночлежника у костра, и художника, и открывателя всех живущих существ на свете, включая зверя, птицу и человека. Человека не всякого, а того, кто с богатым внутренним миром, чья натура таит притягательную загадку. Добираться до самой сути. Во всём. Чтоб вопросы в ищущей голове обрастали ответами, которые были бы всем понятны. Только лишь после этого Полуянов садился за стол и писал своим трудночитаемым почерком очередную страницу повествования. Чаще всего такая пора для него наступала глухой поздней осенью, по отъезде на «Москвиче» из деревни Мартыновской в город. Деревня Мартыновская, где жил Полуянов летами, в ста километрах от Вологды. Она тиха, малолюдна и очень красива.

Особенно в майскую пору, когда друг за другом по очереди расцветают черёмухи, яблони, боярышники и сливы, вытягивая свои пахучие ветви из палисадников на дорогу, и каждого, кто по ней шел и идет, спешат погладить по голове.

Иван Дмитриевич чувствовал себя здесь всегда хорошо. Где-то рядом с его пятистенком соседствовали дома поэта Юрия Макаровича Леднева и очеркистки Людмилы Дмитриевны Славолюбовой. Я тоже жил в трёх километрах от их деревни, и мы порою встречались друг с другом. У всех у нас были усадебные участки, и мы выращивали на них овощи, ягодники и даже понравившиеся нам кусты и деревья, которыми с нами делился соседний лес.

Иван Дмитриевич, хоть нас особо и не учил, но опыт свой, опыт бывалого лесоведа и огородника, передавал с удовольствием. Гордился тем, например, что у него в огороде раньше всех расцветает картошка, не в августе, как обычно, а в самом начале июля. Почему? На заданный нами вопрос он отвечал:

- В конце апреля приезжаю из Вологды. Топлю печь. Ставлю на неё пару корзин семенной картошки, окропляю её водой и уезжаю назад. Приезжаю спустя две недели. Моя картошка вся обросла ростками. Они-то мне и дают ранний урожай. Вы тоже попробуйте. Не пожалеете.

Пробовал, знаю, Юрий Макарович. Я тоже пробовал. И местные жители, само собой. И у всех у нас всё выходило так, как подсказывал Полуянов. Поспевшие молодые клубни шли на наш обеденный стол не в начале осени, а в июле.

Жил Иван Дмитриевич в больших деревянных хоромах. Пятистенок старинной рубки. Комнат не счесть. Хотя обитали в них только трое - сам Полуянов, его постоянно прихварывавшая супруга и дочь.

Как-то Иван Дмитриевич познакомил меня со своим кабинетом. Был солнечный день. И просторная горница на втором эта-

же, куда мы вошли, была притушённой, как в сумерках, от того, что в окно пробирались ветвями сразу несколько крупных деревьев. Иван Дмитриевич улыбнулся:

- Здесь всегда у меня тихий вечер. Не отвлекают ни воробьи, ни синицы. Они любят свет. А тут его мало. Для писца это самое то...

Полюбопытствовал я:

- «Самозванцы», наверное, здесь и рождались?

- О-о! Шёл я к ним, наверное, всю свою жизнь. Что-то писал и здесь. Но большинство страниц одолел всё же в Вологде. Здесь меня отвлекает природа. Зовёт к себе и зовёт. И я ухожу. То ли с удочкой на реку. То ли с фотоаппаратом. Люблю снимать птичьи свадьбы. Это такие рулады, такие страсти! У нас тут чаще всего женихаются чайки. Иногда ухожу туда, не знаю куда. С пустыми руками. Побывать один на один с облаками. Они, как столетия, движутся надо мной. И в них я вижу то, что потом читатель увидит в книге.

В огороде Ивана Дмитриевича среди сирени была засидка, из которой он наблюдал прилёты с отлётами всех боровых, луговых и болотных птиц. Не пропускал и стаи ворон, выгоняющих из деревни залетевшую сослепу серую выпь. Сценки воздушной схватки рождались у него на глазах едва ли не ежедневно. Природа манила писателя сегодня на крохотный ручеёк, который тёк, тёк, и вдруг пересох, потому что где-то вверху перегородили его жёлторотые жабы. Завтра надо гулять на ягодное болото: высыпало на глади столько морошки, что собирать её можно аж соломенной шляпой. Послезавтра - к сказочным вискорням среди ёлок, в которых была у медведицы лёжка, и летом можно увидеть её с двумя медвежатами около гари, где рос вперемешку с кипреем глухой малинник.

И всё-таки чаще всего навещал Иван Дмитриевич красавицу Кубену, голубая

вода которой играет в любую погоду, а в солнечный вечер она похожа на проплывающих в ней верховых окуней. Полуянов рассказывал:

- Там у нас, под горой, за гороховым полем, ёлки смотрятся с берега в воду. Иногда, чуть стемнеет, наблюдаю за чёртом в очках.

Не верится мне:

- Неужели чёртом?

- Филином, надо думать. Крупноголовым, глазастым, с поднятыми ушами. Уши его слышат всё, даже то, как стучит у меня от волнения сердце. У него в этих ёлках гнездо. Недоступно ни для кого. Вот я и стараюсь его как-то подкараулить...

Природа вошла в душу писателя навсегда. И родился-то Полуянов, можно сказать, в самом сердце диких лесов. Деревенька Семейные Ложки со всех сторон окружена переспелыми елями. Рядом бежит по камням речка-резвунья по имени Городишня. Кругом цветы, ягодные поляны. По вечерам слышен лай лисят и лисы. Древними сказками подвывают расшумевшиеся деревья. И месяц сверху огромен и страшен, как глаз зависшего в небе ночного гостя.

Из Семейных Ложков семья Полуяновых переехала в дальний Архангельск. В семье подрастали два сына. Оба мечтали хотя б на денёк оказаться в Ложках. И что же? Едва вступили в юные годы, так и исполнили эту мечту. Поплыли в родительский дом на большом белопалубном пароходе. И так каждый год. Случилось, однако, сухое лето. Пересохла даже Северная Двина, и пароходы по ней уже не ходили. Старший брат был настойчив и смел. Заявил молоденькому Ванюше:

- Ты как хочешь, а я всё равно поплыву!

- И я поплыву! - ответил Ванюша.

Из бросовых бревен соорудили плот - и вперёд, воображая себя моряками. 160 километров. Хотя и с трудом, но всё же преодолели. Хвойная мгла тайги. Суровые

очи озёр. Ночная рыбалка. Поход в полевой городок, где такой крупный храм, что, казалось, стоит он не на земле, а плавает в небе. И заявляет с гордостью о себе: «Приходите ещё! Я здесь буду всегда!»

Последнее посещение Городишни было у Вани прощальным. Храма не было на горе... Вместо него в беспорядке раздробленных кирпичей рдело кровавое возвышение. Святыню раздели на кирпичи. Уходил отсюда молоденький Полуянов, ощущая спиной взгляд усталого пилигрима, который сюда приходил помолиться. И вот вместо светлой молитвы бросал в тусклый воздух беспомощные слова: «Как же быть-то тепере? Как же?..»

Наступил 1941-й. Война. Семья Полуяновых поредела. Сначала ушел на войну отец, а потом старший брат. Иван Дмитриевич был ещё недоростком, и рос, казалось бы, для того, чтоб и ему отправиться на войну. Что и случилось. Уехал последний в семье мужчина туда, где калечат и убивают. Воевал пехотным бойцом. Отстаивал родину. Во имя будущей тишины и возможности жить, как живут все достойные люди.

После войны Полуянов работал в библиотеке. Одновременно живописал, пробуя силы свои в художественных набросках, создавая кистью портреты знакомых людей и пейзажные зарисовки. И ещё, как мёдом, притягивала к себе русская литература, в которой так много было ещё не сказано, не выверено душой, не раскрыто щемящего и святого. А почему бы ему самому не нырнуть в это лоно? И вот написал Полуянов первый рассказ. Потом и второй. И третий. А там и со счёту сбился. Предложил рассказы в издательство. Взяли. И в том же году напечатали книжкой. С того и пошло.

В Вологду Иван Дмитриевич переехал в 1961 году, уже будучи членом Союза писателей СССР. Здесь написал он более 30 книг. Многие из них эпохальны.

Охватывают картины жизни российского государства, начиная с Присухонья и московского центра Руси. Ведет писатель нас за собой со времён языческого распада. Через княжение первых русских князей. Через судьбы величественных мужей, таких как воины-защитники Александр Невский, Даниил Московский, Дмитрий Донской. Или молитвенники Сергей Радонежский и Димитрий Прилуцкий. Через служение Руси Ивана Калиты, обоих Иванов Грозных. Через Минина и Пожарского... Через времена, когда стране угрожало нашествие крымчаков, ливонцев, поляков и многих других завоевателей, кому не терпелось стать хозяевами Руси. Ведёт непременно к дням спокойным и тихим, которые были нужны, чтоб оправиться от ран и страданий и зажечь, наконец, как живут все православные на земле.

Многое в нашей истории, отмечает писатель, осталось в забвении. Совершенно не освещены кровавые годы владения казанскими татарами нашими северными территориями, где шло повседневное умерщвление населения, продажа его в рабство. Годы, когда процветали пытки, пожары и грабежи, понёсшие за собой гибель миллионов людей. Отсюда и миссия Иоанна IV понятна в основном лишь с завоевательной стороны. Тогда как Иоанн Грозный был в глазах не только московской верхушки, но и всех людей Московии вместе с Устюгом, Тотьмой и Вологдой воином-освободителем, справедливым заступником, кто покончил с разбойничьими притязаниями Казани, дав возможность всем северянам возродить испелённые нелюдьями сёла и города.

«Месяцеслов», «Деревенские святцы» - это тысячелетняя летопись народной жизни России. О, как много бы надо об этом сказать!

«Самозванцы» - это не только средневековье, но и нынешний день, где глав-

ными героями являются все сословия страны. Прежде всего - доблестные бойцы, граждане-патриоты, государственные мужи, а вместе с ними - скрытые и открытые отморозки, развратители, предатели, жулики, сексоты и палачи. День минувший перемешался с сегодняшним. Не поймёшь, который из них и страшнее. Впечатляют и очерковые откровения. Мало знакомые читателю «Древности Присухонья» знакомят нас с бытом, ремеслами и культурой живущего по берегам Сухоны населения, которому на протяжении сотен лет приходилось одновременно со скотоводством и хлебопашеством заниматься обороной своих жилищ. Городишня, Нюксеница, Брусенец, Берёзовая Слободка, Великий Двор, Веселуха, Светица, Уфтюга... Всё и не перечислишь. Городки и селенья эти стояли возле главной дороги Севера, соединявшей Вологду и Архангельск. Здесь на протяжении многих столетий шли торговые пути. Летом по Сухоне и Северной Двине. Зимой - по снежным дорогам, что пролегли вдоль этих рек. Кого здесь только не разглядишь! Крестьяне с сохами. Тянущие вверх по реке купеческие суда согнувшиеся ярыги. Ямщики, погоняющие саврасок. Воеводы с боярами. Тать ночная. Колонна колодников. Окружённый оруженосцами батюшка царь. Жизнь кипела.

Однако за эту жизнь приходилось ещё постоять. Свижут стрелы, гремит пальба. Шумят мужицкие сходки, что опять выше леса подати поднялись. Неси их, плати! Надо б и дать. Да откуда их взять? К тому же ещё по большой дороге поднялась пыль до самых небес. Кого ещё там несёт? Готовься к отпору.

Одна из последних работ Полуянова - «Детские лики икон». И здесь - история разновеликой Руси.

1015 год. Скончался великий князь Владимир - Креститель. И старший из двенадцати его сыновей, Святополк, алчный,

Чудесно пойманные мгновения

Окончание. Начало на цветной вклейке в начале номера

Вдова писателя сравнивает работы фотохудожника с беловской прозой, в которой «отражена красота лесных озёр, снежных полей, шум лесов и запах многоцветных трав. Та же живописность, уже не в слове, а в снимках Николая Карачёва запечатлена его камерой. Это чудесно пойманные мгновения».

Сам фотограф считает, что ничего особенного он и не снял:

- Собака с котом сидят напротив дома - такая парочка! Как не снять? Только ленивый не снимет...

В лени Николая Ивановича никто не упрекнет - зная, что он объездил не только нашу страну от Заполярья до Камчатки, но и в Китае и Непале побывал.

- Я всю жизнь снимаю пейзажи, - рассказывает Н. И. Карачёв. - Люблю природу, люблю красоту, люблю Россию. От Кольского полуострова до Камчатки везде побывал.

Но ближе всего Николаю Ивановичу родные вологодские края. Родился он в лесном посёлке Лаптюг Кичменгско-Городецкого района. Был лесорубом, сплавщиком, учителем... С 1978 года живет в Москве, фотографии Карачёва охотно публикуют столичные журналы, сотрудничает фотограф и с федеральными телеканалами. В 2011 году в числе лучших фотографов нашей страны участвовал в выставке в столичном «Манеже». Тогда же был издан фотоальбом «Русский пейзаж», в который включили и работы Николая Ивановича. Вологжане помнят выставку фоторабот Карачёва «Пейзажи России», с успехом прошедшую в картинной галерее; там было представлено 120 крупноформатных работ.

- Казалось бы, у фотохудожника есть только кадр, - рассказывает Валерий Страхов, народный художник России, член-корреспондент Российской академии художеств, - но он всегда стремится выйти за рамки этого кадра, подать

Кабинет писателя в деревенском доме в Тимонихе

мир во всем его грандиозном пространстве. Многие снимки Николая Карачёва удивляют могучим эпическим настроением, здесь чувствуется могущество природы, а земля воспринимается как библейская земная твердь.

Фотоальбом о природе и людях беловских мест фотограф готовил около десяти лет. Николай Карачёв купил и восстановил дом в деревне Гридинской, что неподалеку от Тимонихи. Из нескольких тысяч снимков для книги автор отобрал 250. Некоторые из них мы представляем читателям журнала на цветных вкладках.

Андрей САЛЬНИКОВ

• ФОТОВЗГЛЯД

Туман летом

Люблю фотографироваться!

Высокий полёт

Детсад на прогулке

Гридинская. Вид сверху

Эхо эпохи

Совушка-сова

К проезду готовы...

Голубиные посиделки

Зимние забавы

Оратор

Хозяин деревни

• ФОТОВЗГЛЯД

У окошка - я и кошка...

Баня топится по-чёрному

Ты чего пришёл?

Все снимки на цветных вклейках в начале и в середине номера - Николая Карачёва

нелюдимый властолюбец, задумал уничтожить родных братьев и тем укрепить захваченный им престол.

Борис с войском возвращался из похода на печенегов. Чуть брезжило, под образами горели свечи - священник служил заутреню, когда в шатёр ворвались бояре Святополка. Пронзённый копьями, князь упал у алтаря. Оруженосец его Георгий Угрин собою прикрыл раненого и был сражён на месте. Шею его украшала золотая гривна - дар Бориса. Чтобы завладеть сокровищем, злодеи обезглавили мертвого отрока.

Самого юного из братьев, Глеба, по приказу бояр зарезал собственный повар кухонным ножом.

- Суди тебе Господь, брате-враже Святополче, покаяться, дабы душу спасти! - простонал мальчик и захлебнулся кровью.

Братья-мученики смогли бы защитить себя, но отказались обнажить оружие - младшие против старшего, сознательно предпочтя смерть вспышке губительной междоусобицы. Дан был им дар смирения, провидчески проносили они грядущее, как бы предчувствуя удельную раздробленность, зловещая заря которой занималась над Русью.

Знаменьем свыше - к единению Руси - восприняли современники события 1015 года. Борис и Глеб, и с ними оруженосец Георгий, были причислены к лику святых.

Вот откуда пошли на Руси первые иконы с ликами не обнаживших мечей подrostков, подлинных героев своей страны.

Спасибо, Иван Дмитриевич, и за эту горькую страницу, которую ты посвятил истинным сынам многострадальной Руси.

ИДЕЯ НЕОБХОДИМОСТИ

Об Александре Романове

Сколько потребовалось поколений, чтобы однажды на белый свет явился тот, кто сконцентрировал в себе лучшие чер-

ты своей нации, представ перед миром величественным творцом? Никто не считал. Одно очевидно: что время рождения мастера надо отсчитывать не от года его рождения, а от многих дней рождения тех, кто шел к нему из трехсотлетней, пятисотлетней, а может, и тысячелетней давности, собирая на этом гигантском пути золотые перлы человеческого таланта. Для чего? Для того чтобы их передать самому яркому представителю рода. Рассуждая подобным образом о фамильной преемственности, я вижу, прежде всего, своих современников, которые еще при рождении имели подготовленный для будущей жизни дар. Поэтому и в жизнь пошли они, имея прародительский опыт, который не только не растеряли, но и умножили, обогатив его, и стали, в конце концов, теми, кого знаем мы как конкретных людей. Таким конкретным для меня является Александр Александрович Романов. Кто он? Поэт, который всегда стоял и стоит рядом с Николаем Рубцовым, как открыватель многочисленных человеческих настроений, как мыслитель, чей ум выходит за рамки государственного мышления, как духовный пастырь, пропускающий через душу свою страдания, радости, беды, страсти и ликования обычных людей. И еще он - живой человек, темпераментный, грешный, богобоязненный, кающийся, бесстрашный.

Романова всегда представляю в единой связи с Россией. Как всякий глубоко мыслящий человек, он брал в себя и оставлял в себе все несуразности, печали, безумства и трагедии родного отечества. Всегда думал о том, какая сила способна спасти страну от ее внутреннего и внешнего разрушения. И сила эта, в понимании поэта, была в самой сущности русского человека, главные качества которого - работоспособность, доброжелательность, простодушие, терпеливость, жертвенность, жалостливость - и могут стать спасатель-

ными кругами среди волн бушующего содома. Русское в русском. Без этого не было бы Александра Романова. Он немыслим без любопытства к тому, чем это «русское» пустило свои естественные корни и даже переплелось ими настолько, что стало узнаваемым на расстоянии. Однажды на одном из поэтических вечеров высказался о Сереже Чухине, сказав, что Сережа очень безалаберен и очень талантлив. Никогда не умел зарабатывать деньги, потому что это чуждо его натуре. Зато близко - делиться с товарищем тем, что есть у него. Но так как у него обычно ничего не было, особенно денег, то и делился он своим основным богатством - душевностью. Душевность же истекала через щемящее слово. А слово - предтеча взволнованной лиры. Собираются осенью в стаи тревожные птицы. Собираются и слова, из которых складываются шедевры. А они, как раньше, так и теперь востребованы, потому что питают дух, насыщая его энергией, при которой душа молодеет, сердце бьется взволнованно и за спиной вырастают крылья. Смелые крылья. Не думал Сережа о завтрашнем дне как о черном и безнадежном. Напротив, воспринимал будущее светло и ясно, потому что оно обещало ту самую жизнь, когда можно будет написать еще одно стихотворение. Когда можно сесть на поезд и уехать на речку Лежу, чтобы там посидеть с удочкой на лесном берегу. Когда можно сбегать в лес за грибами. Когда можно встретиться с другом и выговориться ему. И вообще, когда можно дышать воздухом родины и осязать свою связь с землей и рекой, с солнцем, луной и небом.

Александр Александрович улыбнулся, вздохнул и сказал:

- Судьба Сережи Чухина - это судьба русского поэта, кто не умеет устраивать жизнь. Живет как придется. Такие ошеломительные стихи - и такая зависимость от всего. И все это от нашего русского

неумения нравиться тем, кто отпускает благополучие...

Как ни досадно, но говорить в прошедшем времени приходится и об Александре Романове, удивительном оптимисте, неунывающем человеке, умевшем радоваться чужим успехам и нести в груди восхищение перед тем, что могла ему дать и давала родная земля.

Россия - это самое болевое для души поэта. Не случайно вся поэтика Александра Романова пронизана чувством причастности к ее судьбе, ее дороге в будущее, вере в то, что быть ей, в конце концов, как в лучшие исторические времена, державной и сильной. Зная не понаслышке, а по собственному опыту - опыту многочисленной родни и прежде всего своей матери - о раскулачивании русской деревни, бесовстве руководителей, в чьих руках оказалась власть, понимая роль политических вождей Советского государства, и в первую очередь Ленина, как истинных врагов собственного народа, поэт надеялся, что русский народ однажды осознает себя созидательной нацией, которая способна обрести не только благополучие, но и уверенность в будущих днях. Александр Романов оставил в отечественной культуре отчетливые следы своего пребывания. Оставил как поэт, как публицист, как очеркист, как, наконец, пропагандист красоты и духовности, с которыми люди должны жить везде и всегда. Поэт оставил для будущего читателя книги раздумий, рассказы о самых даровитых людях страны. Об Александре Яшине, Сергее Орлове, Федоре Абрамове, Николае Ключеве, Николае Рубцове (всех не перечислишь) он говорит так, словно эти мастера слова никогда и не умирали и не умрут, потому что их дело востребовано временем и теми, кто в нем живет.

А как тепло, задушевно и энергично рассказывает он о своих многочисленных встречах на дорогах страны с людьми, ко-

торые его восхитили и изумили тем, что в своих делах и поступках они проявили себя как самобытные, талантливые, неповторимые оригиналы.

Или родня поэта. И предшественники по роду, и брат его Павел, и жена Анастасия, и сыновья Сергей и Александр, и близкие по душе ему земляки, кого воспринимаешь как кровных родственников поэта... Читаешь про них и ощущаешь, как, окружив тебя, расположился огромный стан родного тебе русского населения, и впереди у всех, несмотря на утраты, печали и скорби, жизнь, захватывающая всё твое существо очищающей верой в разум и справедливость.

Читать портреты, дневниковые записи, этюды и обнаженные мысли Александра Романова - все равно что окунуться в реку мудрости. Окунуться и выйти из нее просветленным и умудренным теми уроками, которые может тебе преподать только жизнь, подсмотренная провидческими глазами. Одно романовское выражение «Русь уходит в нас» наполняет глубокой мыслью о зоркости человека, разглядевшего наши отеческие пенаты, для того, чтобы это видение навсегда и для всех оставалось в сердце.

Могу представить Александра Романова не только в дружеских компаниях с Николаем Рубцовым, Валерием Дементьевым, Александром Яшиным, Юрием Арбатом, Сергеем Викуловым, Федором Абрамовым, Василием Беловым, Николаем Тряпкиным, но и в тиши комнаты писательского союза в Вологде, на улице Ленина, 15, где он долгие годы работал ответственным секретарем областной писательской организации. Телефонные звонки. Посетители. Рукописи. Семинары. Встречи с молодыми поэтами. Диспуты. Вызовы в обком партии. Поэтические вечера. И, конечно, собственные творения. И все это проходит через одно сердце, такое распахнутое, такое большое, как и сама окружающая поэта жизнь.

Как-то, за пару месяцев до смерти Александра Александровича, я встретил его случайно на одной из улиц Вологды и спросил:

- Как здоровье-то, Саша?

На мой банальный вопрос ответил он добродушно и просто:

- Для моего возраста вполне сносно. Главное - я хочу и могу работать. А тебе, - лицо Романова так и высветилось открытой улыбкой, - спасибо!

- Да за что? - удивился я.

- За то, что несколькими словами сумел сказать о сути нашего ненормального времени. - И он прочел:

- *Где сегодня честные?*

- *Неизвестно.*

- *Где сегодня смелые?*

- *В коммерсантах.*

- *Ну, а эти, светлые?*

- *Светлые в народе светятся печалью...*

Это была последняя встреча с Александром Романовым. Вспоминая ее, я думал и думаю: обыкновенный, кажется, человек. Ничем внешне не отличим от других. А вот ведь: весь в исканиях живого русского слова. Всю жизнь в исканиях. И нашедший целую галерею бесценных россыпей русской речи, через которую постигаешь не только смысл нашего бытия, но и саму идею необходимости жизни, на которой держалась и держится Русь.

ПОСВЯЩЕНИЕ ДРУГУ

О Николае Рубцове

Ещё до выхода в Лениздате книги Рубцова «Посвящение другу» (1984) его издатели спрашивали меня:

- Кому Рубцов посвятил это стихотворение? Быть может, тебе?

Я помотал отрицательно головой:

- Не мне.

В 1966 году Рубцов всё лето провёл на Алтае. Побывал в Барнауле, Горно-алтайске, в деревне Кислухе, в Бийске и Красногорском. Сибирь во многом напоминала ему Вологодскую область, по которой он постоянно скучал и писал своим закадычным друзьям короткие письма. В одном из них, к Александру Романову, он сообщал:

«Пишу тебе из Сибири. Ермак, Кучум... Помнишь? Тайга. Павлик Морозов... Много писать не стану, т.к. сейчас пойду на рыбалку, да тебе и не будет интересно, если я начну описывать свои последние впечатления и еще что-то. Скажу только, что я сюда приехал, кажется, на все лето, т.к. еще не бывал в этой местности и решил использовать возможность, чтобы посмотреть ее. Изучить ее. Перед отъездом сюда взял командировку от журнала «Октябрь». Скажу еще только, что сильно временами тоскую здесь по сухонским пароходам и пристаням...»

Н. Рубцов.

С. Красногорское Алтайского края».

В Александре Романове, как ни в ком другом, Рубцов почувствовал истинного поэта, чья духовная сила и власть над словом были настолько крупны, что он принимал его за творца, чей уровень был такой же высокий, как у него, Николая Рубцова, понимавшего, что сегодня в поэзии он всех выше.

На равных они беседовали о древностях русской культуры, о языке, о городе и деревне, о том, почему страдает и пьет сегодняшний человек. Рубцов допускал даже критику Александра. Как-то по осени, отдыхая в скверике на скамейке, под легкий шорох лежащей листвы, он прочитал только что им написанное стихотворение:

*Идет старик в простой одежде.
Один идет издалека.
Не греет солнышко, как прежде.
Шумит осенняя река.*

*Кружились птицы и кричали
Во мраке тучи грозовой,
И было все полно печали
Над этой старой головой.*

*Глядел он ласково и долго
На всех, кто встретится ему,
Глядел на птиц, глядел на ёлку...
Наверно, трудно одному?*

*Когда, поёживаясь зябко,
Поест немного и поспит,
Ему какая-нибудь бабка
Поднять котомку пособит.*

*Глядит глазами голубыми,
Несет котомку на горбу.
Словами тихими, скупыми
Благодарит свою судьбу.*

*Не помнит он, что было прежде,
И не боится черных туч,
Идет себе в простой одежде
С душою светлою, как луч!*

Прочитал и ждал: что на это скажет Романов? А Романов вспомнил стихотворение Некрасова «Влас».

*В армяке с открытым воротом,
С обнаженной головой,
Медленно проходит городом
Дядя Влас - старик седой.
На груди икона медная:
Просит он на божий храм, -
Весь в веригах, обувь бедная,
На щеке глубокий шрам.*

И сказал Николаю, что образ странника-старика не нов. Об этом уже писали. К тому же Рубцов изобразил его заурядно. И концовка стихотворения излишне красива, с преувеличенным обобщением. Рубцов ничего не ответил на это, но было видно, что он с Романовым не согласен. Позднее, спустя два с лишним десятиле-

тия, Романов вспомнил тот разговор и подумал о том, что тогда он был, конечно, не прав. Образ души, подобной лучу, сейчас не казался ему излишне красивым. Метафора воспринималась по-новому, как энергия жизни, как благотворное просветление в сумраке человеческого разлада. И сам старик, несмотря на скудость деталей в его описании, представлялся уже далеко не некрасовским, а рубцовским. Но главное то, что поэт, подобно пророку, за четверть века запечатлел одного из огромной армии вымирающих стариков, которые стали явлением каждого города и деревни:

*... И было всё полно печали
Над этой старой головой...*

Воистину. Всё о теперешних днях, в которых идут и идут гонимые бедностью старые люди.

Романов часто встречался с Рубцовым. Встречался всегда радостно и охотно, ибо видел в нем не соперника, а собрата по поэтическому горению. В то же время Романова огорчало, что живет Рубцов хуже, чем надо. И одет-то он бедновато. И с семьей не пойми чего. Да и денег, наверное, нет. Правда, внешне Рубцов не показывал виду, что испытывает нужду. Неудобно было ему и просить у Романова трешник, чтоб купить на него хоть какую-нибудь еду. Потому, приходя к нему на квартиру, садился стеснительно на диван, доставал записную книжечку и писал:

*«Александру Александровичу Романову
ЗАЯВЛЕНИЕ*

Прошу, если это возможно, одолжить мне, Николаю Михайловичу Рубцову, три рубля. С обязательным возвратом.

Н. Рубцов».

Романов, естественно, понимал, что Рубцову сказать вслух о трешнике было до невозможности неудобно. И, само собой, он, чем мог, его выручал. И за стол

уговаривал сесть. И расспрашивал о делах. Словом, очень старался, чтобы стало Рубцову добрее, уютнее и теплее. Рубцов и Романов часто встречались в редакции «Вологодского комсомольца» Сядут за маленький столик. Шахматы перед ними. Вроде играют, однако фигурки стоят на доске и стоят, не трогаясь с места. А игроки оживлённо глядят друг другу в глаза и ведут разговор. Сколько было таких разговоров! Кто их записывал? Или запомнил? Обычно в той комнате за тремя двухтумбовыми столами сидели сотрудники двух отделов. Я отвечал за сельскую жизнь. И если не был в командировке, то тоже сидел за столом. И слушал умные разговоры. Один из них всё-таки вкратце запомнил. В комнату из соседней, где был идеологический отдел, вдруг вбежал, сверкая единственным глазом, Клим Файнберг. Увидев поэтов, воскликнул:

- Милые вы мои! Саша и Коля! Может быть, вы почитаете то, что написано здесь! Если одобрите, будем печатать! - И, положив поверх шахмат исписанный мелким почерком лист, тотчас же исчез.

Первым листок прочитал Рубцов.

- Не стихи, а какая-то жидкость! - сказал он недоуменно. - И автор такой же, наверное, жидкий.

- Жидкое слово в поэзии, - вторил ему Романов, - ничего не дает ни уму, ни сердцу. Слово должно светиться!

- Или гореть, как молния под грозой! - прибавил Рубцов.

- Главное - в слове, - закончил Романов, - должна отражаться не жизнь, а сок этой жизни...

Они оба умели чувствовать слово. Заурядность и серость была для обоих невыносима. И еще понимали они, что красоты поэзии можно было открыть везде, если их разглядеть через чуткое сердце.

Два поэта. Две жизни. Две собственные дороги. Одно у них было общее - влечение к красоте, которая открывалась то

ли в плывущем по Сухоне пароходе, то ли в женщине с ведрами на реке, то ли в весело прыгнувшем в небо махоньком жаворонке - во всем, что несло в себе переполненность жизни, властно при-манивая к себе.

Рубцов появлялся всегда неожиданно и всегда очень кстати. Как-то осенью, по морозцу, проходя окраиной Вологды (куда поэта только не занесет!), возле скромных домов с палисадами, где сгорали горячие георгины, Романов лоб в лоб столкнулся с Рубцовым.

- Ты откуда?

- От добрых людей!

- Ночевал, что ли, там?

- Ночевал.

- И куда?

- Сам не знаю.

- А как себя чувствуешь?

- Погляди! - Николай повернулся лицом к палисаднику, откуда навстречу ему, приподнявшись над клумбой, мерцали побитые холодом георгины. - Они меня понимают. Как и я понимаю их.

Через год в журнале «Октябрь» появилось стихотворение «Посвящение другу».

*Замерзают мои георгины,
И последние ночи близки,
И на комья желтеющей глины
За ограду летят лепестки...
Нет! Меня не порадует - что ты! -
Одинокая странствий звезда.*

*Пролетели мои самолеты,
Просвистели мои поезда.*

Вероятно, Рубцов написал это стихотворение, когда странствовал по Алтаю. Во всяком случае, поэт из села Красногорское Геннадий Володин, у которого жил Рубцов несколько дней, свидетельствует об этом. И все-таки почему, наряду с такими стихотворениями как «Весна на берегу Бии», «В сибирской деревне», «Шумит Катунь», «Сибирь - как будто не Сибирь», Рубцов писал на Алтае стихотворение, насквозь пронизанное северными ветрами? Здесь можно только предполагать. Скучая по Вологде, он писал товарищам и друзьям сердечные письма, надеясь, что те ответят ему. Ответил Романов. Ах, как было отрадно читать прилетевшее из любимой Вологды откровение друга. И вспомнил Рубцов холодную осень и отгоревшие георгины. И себя, и Романова тоже вспомнил. Вспомнил свои дороги на пароходах и поездах. Вспомнил деревце с коновязью... Всколыхнулось в душе. Придвинулось нечто щемящее и родное. Рука потянулась к перу. В одном из номеров журнала «Октябрь» за 1967 год состоялась подборка стихов Николая Рубцова. Тираж огромный. Однако подпись «Александр Романову» над «Посвящением другу» стояла только в одном журнале. И была она от руки. Почему? На это ответить мог только Рубцов.

Любовь Лихоманова

Любовь Леонидовна Лихоманова родилась в Грязовце, где и живет. Работала главным бухгалтером строительной организации, главным государственным налоговым инспектором, в настоящее время на пенсии.. Вырастила двоих сыновей. Радует любимой внучке. Пишет стихи, прозу, пробует свои силы в драматургии. «Вологодский ЛАД» публиковал подборку стихов Любви Леонидовны в 2019 году, а в сентябрьском номере журнала «Невский проспект» опубликованы три её рассказа. Представляем читателям прозу Л. Л. Лихомановой - так что это еще один дебют...

Валюшкино счастье

Солнце пекло нещадно. Августовская выгоревшая полусухая трава колола босые ступни. Но пятилетняя Валюшка не замечала этого. У неё сегодня был огромный праздник. Названия он не имел, но от этого ничуть не уменьшался. Наоборот, с каждым мгновением всё больше и больше наполнял каким-то неизведанным ранее чувством маленькую душу.

Путру мама достала из старинного бабушкиного комода две длинные яркомалиновые капроновые ленты и завязала на жгуче-черных валюшкиных волосах два большущих, да просто огромнейших банта. Девчужка задыхнулась от восторга. Правда, она ещё не знала, что чувство, внезапно охватившее её при взгляде в зеркало, так называется.. Но это было нечто! Такой красавицы свет ещё не видывал! Валечка запрыгала на одной ножке и радостно хлопала в ладоши своему отражению.

- Носи на здоровье, попрыгунья! - ласково сказала мама и улыбнулась, глядя на дочку.

-Я теперь самая красивая? Правда, мамочка? - тормозила девочка рукав маминой кофты.

- Конечно, моя родная! Самая-самая! - смеялась в ответ мама.

- Можно, я пойду погуляю?

Не дожидаясь маминого согласия, Валюшка взяла игрушечное ведёрко и любимую куклу Машу и выбежала во двор. Их небольшой домик стоял на самом краю деревни. Мимо окон проходила неширокая просёлочная ухабистая дорога. Глубокие колеи, в которых стояла дождевая вода, накатали тяжёлые трактора и грузовики - труженики уборочной страды. Сразу за околицей начиналось широкое пшеничное поле. Спелые колосья клонились к земле. Вот-вот и здесь начнётся жатва.

В начале недели тракторист дядя Вася Горохов привёз и вывалил на обочину несколько телег сухого дорожного песка, чтобы засыпать колеи. Потом сгреб песок бульдозером в огромную кучу, которая тут же превратилась в огромную песочницу. Все деревенские ребяташки с удовольствием съезжали с её вершины вниз, поднимая облака пыли, мальчишки строили у подножия кучи замки, девчонки лепили куличики. Валюшка выскочила на залитое солнцем крыльцо, вприпрыжку пронеслась по теплой тропинке к калитке, представляя, как удивленно будут смотреть на неё мальчишки и как обзавидуются девчонки. Пересекла пустынную дорогу.

К огорчению девочки, у кучи никого не было. Кто теперь увидит эти замечательные банты?

- А, да ладно! - сказала она сама себе. - Придут ещё! - и от огорчения не осталось следа. Скинув на траву сандалики, чтобы потом не вытряхивать из них забившийся песок, Валюша усадила куклу на кусок валявшейся рядом картонки.

- Маша, сейчас будем куличики стряпать, - сказала она кукле и спустилась в колею за водой. Лужа в колее отразила высокое голубое небо и красивую маленькую аккуратную головку с огромными яркими бантами. И опять Валюшке сделалось так хорошо, так весело! Даже захотелось петь и опять прыгать на одной ножке. Ну до чего же дивное у неё было настроение, просто не высказать! Она выкарабкалась из канавы, уселась рядом с Машей и запела любимую свою песню: «Пусть всегда будет ма-а-ма! Пусть всегда буду я-я-я!!!» Звонкий голосок поднимался над дорогой, над полем в самую голубую высь. И так было Валюшке «повадно», так славно, что после песни ей захотелось громко-громко завизжать от переполнявшего её чувства. Но она сдержалась, ей всё-таки уже пять лет, не «желтопузик» какой-то, как говорила её бабушка Лида.

Валюшка лепила уже третий куличик, когда краем уха услышала какой-то приближавшийся далёкий гул. Она повернулась в сторону непонятного шума и увидела, что небо из ярко-голубого там превратилось в тёмное, даже чёрное, что от неба до земли протянулось серое облако, похожее на воронку, в которую через марлю бабушка по вечерам сливает в трёхлитровую стеклянную банку парное Пеструшкино молоко, только неимоверно большущую. Гул приближался всё быстрее, отчетливо потянуло холодом. Когда вдали сверкнула изогнутая молния, Валечка испуганно вскочила на ноги и бросилась надевать сандалики, намереваясь побыстрее убежать домой. Она уже приближалась к калитке, как вдруг кто-то ужасно страшный, сильный и холодный схватил её со спины, приподнял и закрутил, как на карусели, только в сто раз быстрее. Валюшка попыталась позвать маму, но от страха потеряла сознание.

Когда девчушка открыла глаза, первое, что она услышала посреди оглушающей тишины, был встревоженный голос мамы. Валя сидела в углублении на вершине песчаной кучи, а внизу бегала заплаканная мама и громко звала её.

- Мама, я тут, в куче! - закричала что есть мочи девочка. Запыхавшаяся мама добралась до дочки, схватила её на руки, ощупывая, поворачивая во все стороны и поминутно спрашивая: «Где болит? Что болит?»

- Ничего не болит, мама! Страшно только... - испуганно прижималась к маминому плечу Валюшка.

- Слава Богу, доченька, всё обошлось! - причитала мама, опустив девочку на землю, трясущимися руками отряхивая засыпанное песком платье.

- Что это, мамочка? - удивленно вскрикнула девочка, указывая пальчиком на пшеничное поле за дорогой. По полю до самой песочной кучи тянулась широкая, точно выбритая неведомой

бритвой полоса из измятых неведомым катком колосьев.

- Это смерч прошёл, деточка, - ответила мама и зарыдала в голос. - Господи!!! Страшно даже представить, что могло с тобой случиться! Когда я выбежала на крыльцо, он тебя уже подхватил и понёс. Как только сердце у меня не разорвалось, не знаю...

Когда выпитая валерьянка успокоила маму и волнения немного улеглись, Валюшка бережно скатала снятые банты, непонятно как сохранившиеся в этой круговерти целыми и невредимыми. И опять испытала неуёмную радость. Ей опять стало так легко, как утром. Внутри неё словно забил маленький прохладный родничок, и снова захотелось прыгать на одной ножке.

Вернувшись к вечеру из райцентра

бабушка Лида застала своих девчонок мирно посапывающими на перине в летней горнице. Дочь крепко прижимала к себе внучку, сжимавшую в кулачке маленький нательный крестик, висевший на серебряной цепочке, обвивавшей загорелую шейку.

Прошло более полувека. Однажды Валентину Николаевну спросили: «Была ли она когда-нибудь по-настоящему счастлива?» Она задумалась. Помолчала. А потом припомнила тот случай из детства. Вспомнила, как бабушка на следующее, после смерча, утро сказала: «Господь с тобой был рядом, весь день, внученька! И спас тебя тоже Господь!» Вспомнила и то ощущение неуёмной радости, и ту невероятную лёгкость бытия. Тогда она не знала названия этому, а это и было СЧАСТЬЕ.

• ИЗДАНО НА ВОЛОГОДЧИНЕ

«Автограф» № 2

Вышел в свет второй номер литературно-художественного и историко-краеведческого журнала «Автограф». Журнал выпускает Вологодский союз писателей-краеведов.

На обложке свежего номера «Автографа» - портрет Ольги Александровны Фокиной. Творчество выдающейся русской поэтессы - ведущая тема номера, считает главный редактор журнала Виктор Борисов. Журнал публикует литературную композицию «Моя родословная», составленную из стихов и воспоминаний Ольги Александровны из сборника «Семьиструнка». О творчестве Фокиной и о своих встречах с ней вспоминают Виктор Борисов, Александр Соколов, Виктор Корюкаев.

Продолжая традиции «Автографа», заложенные Вячеславом Белковым, нынешний журнал знакомит читателей с материалами о жизни и творчестве Николая Рубцова. Их авторы - Марина Кошелева, Владимир Лупачев, Сергей Кувшинов.

Вологодский писатель и журналист Геннадий Сазонов много лет занимается изучением жизни и деятельности великого русского мецената из Вологды Христофора Леденцова (информацию о книге Г. А. Сазонова, рассказывающей о Х. С. Леденцове, читайте на странице 230 текущего номера «Вологодского ЛАДА»). «Автограф» публикует беседу с академиком Н. Н. Леденцовым - потомком мецената, а также статью «Современность и наследие Х. С. Леденцова».

Рассказывает журнал Вологодского союза краеведов и о творчестве писателей, не получивших широкой известности, но тем не менее заслуживающих читательского внимания: Вилиора Иванова, Александра Швецова, Василия Ситникова, Николая Фокина, Лидии Тепловой и других.

Публикуется информация о литературно-краеведческих конкурсах на Вологодчине, а также проза Надежды Фирстовой, Виктора Борисова, Владимира Пахомова, Леонида Иванова.

Станиславу Мишнёву посвящается

«Тарногские просторы»: литературно-краеведческий альманах. Вып.6 - Тарногский Городок; Санкт-Петербург, 2022. - 236 с.

Шестой выпуск сборника стихотворений, прозы и краеведческих материалов посвящен Станиславу Михайловичу Мишнёву. Подготовлена книга сотрудниками районной централизованной библиотечной системы и литературным объединением «Родники» при участии Клуба деловых людей Вологодского землячества в Санкт-Петербурге. Издание стало возможным благодаря спонсорской помощи членов Вологодского землячества в Санкт-Петербурге Александра Некипелова и Сергея Бурцева, уроженцев тарногских краев.

В сборнике опубликованы произведения 29 авторов из Тарногского района, среди них - авторы «Вологодского ЛАДА» Виталий Ламов, Александр Силюнский, Надежда Юрова, Светлана Сухарева. Открывает книгу раздел

«Память и боль (о С. М. Мишнёве)». В статье «Трудный путь к истине» Сергей Витальевич Бурцев приводит рассказ Станислава Мишнёва о том, как он начинал писать: «В четвертом классе сказку «Маша и медведь» переделал на свой лад, а в школе рассказал. Учительница потребовала, чтобы я извинился, потому что маленько нашкодил, а я не извинился. Тогда она пришла домой, нажаловалась; мать меня выпорола».

Как мы знаем, первое наказание Станислава за сочинительство не стало последним, но до порки дело всё же не доходило. И тягу к литературе никаким препятствиям отбить не удалось. Сергей Витальевич вспоминает и другой рассказ писателя: «Бывало, едешь на тракторе, пашешь. Но чего-то в голову приходит! Не можешь дождаться, когда смена закончится, домой прибежишь: давай быстрее - всё надо записать... Те моменты, между прочим, я считаю самыми счастливыми в моей жизни».

Стихи о том, что нас окружает

Ростислав Панов. Этот мир за окном. - Кичменгский Городок: Редакция газеты «Заря Севера», 2022. - 192 с.

Свою книгу «Этот мир за окном» Ростислав Панов представляет так: «Это итоговый сборник моих стихов, написанных за последние двадцать лет... Мир русской природы всегда был близок моему сердцу и находил отклик в душе». Ростислав Андреевич вспоминает, что в начале 1960-х годов занимался в литературном кружке, который вёл поэт Борис Чулков. Поэзия Ивана Бунина, вспоминает Р. А. Панов, «навсегда покорила меня. Я не подражал своему кумиру, я учился у него понимать, чувствовать слово - живое, искрометное, краткое. Таких слов не сыщешь в других языках...»

Эти поиски отразились в новой книжке никольского поэта.

“ Это «повесть-отзвук»,
 рассказ не столько
 о самом Белове,
 сколько о том, как чтение
 его книг повлияло на меня.

Дмитрий Ермаков

Дмитрий Анатольевич Ермаков родился в 1969 году в Вологде. Член Союза писателей России. Пишет стихи и прозу. Первые публикации появились в местной прессе в начале 90-х. Журнал «Лад» (предшественник «Вологодского ЛАДА») в 1995 году напечатал рассказ Дмитрия Анатольевича «Батон - вольный человек», публикация была благосклонно встречена литературной общественностью Вологды. Рассказы, повести публиковались в журналах «Наш современник», «Алтай», «Подъём», «Москва», «Воин России» и других. Наш журнал постоянно публикует прозу и публицистику Дмитрия Ермакова. Первая его книга - сборник прозы «Такой день» - вышла в 1997 году. С тех пор издано больше десяти книг Дмитрия Анатольевича - среди них рассказы и повести, роман, проза для детей. Дмитрий Ермаков - инициатор и бессменный председатель жюри литературного семинара на Беловских чтениях, которые проводит ежегодно Центр писателя В. И. Белова. Дмитрий много лет серьёзно занимался спортом. Неоднократный чемпион города и области, призёр всесоюзных соревнований, кандидат в мастера спорта. Как тренер по борьбе самбо и дзюдо подготовил плеяду победителей областных, всероссийских и международных соревнований. Увлечение борьбой отражено в нескольких произведениях Ермакова, в том числе в документальной книге «Судьба» о жизни вологодского тренера Октавиана Никитина. Повесть «От земли. Василий Белов», извлечения из которой публикует «Вологодский ЛАД», написана к 90-летию Василия Ивановича Белова. Полностью повесть о классике русской литературы помещена в книгу, которая в юбилейные Беловские дни выходит из печати.

От земли. Василий Белов

ПОВЕСТЬ-ОТЗВУК

И если мы действительно хотим знать свою Родину, сегодня нам для этого уже не обойтись без Белова, без его слова о родной земле. Потому что земля Белова - это вся русская земля.

Юрий Селезнёв

«Бог помогает дерзающим...»

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Моё отношение к Василию Белову и его творчеству менялось от незнания к узнаванию, от непонимания к любви, к пониманию огромности его в русской литературе и культуре. А если в русской, то и в мировой...

Всё это привело к желанию написать о нём и о его творчестве. Более того, написать о Белове - стало необходимостью для меня.

А раз необходимость, то приступаю - и будь что будет!

Сразу скажу - это не будет подробное жизнеописание, скорее - это будут мои рассуждения о жизни и творчестве, в связи с жизнью и творчеством Василия Белова. Назову их так - отзвук на его жизнь и слово...

Начиная работу над воспоминаниями о Шукшине («Тяжесть креста»), Василий Иванович Белов составил план (с этого начал и я, приступая к своей работе), а далее он писал: «Конечно, план - одно, а его выполнение - нечто иное... Обычно планы трещат почём зря... Пусть выполнится отнюдь не всё, но хоть что-то да сделаешь. А иногда и перевыполнишь... «Дерзай! - внушаешь себе. - Всё у тебя получится...» Но как определить, на что ты способен? Вот тут-то и требуется дерзостный смелый шаг. Бог помогает дерзающим...»

...Когда я переписываю от руки слова, написанные Беловым, что-то происходит во мне... Я представляю его, уже седого, в очках, уже временами вспоминающего подходящее слово, но всё же могучего в своём дерзании и такого близкого в эти мгновения...

Возможно, буду и дальше много цитировать. Почему бы и нет, если цитата помогает мне в работе. В конце концов - кто может мне запретить?

«Ну, так вперёд же! Дерзай!» - шепчу вслед за Беловым.

Белов был дерзающим. И даже скажу так - дерзким.

Дерзнул вырваться из мирка в мир - и вырвался. Но оказалось, что «мирок»-то и есть огромный мир, но надо было уйти, уехать, работать, учиться, пройти по многим путям, чтобы вернуться в свой мир, а потом и рассказать о нём всему остальному миру. Впервые в русской литературе голосом Белова заговорил не добрый барин, не горожанин-интеллигент, любящий и пытающийся понять и показать деревню, а сам крестьянин - униженный, замордованный, но остающийся красивым и сильным, непокорным и терпеливым - русский человек. Иван и Катерина Дрыновы, Олёша Смолин, Павел Рогов...

Дмитрий ЕРМАКОВ • ОТ ЗЕМЛИ. ВАСИЛИЙ БЕЛОВ

Юрий Селезнёв в начале 80-х годов XX века писал: «И как знать, может быть, через несколько сотен лет, когда уж и наше время превратится в древность, в эпоху эпическую, в «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой», не станут ли для них, наших далёких потомков, реальные рассказы о доподлинном нашем житье-бытье высоким, хотя, конечно, и несколько архаичным жанром - героическим эпосом, в самом прямом смысле этого понятия? Может быть, и «Война и мир», и «Тихий Дон» переосмыслятся в русские «Илиады», «Тарас Бульба» - в былинку о новом Илье Муромце, «Весна» Белова - о Микуле Селяниновиче «древнего» двадцатого века».

Вероятно, так и будет. Не только «Весна», всё творчество Белова - единая песня о Микуле, который от земли силу берёт.

Василий Белов и есть Микула Селянинович русской литературы.

Через Белова заговорило русское крестьянство. Но крестьянин - это не только пахарь. Крестьянин (прежде всего, конечно, христианин) в своём развитии - это помор Михайло Ломоносов, внук крепостного Антон Чехов, крестьянский сын Есенин... Так что голосом Белова заговорила самая работоспособная, терпеливая и смелая, самая талантливая часть нашего народа.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РОЖДЕНИЕ ХУДОЖНИКА

Врезалась в память, словно живописный холст в раму, ослепительно яркая картина солнечного зелёного дня с белыми клубами облаков на голубом бесконечном небе, с гудящими в нашем огороде оводами и мухами, с крапивой и какими-то мощными цветочными запахами...

Василий Белов

«Ольховая страна» - родина Василия Белова... Вон и Тимониха прилегла на пологом угоре... Ныне - пять-шесть домов, в два из них приезжают летом (один дом - Беловых), постоянно не живёт никто. Когда-то в деревне было двадцать с лишним отнюдь не пустых домов.

Здесь, на берегу речки Сохты, разливающейся на излучке в озерцо, в заповедных этих местах деревенского лада (к сожалению, и разлада), политых крестьянским потом и вдовьими слезами, и жили предки писателя.

И всего-то десять километров длина речки, а шесть деревень на её берегах жили.

... Стоя на берегу Сохты, подумал я вот о чём: Белов, Гаврилин, Рубцов - все они с одного берега. Сохта впадает в Уфтогу, та - в Кубенское озеро, на другой стороне которого жил с матерью Валера Гаврилин. С крыши детского дома (Воздвиженского храма), в котором работала его мать, Валера смотрел в голубую даль озера, где покачивался в волнах бело-розовый кораблик - островной Спасо-Каменный монастырь. Может, там, на берегу Кубенского озера, и услышал он детским сердечком свои «Перезвоны». А много-много лет спустя Белов будет писать повесть о нём «Голос, рождённый под Вологодой».

Из Кубенского же озера вытекает Сухона, вбирающая в себя десятки притоков, среди них и река Толшма, на берегу которой стоит село Никольское, та самая «деревня Никола, где кончил начальную школу» Николай Рубцов...

Все с одного берега. У Белова и Гаврилина отцы погибли на фронте. Рубцов долго считал отца погибшим, и хотя он был жив, но так и остался для Николая Рубцова потерянным, позднейшая их встреча уже ничего не изменила... «Литературным отцом» и Белова, и Рубцова стал прошедший войну Александр Яшин.

А если посмотреть внимательно на карту - увидим, что и Яшин, и Ольга Фокина, и Романов, и Чухин с этих же берегов. И именно они стали той самой «вологодской школой».

Но это было потом, а до того - каждый в своей деревеньке, на берегу своей речки, в своё время жил и ещё не знал о будущей судьбе...

Ничего не знал о своей судьбе и Вася Белов, он ещё лишь открывал для себя мир избы, двора, деревни, ольховой своей родины...

Просторная, в пологих, покрытых лесами холмах, с реками и озёрами земля досталась предкам Белова. Здесь-то и появилась деревенька Тимониha, каких сотни тысяч в России.

«Судьба Тимониha типична для многих тысяч русских деревень, для всего так называемого Нечерноземья. Там, где со времён Даниила Заточника звучали песни и бегали ребяташки, дымились трубы, мычали коровы, теперь одна трава и кусты», - с горечью говорил Белов о судьбе своей малой родины в 90-х годах XX века...

И пусть здесь встанут мои впечатления от поездок в Тимониxu. Первая случилась ещё при Белове, вторая - после... Вообще-то я бывал там несколько раз, а хочется когда-нибудь оказаться там одному «или с хорошим верным другом, который сам не терпит суеты»...

Сохотский Николаевский храм, восстановленный Василием Беловым. Вид с озера. Фото из архива «Вологодского ЛАДА»

НА РОДИНЕ БЕЛОВА

«На стене над моим столом фотография с картины художника Волкова: Пушкин, преодолевая боль, приподнимается на снегу и целится в международного проходимца, напялившего для маскировки русский гвардейский мундир. Настольная энциклопедия Битнера называет Дантеса не офицером, а дипломатом. Будущему владельцу роскошного замка всё равно было, кому служить: то ли Николаю I, то ли масону и предателю Франции Наполеону III.

Александр Сергеевич Пушкин умрёт, ему осталось жить очень недолго. Возок ждёт, секунданты застыли в безмолвии. Пушкин целится во врага своей Родины. Я родился через девяносто пять лет, без мала целый век минул после той петербургской зимы, - но почему я плачу? Без слёз, сжимая поределые зубы... Плачу о матери и о Пушкине».

Цитата почти случайная из очерка Василия Белова «Душа бессмертна». Но, нет - не случайная, как не случайно всё в этом мире. Как и Пушкин, Василий Белов уже навсегда в русской жизни, как и Пушкин, «отстояв назначение своё, отразил он всю душу России...», как и Пушкин, и до сего дня не даёт он спуска врагам России и не даёт им покоя...

«Три года я с помощью моих друзей Анатолия Заболоцкого и Валерия Стрехова спасал то, что осталось от нашей церкви. Однажды ранним утром, когда устанавливал самодельный дубовый крест, стоя на качающихся лесах, я взглянул окрест... То, что я увидел, никто не видел не менее ста тридцати лет. Птицы летали не вверху, а внизу. Подкова озера, окаймлённая кустами и мшистыми лывками, оказалась маленькой и какой-то по-детски беззащитной. Вода без малейшего искажения отражала голубизну бездонного неба. Всё вокруг было в солнечном золоте, в утреннем зелёном тепле, в тишине и в каком-то странном и даже счастливом спокойствии. Могилки внизу с голубыми, неверно сбитыми крестиками, обросшие тополёвой дикой молодью, занимали совсем немного места среди полей и лесов, уходящих далеко в дымчато-золотой горизонт. И они поредели, родные леса! Горизонт растворялся в сиреневой дымке, поглощенный и объятый безбрежным, бездонным небесным куполом».

Не с высоты церковного купола, но довелось и мне увидеть и блёсткую подкову озера, и заозёрную деревеньку с серебряными банями, и леса, и поля, которые, по словам Белова, пахались ежегодно как минимум полторы тысячи лет. В 1995-м их впервые не обработали, не были распаханы они и в 2007-м...

И заплутав в сумерках северной светлой ночи, потеряв тропу, продирался я с товарищем через те буйные, путающие ноги травы... А и хотелось пасть в те травы, на ту землю...

Пробравшись вдоль оврага, за которым густились деревья и кусты и виднелись очертания храма, мы выбрались на твёрдую дорогу... Тишина была, великая тишина над родиной Белова... И я вдруг осязаемо ощутил абсолютное счастье. Счастье то можно было даже потрогать...

Потом, уже днём, увидели вблизи церковь, восстановленную трудами Василия Ивановича и его друзей, могилки под деревьями. Тут и могильный камень с надписью: «В 37 лет она стала солдатской вдовой»... Мама Белова...

А как долго ехали мы в Тимониху. Сначала по асфальтовому шоссе, потом по бетонке, потом уж по грунтовой дороге. Поля, леса, деревни, речки... Вот откуда, из самых глубин северной Руси, явился и сам Белов, и вывел в мир своих героев. Иван Африканович Дрынов, дедко Никита Рогов, неутомимый строитель мель-

ницы Павел Рогов, Олёша Смолин... Всех и не перечислишь. Ведь только в «Канунах», первой части великого романа-трилогии «Час шестый», десятки героев.

Великий подвиг Белова - запечатленные души, лица, будни и праздники русских тружеников: плотников и землепашцев, священнослужителей и учёных, солдатских вдов и ребятишек, заменивших в тяжкой мужской работе погибших на фронте отцов...

Набираю на компьютере цитаты и вижу, как густо подчёркивает машина беловские строчки зелёным и красным. Ну, не помещается живое русское слово в компьютерные рамки!

Живое русское слово - родная стихия Василия Белова, и он щедро делится с читателем этим великим счастьем - мыслить и говорить на русском языке...

... Недавно мне вновь посчастливилось побывать на родине Василия Ивановича Белова - в деревне Тимонихе.

Уже бывал я там несколько лет назад. Даже что-то писал... Как передать словами то, что почти неуловимо органами чувств - состояние души, духа... Как передать, что хотелось раствориться в этом тумане, задрнувшем поля, дорогу и озеро от посторонних глаз...

Большой дом, жернов, вкопанный у крыльца, и низкая входная дверь, и высокая крутая лестница, ведущая на мост и в избу... Сразу за входной дверью, налево от лестницы - вход в какое-то хозяйственное помещение, а там деревенская утварь, и на каждой вещи бумажка с надписью: «корчага», «пестерь», даже косточки - «козонки» и «бабки», игра в которые так ярко описана в «Канунах», сложены в чугунки и подписаны. Чтобы знали, чтобы помнили... Пусть это кажется наивным, пусть. Белов делал и делает своё великое дело. Он сохраняет Родину. Для всех нас. И хочет, чтобы мы не только по его книгам, но и воочию знали и корчагу, и пестерь. Если мы забудем их - мы потеряем что-то очень важное, может, даже главное, без чего уже не сможем называться русскими и просто людьми. Я верю в это, этой вере научил меня Белов.

... Обычная северная русская изба с хозяйкой-печкой посредине, вокруг которой и кипела жизнь. Теперь уже и здесь, как и во всей Тимонихе, как и во всех-то русских деревнях, жизнь лишь временами вскидывается - то приездом сестёр Белова, то его племянниц с детьми, то вот таких гостей, как мы...

Всё здесь ещё живо. И как бы хотелось, чтобы не стал просто музейным экспонатом этот дом, эта деревня, в которой уже никто не зимует, да и на лето приезжают в два или в три дома... Друг мой попросил воды у племянницы Василия Ивановича, Екатерины, и пил её, колодезную, из ковша. А потом мы (я, Ирина, Андрей) шли по затуманенной дороге мимо силуэта церкви, мимо погоста... Шли к озеру. «Что с тобой, Андрей? Что?» - спросил я (видел, что... что-то случилось с ним). «Знаешь, у меня была давняя мечта - приехать или прийти в Тимониху, подойти к калитке у этого дома и попросить воды, попить, поблагодарить и уйти. И всё». Счастливый человек! Но и я счастлив - я читаю Белова, я видел его и даже не раз говорил с Василием Ивановичем, я иду по дороге, по которой ходил сам Белов и его друзья - Яшин, Шукшин, Передреев... «Тихая моя родина», - вслед за Беловым и Рубцовым шепчу я. И ком перехватывает горло...

И мы уедем из Тимонихи в город, как ушёл когда-то подростком сам Белов, как ушли из своих деревень миллионы русских крестьян. И, как и они, я ношу свою родину, свою Тимониху в сердце...

ДОМ В ТЫСЯЧУ ЛЕТ

Вот что пишет о доме Беловых сестра писателя Александра Ивановна Мартынова: «Посреди Тимонихи красуется по сей день дом, построенный мозолистыми руками отца, отличного мастера по плотницкому и столярному делу. Не зря же зимами с артелью строил Москву... Этот дом продан, усечён, перестроен. Зимовочку Василий Иванович откупил, подремонтировал - ради памяти отцовской, ради памяти бабушки, которая всех пятерых тут в зыбке качала. Сени выбрали, и зимовка оказалась на отшибе. Один автор в запале вещает, что дом, где Василий Иванович с мамой Анфисой Ивановной принимали многочисленных гостей писателя, купил Василий Иванович позднее. Зачем покупать родительский дом?! Здесь мама родилась, училась, вышла замуж... Тут жили мы все и сегодня приезжаем на лето».

В очерке Александра Брагина приведены слова Анфисы Ивановны: «Из этого дома я замуж вышла (о нынешнем беловском доме говорит - Д. Е.). Тёткин дом. Меня, вишь, тётка воспитала... А Васю в тридцать втором родила там... - она указывает на дорогу, где из-за высокой избы выглядывает угол дома, непривычного для Тимонихи, выстроенного из бруса. - Дом-от, как сундук. Мой-то в отходе бывал, плотничал. Где-то углядел эдакий. До того мы с ним в развалюхе жили... А лес высмотрел километров за семь. Вдвоём брус-от пилили. И сюда волочили... Ребят вырастила. Поразъехались они. Кто учиться, кто куда. Тётка померла. Я Васе и пишу: как с домами-то быть - одна я на две избы? Продать разве какой? Вася мне отписывает, мол, как сама решишь, нам дом в деревне ни к чему. Ну, я сундук-то и продала... Вася потом одумался. А было, от деревни-то отрёкся. Теперь вот жалеет, что отцов дом продала».

Тимониха. Дом Василия Белова. Фото из архива «Вологодского ЛАДА»

...Вспоминаю эпизод одной из поездок в Тимонику (год 2005 или 2006). В Вологде проходил выездной секретариат Союза писателей, а на следующий день большой автобус вез писателей со всей России в «ольховую страну», на родину Белова. И было гостевание в Тимонихе, уха и баня (уже новая, отстроенная после пожара). И вот стоит у дома Беловых (дом, доставшийся матери Василия Ивановича от её деда и тётки) писатель Владимир Личутин, фигурой схожий с Беловым - невысокий, коренастый, шурит и без того маленькие глаза, смотрит на стены дома, хлопает ладонью по бревну и говорит:

- Этому дому тысяча лет!

Кто-то, не помню кто, тут же возражает ему:

- Лет сто будет.

- А я говорю - тысяча! - шурит, чуть ли не зло, глаза.

- Да какая тысяча... - растерянно отвечает оппонент, не понимая - смеётся Личутин или всерьёз.

- Тысяча лет! Давайте попросим радиоуглеродный анализ провести...

Спорить с Личутиным бесполезно - тысяча дак тысяча... Для него важно, думаю, было не просто переспорить, а доказать древность (а то и извечность) русских людей на этой земле, богатырей-волотов, которые лишь и могли возвести такие хоромы...

Сам Василий Белов в документальной повести «Раздумья на родине» пишет: «Собственно, детство моё прошло не в этом доме, он не отцовский. Отцовский же дом продан. Этот дом остался нам от бабки Ермошихи. Он, как и большинство старинных северных домов, велик и обширен: пятистенок с шестью окнами по фасаду, с подвалом и с несколькими хлевами и сенниками, с въездом и санными перевалами. По подсчётам старожилов, дом был срублен ещё до реформы 1861 года, то есть стоит на земле второе столетие».

РОЖДЕНИЕ ХУДОЖНИКА

Когда в человека закладываются его способности? Талант? Ещё до рождения? Или в детстве? И что влияет на то, что эти способности раскрываются, реализуются - случай, судьба?.. Как знать... Но то, что память детства, детские впечатления очень важны - безусловно. В своих воспоминаниях, изложенных, надо сказать, весьма непоследовательно, со многими отступлениями, рассуждениями, повторами (что характерно для поздней беловской прозы, но не делает её, на мой взгляд, ни хуже, ни слабее того, что писал он молодым, - это другой уровень прозы), он приводит несколько воспоминаний-картинок из раннего-раннего детства, отчасти приоткрывающих тайну зарождения будущего художника. Вот некоторые из этих «картинок»: «... самое раннее воспоминание детской поры. Ещё жива была бабушка Наташа, сестра Фёдора, нашего деда по отцу. (Она умерла до рождения нашей первой сестры, следовательно, мне тогда было менее трёх лет). Я не помню ни лица её, ни одежды, помню только ощущение её доброты и хлопотливости. Перекладывая меня или развлекая нашего старшего брата, она потеряла нагельный крестик. Или я, или Юрка оборвали гайтан, крестик улетел куда-то, может, под пол. Бабушка Наташа ищет его сама, и мы с братом тоже ищем, ползая по полу. Ощущение этого поиска до сих пор так свежо, так непосредственно и остро!»

И ещё: «Врезалась в память, словно живописный холст в раму, ослепительно

яркая картина солнечного зелёного дня с белыми клубами облаков на голубом бесконечном небе, с гудящими в нашем огороде оводами и мухами, с крапивой и какими-то мощными цветочными запахами. Я каким-то образом выползаю из отцовского дома на волю. Бабка Фомишна недоглядела, и я вдохновенно ползу по траве, влекомый какой-то силой. Куда? К старому, уже брошенному взрослыми дому, вернее, к его всё ещё крепким развалинам, оставшимся от двора и высокой курной избы. И посейчас в глазах замшелая лестница с гнилыми и выбитыми ступенями, она ведёт на верхний сарай, стоящий уже без стропил и без крыши. Туда-то меня и тянет неудержимо какая-то сила. Я даже преодолеваю первые две ступени на этой полуразрушенной лестнице. Но тут появляется в воротах новой избы бабушка Фомишна и, ругая меня, бежит ловить. Я, однако же, успеваю испытать неудержимый восторг от преодоления двух древних ступенек, но этот восторг тотчас меняется другим. Я слышу: из-за реки долетают весёлые голоса баб-сенокосниц, которые косят на силос. Среди тех голосов и мамин голос. Из-за речки углядела она моё путешествие к старому дому, что-то кричит, бежит к речке, а я задыхаюсь от нестерпимой тяги к ней, от сладкой тоскливой нежности к этому родному и единственному в мире существу, бегущему от заречных травяных копен меня выручать. Но бабушка Фомишна опережает её, хватая меня и тащит в дом, подальше от опасной замшелой лестницы...».

Не в такие ли мгновения пробуждается душа художника?..

Или вот в «Ладе» пишет, дойдя до описания ступы для толчеи овса и «водяной ступы», в которой толкли (стирали) половики и т. п.: «В детстве почему-то частенько возникала такая фантазия: вот сесть бы в эту водяную ступу да и поплыть по реке мимо всех деревень под мостами и облаками. Впрочем, так же хотелось иногда залезть в сундук или спрятаться в ларь, покатать по деревне ткацкий тюрик или помахать материнским трепалом, похожим на сказочный меч. Но всего интереснее залезть на вышку, по-современному на чердак, взглянуть с высоты через окно в дальние дали...».

А вот сквозь дымку времени отозвалось в рассказе «Душа бессмертна»: «И хотя из реки нельзя иногда пить и никто не поёт нынче во дни сенокоса, я слышал однажды и слышу сейчас песню не одного косаря, а целой артели, идущей в деревню тёплым и поздним вечером. Давно уже не сеют рожь за деревней, но я видел её и вижу сейчас. Блестит серп в материнской руке, плавится в омуте золотого неба. Залезаю под высокий сулон, играя в прятки со сверстниками. Ищу на меже землянику и чую её поистине божественный запах. Неделю назад я принёс в ведре с водою две ракушки, они были точь-в-точь такие же, как полвека назад. И зелёный щурёнок всё так же стоит в тёплом речном затончике».

РУКИ НА МЕСТЕ

Способности Василий Белов уже с детства проявлял разносторонние, стремления к их реализации тянули в разные стороны...

Сестра Александра Ивановна свидетельствует: «... он был мастер удивлять нас, младших, новыми самоделками, затеями. Сам смастерил детекторный приёмник, без нот научился играть на гармошке, да не какую-нибудь плясовую или «под драку», а подбирал мелодии песен, спрятавшись от всех куда-нибудь в тайное уединение. Музыка жила в нём, будоражила. Бежал слушать, когда на празднике поют хором».

И эта память жила в Белове - с гармошкой он не расставался всю жизнь (о ней, о гармонии, и одна из его первых и лучших поэм «О чём поёт гармонь»).

В юности он даже пытался поступить в музыкальное училище в Вологде, но, не имея начального музыкального образования, конечно, не поступил.

Мастерить, работать руками, тоже умел и любил всю жизнь. Как рассказывала Ольга Сергеевна Белова (в то время уже вдова): «Руки у него были на месте. Утюг в ремонт не надо было нести - сам чинил. Замок в дверь тоже сам врезал. Когда Астафьев переехал в Вологду - вешал люстру у него в квартире...»

«У меня было много всяких профессий. Начал я обычным плотником, столяром. Ещё в детстве с отцом и бабушкой табуретки делал. Потом технику очень любил. Был и электромонтером, и киномехаником, в армии служил долго. После того как отслужил, пошёл на завод, плотничал, ремонтировал двери, окна...» - рассказывал сам Белов в одном из интервью.

«Какой я писатель! Я плотник. Не будут печатать - пойду по деревням бани ставить», - подобные слова Василий Белов говорил и писал не раз.

Но, между прочим, и в деревенском доме, и в городской квартире есть живописные работы, выполненные Беловым. Уроки живописи он брал у известного художника Валерия Страхова...

А ещё - в детстве он мечтал быть шофёром. Об этой мечте вспоминает в «Тяжести креста»: в тот день он с Шукшиным (и ещё кто-то был) собрался из Вологды в Тимонику, чуть ли не впервые сам сел за руль. Но доехать из-за бездорожья они не смогли, и вот: «Чтобы хоть немного развеселить пассажиров, я остановился и начал рассказывать, о чём я мечтал в детстве, когда не стало отца. Говорил, одна мечта сиротского моего детства сегодня осуществилась: я стал шофёром... Да, эта мечта детства осуществилась. Всего одна. Остальные мечты (например, ходить под парусом, освоить ноты), увы, не сбылись...» (Однажды и я сидел в салоне машины (то была красная «Нива»), которой управлял Белов - везли его книги из типографии в гараж).

Но те несбывшиеся мечты, те «побочные» увлечения и умения, конечно, не были напрасны, и они помогли тому, что сбылось в жизни Василия Белова. Главное, они помогли наполнить строчки его стихов и страницы прозы музыкой Чайковского и гармонной игрой, звоном топора и запахом стружки, светом и цветом... Жизнь во всех проявлениях.

На месте у Белова были не только руки, но, что главное, - талант и душа.

Юрий Воронов. Иллюстрация к книге В. И. Белова «Лад». Архангельск: СЗКИ, 1985

«Я родился и вырос в деревне. А впечатления детства никогда не забываются. Русский язык - мой родной. Я не пополнял свой словарный запас за счёт книг. Придумывать или подыскивать слова - это ненатурально, неестественно...» - писал Белов.

Главное в национальном самоопределении - это язык. На каком языке человек мыслит, так он и воспринимает мир, так чувствует. Язык формирует отношение к миру. И чем богаче словесное разнообразие внутри родного языка, тем шире, ярче, глубже взгляд на мир, понимание его.

Я помню, как на областном литературном семинаре 1993 года Белов говорил: «Для меня главное в произведении - язык, ритм...» Что называл дальше - я не помню. Но первое - не сюжет, не тема, - язык.

Язык, которым говорили окружавшие его люди, которым рассказывались сказки и пелись песни...

На всю жизнь запомнилась и попала даже позже в «Лад» сказка о Нагай-птице, которую рассказывал в военные годы мальчишка - Витька-нищий.

Запомнилась и сказка, которую рассказывал дед, про то, как лиса сообщала тетереву о государевом указе: «Чтобы вам, тетеревам, не сидеть по деревьям, а ходить бы по зелёным лугам». Не раз отзовется эта простенькая сказка в творчестве Белова.

А вот ещё из воспоминаний Александры Ивановны. Эти её строчки относятся к «самому тяжёлому, голодному послевоенному году»: «О, как нелегко долгими тягомотными зимними вечерами коротать часы в темноте. Керосин давно кончился. В лампе сухо. Ворох лучины, что Вася заготовил, изожгли. Новые берёзовые плашки ещё не досохли у кожуха. Через день-два Вася опять нащепает...»

Вот в такие безутешные вечера ... Вася ложится на кровать, а мы трое прильнём к маме на печи и слушаем её рассказы о блудном сыне, о скупом мещанине, о смелом отроке, о глупой бабе, об умной девушке.

Мама знает множество стихов, читает наизусть любимого Некрасова...

Мама предлагает: «Давайте сегодня пословицы вспоминать. Вот, к примеру, как вы понимаете «голь на выдумки хитра»?»

- Голь - хитрый, наверно, - торопится Иван, но мама начинает обстоятельно разъяснять. «Голь» - это значит голодный, нищий, голодранец. А вот «хитра» я-то понимаю, а как бы вам попроще сказать... Васю надо спросить. Он у нас перво-статейный читарь.

Вася молчал, и мы подумали, не хочет с нами играть, так как ему слишком просто, неинтересно, но вдруг отозвался: голь хитра на выдумки - значит, догадлива, умна, хитроумна, изворотлива, найдёт выход из любого трудного положения...

Множество пословиц и поговорок посыпалось, как грибы из кузова, в тот вечер: «Смех без причины - признак дурачины»; «Труд кормит, а лень портит»; «Хочешь кататься, люби и саночки возить»; «Ученье свет, а неученье тьма», «Не зная броду, не суйся в воду»; «Не тот хорош, кто лицом пригож, а тот, кто для дела гож»; «В гостях хорошо, а дома лучше»; «Терпенье и труд всё перетрут»; «Поспешись - людей насмешись»...

Гораздо позже «Лад» во многом писался тоже по рассказам, по слову Анфисы Ивановны.

Конечно, и образец деревенского словотворчества - частушки - Василий

Белов тоже слышал с самого раннего детства. В Тимонихе самым знаменитым частушечником был Акиндин Суденков - прообраз Акиндина Судейкина из трилогии «Час шестый». Помните тот поэтический поединок в эпизоде заготовки помочами леса?..

Судейкин пишет на затеси химическим карандашом:

*У попа у Рыжка
Стало жиру лишка.
А у Кеши маловато,
Проживает небогато.
А шибановский Жучок
Чужой любит табачок... и т. д.*

На что ему отвечают:

*У нас в деревне есть поэт.
Ну какой это сосед?
Про своих же мужиков
Навыдумывал стихов.*

...Белов возрастал в среде, где за словом в карман не лезли.

Но и чтение, книжное слово уже укоренилось в крестьянском быту.

Ещё из воспоминаний Александры Ивановны Мартьяновой (она написала целую книгу воспоминаний о своей семье и о брате Василии): «Чтение заведено было в семье раз и навсегда. Как бы ни устал татя, но обязательно перед ужином присядет за стол, где Юрик приготовил книжечку, а Вася с нетерпением ждёт их чтения, бесед, рассуждений...»

Вася, благодаря отцовским вечерним беседам, прикипел к книге. Ему даром и ужин, только бы татя подсел, почитал новую книгу...»

Сам Василий Иванович вспоминал, как отец читал в такие вечера «Тихий Дон» Шолохова. Пройдут годы, и молодой писатель Белов будет разговаривать с создателем «казацкого эпоса», а потом и сам замахнётся на эпопею о северном крестьянстве.

А всё же нам, молодым писателям, говорил на том семинаре 93-го: «... главное в произведении - язык, ритм...»

Превосходный язык, живое русское слово достались писателю Белову и от деда, и от читанных при лучине книг, и от матери, и от того мира, в котором жил, и от земли, на которой возрос...

УЖЕ ПОЭТ

Не успел Василий Белов окончить восьмой класс вечерней школы в Ярославле: весной 1952 года был призван на службу в армию.

Во время армейской службы и состоялась первая поэтическая газетная публикация. (А вообще сочинять стихи Белов начал, по его же словам, в 11 - 12 лет).

Есть интересное свидетельство Александры Ивановны Мартьяновой: она жила в то время в Вологде в общежитии педагогического училища (вслед за Юрием и Василием она уехала из деревни, а за ней и Лидия, и Иван).

«Однажды в воскресное майское утро, когда девушки, кроме одной, разъехались по домам за продуктами, я вернулась из магазина с неизменной авоськой,

в которой лежали обычные пеклеваный хлеб, пачка маргарина и душистые «подушечки» для чая.

- Приходил солдат. Такой красивый! - пристально взглядываясь в меня, сообщила подруга.

- К кому? - поинтересовалась я.

- К тебе вроде. Говорит, твой брат. Вон его вещмешок. Тебя встречать пошёл. Сейчас вернётся.

И в дверь постучали.

- Василий! - бросилась я со слезами его обнять.

Служил он под Ленинградом, в Красном Селе. Едет к маме в Тимонику на побывку. По пути - ко мне. Вручил мне подарок - прелестные ручные часики. Первые в жизни! Так необходимые будущей учительнице. Радуюсь, как ребёнок. Василий отцепил с гимнастёрки погоны, чтобы на улице не иметь лишних объяснений с армейским патрулем, и мы пешком отправились гулять до центра. «Всё стало вокруг голубым и зелёным. В ручьях забурило, запела вода...» И мы, совершенно счастливые от встречи, рассказываем друг другу о своём житье-бытье. О последних письмах, о маме, о божатке, о братьях, о сестре Лиде. Вспоминаем отца. Василий, как клятву, просто и твёрдо говорит, что при первой возможности поедет на места боёв, где погиб в 1943 году отец, найдёт его могилу под Смоленском.

Выясняется, что Василий уже поэт. А как же иначе! Ведь если с гонораров за публикацию стихов в армейских журналах скопил денег, купил мне часы, то уж сомнений больше нет. О счастье!»

Итак - ещё в армии (едет в отпуск) - уже поэт. Вообще-то, самое время определиться - 21-22 года...

И в литинститут несколько лет спустя после семинара в Ярославле, поступил именно как поэт, по рекомендации Николая Старшинова и Ярослава Смелякова (пройдя, разумеется, творческий конкурс). В семинар Льва Ошанина.

То есть стихи были неплохие... Но они были традиционные, часто описательные, иногда несколько декларативные...

И первая книжка «Деревенька моя лесная», вышедшая в Вологодском областном издательстве в 1961 году, была поэтическая.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАЗАМИ НАРОДА

... истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но смотрит на него глазами своей национальной стихии, глазами народа...

Гоголь о Пушкине

СПАСИБО ЯШИНУ

Писать прозу Белову посоветовал Яшин.

Сам Александр Яковлевич к прозе пришёл поздно. Видимо, понимал, что упустил многое из того, что мог бы сделать. Вообще это чувство утекающего времени, ощущение того, что не успеваешь, не успеваешь! - у Яшина выражено трагически

Ольга и Василий Беловы. Василий тогда работал в грязовецкой районной газете «Коммунар», Ольга преподавала в школе

ясно в стихах, рассказах, дневниках... Почувствовав в Белове прозаика, он и предостерег его от собственной ошибки, рекомендовал писать прозу. И в этом не ошибся - в прозе Белов раскрылся почти сразу и очень мощно (в прозе даже и поэтический его дар раскрылся сильнее, чем собственно в стихах).

Белов сказал спасибо старшему другу в изумительном рассказе (или это очерк? Эссе?) «Бобришный угор»: «Выстоять, не согнуться учусь у тебя. Пока есть ты, мне легче жить. А ты? У кого учишься ты, кто или что твоя опора? Я знаю: быть честным - это та роскошь, которую может позволить себе только сильный человек, но ведь сила эта не берётся из ничего, ей надо чем-то питаться. Мне легче, я питаюсь твоим живым примером, примером людей твоего типа...» Они покидали домик на сосновом угоре над рекой Юг. Яшин покидал уже навсегда. И Белов прощался и благодарил и тот домик, и Яшина... «Река мерцала, кукушка молчала, а на окне так и остались синие лесные цветы, и сосновые лапы, и томик Толстого. Наверное, сейчас там тишина и снег, река сжимается льдом, и цветы в банке давно усохли, а в остывшей печке свистит ветер. Домик ждёт весны, которой никогда для него не будет. А я с запозданием говорю тебе спасибо. Спасибо за дружбу, последний наш деревенский кров: видно, так надо, что нет нам возврата туда, видно, это приговор необратимого времени».

Итак, по влечению собственной души и настоятельному совету Александра Яшина Василий Белов всё больше отходит от стихов к прозе.

Появляется повесть «Деревня Бердяйка». Написана она ещё во время учёбы (писал её в комнате общежития литинститута, запираясь от всех, когда учился уже на пятом курсе) и опубликована в «Нашем современнике». Деревня с таким названием действительно была в Грязовецком районе, в Юровском сельсовете - по-нынешнему «сельском поселении» (хорошо, если Василий Иванович не узнал

об этих «поселениях», в которые загнал крестьянскую Русь какой-то чиновник-тугодум). Есть эта деревня и сегодня. Говорят, что в ней никто не живёт...

В этой повести, как в зерне, уже весь будущий Белов...

По-настоящему знаменит он стал после повести «Привычное дело», когда ведь уже были написаны такие шедевры, как «Весна», «Речные излуки»...

«ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»

- Когда «Привычное дело» вышло, он и стал Василием Ивановичем. Уверенность в себе появилась, солидность... - так вспоминала о тех днях его уже вдова Ольга Сергеевна.

Какая уж, казалось бы, солидность в тридцать три года... Но это из нынешнего времени, когда и до сорока, а то и до пятидесяти в «молодых авторах» сидят... Впрочем, наверное, так было всегда. Кто-то сжимал своё время и в двадцать шесть писал «Выхожу один я на дорогу...» или в двадцать три первую книгу «Тихого Дона», ну, а кто-то...

Так вот, Белову тридцать с небольшим. Он говорит своему литературному товарищу (да и другу в жизни) Александру Романову, что уедет на месяц в Тимонику, чтобы дописать «повестушку»...

Где-то сам Белов вспоминал, что около листа (24 страницы) у него уже было написано. Были написаны и даже опубликованы некоторые короткие рассказы-зарисовки (например, «На брёвнах»), ставшие отдельными главками повести...

И вот Белов уезжает в Тимонику, закрывается в одной из банек...

Писал он, укрывшись от всех, не в той, «литературной», в которой парились все его гости - и Яшин, и Шукшин, а в другой, старенькой, баньке на пологом зелёном спуске к речке Сохте...

И через месяц вернулся в Вологду с повестью, ставшей классикой русской литературы.

Чудо это (чудо творчества, чудо рождения шедевра) никогда умом не постигнуть. Ну, можно представить только, как просыпался он рано утром, шёл из дома по росяной тропке к заветной баньке, уходил в туман, поднимающийся от реки... Кукарекал первый петух, звякал во дворе подойник хозяйки-соседки... Всё это оставалось позади, рядом, но уже в другом мире... Он ещё сел на щелястую, мокрую ступеньку, выкурил сигарету и шагнул в свой мир, где ждали его разложенные на старом полке листы бумаги, тетрадь, в которой писал новые главы... И мир той самой деревни, в которой он жил, только, кажется, ещё более реальный и живой, рождался в буквах и строчках.

Весь жизненный и литературный опыт (всё пережитое, прочитанное, узнаваемое) и всё предчувствуемое, всё «догаданное» вошло в эту повесть, оригинальную и по языку, и по композиции, и по теме, и по раскрытию темы...

А какая тема-то? Русский человек (Иван и Катерина) на своей земле...

Помню, удивило меня интервью в газете (кажется, «Аргументы и факты») с артистом Олегом Табаковым (это уж позже узнал я, что Белов и Табаков были знакомы, что была между ними переписка даже). Так вот Табаков вдруг сказал (что-то там рассуждали, кажется, о природе творчества): «Я недавно перечитывал «Привычное дело» Белова и зарыдал, когда читал о смерти Катерины...»

Казалось бы, где Табаков, а где Иван Африканович Дрынов, где московская сцена, а где северная деревенька...

Но люди - везде люди... Не только Олег Табаков, многие-многие, о ком и не подумаешь, слатывали ком, читая эту повесть.

...Я ещё подумал вот что: фамилия у Ивана Африкановича очень удачная. И совсем простая, неказистая, и крепкая, как тот самый дрын... Он и сам как этот дрын - и врага бить, и не вовремя (по пьяному делу) под руку попавшихся однодеревенцев гонять, и неподъёмную тяжесть, как домкратом, поднять, и быть всегда готовым к любой работе и тяготе...

Ещё подумал: не отразилась ли в фамилии Африканыча и фамилия первого секретаря Вологодского обкома партии Дрыгина? Был тот, по воспоминаниям современников, как раз мужик «дрынистый»... Иван Африканыч, конечно, попроще Анатолия Семёныча, и на фронте рядовым был, а Дрыгин, кажется, полковником; и в жизни - рядовым колхозником, а тот начальником. Но в обоих суть мужицкая, крестьянская была - это точно... Ну, это уже так, мои догадки...

И вот публикация в региональном журнале, и уже на следующий день после выхода номера - звонки, разговоры, узнавания на улице. В общем - слава...

Другой бы на этом и остановился и жил бы на этой славе... Но не таков был Белов. Для него-то эта повесть была просто неизбежной ступенькой, тем самым «привычным делом»... И хотя классическая беловская повесть была уже написана, всё ещё было впереди: и «Плотничкиные рассказы», и «Лад», и «Всё впереди», и «Час шестый», и «Душа бессмертна»...

В одном из писем того времени в Северо-Западное книжное издательство Белов писал: «... каждая книжка должна быть хоть и небольшой, но ступенькой вверх...» Эти слова молодого ещё писателя Василия Белова повесить бы над своим столом каждому пишущему и выпускающему свои книги.

Василий Иванович Белов. Фото из архива Вологодской писательской организации

Первый ряд писателей-«деревенщиков» всем известен: Белов, Абрамов, Распутин, Астафьев, Носов, Шукшин, Залыгин, Личутин, Потанин, Крупин... Существует и второй ряд, и третий, и среди них есть и очень талантливые авторы, в силу каких-то обстоятельств не ставшие широко известными, есть и эпигоны.

Кто же такие эти «деревенщики» (словечко не слишком удачное, придуманное кем-то из критиков, но как-то прилипшее к писателям, пишущим о деревне)? Выходцы из деревни? Пишущие о деревне? Да. Но не только это определяет их. Юрия Казакова тоже иногда относят к «деревенщикам». Причём относят Казакова чуть ли не к зачинателям «деревенской прозы» (ещё один термин, придуманный бойкими критиками). Это уроженца-то Арбата! Но ведь, действительно, поехал на Русский Север, писал (и замечательно писал!) о поморских деревнях, о рыбаках, об охоте. И всё же Юрий Казаков (один из самых любимых моих писателей) в деревне оставался горожанином. Да, горожанином, пытающимся узнать и понять деревенского жителя, да, тонким наблюдателем природы, но, по сути своей, горожанином.

Впрочем, сближает Казакова с представителями (безусловными) «деревенской прозы» не изучение или знание деревни, а знание человека, заглядывание в душу. И тут уже не важно, в городе или в деревне дело происходит. Сострадание - вот то, что объединяет Казакова и «деревенщиков», и всех их вместе - с традицией классической русской литературы... Странно же назвать «деревенщиком» Пушкина, или Чехова, или Бунину, или даже Шолохова, хотя они прекрасно писали о деревне. Но, безусловно, авторы «деревенской прозы» (лучшие представители) наследовали именно их традицию.

Но ведь и «городские» писатели, в большинстве своём, тоже от той традиции не отказывались.

Так что же отличает именно «деревенщиков»? Все они, конечно же, «от земли». Деревенская жизнь, все виды деревенских работ, ремёсел, разговоры - всё это у них в крови, с молоком матери впитано. И даже если они покинули деревню (а они все её покинули, иначе бы не стали писателями), деревня не покидала их, там оставались их матери (отцы у большинства погибли на фронте).

Но вот Яшин, выходец из деревни, - «деревенщик»? «Деревенщиком»-то он стал, по большому счёту, когда всерьёз взялся в прозе за коренные вопросы бытия человеческого. И уже было не суть важно - деревня или город. Просто деревню (хотя и покинул её в 14 лет) он всё равно знал лучше, чем город.

Хотя, мне кажется, где-то его (Яшина) проза становится похожа на прозу Казакова - именно по этому взгляду будто бы со стороны, взгляду приезжего человека, пусть и сочувствующего, и любящего...

Никогда этого не было у Белова, хотя ушёл из деревни он тоже очень рано, даже тогда, когда «хотел» этого, когда продал деревенский дом и перевёз в город мать... Даже тогда он оставался деревенским человеком и не мог жить без деревни, вернее - не смог...

Познав мировую культуру, он сохранил в себе и для своих читателей культуру русской деревни. Его взгляд на мир всегда оставался взглядом деревенского человека. Он ведь не кокетничал, когда говорил: «Я не писатель, я плотник». То есть, и став профессиональным писателем, он оставался «человеком от земли». Не случайно именно в его «Привычном деле» в полный голос заговорил сам русский крестьянин. Не городской (пусть и бывший деревенский) человек, любящий де-

ревню, не «добрый барин», не публицист, пишущий на тему сельского хозяйства (как, например, Валентин Овечкин), а именно сам крестьянин заговорил. Из своей души, из своего опыта, о своих проблемах и бедах, своим языком заговорил.

Но те, для кого проблемы и беды деревни непонятны, чужды, не поняли Белова и его Ивана Африкановича. Для них «деревня» - символ отсталости. А для Белова - сама жизнь.

Был ли Белов «деревенщиком»? Был. Принадлежал ли к литературной группе «деревенщиков»? Нет. Да и не было группы - были большие художники, условно объединённые темой деревни. Группу-то уже создали критики-литературоведы, и «деревенщики» - «продолжатели дела Белова» - на самом деле только и способные на перепевы того же Белова или Шукшина. Как уехали из деревень поступать в институты, так и пишут десятилетиями о своём «босоногом» деревенском детстве. Не знают, не понимают сегодняшней деревни.

А ведь те, великие «деревенщики» не только оплакивали и отпевали уходящую деревню, но и думали о её текущем дне и о будущем. И писали горячую злободневную публицистику: «Вокруг да около», «Чем живём-кормимся» - Абрамов, «Рычаги» и «Вологодскую свадьбу» - Яшин, «Ремесло отчуждения» - Белов...

Не было в них местечковой ограниченности, которая так очевидна в кабинетных «деревенщиках» с их надуманным, начитанным «языком».

И появляются уже «новые» (или даже «новейшие») «деревенщики» - чаще всего уже городские жители, из тех, что в деревню к бабушкам на каникулы ездили. И среди них есть подражатели, но есть и те, кто понимает, что городская цивилизация заходит в тупик, и стремятся увидеть и понять сегодняшнюю деревню и её перспективу...

А деревня живёт, в ней происходят разные процессы. Продолжается отток людей из деревни в город, но есть и обратное движение - из города на село. Есть заросшие дурнолесьем поля и брошенные фермы, но есть и современное высокотехнологичное сельское хозяйство. Есть брошенные деревни, но есть и желание жить на своей земле.

Есть и разные формы хозяйствования: СХПК (сельскохозяйственные производственные кооперативы), фермерские хозяйства, ЛПХ (личные подсобные хозяйства) и т. д. Есть желание сохранить хотя бы память о деревнях предков. Есть возвращение на село церкви: реставрация старых и строительство новых храмов, возведение часовен и установка памятных крестов, молодые священники, живущие в сельских приходах...

Всё есть. И деревня по-прежнему остаётся кладовой «людских ресурсов», хранительницей традиций. Но она же является и опытной площадкой новых форм организации жизни на земле.

А раз есть все эти процессы, то есть и будут ещё появляться те, кто будет стараться осмыслить и описать всё это. Как сказал Сергей Чухин, поэт, чей талант высоко ценил Василий Белов: «... в эту жизнь взглядеться надо, // И это высшая награда - // Глядеть открыто ей в лицо!»

Будут и те, кто так же пристально вглядывается в жизнь городскую... Дело ведь не в том - о деревне или о городе пишет писатель, дело в том - для чего он пишет? С каким нравственным посылом? Пушкин завещал «чувства добрые пробуждать» - вот это и есть главное. А деревенский или городской - о чём спор! Все мы становимся «деревенщиками», отправляясь за город, все мы «почвенники», питаемся дарами земными... Все - от земли и в неё же вернёмся, в деревне ли, в городе ли...

Сама жизнь вносит правки и дополнения в это повествование... Глава была уже давно написана. Уже и повесть я окончил и набрался смелости - попросил прочитать рукопись Ольгу Сергеевну Белову (вдову писателя). Вот что она написала в ответном письме по поводу «деревенщиков» (считаю важным привести здесь именно её слова): «О «деревенщиках» читала с удовольствием. Но хочется добавить и свои размышления. Слово «деревенщик» придумано не выходящем из деревни, а озлобленным столичным горожанином с неудавшейся карьерой писателя, потому подавшимся в критики. Суффикс «щик» придаёт слову уничижительный оттенок. «Деревенщик» - значит человек отсталый, ограниченный, малообразованный. И почему это он идёт в литературу? А пишет ярко и талантливо. Тут и зависть, и злость, и гордыня «образованщика» (солженицынское слово), человека, выросшего на асфальте. В. И. всегда оскорблялся этим словом».

Учитывая это мнение, и я в дальнейшем по-другому буду относиться к этому словечку, но здесь, в этой главе, всё же оставляю.

ЭПОПЕЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ГОЛГОФЫ («Кануны», «Год великого перелома», «Час шестой»)

Роман «Кануны» - это правда, которую Василий Белов не мог не сказать, как не мог не строить мельницу его герой Павел Пачин. Это вещи одного порядка - совести и избранности мастера: будь ты! Это твоя обязанность. Смысл жизни состоит в том, чтобы молоть на хлебы выращенное зерно и говорить на выправку от зла существующую истину.

Валентин Распутин

Россия, Русь... И что за страна, откуда взялась? Отчего так безжалостна к себе и своим сыновьям, где пределы её несметных страданий? А ведь что за народ! Как прост и бесхитростен, ожидая того же от всех и каждого.

Василий Белов

Творческое развитие, поиск новых форм естественно привели Василия Белова к роману.

Легко сейчас сказать - «привели к роману». Нелегко браться за роман, не зная, на какой срок впрягаешься в работу и каков будет результат. Но Белов был бы не Белов, если бы не решился...

И вот он, зачин, сразу предполагающий широкое, раздольное повествование: «Кривой Носопырь лежал на боку, и широкие, словно внешнее половодье, сны окружали его. Во снах он снова думал свои вольные думы. Слушал себя и дивился: долог, многочислен мир, по обе стороны, по ту и по эту...».

Герой романа думает свои вольные думы накануне великого потрясения, великого переворота и перелома крестьянской-христианской жизни - коллективизации. Сам же автор взялся за свой роман (предполагал ли уже, что выльется эта работа в многотомную эпопею?), когда взгляд на этот перелом давно уже утвердился в официальной литературе и исторической науке, но задумал писать тоже вольно, без оглядки на официальный взгляд, а скорее - и не мог по-другому, и не хотел...

Первая, черновая, рукопись романа «Кануны» была написана уже в 1971 году. Кстати, нигде я не встречал объяснения, почему Белов остановился именно на этом названии. Неизвестно, были ли другие варианты. Мне (это лично моё мнение и ощущение) не нравится это название, хотя уже стало привычным. Может, это из детства, когда стояла в нашем домашнем очень скромном книжном шкафу книжка с коричневой обложкой и непонятным названием. Да, я просто не понимал значение слова... Потом ещё добавилось знание весьма (опять же - по-моему) неудачного, слишком прямолинейного и публицистичного романа Тургенева «Накануне»...

А сейчас возражу себе: «Кануны» - очень хорошее и правильное название. Когда понимаешь, что это лишь часть, зачин огромного полотна. Потому что за «Канунами» (получившими от автора жанровое обозначение «хроника конца 20-х годов») последовал «Год великого перелома» (хроника начала 30-х годов). И завершилось полотно романом «Час шестый», давшим название всей эпопее.

Вот истинное название этого труда, равного жизни, вобравшего в себя и «Привычное дело», и «Лад», - «Час шестый»!

Голгофа русского крестьянства, смерть, но и воскрешение его, и жизнь вечная - вот суть, пожалуй, и всего творчества Василия Белова.

«Кануны» эпитафия не имеют (вольный зачин романа и есть эпитафия). К «Году великого перелома» эпитафией поставлены следующие цитаты из Фр. Энгельса: «Всеобщая война, которая разразится, раздробит славянский союз и уничтожит эти мелкие тупоголовые национальности вплоть до их имени включительно.

Да, ближайшая всемирная война сотрёт с лица земли не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы, и это также будет прогрессом».

«...Мы знаем теперь, где сосредоточены враги революции: в России и в славянских землях Австрии... Мы знаем, что нам делать: истребительная война и безудержный террор».

И весь роман «Год великого перелома» - собственно, раскрытие этих цитат, на примерах происходившего в России в 1929 году в глухих деревнях и в кремлёвских кабинетах: истребительная война и безудержный террор. Против русского крестьянина.

«Хроника» Белова обретает местами вид летописи. Однажды даже и буквально: «И когда б в стране имелся хотя бы один-единственный не униженный монах-летописец, может, появилась бы в летописном свитке такая запись: «В лето одна тысяча девятьсот двадцать девятого года в Филиппов пост попущением Господним сын гродненского аптекаря Яков Аркадьевич Эпштейн (Яковлев) поставлен бысть в Московском Кремле комиссаром над всеми христианами и землепашцами».

Более Белов не прибегал к подобному приёму, но слог его постепенно поднимается и выше: от летописи к житию...

И уже третья, заключительная часть - «Час шестый», давшая название всей трилогии, начинается эпитафией Евангельской: «Бе... час яко шестый... тогда предаде Его им, да распнется... И неся Крест Свой, изыде Иисус на глаголемое лобное место, идеже пропяша Его». (Ин. 19, 14 - 18).

И уже абсолютно ясно, что трилогия - это не хроника (хотя хроника и хронология там присутствует), это роман-эпопея, сопоставимый с классическими образцами - «Война и мир», «Тихий Дон». И уж эпопея - это точно не «Кануны», не «Год великого перелома», это «Час шестый»...

Надо учитывать, что публиковалось и издавалось это полотно разными «кусками», в разных конфигурациях, отсюда и не всегда понятная композиция, и восприятие читателями - какие-то главы пропущены, что-то прочитано с нарушением хронологии, и лишь в середине 90-х появилась возможность прочитать трилогию целиком.

Труд построения эпопеи происходил на глазах читателей. Начавшись в 70-71-м, он продолжался до второй половины 90-х. Без малого тридцать лет!

Вот что вспоминал поэт, многолетний друг Белова и секретарь Вологодской писательской организации Александр Романов: «Помню, как еще в 1971 году Василий Белов попросил меня прочитать первоначальную рукопись этого романа. Я, уже знавший от своей матери страшные истории раскулачивания и всякого местного бесовства, казалось, мог бы и поспокойнее воспринимать беловскую рукопись, однако она втянула меня в такой круговорот событий, что позабыл и самого себя.

Белов просил беспощадно отмечать в рукописи слабости и огрехи, и я над каждой страницей вскидывал свой бдительный карандаш, но когда закончил «ревизию», то увидел на полях лишь знаки восторга. И даже встревожился за свою восклицательность: Белов может подумать, что читал я невнимательно или подобострастно. И взялся за повторное чтение, и обнаружил, что беловская проза - это не зеркальное отражение, а пучковый свет народной жизни. Он прожигает толщу будничности до неумирающих истин. И прошлое никогда не затухает вовсе: оно или подкашивает настоящее, или судит будущее. Время - по Василию Белову - это энергия народной нравственности. Если нравственность народа падает, то загнивает жизнь и время теряет свою будущность.

Нет, не нашеля никакой фальши ни при втором, ни при третьем прочтении, но каков же был удар, когда эту же рукопись спустя полгода Василий Белов показал мне испещренной сплошь грозными пометками. Она просматривалась в ЦК, в идеологическом ведомстве М. Суслова, и была, по сути, зарублена...»

Действительно, первая журнальная публикация «Канунов» состоялась с большими купюрами, особенно в тех моментах, где речь шла о Сталине, Бухарине, Калининe... В книжном издании 70-х годов страницы с этими героями появляются, но, вероятно, далеко не в первоначальном объёме. Сам Белов говорил (мне передавали эти слова): «Если взяться восстанавливать «Кануны» в полном виде, жизни уже не хватит»... Во время работы над второй книгой трилогии - «Год великого перелома», в середине 80-х, Белов мог уже без оглядки на идеологических церберов писать и о Сталине, и о Троцком... Хотя в те годы уже не принято было критиковать таких «верных ленинцев», как Бухарин...

Но Белов понимал суть этих людей и в семидесятые, и позже. Ещё в «Канунах» появляется играющий под Ильича «Бухарчик», и никакой нет к нему авторской симпатии, хотя вряд ли читал Василий Иванович, например, такие слова Николая Бухарина: «...насилие во всех его видах, вплоть до расстрелов, является наилучшим способом переделки человеческого материала капиталистического общества в социалистического человека». Что ж - теоретические выкладки Бухарина вполне реализовались в судьбе русского народа (да и других народов России), но не обошла эта судьба и самого теоретика, закончившего земной путь у подвальной стенки.

Без какой-либо симпатии представлен в трилогии и Сталин. Не испытывал к грозному генсеку симпатий Василий Белов. И отношение такое чувствовалось

через страницы «Канунов», написанных в 70-е, когда вообще о Сталине предпочитали не вспоминать; и на страницах «Года великого перелома», написанных в те годы, когда Сталина принято было проклинать; и со страниц третьей части эпопеи, писавшейся в 90-е, когда многие из близких Белову писателей и общественных деятелей («патриотический лагерь») подняли имя Сталина на своих знамёнах (кое-кто и из недавних «антисоветчиков» запел «Песню о Сталине»). Нет, не любил Белов Сталина, резонно считая, что руководитель государства в ответе за политику, проводимую этим государством в отношении своего народа. Недаром же помнил Василий Иванович всю жизнь и писал об этом: «Мой отец ещё до войны певал такую песенку:

*У товарища у Сталина
Глаза наискосок,
До чего довел Россию,
Нету соли на кусок.*

И сегодня Василий Белов со своим взглядом на Сталина оказывается неудобен новому культу личности...

Отвлекусь от Белова и его романа: нынешний лиходея-чиновник, думающий лишь о своём кармане, активный исполнитель так называемой «мусорной реформы» (проводимой за счёт народа и не в интересах народа), фотографируется на фоне бюста Сталина и подписывает фото: «С кем из политических деятелей сфотографироваться? Конечно же, с Иосифом Виссарионовичем Сталиным»... Во-первых, именно такие в середине 80-х проклинали Сталина, в тридцатые - воспевали его. Но, во-вторых, за совершаемые деяния при Сталине-то окончили бы свой путь там же, где и «Бухарчик»...

Как же всё это отвратительно... И как же всего этого (официозной лжи и личной лжи) не принимал Белов!

«Для того, чтобы выстоять, чтобы выдержать страдания и муки, внемли себе. Выключи радио и телевизор со всей его видеотехникой. Отбрось в сторону лживый газетный лист, выбрось его на свалку, если не хочешь быть обманутым».

«Бесстыдство, с которым депутаты и ельцинские госчиновники сами себе устанавливают зарплату и назначают пенсию, поистине бесподобно. Они сами себя премируют, сами себя награждают и повышают в должности. Правда, для того, чтобы повысили, т. е. чтобы твой социальный статус укрепился еще больше, надо верно служить вышестоящему чиновнику, обладать достаточно высоким чувством опасности, хитростью и подхалимским талантом.

В этой системе вовсе не обязательны высокие деловые качества. Хватит иной раз и того, что ты выучился (выучилась) угождать, держать язык за зубами и подмахивать шулерские бумаги. Не способен (не способна) на это - снимут. Понизят. Или вообще укажут на дверь. Способов сокращения достаточно...»

Писал это Василий Иванович в 90-е. Не актуальны разве эти слова сегодня, через четверть века? Ещё как!..

Но вернёмся к беловской трилогии.

Хотя размах в панораме русской жизни романа широк: от нищего Носопыря до Сталина, от Данилы Пачина до Михаила Калинина, от кособокой баньки до кремлёвского кабинета, главными героями эпопеи являются всё же русские крестьяне. Показаны они, по большей части, в привычной для них обстановке деревни и крестьянских работ, но также и в городе, и на лесозаготовках, и в ли-

тейном цехе московского завода, и в тюрьме, и в армии - везде, куда забрасывала судьба сельских жителей.

Картины русского лада: природы, труда, жизненного уклада - показаны с высочайшей художественной силой. Но с такой же силой показаны и картины разлада.

«Великий перелом» случился, но это был перелом не «вековой отсталости», как писали в газетах того времени, а перелом станового хребта нации, слом того самого «лада»... Его, лада-то, может, не так уж много было и при царе-батюшке, и во все времена, но знание, понимание этого лада, основанного на традиционной христианской, православной нравственности, - было. И вот это знание, эту тягу к ладу - уничтожили и физически в лице его, лада, носителей и хранителей, и морально, и политически... Казалось, что уничтожили, подменив какой-то новой советской или коммунистической нравственностью, подменив лад колхозным строем... В ладу жить ладно, а вот в строю... В строю только воевать, наверное, удобно (и то не всегда) - вот и пошли у нас вместо овечьих песнями и традициями сенокосов и сборов урожая «битвы за хлеб», «весенне-полевые работы», «уборочные кампании»...

И лишь в 80-х годах Василий Белов собрал воедино осколки того векового уклада и выдал свой, наш, русский «Лад»...

Удивительно, но получается, что он сначала освоил этот лад художественно: в «Канунах», в «Привычном деле», в рассказах, а уже потом и публицистически - в знаменитых очерках о народной эстетике... Но о них разговор отдельный...

«Год великого перелома» - это уже разлад русской жизни...

«Час шестый» - третья книга эпопеи - это о русской Голгофе...

По ходу работы над трилогией менялся ведь и Белов, и его взгляд на мир. Он был сыном своего времени, был коммунистом. А пришёл к вере, к Богу.

«Да, Роговы, Пачины, Мироновы жили на русской земле. Много их трудилось. Миллионы! Но победили Сопроновы. Эти живы и поныне! Скрипя зубами и шурясь мутными глазами, они белеют лицами, когда видят, что власть уходит из их рук. Да, образ сопроновщины, созданный Василием Беловым, страшен и живуч. Этот образ знаменует, по существу, весь наш многострадальный двадцатый век, и беловские «Кануны» - это такое художественное и философское постижение судьбы русского народа, что трагизм истин, раскрытых писателем, остерегающе поучителен и для всего человечества», - писал Александр Романов. И вот тут я не соглашусь с ним. Нет, не победила сопроновщина. Точнее - она победила лишь внешне. Победил по высшему счету строитель мельницы Павел Пачин. Победил дедко Никита Рогов...

Этот дедко Никита из поначалу почти второстепенного героя в третьей части становится героем главным и совершает, смертью смерть поправ, высший подвиг - погибает за други своя, спасает ценой своей жизни Павла Пачина-Рогова...

Павел и подобные ему всё же выжили, перетерпели... И, между прочим, именно они ещё успели победить и в Великой Отечественной...

Низкий поклон им за подвиг их жизни. Низкий поклон Василию Белову за подвиг создания эпопеи «Час шестый».

«БОЛЬНИЧНЫЙ ДНЕВНИК» СЕРГЕЯ ЧУХИНА (1983 ГОД)

Писатель пишет, произведения его печатаются в журналах, издаются его книги - это писательская жизнь, а ведь есть и обычная жизнь: семья, друзья, праздники и будни, радости и болезни... Я не сторонник заглядывания в частную жизнь

Василий Иванович Белов и Сергей Валентинович Чухин

(хотя, безусловно, частная жизнь писателя тесно сплетена с его творчеством - одно вытекает из другого)... Некоторый взгляд со стороны на то, каким человеком был писатель Белов в расцвете своей славы и творческой силы, даёт, например, попавший мне в руки дневник поэта Сергея Чухина. Это описание нескольких недель их совместного пребывания в городской больнице, несколько страниц в тетрадке, чудом сохранившихся.

Сергей Валентинович Чухин - замечательный русский поэт (1945 - 1985), член Вологодской писательской организации, близкий друг Николая Рубцова. Василий Белов ценил его талант, остро переживал трагическую смерть поэта...

Итак, дневник Сергея Чухина.

30 сент. 83 г.

В. И. одноместный номер подтопили средь ночи: врачи зуб. кабинета забыли закрыть на ночь кран. Рассказывает с юмором. Его все здесь любят, особ. младший персонал. Ему назначили уколы, возмущен, что даже к обеду надо ходить позже. Говорю - в палате лежит Алекс. Ник., причастный к разрушению Спас-Камня.

Грустно: «Неужели и о нас потом скажут, что мы столько разрушили». А о А. Н. - «Спроси, где они взрывчатку брали?»

1 окт.

Пишу ручкой В. И. Говорили о рукописи С. Шв. Он ее прочел и хвалит. О совр. музыке: «Я их называю «стукачами».

Пять лет назад он бросил курить. Говорит о вреде пьянства и хитро смотрит на меня. От игры в шахматы отказался: «Очень рациональная игра».

Знай бы он, как писался этот роман («Победа» Чак.), он никогда бы его в руки не взял.

«Хорошо бы Швецову познакомиться с Шириковым - они оба пишут на одну тему, но у Володи больше источников. Лет 20 назад такие писатели не могли бы и появиться». Тут же позвонил Ширикову, но того не было дома.

После ФЗО направлен на практику. Жили в палатке - волосы примерзали. Написал первую заметку в лежскую газету. «Что-то вроде «Встречи с Дедом Морозом». Заметку напечатали, не оставив ни одного авторского слова, но подпись В. Белов. После двух лет практики (а надо 4) бежал. Рисковал. Одного перед этим судили и дали 2 года.

Надо было зарабатывать, помогать матери. А рядом лоботрясы, ничего не делая, получали больше его. Оказывается, поили мастера водкой (его потом посадили).

И он однажды купил в столовке стакан водки бухгалтеру. Он сказал что-то вроде - зачем ты это делаешь? В. И. ушел, а водку-то он всё же выпил. «С тех пор всякое понаделано, а иногда проснёшься ночью и покраснеешь».

Ставили лесопилку на кладбище, копали котлован, выкидывали кости покойников. Руководили, конечно, евреи.

В. И. убежден, что идут настоящие диверсии в педагогике, медицине и т. д. Что стоит хотя бы одна мелиорация.

Пусти эти деньги не в землю, а на строительство дорог, жилья - нас завалили бы зерном. А теперь столько будет затоплено, будет Вологда пить свое же говно.

Госплан с его тысячами человек - система никуда не годная. Сунь какая-то девчонка бумажку на неделю-вторую позже, придержи её - и вся страна год сидит без мыла и т. п.

Анюта сегодня на линейке (пионерск.) рассказывала, что двое ребяташек, слушая бесконечные выступления, упали в обморок.

Ввели «зимнее» время, отвели стрелки на час назад. В. И.: «А почему не на два, не на день, не на год?»

2 окт.

Долго смотрели телевизионную передачу «Сегодня вечером». В. И. возмущен этим духовным развратом. Конечно, это дело еврейства. Он сам видел их сборища в Гагре. А летом вся эта заразная элита Москвы расползается по Союзу. Все они куплены, все на крючке.

«Сейчас настоящий художник должен работать молча, а то и доделать не дадут».

Рассказывал, как его, предварительно напоив, избил один еврей-актер из нашего театра. А наутро, думая, что В. И. ничего не помнит, позвонил ему как ни в чем не бывало.

А я про себя решил, что с вином надо совсем кончать. Сколько разных неприятностей (которых врагу не пожелал бы) от него. Думаю найти потом силы и сказать ему о своём решении. Таким образом его сила сольётся с моей. Изменить слову, данному ему, я не смогу.

Играли в шахматы с азартом. Я слишком увлекаюсь атакой и забываю о защите. Сдал В. И. две партии, к его великому удовольствию.

Приходил А. Романов, принес домашних пирогов, уплели за ужином с удовольствием. Ай да Анастасия Александровна!

3 окт. 83 г.

Сегодня переоборудовали палату В. И. Телевизор поставили на холодильник и таким образом освободили письменный стол. Все разговоры вокруг болезни, всё это меня угнетает. Ужинать я не пошёл.

Вечером впервые видел В. И., что называется, «в сердцах». Он утверждает, что надо ходить и пробивать свои вещи. Бранил меня, что не разбираюсь в правительственных перемещениях - почему убрали Черненко?! «Я сам писал письма и Тяжельникову, и Викулову, и в «Лит. Россию» (в последние - чтоб вывели из состава редколлегии). Ответов нет, но пишу. Вот поставили без моего согласия кино по «Д. Споку», Райкин читает мои бухтины, но нет на сволочей управы. Так как Райкин - лауреат Ленинской премии и т. д. А дело уголовное».

4 окт.

«Я бросил курить сразу, посвятив этому целый месяц. Надо, чтобы в это время не было ни ссор семейных, ни даже работы. Главное - выдержать два месяца, а потом и производительность труда повысится, знаю по себе. Знаю, что это трудно, но ставить себя в искусственное положение (поехать туда, где нет курева, - а где его нет?) не стоит».

Попробуем.

Уговорил меня лечить зубы (дергать). Но врача, к которому записались, не было. Говорит, что настроение (с новыми зубами) улучшится наполовину, приводил в пример беззубого Бальзака и т. д. У самого В. И. тоже вставные челюсти. Он угадывает - я боюсь стоматологов. Сыграли три партии, две я сдал, одна - ничья. В. И. вначале зевнул королеву.

Приходили Коротаев и Шириков, Коротаев, как везде, деловой. «Надо бы и мне провериться», - сказала его августейшее здоровье.

5 окт.

Сегодня приходил А. Рачков. Неприятно, что я потерял свою рукопись. В. И. собирается писать предисловие Фирсову, а сам не хочет, хотя рукопись нравится. Говорили о Дружининском, у него мнение резко отрицательное, как к человеку. По его наущению сходил к зубному. Сыграли две партии - первую вничью, вторую я сдал. Отношения все более дружеские, чему я рад. Написал письмо Саше Швецову с мнением В. И. о его книге.

6 окт.

В. И. рассказывал о зарубежных впечатлениях. «Нигде нет такого плохого телевидения, как у нас. Везде есть много интересных документальных программ. У нас же, если идет комбайн, то сыплет зерно в кузов машины, а то в программе «Время» выступает посол. Программа эта вообще выродилась. Составляется неинтересно, заранее.

Говорил о бесправии автора нашего за рубежом. ВООАП представляет только чудеев, из которых две трети я и не слышал. Трифонову, например, в Швеции заплатили большие деньги за лекцию в университете и интервью в сельскохозяйственной газете. В. И. за то же самое не заплатили ни гроша. Международный сионизм в действии.

Деньги: за рассказ «Чок - получок», переведенный в Японии, был договор на 100 долларов. На руки же получил 26 долларов, и в переводе на нашу валюту - фига. За зарубежную книгу в «Березке» можно купить лишь костюм.

У нас переиздания, новое не печатают: все просят и заворачивают обратно: «Наш современник», «Крестьянка» и т. д. А переиздание - 20 листов «Лада» у нас по 130 руб. лист. Между тем перепечатка (двойная) каждой страницы 80 копеек. Т. е. перепечатать «Кануны» - 400 руб. А все толкуют о повышении гонорара.

Завтра он идет домой, очень любит Аннушку и меня спрашивает о дочке. Сыграли три партии - две я выиграл (нахрапом), одну сдал - безнадежно. Ели черничное варенье и сладкий пирог (он терпеть не может сладкое, а жена, мол, удивляется).

Написано им предисловие к Фирсову. «Получилось научнообразно, самому не нравится».

8 окт.

Говорили с В. И. о семье. «Один ребенок в семье - это разврат. Это игрушка для взрослых. Мужик может пить, баба ходить на собрания. Таким образом воспроиздается нация. Японцев уже больше, чем нас (120 млн.). Окраины наши кишат людьми, а в центре их нет. Нельзя найти не только секретаря (а он его ищет), но даже няньки. В Вологде один Гура (компрадорская буржуазия) держал домработницу. Москва (как и Вологда) полна пенсионеров, некому работать. В Вологде из 75 тыс. работающих 30 т. живут в общежитиях. Квартир не строят, хотя квадратный метр общаги дороже квадратного метра квартиры. В Череповце около тысячи семей живут так: она в женском, он в мужском общежитии. Откуда же быть приросту населения, зачем говорить о демографическом кризисе, если на это направлена вся политика. Детсад, школа, армия, общага, вербовка - дожил до седых волос - и богадельня».

Предлагал ему в секретари В. Ельцинойфорова. «Нет, он сам литератор, мне нужен неизвестный совершенно человек, который бы делал выписки в архивах и т. д.».

Очень огорчен, что не мог дозвониться до матери. Сказал, что посмотрит мои стихи при выписке.

10 окт.

Сегодня у В. И. трудный день. Промывали желудок. «Но это все же лучше, чем сидеть на партсобрании». Читает В. Ф. Булгакова «О Толстом». Настаивает, чтоб печатался в Москве. «Я бы принял в Союз сразу человек пять, Драчева и прочих».

Интересовался Кучмидой, Груздевой и прочими. Звонили Багрову вечером. Новый секретарь - И. Королёв. Были у него Ольга Сергеевна и Аня.

Хвалит меня, что лечу зубы. Я проиграл две партии в шахматы. Он готовится выписаться в пятницу.

11 окт.

«Никак не пойму, почему люди пишут в газету? Ведь её делают такие же люди, как и они. Неужели они думают, что Петя Непряхин (обзор писем) умнее их? Особенно гнусно выглядит, когда люди пишут под рубрику «О самом личном». Я ведь на такие темы, как взаимоотношения мужа и жены, даже с самыми близкими не могу говорить. Газета же специально провоцирует на это. Конечно, можно бы было, обмозговав хорошенько, написать на эту тему такую газетную статью, что придут тысячи откликов. Но зачем?»

А всё идет от древнего уважения к печатному слову, от Святого писания, где каждое слово - истина в высшем смысле. Да и плохие книги начали издавать сравнительно недавно. Были Пушкин, Державин, а Щербина же не издавался. Сейчас же загляни в любой газетный киоск - сколько журналов, сколько всякого хлама!»

12 окт.

Сегодня В. И. поздравил меня с днем рождения и подарил «Лад». «Пиши, не щадя сердца».

Приходили В. Оботуров, В. Шириков, Б. Чулков, В. Елесин, А. Грязев, А. Рачков. Говорили об истории литературы, о масонах, убивших Пушкина, о декабристах, о «Памяти» Чивилихина (В. И. не нравится самореклама этой книги). «Аринин пишет худ. произв. о Пушкине. Немыслимая глупость. Надо же в таком случае быть равным Пушкину».

Говорил о значении документа в прозе. «Собирайте их, пока не поздно, пишите». (Рассказ Рачкова о могилах бабки и деда в Устье). Он очень многое знает. По В. И. очень важно «разбудить» человека.

14 окт.

Вчера приходили С. Торопов и О. Кононенко. Снимали нас. В. И. недоволен. Я его не предупредил, а предупреди, так и вовсе снимка бы не было. Сегодня нас, возможно, выпишут. У него - если не будет температуры, у меня - если хор. кардиограмма. Но как быть с зубами? Слово-то дал!

Играли в шахматы. «Я больше не хочу заниматься литературой, пока снова не захочу. Не хочу даже говорить о ней». Хвалит повесть Р. Балакшина «Брат отца». Повесть, действительно, хорошая.

Характер Белова хорошо ощутим в этих записях. Ощутимо и его некое внутреннее раздражение тем, что происходит в обществе, в жизни страны, народа... Вскоре эти настроения найдут выход в романе «Всё впереди»...

«ВСЁ ВПЕРЕДИ» - РОМАН-ПРЕДСКАЗАНИЕ

Пожалуй, разговор об этом романе можно было бы начать с написанного в середине 70-х цикла рассказов «Воспитание по доктору Споку».

Да, многие мысли Зорина из «Воспитания...» схожи с мыслями и наблюдениями Медведева и Иванова из «Всё впереди». Что и неудивительно - ведь мыслит, наблюдает за происходящим в обществе всё тот же Василий Белов.

Роман впервые был опубликован в 1986 году («Наш современник» № 7, 8, 1986). И сразу же вызвал шквал критики. Причём в ведущих литературных журналах и газетах: «Вопросы литературы», «Литературная газета» и т. д.

Главный упрёк автору: «Не за свою тему взялся». Мол, сиди за своими «тремя волоками» и пиши про деревню - это у тебя хорошо получается, а город, НТР, кибернетика и прочее - не твоё... А ничего, что Белов большую часть жизни всё-таки в городах прожил, а в Москве бывал, пожалуй, чаще, чем в родной Тимонихе (да и Москва для него, как для всякого русского, родная)? Нет, не смущает это «критиков»: «деревенщик» должен писать о деревне - и всё тут.

Следующий упрёк: «женоненавистничество». Ну, да - он ведь пишет о том, что аборт, например, не «личное дело женщины», а узаконенное убийство...

И самый серьёзный упрёк (можно сказать - обвинение), появившееся после публикации «Всё впереди», - антисемитизм. Ведь главный отрицательный герой романа - еврей, ну, значит...

Другая категория «критиков» более снисходительна: мол, наш известный «деревенщик» написал семейно-бытовой роман... И почти обязательно добавляют:

«И куда же девался его «сочный», «народный» и т. д. язык...» - Как бы не понимая, что «язык» отражает место действия, действующих лиц... Нет, язык и в этом романе у Белова на высоте, он именно такой, каким должен быть в московской суете, у замученных этой суетой людей. И язык автора, и язык героев. Уместны здесь и каламбуры в духе Остапа Бендера от Бриша, и почти публицистические авторские ремарки, и лирические отступления с описаниями природы и города...

Проходят годы, отпадает шелуха сюжунутности, и всё более чётко видно, что Василий Белов написал роман философский, роман-предсказание... Предсказания его продолжают сбываться...

Странно, но именно этот роман я читал большее количество раз, чем все остальные произведения Белова (кажется, раз пять). Первый раз - чтобы увидеть, за что же его так ругают (почти никто не хвалил), а потом что-то всё заставляло вернуться к этому роману - мысли, которыми он наполнен, события, предсказанные в нём...

...Первая часть романа называется «Белая лошадь» - название многозначное, постоянно обыгрываемое Беловым: это и название виски (образ мещанства, «троянский конь», закинутый в нашу жизнь), и образ из стихотворения Рубцова («лошадь белая в поле тёмном»), символизирующий, напротив, нечто вечное, настоящее...

Вторая часть называется более прямолинейно-публицистично: «Безоблачное сиротство». И не потому, что Белов не мог и здесь найти какое-то более «художественное» название, а потому, что ему, как автору, нужно было именно такое...

События происходят в 1974 и 1984 годах.

История, вроде бы, действительно, бытовая и семейная: одноклассники, влюблённые в одноклассницу, их семьи, отношения...

В начале романа есть эпизод, когда Люба заблудилась в чужом заграничном городе, в Марселе... У Белова в нескольких произведениях появляется сюжет «блуждания»: мужики-ходоки в Москве («Кануны»), герой киноповести «Целуются зори»... Впервые, кажется, в рассказе «Иду домой» - страх заплутавшего в лесу мальчишки. И, пронзительно, на грани смерти, - в «Привычном деле», когда Иван Африканович всё же спасся, выжил... но вскоре похоронил жену... Что-то важное было в этом сюжете для Василия Белова, возможно, и отразилось какое-то реальное, детское ещё потрясение... Само по себе «блуждание» - это нахождение в неведении, на грани выбора пути, в пограничном состоянии... Люба Медведева в Марселе, собственно, и не заблудилась, лишь на мгновение растерялась в незнакомом месте, и тут же её взял под локоток «журналист номер один» Аркаша. «Вот мы уже и заблудились...» Чужая, недобрая сила указала путь героине...

Кто они, герои романа? Иванов (с ударением на «а») - нарколог, который сам спивается (как доктор из «Палаты № 6», сходящий с ума), случайный свидетель «соблазнения» Любы; Зувев - офицер-подводник, муж неверной жены, он всё ещё чисто, по-юношески, любит Любу; Бриш - ученый-кибернетик (напоминающий одновременно Остапа Бендера и Кошея Бессмертного); Дмитрий Медведев - руководитель научной группы, создающей суперкомпьютер (который, впрочем, устаревает ещё в процессе создания, но убивает научного сотрудника Грузя - тоже гениальное наблюдение Белова: всё впереди, впереди - новые компьютеры, убивающие живую жизнь)...

Между прочим, у каждого из них ещё со школьных времён есть «говорящее» прозвище. Про Медведева говорили, что он предсказывает события, как сла-

вянский волхв, и называли его «предсказатель событий». Иванов - «жаждущий справедливости». Бриш - «идуший впереди»...

Невольно и задумаешься: если впереди идёт всё омертвляющий Бриш, то что же впереди?..

Развивающиеся события романа: развал семьи, смерть Грузя и т. д. - дополняются размышлениями и разговорами героев. Многие свои мысли отдал Белов и Медведеву, и Иванову, и Жене Грузю...

Вот, например, разговор Иванова с Бришем на даче Медведевых (на этой даче происходят многие события романа, она, дача, как и Москва, - тоже герой романа):

«Теперь разговор на веранде шел о том, считать ли человека составной частью среды обитания. Бриш говорил:

- Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник. Это еще Тургенев сказал.

- Сказал это не Тургенев, а всего лишь Базаров. Отнюдь не одно и то же. А вторых, кем ты хочешь видеть человека? Работником или мастером?

- Не вижу разницы.

- Большая разница, дорогой! - это «дорогой» прозвучало в устах нарколога почти угрожающе. - Конечно, каждый мастер является и работником. Но далеко не каждый работник становится мастером, художником, то есть творцом!

- Я согласен, - натужно засмеялся Бриш. - Будем говорить не «работник», а «мастер».

- А согласен ли ты, что для настоящего мастера его мастерская и есть храм?

- Допустим.

- Тогда и базаровское противопоставление храма и мастерской рассыпается в прах! Новейшие нигилисты, конечно, изворотливее тургеневских. Только суть та же самая...».

А вот мысли Медведева: «Оказалось, что ежедневно и едва ли не каждый час его дочь - это маленькое, самое дорогое для него существо - утрачивает черты и свойства младенчества, лишается то одного, то другого, что было так прекрасно и так дорого для него. Приобретения же не вызывали в нем никакого энтузиазма... Еще вчера она могла делать то, что ей хочется, сегодня половину своего дня она тратила на обязанности. А завтра не будет у нее и второй половины...»

Медведев серьезно считал, что у современных детей рационалисты похитили детство. Нет, пожалуй, дело тут было еще сложнее: он испытывал скорбь за невозвратимость каждой минуты, прожитой его дочерью, а что говорить о днях и неделях? И никогда, никогда не увидит он ее не только такой, какой она была, но и такой, какая она сейчас, сию минуту. Ему хотелось остановить для нее неумолимый и вечный ток времени...» - так мог размышлять и Зорин из «Воспитания...» (кажется, он как-то так и размышлял).

И ещё: «Останавливать надо не только гонку вооружений, но и гонку промышленности. Техника агрессивна сама по себе. Покоряя космос, мы опустошаем землю. Технический прогресс заволаживает обывателя. Все эти теле-, само-, авто- порождают соблазны чудовищных социальных экспериментов. Насилие над природой выходит из-под нравственного контроля. А человек - часть природы! Следовательно, мы сами готовим себе ловушку? Самоистощение и самоуничтожение... Иными словами: самоубийство. А ведь началось-то все с обычного самохода и самолета, каково, а?.. Безграничное доверие ко всему отчужденно-

искусственному. К водопроводной воде, например, к газетной строке. А к лесному ручью и к устному слову - никакого доверия!»

«С разрушением последовательности исчезает ритм, а с ним исчезает и красота», - рассуждает Медведев, а вспоминается беловский «Лад».

...С большой авторской симпатией описан научный сотрудник из группы Медведева Евгений Грузь. Он сын раскулаченных и высланных в 30-е годы на север России (за Тотьму) украинцев. Судьба этих людей, брошенных на смерть или выживание в заснеженные вологодские леса, особенно сильно показана Беловым в романе «Год великого перелома» (вторая часть трилогии «Час шестый»). А здесь - уже продолжение, уже судьба сына тех выживших выселенцев.

К слову, Белов часто цитирует украинские песни, вообще любит украинцев (справедливо считая их такими же русскими людьми). Он говорил (и, кажется, где-то даже писал), что и украинского языка нет, а есть диалект русского (многие любимые им украинцы с ним не согласны).

Хороший человек Женя Грузь, весёлый, умный... И он погибает во время работы над суперкомпьютером (по этой причине Медведева осудили, и он отсидел шесть лет). Именно у матери Жени в подмосковном посёлке нашёл Дмитрий Медведев приют после лагеря и там читает письма и дневники Грузя (Белов отдаёт им многие свои заветные мысли).

...Из всех лагерных лет и событий Белов приводит всего лишь один разговор Медведева с неким «лощёным интеллектуалом» (аферистом, осуждённым за валютные операции).

Тот говорит: «Равенство? Его никогда не будет. Природа наделила людей разными полномочиями... Одни всегда будут убирать свое и чужое дерьмо, причем вручную. Другие - моделировать их поведение». Медведев не приемлет деление людей на избранных и неизбранных, так и отвечает аферисту-искусителю. Но разговор тот долгие годы сидит в нём и требует поступка. И вот однажды Дмитрий Медведев просто взял и вычистил деревенскую уборную...

Но голос искусителя преследует его: «Ты сделал это только для собственного самоутверждения. А делать это всегда ты ведь не станешь...»

Ну да, кому-то ведь очень надо, чтобы Медведев и такие, как он, всегда «убирали своё и чужое дерьмо, причём вручную»...

И Медведев отвечает: «Почему же всегда? Когда надо!.. Да, я уберу... Но успею сделать ещё кое-что... Всё впереди!» Нет, не заманил искуситель Медведева ни в касту избранных, ни в касту изгоев...

А тем временем, пока Медведев отбывал срок, Михаил Бриш женился на Любе, ставшей Любовью Викторовной Бриш, оформляет документы на усыновление дочери и сына Медведева и готовится вместе с ними эмигрировать в США...

Медведев же, кажется, никак и не собирается противостоять этому, он лишь встречается с дочерью, видит сына... Бороться же за справедливость берётся «жаждущий справедливости» нарколог Иванов... Берётся - и не может одолеть дьявольскую карусель из бришевских приятелей, алкоголя, пустопорожних разговоров. А к тому же его ещё и избивают, то ли по указке Бриша, то ли нет... (Вспоминается эпизод из дневника Сергея Чухина, где Белов рассказывал, как избивали его самого).

«Нет, Бриш мог и не знать про этот удар в затылок. Всё равно! Да, всё равно, поскольку он заодно с этой веселой компашкой. Биологи, ассистенты... Медведев прав: они только и делают, что отрабатывают варианты. Моделируют. Полярность не зря переключалась из науки во взаимоотношения людей. Медведев говорил еще

о дефиците искренности. Он и тут прав: люди начали говорить одно, а думать противоположное. Почему доброе начинание оборачивается впоследствии таким откровенным злом? Надо бы выяснить на досуге, случайны ли подобные начинания. Или они генерируются кем-то? А после подбрасываются нам «для внутреннего употребления». Всюду модели. Моделируют музыку, природу. Течение рек. Самого человека. Медведев сказал как-то, что теперь человечеству вполне по силам моделировать апокалипсис... Репетиция конца света? О боже, как осточертели все эти количественные штучки! Так надоело жить в кибернетическом царстве. Уже известно, что будет через пять, десять, пятнадцать лет... Они моделируют войны. Экономику и политику. Поведение женщин и молодежи. Ведь идеологические наркотики нисколько не лучше физиологических. Да, да, наркотик моделирует поведение! Это так просто. Ведь не ты же отплясывал с этой девчонкой! Отплясывал коньяк «Апшерон». А ты? Где же в эту минуту был ты? Не мог же «Апшерон» плясать сам по себе. Ему были нужны твои ноги... Пока ты плясал, никто не бил тебя кулаком в затылок. Да, твое поведение моделировалось. Оно контролировалось, пока ты пил и плясал с девчонкой! Ты был не опасен для кибернетиков, ты был с ними и на виду у них. Больше того: заодно! Но стоило тебе отрезветь, стоило стать самим собой, и ты сразу получил удар в затылок. Если пляшешь под ихнюю дудку, они над тобой смеются. Если становишься самим собой - бьют! Боже мой, как же тогда жить? Как сохранить совесть, будучи сильным и независимым? Еще трудней совместить время... «Я не хочу, не желаю быть объектом эксперимента! - мысленно возопил нарколог. - Не желаю. Я - человек. И никакому дьяволу не позволю экспериментировать надо мной! Даже после моей смерти... Умру со справкой! Чтобы никакие патологоанатомы не лазали в мой череп, не копались в моем сердце». - «Ну да, - возразил кто-то голосом биолога Саша. - Спросят тебя».

«Отрабатывающие варианты» консультанты, ассистенты и прочие завлабы - всё это очень скоро в очередной раз осуществилось в судьбе России. Был, революционный, конечно же, эксперимент 20-х-30-х годов. В конце 80-х начался новый.

Всё это показал и предсказал Белов...

И вот Бриш собирается увозить Любу и детей в Америку - у них «всё впереди» - новая жизнь в «свободной» стране (а вполне вероятно и возвращение Бриша в качестве какого-нибудь «консультанта» уже в 90-е)...

Иванов требует от Медведева действия, борьбы за справедливость...

Медведев, возможно, предвидит будущее и молчит...

« - Когда ты решишь, они будут уже в каком-нибудь Арканзасе. Ты предал своих детей!

- Прекрати, говорю тебе! В гневе мы теряем остатки мужества.

- И когда это ты научился говорить афоризмами? Залюбуешься... Это самое сделало тебя таким... жалким?..

- Замолчи! - Медведев остановился и побелел. - Или я врежу тебе...

- Я сам тебе врежу! - тихо сквозь зубы произнес Иванов и, сжав кулаки, напругая челюсти, придвинулся ближе.

Оба замерли. Они сверлили, пронизывали друг друга глазами. Их обходили, на них оглядывались, а они стояли, готовые броситься друг на друга. Это было как раз посредине моста...

И Москва шумела на двух своих берегах...

Ничего не напоминает?..

И предупреждает...

ЧЕЛОВЕК ДЕЙСТВИЯ. ПУБЛИЦИСТИКА

В своих публицистических выступлениях 80-х - 90-х годов Василий Белов не просто предсказывает или предупреждает - он кричит. Кричит о безумии идеи поворота северных рек; кричит о спаивании народа; кричит о трагедии русской деревни; кричит о разрушении основ традиционной нравственности... Идёт «в политику», становится депутатом Верховного Совета и там, с высокой трибуны, говорит всё о том же: что земля должна принадлежать тем, кто на ней работает, что нужно реабилитировать миллионы «раскулаченных», сосланных и уничтоженных крестьян, что нужно хранить чистоту родного русского языка...

Его статьи, отклики на злободневные события, размышления разбросаны по газетам от районных до центральных, по журналам и сборникам... Их очень много...

За публицистику его тоже осуждали - опять, мол, не за своё дело берётся, «художник должен осмысливать действительность художественно», спрашивали возмущённо, «где беловский деревенский язык» и т. д.

Многие считают, что Белов сильно «подгадил» себе выступлениями на съезде народных депутатов... Да, он не был ярким оратором, но, может, стоило всё-таки более внимательно слушать его, более внимательно читать?

Василий Белов был человеком огненного темперамента, человеком действия, совмещавшим в себе художника и публициста. И если мы хотим понять Белова-художника, надо пытаться понять и Белова-публициста...

Иногда же для него и писать статью было слишком долго: и тогда он выходил на улицу Вологды с табличкой на груди: «Я против бомбардировок НАТО в Югославии», или в той же Югославии вставал в полный рост на позициях русских добровольцев. «Зачем, Василий Иванович? Ведь пули не выбирают...» - «Это всё, что я могу сейчас сделать для этих ребят»... Да - потом будет статья или очерк, а пока - хотя бы встать в полный рост...

Я приведу здесь лишь некоторые отрывки, цитаты из его статей, чтобы почувствовать, увидеть его характер, стиль, направление мысли...

«Вологодский знакомый, демократ, бывший когда-то довольно крупным партийным чиновником, встретился на улице и с еле скрываемой злобой спросил:

- Зачем ты занимаешься политикой? Твоё дело - писать!

- Что писать? - удивился я.

- Рассказы, романы!

Я не сдержался и резко сказал, что занимаюсь тем, чем хочу, и пишу то, что подсказывает совесть, а не то, что подсказывают встречные и знакомые...

Не стал бы я вспоминать тот мимолетный диалог, если бы и другой давнишний знакомый (писатель и, подобно мне, народный «горбачевский» депутат) не сказал однажды с той же странной озлобленностью:

- И чего он там в Москве сидит, в Верховном Совете? Ехал бы домой да больше работал!

...Кто и сколько работал, выполняя горбачевско-ельцинскую семилетку, кто и что говорил в кремлевских палатах, к чему призывал в газетных статьях, рассудит время. Корпеть над романом, когда твоя Родина оскорблена и истерзана? Увольте, друзья мои! Но в злобном дыму упреков мерцают отблески правды...» («Внемли себе»).

«Крестьянин должен стать свободным, свободным от всего, кроме земли. Но и зависимость от земли должна быть добровольной, свободно выбранной. Ни один народ не спасет своего национального языка, своей культуры, если уничтожит собственное крестьянство! Выйти из демографических, экологических и других тупиков также невозможно, не имея свободного крестьянства. Но крестьянство без земли - это фикция, пустой звук. Поэтому Закон о земле имеет прежде всего национально-государственное значение. Никто не собирается отбирать землю у жизнеспособных, рентабельных и артельных хозяйств. Из добротного, крепкого хозяйства люди не побегут. Но у каждого колхозника должно быть право выхода из колхоза». («Внемли себе»).

«Когда речь заходит о крестьянстве, все говорят почему-то об одном: о кор­мёжке. Вы глубоко ошибаетесь, если так думаете! Крестьянство - это прежде всего стабильность государства, это культура, это народные традиции, это язык, это армия. Это дружба народов, наконец, - самое ценное, честно говоря, что должно быть. Наше многонациональное крестьянство вот уже много десятилетий подряд терпеливо несет на своих плечах основные тяготы и невзгоды. Так называемый «идиотизм деревенской жизни» не помешал величайшей крестьянской жертвенности во время раскулачивания, индустриализации, Великой Отечественной войны. Но сельское хозяйство великой державы еще в 20-х годах оказалось на задворках общественного сознания. Оно было превращено в заложника сталинских пятилеток. Крестьянство всегда было безотказным «донором» промышленности, «донором» нездоровой, политизированной экономики. Нынче обескровленная деревня не выдержала крепостного права. Сельское хозяйство приблизилось к состоянию агонии. Впервые в нашей истории разруха началась в мирное время. Впервые не война, а общественные неурядицы создали угрозу голода. Так пускай же позор карточной системы и позор международного попрошайничества не ляжет на крестьянские головы! Вина целиком на политиках...» («Внемли себе»).

«Тысячи улиц и площадей, поселков, городов, целых регионов по-прежнему носят имена палачей. У нас в городе что ни улица, то имени Менжинского, Кедрова, Урицкого, Клары Цеткин. Что сделал Менжинский для России, мы знаем. А что сделала для России Клара Цеткин? Я что-то не знаю. Я уверяю, что не будет от нас толку, пока мы увековечиваем собственных палачей. Не будет!...» («Внемли себе»).

«Внемли себе, чтобы знать тебе здравие и болезнь души, - говорит православный святитель и продолжает: - Праздной и беспечной душе свойствен этот недуг - в бодрственном состоянии тела видеть сны»... И, размышляя о совести европейских народов, равнодушно, а то и с ехидством вззирающих на российские беды, я снова вспоминаю слова святителя: «...перестань со тщанием наблюдать порок в другом, не давай занятия помыслам испытывать чужие немощи, но себе внемли, то есть обрати душевное око на собственное исследование себя самого («Так хочется быть обманутым»).

«Во дни «великого Октября» сидеть перед ящиком было не вмоготу. Я бродил около бэтээров и солдатских шеренг, глушил свою горечь фамильярными разговорами с вооруженными защитниками Отечества:

- Можно вопрос?

- Пожалуйста. - Капитан милиции вежливо отвел ствол автомата чуть в сторону.

- Не предполагаете ли такой вариант, что Ерина будут судить?

Он думал секунд десять. Потом отвернулся и неуверенно пробурчал:

- История покажет...

На Арбате у Садового - мощный офицерский заслон. Стоят локоть к локтю. Подхожу к розовощекому круглолицему сержанту, у которого рация:

- Кому служите?

- Себе! - харя веселая. На офицеров не обращает внимания.

Высокий офицер добавляет:

- Закону служим.

- Но закон позволяет свободно ходить по Москве. Чего вы тут стоите?

- Нам платят за это, - говорит второй офицер.

- А сколько платят?

- На хлеб хватает! - с улыбкой включается третий (малорослый, вроде меня).

- На хлеб - это мало, - говорю и чувствую, что растет раздражение, зубы сжимаются.

- Отец, иди, не разводи политинформацию, - говорит четвертый и отводит взгляд.

Второго октября, у Краснопресненского метро - цепь здоровенных омовцев с автоматами. Горечь и боль вскипают, сдавливают горло.

- Ребята, в кого стрелять приготовились?

- В дураков! - омовец с презрением сверху вниз глядит на меня. Его сосед тычет мне дулом в плечо:

- В таких, как ты!

- Как отличать будешь умных от дураков?

С тыла ко мне подскакивает парень в гражданском:

- Дед, ты дожил до седых волос, а такой идиот!

- Мой отец погиб под Смоленском...

Люди в толпе узнают меня, пробуют заступиться: «Это писатель, как вам не стыдно?» Моих заступников отесняют щитами, меня нейтрализуют какие-то парни в штатском: «Успокойтесь! Идите! Идите!»

Омовец сипло орет:

- Мне х... с ним, что он писатель. Плевал я и на его отца! Пускай идет отсюда, пока цел!

Таких церберов вокруг Дома Советов было сравнительно мало. Большинство солдат устало и безучастно смотрело поверх голов, у многих офицеров светилось в глазах тайное сочувствие, понимание происходящего. Сейчас, перечитывая тогдашние записки, я почти согласен с омовцем насчет моего писательства. Но я пытаюсь и не могу простить ему оскорбление отцовской памяти. Нет, это был не симплициус, не Иван-дурак, не Бу-бус-американус. В его матюгах было нечто большее, чем обычная злоба усталого и запутавшегося. Это был настоящий бес во плоти. «В средство погубления человеческого рода, - говорит святитель Игнатий, - употреблена была павшим ангелом ложь. По этой причине Господь назвал дьявола ЛОЖЬЮ, ОТЦОМ ЛЖИ И ЧЕЛОВЕКОУБИЙЦЕЮ ИСКОНИ!» Понятие о лжи Господь тесно соединил с понятием о человекоубийстве: потому что последнее есть непременно последствие первой».

Почему же мы снова и снова верим обманщикам? («Циники и симплициусы»).

Закончу главу открытым письмом Василия Белова Александру Солженицыну, написанным в октябре 1993-го, когда тот ещё оставался в Америке.

Кстати, Белов с уважением относился к Солженицыну - писателю и политике. Солженицын был интересен ему как человек, пошедший против системы.

Вот это письмо...

«Здравствуйте, Александр Исаевич!

Решение обратиться к Вам с открытым письмом вызвано весьма разношерстными обстоятельствами. Назову два, может быть, самых главных: боязнь выглядит фамильярным и очень сильное желание узнать, действительно ли вы одобрили антиконституционный указ Ельцина? Зная лживость нашего телевидения, я не поверил этому сообщению. Они показали ваш тюремный портрет и теперь ежедневно твердят, что Солженицын чуть ли не горой стоит за «все-народно избранного».

Все пуцено в ход. И ваша эковская телогрейка, и роскошный фрак Ростроповича. Президент слушал около ленинских мощей прокофьевскую кантату. Вряд ли он что услышал и понял, в его и без того убогом лексиконе слово «русский» вообще отсутствует. Но понял ли, что происходит в Москве, ваш сын? Видел ли он, как на другом конце Арбата мелькают другие дирижерские палочки? Вчера на подходе к дому нашего младенческого парламента дюжий омоновец на моих глазах ударил пожилую женщину. Целые стаи омоновцев бросились на москвичей, спасая яковлевскую демократию. Я не сторонник ни президентских, ни парламентских способов правления, эта тема требует отдельного разговора, но там, на подходах к зданию Верховного Совета, в любую минуту может польхнуться кровавая драма.

Москва сейчас - самая горячая точка! А средства массовой информации, в том числе и хваленые западные, показывают одного Шеварднадзе. И дуют в одну и ту же дуду: долой Российский парламент...

Вчера «Новости» показали Вас выступающим в Вандее. Что ж, может быть, Вы и правы в том, что не торопитесь в Москву. Торопиться и впрямь не стоит, говорю это без малейшего ехидства. Костоломы ельцинского ОМОНа намного опытнее тех, которые, отправляя вас во Франкфурт, под руки вели вас «по трапу на борт». Цензура, сдобренная безденежьем издателей, еще более удушлива. Нынче яковлевская пропаганда стала изворотливее и хитрее. Писатель Черниченко, к примеру, вкупе с о. Глебом требует от начальства активнее применять физическую силу. На мой взгляд, надо заново создавать независимую русскую прессу за рубежом. Здесь, хотя от марксизма-ленинизма остались одни головешки, свобода (то есть бумага и микрофоны) существует в основном для порнографии и рок-шаманства. Все остальное либо вообще в загоне, либо на самом последнем месте. Россия постепенно привыкает к латинскому шрифту. Почти все журналистские авторучки и телекамеры в руках внуков-правнуков Троцких и Свердловых. Ничего, по сути, не изменилось.

Кстати, почему вы прекратили публикации документов по новой русской истории? Это были очень нужные публикации.

Но я уже злоупотребляю вопросами. Да и времени разбираться во всем этом нет; на Краснопресненской набережной днем и ночью горят костры.

Надеюсь на Ваш публичный ответ.

В. БЕЛОВ.

Из Москвы, 28 сентября 1993 года.

P.S. Главный редактор «Комсомольской правды» отказал мне в публикации.

Он предложил дожидаться вначале Вашего ответа и напечатать письмо вместе с Вашим ответом. Странно. Откуда ему известно, что Вы ответите? Тем временем вокруг депутатского дома появились проволочные заграждения...»

Публичного ответа на это письмо не последовало.

Солженицын вернулся в Россию лишь в июле 1994-го...

На этом я произвольно оборву приведение цитат из публицистических работ Василия Белова. Перечитывая их, я ещё, кажется, что-то понял об этом человеке, знакомство с которым подарила мне судьба...

ВСТРЕЧИ С БЕЛОВЫМ

Не так уж много раз и видел-то я Василия Белова, ещё меньше с ним разговаривал. Но были, были случайные и неслучайные встречи, были и разговоры...

Я - РУССКИЙ

1992 год, весна или лето. По улице Октябрьской навстречу мне идёт Василий Белов (кто ж из вологжан не узнает его!). Я сперва промахнул мимо. Потом, кажется, и для себя самого неожиданно, остановился, оглянулся...

- Василий Иванович, здравствуйте, - подошёл к нему.

- Здравствуйте, - голову чуть набок склонил, и в голубых глазах заинтересованность.

- Василий Иванович, вы недавно выступали на радио и сказали, что в протестантизме чувствуется какая-то ограниченность.

- Да, сказал, - глаза сузились.

- Но ведь так можно сказать, что и в православии чувствуется ограниченность...

И тут, как в стихотворении Александра Романова «Очки Белова», «зрачки, что крючки» - будто вцепились в меня:

- Вы русский? - тоже, будто крючком, вопросом зацепил.

- Да, я русский.

- Значит, вы ещё мало думали, - уже мягче сказал Белов, развернулся и пошёл своей дорогой.

Очень скоро я понял и его правоту, и причину некоторого его раздражения. Вскоре же написал я статью под названием «Я - русский», и она была опубликована в областной молодёжной газете «Ступени».

Кажется, Василий Иванович забыл тот короткий разговор. А я помню.

ТАКОЙ ДЕНЬ

А уже познакомились мы в 1993 году, осенью. Проводился областной семинар молодых авторов. Именно на том семинаре Белов сказал: «Поздравляю общественность Вологды с появлением нового писателя - Михаила Жаравина». На том же семинаре, нам, молодым авторам, говорил Белов: «Подумайте, вы вступаете на не просто опасный, а на смертельно опасный литературный путь...»

Белов говорил и о моих рассказах. Точнее - обсуждались некоторые мои рассказы (первые прозаические опыты), а Василий Иванович говорил лишь об одном из них. О рассказе «Такой день». И не только говорил, он на листочке с рассказом сделал две карандашные пометки. Слово «сел» исправил на «уселся», а ещё одно слово обвёл и стрелочкой перенёс в другую часть предложения...

Одним из самых значительных в жизни стал для меня тот день.

Самым дорогим для меня стал тот листочек...

ВОПРОС

Вот уже после семинара он и стал меня узнавать. Никогда не сделает вид, что не заметил, - подойдёт, поздоровается, руку подаст, спросит о чём-то...

Я подрабатывал дворником. Участок мой - «Старый рынок». Половина шестого утра. Мету. Поднял опрокинутую урну, собрал рассыпанный мусор...

Гляжу: коренастый, в чёрном костюме, в тёмной рубашке, идёт энергично, будто по какому-то важному делу, Василий Белов. Меня увидел:

- Привет! - улыбнулся, подошёл, руку протягивает.

Я торопливо, смущённо стягиваю грязную рабочую рукавицу...

Белов будто не заметил моего смущения, руку пожал, кивнул на мусор:

- Как думаешь, почему люди урны переворачивают? - не дождавшись ответа, добавил: - Ведь хорошие-то дела приятнее делать...

Я пожал плечами.

- Вот в чем вопрос! - подняв указательный палец, сказал Белов. Снова пожал мне руку и деловито пошёл в сторону реки... Без двадцати шесть утра...

На всю жизнь мне вопрос задал.

1994

Была весна... Не радостная - ещё дымилась Москва, тянуло дымом войны из Приднестровья, полыхала Югославия, уже несло трупным духом с Северного Кавказа...

Я шёл по улице Кирова к Ленинградской, а навстречу мне - Белов...

- Дима, привет! - руку протянул. И сразу спросил: - Где ты сейчас работаешь?

Я постеснялся сказать «сторожем» и ответил:

- Охранником, Василий Иванович.

- Охранником? - встрепенулся Белов. - А оружие у тебя есть? - глаза сузились.

- Нет.

- Жаль, - махнул Белов рукой. - Оно нам скоро может понадобиться...

«КАК УМЕЮ...»

Переполненный автобус. Белов сам протиснулся ко мне. Подал руку. Что-то спросил...

- Плохо пишешь, Вася, - подвыпивший мужик сбоку откуда-то сказал.

Сколько, наверное, таких вот «критиков» считало долгом своим поддеть Белова. «А просто так, чтоб не зазнавался». Лезли с дурацкими и просто ненужными разговорами, вопросами. Лезли-то, чтоб хоть так прикоснуться, стать и самим заметными хоть на мгновение, чтобы похвастать, может, потом: «Да я Васе Белову сказал...»

А он только усмехнулся тогда, в автобусе:

- Плохо? Ну, как умею... - меня по плечу хлопнул: - Пока! - и неожиданно ловко и быстро протиснулся к выходу, в тот же момент автобус остановился, двери со скрипом раскрылись. Белов вышел. А тот «критик»... Я его уже и не разглядел потом в автобусной толкучке.

ПОЖЕЛАНИЕ

Александр Цыганов спросил:

- Вы не могли бы помочь Василию Ивановичу получить книги из типографии?

Конечно! Конечно, я могу!

И вот «Нива» Белова стоит у «окна выдачи готовой продукции» областной типографии. Получаем перехваченные жёстким синтетическим шпагатом упаковки. В них, судя по надписи на упаковке, «Рассказы о всякой живности». Подхватываем

с ползущей ленты конвейера пачки и укладываем в багажник машины. Белов, Цыганов, я. Потом едем к гаражу Белова, где-то за «ликеркой». Перекладываем книги в гараж. И тут уж я, грешен, сам попросил у Василия Ивановича книжку. Он стал разрывать упаковку и об шпагат не сильно, но порезал руку. Достал две книжки. Тут же подписал и мне, и Александру Цыганову...

Потом пешком шли в сторону дома Василия Ивановича, и он хвалился: «Я теперь каждое утро зарядку делаю! Вот такое упражнение делаю, и вот такое...» Тут же посреди тротуара и показывал, делал вращения и рывки руками. Люди оглядывались. «Хорошие упражнения?» - добивался от меня Белов (он, как мне кажется, с каким-то особым уважением относился к моим занятиям спортом и тренерской работе). «Хорошие, Василий Иванович, хорошие»...

«Диме Ермакову, с пожеланием хорошей литературной дороги», - написал он в той книжке. Спасибо, Василий Иванович, за пожелание...

ОДНАЖДЫ

Однажды зашёл в помещение Вологодского отделения Союза писателей (три соединенных кабинета на Ленина, 2). Сидит почему-то Василий Иванович, один. Палку в пол упёр и обе руки перед собой на рукоять палки положил. Потому и запомнились его руки, кисти. Небольшие, как ни странно, пухловатые. И на одной (не помню, правой или левой) бледно-синяя старинная накладка: «Вася»...

И так мне стало... Думаю: «Если сейчас не скажу, будет ли ещё случай...» Шагнул к нему: «Василий Иванович, спасибо вам за всё».

Взглянул он на меня светло-голубыми глазами, покачал головой белой:

- Дима, и ты... Мне же стыдно...

«За что же стыдно-то, Василий Иванович?» Не спросил я его... А и не надо об этом спрашивать...

ЗАМОК ОТ ДРЫГИНА

Надо, пожалуй, рассказать и о том единственном случае, когда я был в квартире Белова (я имею в виду - при его жизни, после смерти Василия Ивановича бывал много раз, и ещё до музея, и уже в квартире-музее)...

Так вот, был, кажется, 2004 год. Меня неожиданно пригласили на международную литературную конференцию в Хельсинки. Это отдельная история, о ней сейчас подробно вспоминать не буду. Скажу лишь, что выступал я там с докладом о вологодском прозаике, замечательном русском писателе Михаиле Жаравине, который, к сожалению, очень рано ушёл из жизни. При последнем прощании с ним Василий Белов сказал: «Потеряли писателя, которого я бы поставил рядом с Шукшиным». Оценка чрезвычайно высокая...

Там, в Хельсинки, ко мне и подошла женщина, бывшая советская (или уже российская?) гражданка, давно живущая в Финляндии и, зная, что я из Вологды, спросила: «Вы не могли бы передать Василию Ивановичу Белову небольшой подарок?» И протянула пакетик из твёрдой бумаги с нитяными ручками. Я взял, пообещал, что передам. «Скажите ему, что мы виделись в Верколе, в музее Фёдора Абрамова...» Я не помню, назвала ли она себя...

Вернулся в Вологду... Легко мне было сказать, что передам, но ведь в дом Беловых я не был вхож, вообще старался не афишировать знакомство, не лез к Белову со своими «произведениями»... Мне было достаточно того, что он всегда сам, первый, здоровался со мной, протягивал руку, интересовался делами...

Поначалу я и думал, что передам подарок через кого-то, кто бывает у него дома. А потом решил, что, ну, один-то раз, имея повод, могу я зайти к Белову...

В то время я уже был членом Союза писателей России (с 2002 года), и у меня был список телефонов членов Вологодского отделения Союза. Я решился и позвонил Василию Ивановичу.

Трубку взял сам Белов, услышав, в чём дело, сказал: «Приходи. Я дома». Я, помнится, сразу и пошёл в их дом на улице Октябрьской.

И дверь мне открыл сам Василий Иванович.

Конечно, я думал, что отдам пакет и сразу уйду, но Белов велел проходить, и я не сильно упирался. Удивила меня обширная прихожая... Белов же, запирая за мной дверь, сказал (это помню точно): «Лучшее, что мне осталось от Дрыгина - этот замок». Я оглянулся и увидел какой-то действительно необычный и мощный запор на двери.

Анатолий Семёнович Дрыгин, бывший первый секретарь обкома КПСС, уезжая в Москву, передал эту квартиру Белову - это я знал...

- Проходи, - Белов провёл меня в комнату и усадил в кресло, сам сел в такое же напротив меня... Я не буду описывать комнату, в ней всё было примерно так, как и сейчас в музее...

Василий Иванович заглянул в пакетик и покачал головой:

- Вроде тут что-то спиртное...

- Я не знаю, - ответил я.

То ли я назвал имя той женщины, то ли в пакете была записка...

- Да, я помню, мы с Володей Крупиным ездили тогда на родину Абрамова... Володя очень хороший, - добавил Белов и улыбнулся. - А Фёдор Александрович... Как жалко, - тут он вздохнул и покачал белой головой. Но сразу снова улыбнулся: - Хочешь музыку послушать? - спросил, кивнув на граммофон.

Я отказался. Я, всё-таки, очень стеснялся... О чём-то мы ещё совсем недолго поговорили, и я пошёл. И Василий Иванович проводил меня до двери и пожал руку...

Вроде бы, ну и что тут такого? А всё помнится и помнится, и приобретает, пусть только для меня, всё более глубокий смысл...

ПРОРОК РУБЦОВ И ОГНЕННЫЙ БЕЛОВ

И ещё одна «встреча» с Беловым...

В Вологде проходил традиционный фестиваль «Рубцовская осень». 2018 год. Почётный гость фестиваля - известный актёр Александр Михайлов.

Я в качестве журналиста был на пресс-конференции, посвящённой открытию фестиваля. Это официальное мероприятие стало неофициальным выступлением Михайлова (я не смог побывать на его выступлении в драматическом театре)...

Выступили официальные лица. И вышел вперёд с гитарой замечательный бард Владимир Сергеев и запел: «До конца, до тихого креста...»

Александр Михайлов сначала внимательно слушал, а потом достал мобильный телефон и стал снимать, а потом ещё поинтересовался, где и как можно услышать записи Владимира...

И вот Александр Михайлов говорит:

- Я с волнением слушал эту песню... Всегда охватывает волнение, когда прикасаешься с нашими великими поэтами: Есениным, Рубцовым, Пушкиным, Лермонтовым... Это счастье, что мы рождены в России, вместе с нашими много-страдальными поэтами. Почти всегда их короткая жизнь заканчивалась трагически. Какая-то чудовищная закономерность в том, что они так мало живут... Сегодня я был в музее-квартире Василия Белова, и меня поразила одна деталь...

Я не знал этого... Я был знаком с Василием Ивановичем, был и на последнем его творческом вечере, который проходил в храме Христа Спасителя. Там произошёл удивительный эпизод. Василий Иванович схватил за рукав политика Сергея Миронова. Белов тряс его за рукав и повторял: «Крым, когда Крым, Крым, Крым вернете?..» Кто-то мог подумать, что это бред... Но ведь через какое-то время Крым вернулся к России. Такие люди, как Василий Белов, как наши поэты - это провидцы... Когда-то я прочитал стихотворение Николай Рубцова «Мне лошадь встретилась в кустах...», которое было написано лет шестьдесят назад, оно поразило меня своей провидческой силой. Я его читаю...

И Александр Яковлевич без бумажки, по памяти, прочитал это стихотворение...

*Мне лошадь встретилась в кустах
И вздрогнул я. А было поздно.
В любой воде таился страх,
В любом сарае сенокосном...
Зачем она в такой глуши
Явилась мне в такую пору?
Мы были две живых души,
Но неспособных к разговору.
Мы были разных два лица,
Хотя имели по два глаза.
Мы жутко так, не до конца,
Переглянулись по два раза.
И я спешил - признаюсь вам -
С одною мыслью к домочадцам:
Что лучше разным существам
В местах тревожных -
Не встречаться!*

Это стихотворение «Вечернее происшествие», написанное Рубцовым в середине шестидесятых. Что же в нём увидел Александр Михайлов провидческого? Он не сказал, но ведь мы и так чувствуем, о чём предупреждал нас Рубцов, а чтобы объяснить, что чувствуем, надо, пожалуй, опять Рубцова же и прочитать...

Но вернусь к Александру Михайлову. Он продолжал:

- Вот откуда это у Рубцова?.. На своих выступлениях я прошу об одной маленькой детали, и если просьба не исполняется, мне бывает неудобно. Я прошу, чтобы на сцене была свеча. Любая. Чтобы был живой огонёк, это как мостик между зрителем и мной. И я начинаю со стихотворения «Русский огонёк»...

И он прочитал это стихотворение, которое я не буду здесь полностью приводить. Кое-где артист делал маленькие оговорки, может, и правда путал или забывал слова, а может, даже так и задумано, но с этими ошибками, заметными «знатокам» Рубцова, как-то ещё ближе становится и Михайлов, и Рубцов, и то, что они говорят нам...

- Вот это беспокойство, вот этот огонёк, он, наверное, прослеживается по всему поэтическому ряду Николая Рубцова. Как всё обострено у него. Вот «Взбегу на холм...» - это же опять провидчество, о сегодняшнем дне. Я не исключаю, что скоро снова будет на Руси топот копыт и кровопролитие. Рубцов это чувствовал... Но есть пласт людей, которые не принимали Рубцова при жизни и сегодня не принимают. Это русофобы. Их русофобия достигла таких размеров, что разъединила,

поссорила уже целые народы. Такие люди как Рубцов - провидцы и пророки, их любовь к России, их тревога о её будущем - пронзительны, как стрела... Сегодня идёт атака на нашу молодежь, дебилизация нашей молодёжи. Море трупов и крови на экранах телевизоров, которые ведь выливаются и в жизнь... Даже на канале «Культура» очень редки поэтические вечера, а в основном - непонятные люди, которые работают на разрушение духовных основ. Нужно, чтобы в нашу жизнь вернулись Пушкин, Тютчев, Рубцов...

Вот о чём говорил Александр Михайлов.

Я ещё попросил рассказать, что же, всё-таки, поразило его в музее-квартире Василия Белова.

- Меня поразило стол в его кабинете. На крышке стола есть тёмное пятно, углубление. Оказывается, однажды он прямо на столе стал жечь страницы рукописи, которые ему, видимо, не нравились... Конечно, его родные всё потушили, проветрили комнату... Но представляете, какое отношение к слову! Белов - и языки пламени. Белов, жгущий свои страницы, - это же образ, моментально показывающий человека!

ОДИНОКИЙ ХУДОЖНИК Бесконечное обновление

Я не видел и нигде не читал отзывов на очерк Василия Белова «Дважды в году весна» (возможно, они и были). А мне кажется, это очень важная работа, в которой он задаётся вопросами творчества, творческой личности и многими другими... Очерк философский, многогранный... Написан в 1981 году. И мысли его в этом очерке очень совпадают с тем, о чём он думал и писал в «Ладе», с тем, что будет через несколько лет в романе «Всё впереди»... А потому, что всё творчество Белова - единая дума о человеке, о его предназначении в этом мире. И хотя писал он в основном о русских людях, нет в его думе национальной ограниченности, потому-то и интересно его творчество и в Италии (в 2018 году там издана книга публицистики Белова), и в Англии, и в Японии...

Очерк «Дважды в году весна» - рассказ о поездке в Италию (Рим, Флоренция, Сицилия) по приглашению фонда Монделло. Начинается он с раздумий и воспоминаний в полёте... Знакомство с культурой Древней Греции и Рима в деревенской школе; учительница (и директор школы) Фауста Парменовна Замыслова, рассказывавшая об античных героях; раскрашивание картинок с бюстами древнегреческих героев в учебнике... Всё узнаваемо - в жизни почти каждого человека было что-то подобное...

«Разглядывая с высоты девяти километров коричневые балканские разветвления и голубые адриатические полотнища, я вновь переживаю восторг детства, снова живу чем-то подобным, таким же голубым, но не морским, а небесным, таким же золотистым, только не таким объяснимым. Восторг исчезает, когда начинают его объяснять. Я могу лишь раствориться в нем, в этом весеннем утре, еще перечислить то, что его составляет, да ведь даже и не перечислишь всего. Врезалась в сердечную память молодая, еще не седая от горя мама, веселый отец, братья и сестры, непостижимо большое синее небо, поющие вокруг петухи, крики сверстников, синие омота нашей речки, трава, вкусные пироги, новая красная ластиковая рубашка. Сотни, тысячи других ощущений... И все это объединилось одним беспричинным восторгом... <...> Конечно, то, что за неделю-две можно

побывать во всех европейских столицах, на первый взгляд представляется грандиозным достижением человечества. В детстве я даже и не мечтал о том, что увижу когда-нибудь Париж и Варшаву, Лондон и Рим, Хельсинки и Стокгольм. Все это было вполне несбыточным, фантастическим. И тем не менее все это произошло, произошло не во сне и не в грезах, а наяву. Счастлив ли я от этого и почему не ощущаю этого самого счастья, если счастлив? Ведь А. С. Пушкин, например, нигде дальше нынешней Молдавии не бывал. С другой стороны, современному поэту, объехавшему, по его словам, более сорока стран, никогда не бывает Пушкиным...»

Вот так всегда, начнёшь цитировать Белова и не знаешь, где остановиться. Всё - важно!

На подлёте к Риму Белов видит прекрасный пейзаж и тут же кладбище автомобилей: «...Я уже видел нечто подобное и раньше, например, в Англии, да и на родной Вологодчине уже появляются подобные кладбища из тракторов и комбайнов. Но почему-то именно здесь, при въезде в Рим, меня особенно поразили эти павшие «шевроле», «мерседесы», «кадиллаки», «бенцы» и всякие «бьюики». Да, кажется, и наша «Лада», пусть и не во множестве экземпляров, но тоже сподобилась подобного финала. Я попытался представить, сколько же было затрачено времени, руды, интеллектуальной энергии, каучука, терпения, нефти, пота, сколько было мозолей и ссадин на руках человеческих, чтобы создать всю эту бездну железных, ныне бездыханных существ. И у меня ничего не вышло...»

И вот прилетают в Рим, где встречает пассажиров первая для них в этом году весна.

Колизей, Тибр, купол собора святого Петра... Туристы знакомятся с городом и, как это часто бывает, ожидания не совпадают с реальностью.

«Ощущение величия удивительных памятников приходит позднее, когда начисто отрешисься от «размерного» восприятия... Оно представляется мне признаком (разумеется, не единственным) неразвитого вкуса, помогающим замораживанию первоначальных художественных возможностей, признаком количественного подхода к искусству. Как нравственно ограниченный человек ошибочно принимает технический прогресс за прогресс вообще, так и ограниченный эстетически частенько путает художественность с грандиозностью. Впрочем, хорошо развитое чувство прекрасного подразумевает обычно и высокую нравственность».

В искусстве важна не свобода, а соразмерность. Пример такой соразмерности - собор святого Петра, строительство которого завершал Микеланджело.

«Собор строили несколько архитекторов. Для каждого из них важнее размеров была соразмерность, то есть соответствие частей, единство целого. Иначе бы собор не существовал в настоящем виде, вернее, не был бы достроен Микеланджело. Уже на склоне лет, после многих поистине титанических трудов и подвигов, свершенных во имя божественного искусства, он связал свою судьбу с этим собором. Душа великого флорентийца, вероятно, страдала при виде начатого, едва продвигавшегося строительства... Он спешил, боясь умереть прежде, чем собор не приобрел основных пропорций. После этого сооружение было бы уже невозможно испортить...»

Цельность личности, цельность таланта, стремление к законченности - вот что, по мнению Белова, необходимо в творчестве. (И я абсолютно согласен с ним). В Евангелии от Марка сказано: «Если царство разделится само в себе, не может устоять царство то; и если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот». Душа художника - дом и царство его таланта.

Не забыл Белов и Гоголя (вспоминается начало «Канунов», так перекликающаяся с гоголевской «Ночью перед Рождеством»): «Почему Н. В. Гоголь так любил этот город, в чем для него было главное очарование? Может быть, за отсутствие готики с ее рационализмом и аскетической сухостью? Или за известное сходство итальянского национального характера с русским? Неизвестно. Посвяительство не на каждую тайну уживается с нормальным нравственным чувством, праздное любопытство так же безжизненно, как и праздное слово, праздное время. То, что великий писатель был восхищен Римом, ясно видно хотя бы из его не очень удачного очерка. Может быть, от невыразимости этого очарования автор не устерел меру своего восторга, почувствовал это и не закончил рукопись. Проза эта среди других гоголевских произведений выглядит примерно так же, как апсидный престол Бернини в соборе Петра...

Увы, не такое. Мертвую схему давних и новейших «гениев» не оживят ни перекидные мостики, ни амортизирующие прокладки. Жалкие потуги абстракционизма стать законным преемником классического наследия ничем не кончаются, они только лишний раз обнажают его творческую несостоятельность».

Из Рима туристы переезжают во Флоренцию. Белов рассуждает об этом городе и его знаменитых уроженцах и жителях: «Не знаю, как в других странах, но у нас, пожалуй, никто из них, кроме, может быть, Леонардо да Винчи, еще не оценен по достоинству. Массовому читателю и массовому зрителю почти ничего не известно о Флоренции, например, дантовского периода. Ученые люди не знают, в какую графу поставить Савонаролу: с одной стороны, вроде бы обличитель, с другой - как будто религиозный фанатик. Не лучше ли промолчать? С Макиавелли - та же история, а о Марсилио Фичино толкуют лишь узкие спецы...» Вот тут и подумаешь: а откуда Василий Белов-то знает этого Марсилио Фичино («википедии» в то время не было)? И многие ли из тех, кто записывал Белова в «деревенщики» и утверждал, что его удел - бытописание деревенской жизни, знают этого человека?..

«...Нет, стремительный бег по удивительным залам галереи Уффици почти ничего не дал душе. Это все равно что чтение Толстого по диагонали. Кошунственно заходить в такие места всего лишь на полчаса, ничего, кроме горечи, не остается от таких посещений. Но когда исчезают досада и горечь, то оказывается, что даже такое короткое пребывание в этой галерее не остается бесследным. Именно здесь, в эти минуты, я понял одну, очень простую истину. Что бы там ни говорилось по поводу ханжества, но целомудрие по-прежнему один из главных признаков одухотворенности художественного образа. Доказать эту мысль можно самым простым способом: сравнением, созерцанием одинаково талантливых изображений обнаженной и необнаженной натуры. Чем талантливее скульптор или живописец, тем слабее его влияние на низменные инстинкты. К сексу взывает, вероятно, лишь в жестоких сомнениях в своем таланте, отчаявшись в своих духовных возможностях, либо вполне намеренно, в каких-либо недостойных и тайных целях».

Повторю: целомудрие - один из главных признаков одухотворенности художественного образа.

...Из Флоренции группа советских туристов возвращается в Рим и едет на поезде в Сицилию...

Осматривая многочисленные сицилийские древности, Белов вспоминает родную Вологодчину, Спасо-Каменный монастырь в Кубенском озере: «Здесь,

на Сицилии, мне вспоминается разговор, происходивший несколько лет назад на острове Спас-Камень Кубенского озера. Собор Спасо-Каменного монастыря - архитектурный шедевр XV века, взорванный динамитом в начале 30-х годов, лежит на вологодском острове могучими монолитными глыбами. На глыбах явственно различимы абсидные закругления и другие архитектурные детали. Обсуждая щепетильную проблему восстановления памятника, один из представителей Всесоюзного общества охраны памятников предложил подогнать земснаряд и замыть, законсервировать для будущего руины собора, чтобы они перестали разрушаться от солнца, ветра и влаги. А у потомков, дескать, и денег будет больше, и желания восстанавливать...

Интересное дело: относительно архитектуры даже воинствующий вандализм иногда просто бессилён, поскольку уничтожение монументального сооружения вручную - дело отнюдь не лёгкое. Если иконы и книги можно сжечь, то для разрушения архитектурного памятника нужны почти те же физические усилия, что и для его последующего восстановления. Разница только в том, что при уничтожении не требуется интеллектуальной, а творческая энергия и вовсе лишняя. Отчасти благодаря всему этому мы и имеем сегодня возможность общаться с памятниками практически домонгольской (XI - XII вв.) Руси. <...> И там, и здесь, на Сицилии, мне думалось об одном и том же. Какая сила переборет в человеке и в обществе? Созидающая или разрушающая? Очнутся ли, наконец, люди, и когда мы в прямом смысле перекуем мечи на орала? Когда нейтрализуем мы страшную ядерную злобу, накопленную в тысячах бомб и снарядных боеголовок? А может, уже и невозможно нейтрализовать? Неужели в труде, в искусстве, в созидании соревноваться страшнее и неприятнее, чем в гонке вооружений? По-видимому, для многих людей (людей ли?) действительно труднее».

Повторю вопрос Белова: когда мы, люди, если мы люди, «перекуём мечи на орала»? Когда будем соревноваться в труде и искусстве, а не в вооружении и войне? Тут скажу ещё - надо, наверное, не соревноваться даже, а просто трудиться на своём, Богом данным, месте... Только надо это место найти, а то ведь сколько страданий (а может, и войн) от того, что человек не на своём месте, не своим делом занимается...

...И дальнейшие рассуждения автора: «Итак, в 1981 году я встречу весну не менее двух раз... Относительность времени, его странная зыбкость наводит на мысль о постоянстве и о надёжной цельности искусства, о его универсализме и глобальности в человеческой жизни. Разве не формирует, например, архитектура не только эстетику, но и нравственность? У жителей Суздаля и Череповца вполне разное отношение к некоторым нравственным проблемам. Психология живущего на 20-м этаже значительно отличается от психологии живущего в доме одноэтажном.

Только в искусстве может существовать «компенсация», та взаимозаменяемость, та жанровая взаимовыручка, при которой так или иначе жажда прекрасного в человеке не останется неутоленной...».

И здесь выделю мысль Белова: искусство постоянно, цельно и универсально. Архитектура, например, формирует не только эстетику, но и нравственность. В искусстве существует жанровая взаимозаменяемость, при которой так или иначе жажда прекрасного в человеке не останется неутолённой.

И пейзаж от Белова, подтверждающий, что и сам он великий художник, имеющий право на своё мнение об искусстве и творчестве: «... мы ночевали в тихой

гостинице курортного городка Термина. Часов в пять утра я вышел на открытую площадку, служившую крышей первому этажу, и просидел в качалке до первых ударов церковного колокола. Они раздались в тишине так неожиданно, так близко, так ясно и чисто, что я окончательно очнулся от зимнего состояния и всерьез почувствовал весну, зелень, горную свежесть и солнечное тепло.

Круто внизу серебрилось море, а далеко вверх уходили скалы, облепленные гостиницами и коттеджами. Справа ясно и четко громоздилась зеленовато-серая Этна, украшенная в распадах и ближе к вершине серебристым снегом. К подножию ее лепились поселки, обрамленные рощами цитрусовых. Оранжевые мазки этих рощ скрадывались яркой синевой неба, а на фоне этой синевы, словно черная весть о самой преисподней, плыли копоть и пар вулкана...»

И наконец, возвращение в Рим и ещё одна встреча с Микеланджело: «В Сикстинской капелле настигает тебя стыд, начинает мучить совесть. Появляется желание немедленно приняться за дело... И, глядя на эти фрески, вспоминая все, что он создал, ощущаешь заниженность своей собственной задачи. Совесть заставляет зрителя снова пересмотреть, и расширить, и усложнить ее, эту задачу...»

Вместе с тем встреча с таким искусством, и восторг, и весенняя радость, вновь убеждают, что только оно, только искусство способно на бесконечно повторяющееся обновление».

ОДИНОКИЙ ХУДОЖНИК (читая И. А. Ильина)

Случай уникальный - Белов выступил автором предисловия, составителем и автором примечаний к тому избранных статей философа Ивана Ильина. Это говорит о той важности, которую придавал Василий Белов этому мыслителю. Книга «сделана» Беловым для московского издательства «Искусство» и издана в 1992 году.

В предисловии Белов пишет о том, с каким трудом возвращались труды русских мыслителей, и в их числе Ивана Ильина, в Россию.

«Я всегда ощущал смутное чувство обворованного. Не исчезает оно и теперь, когда стало вполне осозанным. Особенно во время чтения Ивана Александровича Ильина...»

Всю жизнь моему поколению выдаются некие ограниченные порции культурно-исторической информации. Негласный запрет на культуру и даже на историю действует и теперь. Иначе мы давно бы знали публицистику, например, Солоневича, философские труды Лосского, Левицкого и т. д.

В начале 60-х годов я учился в Москве. Помнится, библиотекаряша Литературного института не выдала мне том Достоевского с «Дневником писателя». Сослалась на какой-то запрет свыше... И все-таки многие уже читали и Достоевского, и Соловьева. Шли разговоры о Леонтьеве, Бердяеве, хотя книг не было. Пошла мода на Н. Фёдорову... Заговорили наконец об о. Сергии Булгакове и об Павле Флоренском.

«Нам как бы выдавали по грошику из грандиозной, веками копившейся русской философской казны!»

И я вот думаю: сегодня «казна» эта распахнута настужь, можно прочитать любого из названных Беловым писателя или философа... Многие ли читают?

Запрета нет, но нет и желания... Хотя сам факт, что при желании можно взять и прочесть, конечно, положительный.

...Предисловие Василий Белов заключает словами: «Ныне мы просто не сможем обойтись без его книг. Не надо ступать на ощупь, надо знать то, что уже есть, что создано задолго до нас. У И. А. Ильина имеются ответы на самые трудные вопросы, им разработаны не только религиозные, философские, идеологические, то есть стратегические, но и тактические пути и способы нашего государственного и духовного возрождения».

Первая статья «О чтении и критике», первая главка - о писателе и читателе.

«Когда художник творит свое произведение, то он втайне мечтает о «встрече». Как бы ни был он замкнут, одинок или даже горд, он всегда надеется на то, что его создание будет воспринято, что найдутся такие люди, которые верно увидят или услышат его слово и понесут его в себе. И может быть, даже самые одинокие и замкнутые мастера с особой нежностью, с особым трепетом думают об этой желанной предстоящей «встрече» полного «понимания» и «одобрения», - и потому, может быть, и замыкаются в себе, что жаждут этой «встречи»; и потому, может быть, заранее приучают себя к мысли о «неизбежном» одиночестве и не надеются на ее возможность...».

«... читатель должен сам расшифровать доверенное ему... произведение... Он призван сам исполнять, воссоздать, увидеть и постигнуть их; и тем самым - как бы принять протянутую руку автора...».

О таком читателе (не потребителе, а творце) мечтает, наверное, всякий настоящий автор. Мечтал, думал о таком и Белов... Дождался ли?.. Конечно, были и есть у него настоящие читатели-со-творцы, но как же доставалось ему от читателей-потребителей (мало что не читали и не читают они Белова толком, так ещё и задеть норовят и до сих пор - сталкиваюсь с этим, видя в интернете отзывы на мои статьи о Белове).

Но дальше - вместе с Беловым читаем Ильина...

«Писатель ведет и показывает; а читатель призван идти за ним и верно видеть именно то самое, что старается показать ему писатель. И желанная встреча состоится только тогда, если это удастся. Для того чтобы это удалось, читатель должен доверчиво раскрыть автору всю свою душу... Это нелегко, но это необходимо».

Вторая главка - о писателе и критике.

Ильин пишет: «Художественный критик должен быть на высоте, прежде всего, как читатель: он должен искать художественной «встречи» с писателем... Однако критик не может этим ограничиваться. Он больше, чем просто читатель: он художественно-аналитический читатель. Он должен пройти от слова через образ к предмету, и обратно - от предмета через образ к слову, - не только интуитивно, чувством, воображением и волею, но и сознательной мыслью».

О таком критике мечтал Белов. И такие критики у него были, например, Юрий Селезнёв. Были, к сожалению, и другие - критики-потребители, привыкшие рассматривать творчество писателя как поле для выражения своих взглядов, своего согласия-несогласия с писателем. Такие критики - не глубоки, часто - не умны (хотя есть и злоумные), но кусают больно...

А в конце статьи Иван Ильин даёт определение русскому искусству: «Искусство в России родилось как действие молитвенное; это был акт церковный, духовный; творчество из главного; не забава, а ответственное деяние; мудрое пение или сама поющая мудрость».

«Для русского художника, не выветрившего эту русскую классическую традицию, но соблюдающего ее вживе, в искусстве существенно не удовольствие, не развлечение и даже не просто украшение жизни, но постижение сущности, проникновение в мудрость ...».

Конечно Белов-читатель, Белов-критик предшествовал составлению этого сборника. И он был именно таким настоящим читателем и критиком, о которых писал в этой статье Иван Ильин.

Следующий большой раздел сборника - «Пушкин», включающий в себя несколько объемных статей, из которых приведу лишь несколько цитат...

«... Пушкин не идеализировал русский строй и быт. Но, имея русскую душу, он из самой глубины ее начал вслушиваться в душу русского народа и узнавать ее глубину в себе, а свою глубину в ней».

Не мог Василий Белов не отозваться сердцем на такие слова. Он и отзывался, и хотел делиться ими с русскими людьми, потому и согласился, отложив свою работу, взяться за составление сборника.

«Пушкин, как никто до него, видел Россию до глубины. Он видел ее по-русски. А видеть по-русски - значит видеть сердцем. И он сам знал это; потому и написал: «Нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви». Но именно силою любви он и мог разрешить свое великое задание.

Это задание состояло в том, чтобы духовно наполнить и оформить русскую душевную свободу, - и тем оправдать ее религиозно и исторически, и тем указать ей ее пути...

Вот она, эта цель: жить в глубочайшей цельности и искренности - божественными содержаниями - в совершенной форме...

Свобода - вот воздух России, которым она дышит и о котором русский человек всюду тоскует, если он лишен его...».

...Можно множить цитаты из книги Ильина, составленной Беловым, но я ограничу себя последней большой цитатой из эссе «Одинокий художник», ведь слова эти обращены автором ко всем русским художникам, и Василий Белов не мог не относить их и к себе:

«Художественное одиночество величаво и священно тогда, когда поэт творит из подлинного созерцания, недоступного по своей энергии, чистоте или глубине его современникам. Быть может, воображение его слишком утонченно, духовно и неосвязаемо. Быть может, сердце его слишком нежно, страстно и трепетно. Или - воля его непомерно сильна и неумолима в своем законодательстве. Или - мысль его более мудра и отрешенна, чем это по силам его современникам. Внять голосу молящегося художника - не может поколение, предающееся хладному безбожию мещанства или неистовому безбожию большевизма. Материализм во всех его формах и видоизменениях отучает людей от духовного созерцания. Художественная форма, завершенная и совершенная, не даст радости поколению, которое упивается революционной недозволенностью. Стихия бесстыдства не отзовется на стихию целомудрия. Безответственный не найдет в себе отклика для созданий, несомых чувством ответственности. Пребывающий в соблазне и наслаждающийся им - не услышит песен несоблазненного духа.

Не услышит и не отзовется, пока не придет час обращения и очищения, час, обозначенный у Пушкина светозарными словами:

«Прости, - он рек, - тебя я видел,
И ты недаром мне сиял;

Не все я в небе ненавидел,
Не все я в мире презирал».
(«Ангел»)

А до тех пор истинный художник будет одинок - во всем своеобразии своего художественного акта...».

ДОРОГА НА ВАЛААМ

По-видимому, Создатель долго, осторожно и, может быть, бережно пробуждал мою совесть, понемногу приближая к себе: сперва болью за крестьянскую участь, жалостью к матери, затем юношеской, с шестого класса не умирающей любовью к одной землячке. Далее моя жизнь украсилась интересом к русской деревянной архитектуре, к сочинительству, к хору Юрлова и к «Черным доскам» Вл. Солоухина. И вот явились на моем пути книги Иоанна Лествичника и св. Игнатия Брянчанинова. Такими ступеньками и притопал я к первой в моей жизни исповеди. Но как долго пришлось подниматься!

Василий Белов

Начинается очерк «Дорога на Валаам» с публицистики политизированной и раздражённой. Ещё бы, ведь Белов вспоминает кровавые события осени 1993-го...

Тогда, вырвавшись из Москвы, он, как обычно, искал покоя в родной Тимонихе. Там и написал это стихотворение:

*О Боже мой!
В тиши лесов,
В безлюдье дедовских угодий
Убереги от праздных слов
И от назойливых мелодий.
От суеты и злобы дня
Спаси и впредь, спаси меня.*

*Покуда в душах ералаш
И демократы жаром пьшут,
Я обновлю колодец наш
И починю родную крышу.
Не дай устать моим рукам,
Еще - прости моим врагам.*

*От всяких премий и наград
Убереги в лесу угрюмом...
Но вечевой Кремля набат
Не заслони еловым шумом!
...Не попусти сгореть дотла,
Пока молчат колокола.*

Он уже торил свою тропинку к вере, но боль за Родину всё ещё отзывалась более раздражением, чем мольбой.

Василий Иванович Белов на Валааме. Фото Валерия Страхова

Далее в очерк полностью включено его «Слово к Москве»... «Уже много раз слышал от московских друзей и единомышленников упреки русскому народу, дескать, что с него возьмешь? Его морят голодом, морозят, обманывают, а он все равно голосует за своих обманщиков и предателей. Ну, во-первых, не всегда... Во-вторых, давайте разберемся, кто кого предал: народ ли Москву или Москва предала русский народ?» и т. д.

Известно, что в иные моменты чем громче голос (именно физически громче), тем менее он слышен. И тогда надо перейти на шёпот, а может, и замолчать физически, но возопить сердцем...

Белов решил, наконец, поехать на Валаам. А для этого сначала поехал в Санкт-Петербург (как он пишет - впервые ехал не в Ленинград, а в Петербург). «Между тем поезд неумолимо приближался к Питеру... Чувалась близость промышленного, видимо, не до конца придушенного и разворованного гиганта: маячили кое-где фабричные трубы, проплывали жилые многоэтажки, высоковольтные мачты, какие-то полуразваленные пакгаузы и склады. Все это перемежалось болотной зеленью, кустами и травами, обширными болячками городских свалок.

И враз повеяло на меня грустью чухонских болот, воспетых русской поэзией...

Но куда же движется наше бедное человечество - то самое, которое так активно стремится к научно-техническому прогрессу, то самое, которое с такой напористой мощью строит заводы и всякие железные и бетонные штуки вроде чернобыльского саркофага, не замечая ужаса и мерзости грандиозных городских свалок?»

Вспоминаются здесь мне и его, Белова, 1981 года рассуждения при виде кладбища автомобилей вблизи Рима. Думается и о сегодняшних (2019 года) проблемах свалок, вышедших уже на первое общегосударственное (да и общемировое) место. Белов предвидел это, предупреждал. Не услышали - получили нынешние «мусорные бунты»...

И этот внешний мусор оборачивался и «мусором внутренним», вот и ехал Белов почистить от него душу...

В Санкт-Петербурге, преодолевая раздражение городом - толкучка, жара и т. д., он, наконец, добирается до подворья Валаамского монастыря. Ожидая настоятеля подворья о. Панкратия, читает в газете статью Николая Коняева о возвращающейся в Россию иконе Тихвинской Богоматери и вспоминает свою срочную армейскую службу под Ленинградом, в Красном Селе, возвращение из армии на родину, найденную в сенном сарае Тихвинскую икону Богоматери. «Я увез икону сначала в Тимонику, позднее в Вологду и всего лишь как живопись повесил над своим рабочим столом. (Помнится, работал тогда с рукописью романа «Всё впереди»)». А ведь это не случайно - работал над злободневным, почти публицистическим романом - и получил знак из вечности...

И стал свидетелем попытки окончательно разрушить церковь неподалеку от Тимоники, стоящую на берегу Сохты.

«Однажды меня поразило странное действие моих земляков. Куча каких-то удобрений, какая-то дрянь из железа и проволоки, птичий помет, озеро синее в широких зияющих церковных прогалинах. Два мощнейших трактора тросами пытаются растащить остатки летнего, как я считал, Никольского храма, чтобы обрушить стены и купол. Здесь я учился когда-то в первом и втором классах. Двухэтажный, он давно был без креста, наполовину без крыши. Стоял с разломанными оконными проемами, как бы «изба на курьих ножках», обреченно, покорно... <...> Даже разрушать они не умели... Меня что-то кольнуло в сердце, я не стал ругаться ни с механизаторами, ни с начальством, но вдруг неожиданно для себя решил спасти церковь от разрушения. Вовсе мой кошелек не был тугим! Вначале даже и не мечталось о дверях и окнах. Заложить хотя бы зияющие проломы, спасти остов бывшей моей школы. <...> Теперь мне кажется действительно чудом то, что с помощью трех-четырех моих друзей мы заложили проломы. Оштукатурили, побелили... Крест водрузил я дубовый самодельный, на старых растяжках. Пол тоже стелил в одиночку. Тяжело было вставлять железные кованые решетки, но и с этим почему-то справился без помощников. Кое-какие оставшиеся кровельные недоделки помог устранить москвич Александр Саранцев, приобретенную в Литфонде старую люстру привез из Москвы старый мой друг Анатолий Заболоцкий. Так постепенно дошли до освящения престола. Для иконостаса я снял с моей деревенской стены икону, сохраненную покойным Василием Анатольевичем Задумкиным из деревни Горка. Икону Спасителя отреставрировал и подарил вологодский художник Валерий Страхов, он же хлопотал о дверях и оконных рамах. Престол, иконостас и жертвенник мастерил я, а два великолепных подсвечника подарили храму братья Михаил и Петр Хлебниковы, живущие в США (из Москвы их привез опять же Толя). Сосуды благословил владыка Виктор, в Москве. Тихвинская Богоматерь, найденная мною в сенном сарае, все это время оставалась в Вологде. Не благодаря ли ей наши дела двигались без всякой задержки? Лишь недавно, уже после освящения престола в честь Николая Мирликийского, после многих служб я узнал, что престол-то в восстановленной нами летней церкви был испокон веку в честь иконы Тихвинской Богоматери... Не знал, не ведал об этом. Забыли про этот факт и все наши старожилы, в том числе и жители деревни Тимоники».

Наконец, Белов встречается о. Панкратием, получает его благословение, трапезничает с монахами. «За одно лето в этом 1996 году судьба несколько раз приводила меня в стены православных монастырей.

Во-первых, в московский Сретенский. (Помнится, отец Тихон вместе с Толей Заболоцким, еще будучи послушником, приезжал в гости в Тимонию.) Никогда не забуду православный женский монастырь св. Феклы в Сирии. Как сейчас вижу узкую каменную щель в неприступной скале. По преданию, скала раздвинулась, пропуская сквозь себя сирийскую девушку, убегающую от язычников. Печь патриарша в Сербии - монастырь древнейший в живописных горах на границе с мусульманской Албанией. Восстанавливаемая в Пензенской области женская обитель. И, наконец, сегодня, 1 августа, я очутился в преддверии Валаама.

...Спросил я отца Панкратья, кто из писателей и когда посетил Валаам, не бывал ли там Александр Пушкин. «Нет, - говорит настоятель, - Пушкин на Валааме не был. Бывали в монастыре Лесков, Шмелев, Зайцев». Я, конечно, читал превосходные очерки Шмелева и Зайцева о поездках на острова, но меня сильно интересовал вопрос о знакомстве с Александром Пушкиным моего земляка святителя Игнатия (Брянчанинова). В прекрасной книге Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение» помещены все пушкинские знакомцы. Однако братьев Брянчаниновых там нет. Между тем в жизнеописании святителя сказано: «...Родственные связи ввели его в дом тогдашнего президента Академии художеств Оленина. Там, на литературных вечерах, он сделался любимым чтецом, а поэтические и вообще литературные дарования его приобрели ему внимание тогдашних знаменитостей литературного мира: Гнедича, Батюшкова и Пушкина. Такое общество, - продолжает биограф, - конечно, благотельно влияло на литературное развитие будущего писателя.

Преосвященный Игнатий до конца жизни сочувственно отзывался о советах, какие ему давали тогда некоторые из этих личностей».

Всё это продолжение размышлений Белова о неразрывности слова «духовного» и «литературного».

«... жизнеописание прямо называет св. Игнатия писателем. А разве не о писательском даровании свидетельствуют такие сочинения, как «Дума на берегу моря», «Древо зимою» и «Сад во время зимы»?

Конечно же, св. Игнатий был писателем. В молодости он наверняка близко знал Александра Пушкина. Каковы были их личные отношения? Когда и почему русская литература разделилась на два плохо соприкасающихся потока? Противостоит ли писатель Александр Пушкин писателю Игнатию Брянчанинову? Неправомерным, во многом искусственным представляется мне такое противопоставление!.. Если же русская литература действительно разделена на две части, то опять приходит на ум дьявольская формулировка: «Разделяй и властвуй».

Наконец, вместе с попутчиком, питерским семинаристом Виктором, сначала едут в поезде до Сортавалы, а потом и плывут на Валаам...

И Белов снова приводит большую и отнюдь не случайную цитату:

«Великолепна буря на Ладожском озере, когда при ясном небе, при сиянии солнца порывистый ветер передвигает влажные холмы на поверхности глубокого, широкого озера. Эта необъятная поверхность вся усеяна холмами лазуревого цвета с белоснежными, серебристыми гребнями. Смятенное бурною озеро представляется одушевленным.

...Ветер был очень свежий, быстро неслись под небом белые облака отдельными группами, как стада птиц, совершающих свое переселение осенью и весной. Величественна буря на открытом озере; и у его берегов она имеет свою краску. Там свирепые волны - в вечном споре с ветрами гnevаются, грозно беседуют между

собою, а здесь она - в ярости на землю, с замыслом дерзновенным. «Смотрите, как лезет волна на берег», - говорил сопровождавший меня Коневский старец. Точно, волна «лезет» на берег. Это прямое выражение действия. И лезет она с упорством не только на берег отлогий - на огромную скалу гранитную, стоящую отвесно над бездною, от начала времен мира смотрящую спокойно на свирепые бури, как на детские игры. На сажень, на две сажени подымается волна по скале и в изнеможении падает к ее подножию в мелких брызгах, как разбитый хрусталь; потом снова начинает свою упорную, постоянно безуспешную попытку».

Неискушенный читатель ни за что не догадается, что описание бури принадлежит св. Игнатию. Знал ли и сам Белинский, кому из его современников принадлежали эти строки? Если великий критик и читал их, то, наверное, постарался не заметить, отбросить прочь. А ведь они и по духу, и по языку, и по самой обязанности родственны Пушкину, Тютчеву, Гоголю. И всей русской литературе. А разве сама-то литература не родственна и по языку, и по духу творениям таких людей, как святитель Игнатий? Не один ли народ породил всех этих писателей? Но никто не задумывается над таким интересным фактом. Вот и я зарисовку о буре прочитал всего лишь год назад и не знал, что писал ее православный святитель. Как не знал и того, что на Валаам приезжали не одни цари и наследники...»

И вот Белов на острове:

«Небольшая келья с дровами и печкой, опрятная кровать, чайник, стол и ведро с водой. Прекрасно, мне больше ничего и не надо! (Витю, моего спутника, поместили в общежитие).

Что может быть лучше одиночества на Валааме в теплую, почти осеннюю пору, в тишине и при солнышке, когда у тебя есть время одуматься, что-то прочесть, что-то записать, благоговейно припомнить что-то самое главное и давно позабытое?

Первым моим желанием было затопить печь, что я и сделал (помните: «Итак, печи были протоплены...» - зачин его эссе «Душа бессмертна» - Д. Е.). Когда она протопилась, я закрыл трубу и отправился в лес. Ориентируясь на синюю бухту, чтобы не заплутаться, пошел по дороге, свернул на тропу. Вода, лес и скалы. Тихо, тепло. Коровы пасутся. Под ногами в траве черника, даже поздняя августовская земляника. Суета и сердечное смятение не тотчас от меня отступились, не сразу исчезли тревоги, и не в тот же миг посетили меня благие мысли - нет, душевная ржавчина отпадала на Валааме по малым частям, не за один день. Я углубился в лес, долго искал, где присесть. Сменил три места, мне не сиделось. Какие запахи, какие звуки и какие пейзажи обступали меня! Воздух, насыщенный озоном, пахнувший сосновой иглой, совсем сморил. Но, улегшись в траву, я не сумел подремать.

Черничная полянка и придорожная земляника напоминали далекую, запредельную пору детства. Высокие сосны, замшелые камни и пни, прихотливые дорожки и тропы. Иягоды. И синие спокойные воды в заливе. Я очнулся от густого звука - от удара монастырского колокола».

Вот он попадает в скит старца Рафаила: «Хотелось мне о многом спросить отца Рафаила, но времени оставалось совсем немного. Он дал мне все же несколько духовных советов, высказал несколько пожеланий. Кротко и ненавязчиво. Он осторожно развеял мои горькие раздумья по поводу греховности литературных трудов. На пользу ли такие труды? Церковь не очень-то жалуется, например, театральную, лицейскую деятельность. Может, та же участь постигнет и нашу литературу? Вспомним на миг пословицу: «Глупый погрешает один, умный

соблазняет многих». Быть может, и мне на закате жизни станет стыдно за свои писания, кто знает...

Поговорили мы с отцом Рафаилом и об экуменической ереси, так сильно и так незаметно проникшей в современное Православие. Старец назвал эту ересь главной бедой России... »

... Белов покидает архипелаг, делая вывод: «На Валааме есть всё. Древность русской истории, камни и скалы, чистейшая, необозримая вода, хвойный и лиственный лес. И вновь теплится на этих островах вера Христова!»

Но очерк на этом не оканчивается: автор снова попадает в городскую суету, в совсем другие, нежели на Валааме, отношения и вновь становится публицистом: «На вокзале, уезжая из Санкт-Петербурга, обнаружил в кармане неиспользованные жетоны для междугородного телефона. Чтобы они не пропали, предложил их первому встречному. Тот, кажется, испугался - и подальше, подальше от меня. Второй тоже: «Куда мне их?» Третья - девушка - тоже не хочет брать. Нищих полно в Питере, а жетоны не берут. Но я же от чистого сердца, чтобы не пропали! Не может быть, чтобы вон хотя бы тот мужчина никогда никуда не звонит по междугородному. Ему бы пригодились.

После четвертого обращения я бросил в урну горсть жетонов и побежал кходящему поезду. Вскочил в вагон чуть ли не на ходу...

Нет, если и сформируются в России когда-нибудь подлинные сословия (так необходимые для всероссийского собора), то пусть начинается это формирование с монашеского сословия. Глядишь, дойдем и до офицерского, и до крестьянского. Чем больше их будет, сословий-то, тем лучше.

Конечно, бомжи с банкирами - это никакие не сословия...»

Путь Василия Белова на Валаам - это его путь поиска веры, укрепления в вере, соблазнов и борьбы с соблазнами. Но и путь укрепления в творчестве. Были ведь мысли о «греховности» писательства. И мысли эти были развеяны старцем... И там, видимо, пришло окончательное понимание неразрывности в русской культуре и всей русской жизни литературы духовной и светской. Только их единство и может приводить к высшим образцам творчества...

СЛУШАЯ СЕРДЦЕМ

*Как музыке себя извлечь
Из пустоты, безмолвья, камня,
Чтоб звуки превратились в речь,
Калёную в огне исканья?
Как нам озвучить этот мир...*

Сергей Хомутов

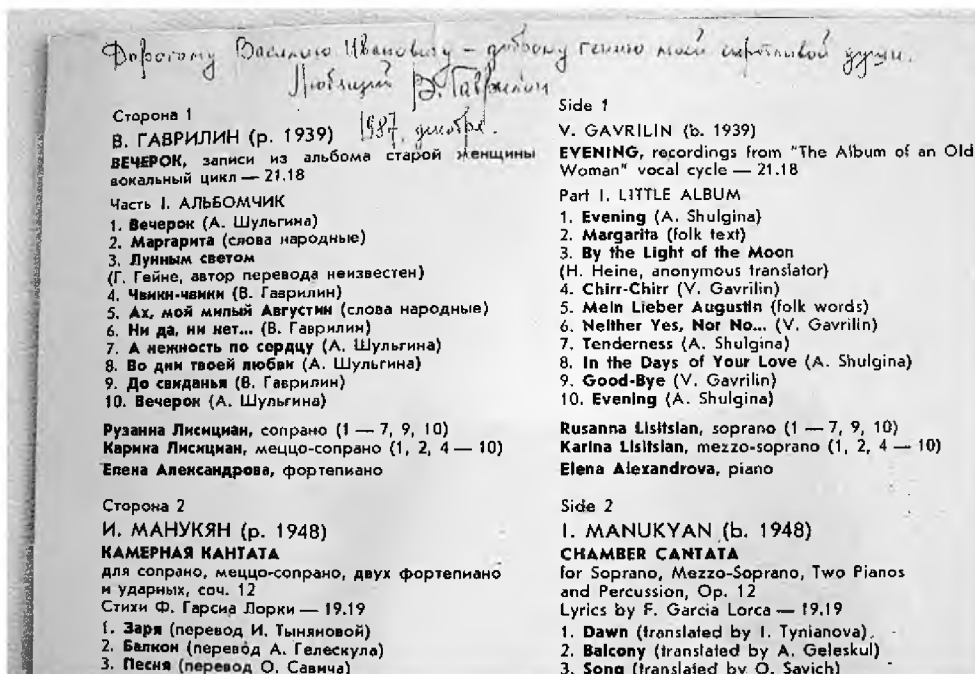
(Из книги «Огонь, несущий свет»)

Строчки, поставленные эпиграфом к этой главе, поставлены и Беловым эпиграфом к одной из глав повести «Голос, рождённый под Вологодой».

Музыка «извлекает себя» посредством человека, способного сначала услышать её, а потом и передать другим. То же самое можно сказать и о слове - слово посылается в мир Словом через человека. Гаврилин и Белов - именно такие люди, через которых даётся нам музыка и слово...

Василий Белов в гостях у Валерия Гаврилина

Дарственная надпись, сделанная Валерием Гаврилиным на конверте диска с записью его музыки, который композитор подарил любимому писателю

... Был дождливый август (впрочем, дождливым был и июль), я читал «Голос, рождённый под Вологдой», временами взглядывая на заоконную непогоду...

Отложил чтение и написал...

... Вот уже и август мелькает день за днём, а мы всё ждём лета, то есть хорошей погоды. Но верно ведь сказано, что всякая погода - благодать Божья... Нет ничего случайного в этом мире - не случайны дождь, снег, ведро, ураган или лёгкий ветерок...

Не случайны и все те, кто даны нам в нашу жизнь. Не случаен тот же Василий Шукшин, юбилей которого отмечался в июле, не случаен Валерий Гаврилин, юбилей которого отметим 17 августа. Не случаен Василий Белов, писавший вот так: «Ничто не происходит случайно. Случайно ли судьба Кубенского озера так прочно спаяна с историей нашей Родины? Разбилась о подводные камни в бурю княжеская ладья. Спаслись лишь несколько дружинников и сам князь. Этот случай дал название крохотному островку. Позднее островок окреп за счёт тяжких многопудовых валунов, привезённых русскими на лодках, а может быть, на плотах. Эти привезённые с берега громадные камни защитили на островке от волн несколько сажений сухой земли. На этой земле была срублена православная часовенка, давшая начало Спасо-Каменному монастырю. Первый каменный Преображенский собор, взорванный большевиками, поднялся в наших местах как раз на этом пятачке земли... Случайно ли вокруг Спас-Камня с тех пор по всем берегам длинного Кубенского озера поднялись десятки монастырей и храмов? Выстроен был в том числе и тот храм, где сподобился есть сиротскую кашу Валера Гаврилин - будущий композитор...»

Загадочно и не случайно то, что своё последнее крупное произведение Василий Белов посвятил именно Гаврилину.

«Судьбу музыканта Гаврилина можно сравнить с судьбой поэта Рубцова. Валерий Гаврилин и Николай Рубцов - оба плоть от плоти русской национальной культуры. Оба они соразмерны по таланту, сходство их личных судеб очевидно, и оно просто потрясает. Трагична была их жизнь и смерть...»

... Я дочитал повесть Белова... Для меня (может, и не только для меня) - это незаконченная работа, черновик, требующий доработки. Василий Белов доработать его не успел - отсюда фактические неточности, повторы, категоричность некоторых (причём весьма спорных) высказываний и суждений. И всё же это очень важная работа и для самого Белова, и для меня как читателя в понимании беловского взгляда на жизнь, на культуру и искусство...

Для меня эта работа Белова в меньшей степени - жизнеописание Валерия Гаврилина, в большей - взгляды Белова на мир и искусство в связи с жизнью и творчеством Валерия Гаврилина. Отзвуки музыки Гаврилина, переведённые в слово...

Особый интерес Белова к музыке, конечно, не случаен: вспомним, что гармонистом он стал ещё подростком, когда мать - солдатская вдова все же нашла возможность купить ему гармонь. И оставался гармонистом всю жизнь. Музыкальный слух у него был. Была и неудачная попытка поступления в музучилище... «Хорошо помню: любил играть и на гармошке, и на балалайке. Когда уехал в ФЗО и попал на станцию Вохтога, сразу же начал учить ноты, играя в самодеятельном оркестре на домре. Научился играть «Во поле берёзонька», «Эй, ухнем!» и ещё что-то», - пишет сам Белов.

И ещё процитирую: «Из чего складывается национальная культура? Она складывается из деятельности простых смертных людей, действующих либо в науке (логика), либо в искусстве (художественный образ). А верующие смертные люди делятся на обычных и на святых подвижников. И в науке, и в искусстве такие люди присутствуют. Национальную культуру создают гении и таланты. Градация талантов неисчислима, иное дело гениальные люди, их можно сосчитать, загибая пальчики.

... Музыку вполне уместно сопоставить с поэзией и живописью. Даже термины у них одинаковые. Создатели национальной поэзии и музыки подобны творцам живописи, и тех, и других, и третьих не напрасно кличут художниками...».

Начиная жизнеописание композитора, Белов пишет: «Всё, что касается языка, природы, народных обычаев, песенной народной стихии, - отсюда, из Воздвиженского и Перхурьева. Без этих двух и окружающих их деревушек и деревень не было бы у России композитора Гаврилина.

Что значит деревенская жизнь для одарённого мальчика, об этом должен знать каждый. Сельская жизнь не повредила бы и городским жителям: подросткам и взрослым, богатым и бедным, слабеньким и здоровым».

Это точно... По себе знаю. Я городской мальчишка, и если бы не семейные неурядицы (и не если бы не любовь отца к лесу, природе, охоте), заставившие отца моего уехать на жительство в деревню, - не было бы в моей жизни постоянных в течение самых важных детских лет поездок на все каникулы в деревеньку Суворково Грязовецкого района Вологодской области. Не было бы запаха скошенной травы, сеновала, горячей печки, купания в пруду, дружбы с Колькой Киселёвым, рыбаченья в речке Ёде... Не было бы тёти Сани Галкиной и ежевечерней пол-литровой банки молока от её козы... Не было бы, может, потом, во взрослой жизни, постоянной тяги в деревню, в лес, интереса к деревенским людям. Так что деревня сыграла огромную роль и в моей жизни. А уж что говорить о тех, кто, как Белов и Гаврилин, выросли в деревне (да еще при их-то таланте!).

«Перхурьево всех встречает вольным зелёным простором, - продолжает Белов, - чистейшим воздухом и благожелательностью здешних жителей. Луговой летний и снежный зимний простор дополняется далью Кубенского озера. Летом так часто, на глазах, меняется эта даль! То светлая зеркальная многовёрстная гладь, то вдруг от одного случайного ветерка всё меняется. Вода, то тёмная и рябая вблизи, то густо синеющая вдали, вдруг пойдёт светлыми, быстро исчезающими полосами, смывая очертания противоположных берегов. Полосы то приближаются, то исчезают. Всё зависит от ветра, откуда и с какой силой он дует! Вода меняется, делается тёмной, и тогда ощущаешь её глубины...» - беловские описания природы и здесь великолепны...

Рассказывая о судьбе матери Гаврилина, Василий Белов рассуждает о народной песне:

«Спросим: что значит русский мелос? Это то, о чём поёт народ. Пусть не все люди, но по крайней мере значительная часть. Песенная народная стихия была когда-то велика, необъятна! Жизнеутверждающая сила этой стихии никому по отдельности неподвластна. Она исчезает лишь с исчезновением самого народа.

Но исчезновения даже самого малого народа либо совсем не бывает, либо она, эта пропажа для мира и земной истории, прошла по указанию Провидения.

Меня устраивает больше первое, чем второе...»

Рукопись повести Василия Белова «Голос, рождённый под Вологодой»

...Как и все, как и Василий Белов, я однажды столкнулся с музыкой Валерия Гаврилина. Помню, например, как лет пяти-шести выплясывал посреди комнаты в деревянном восьмиквартирном доме в том самом Октябрьском посёлке под звучащую из радиоприёмника песенку «Дайте музыку...», понятия не имея, разумеется, ни о Валерии Гаврилине, ни об Эдуарде Хиле... Позже пришло узнавание и понимание, конечно, на моём непрофессиональном музыкальном уровне, но ведь любому из нас дано слышать не только ухом, но и сердцем...

И было ещё одно удивление - литературным даром Валерия Гаврилина. Как и Белов, считаю Гаврилина писателем-философом, причём очень интересным, оригинальным. И я, как и Василий Иванович, с удовольствием читал и читаю дневниковые записи и статьи Гаврилина, делаю из них выписки...

...Ценна эта повесть о композиторе и тем, что в ней неоднократно указаны личностные ориентиры Белова: он называет близких себе музыкантов, художников, поэтов, использует их строчки в качестве эпиграфов. Ну, например: «Провидение допустило меня к знакомству и даже к дружбе с такими людьми, которые остались для меня живыми, будучи и покойниками. Яшин, Фёдор Абрамов, Владимир Солоухин, Евгений Носов, Николай Рубцов, Василий Шукшин, Анатолий Передреев. Из музыкантов называю Георгия Свиридова и Валерия Гаврилина, из среды художников - Николая Третякова. Эти люди были моими друзьями.

Судьба подарила радость и счастье общаться с ними, встречаться, иногда и бражничать. Не может быть, чтобы это было напрасно, без вмешательства высших небесных сил...»

Вот ещё цитаты из беловского текста, показывающие отношение Василия Ивановича к композитору Гаврилину и его творчеству...

«Вспомни, читатель, какое звучит отчаяние в гаврилинских звуках, в таких песенных заклинаниях: «Простите, простите, простите меня!» Мороз по коже.

Человек с миром прощается, прощается со всеми, со всеми дорогими ему людьми, прощается, да ещё и просит: «Забудьте, забудьте, забудьте меня...».

О, сколько боли, сколько тоски в этих словах и звуках, слившихся с такими словами! Невыразимо прочное слияние слов и музыки, доказательство полнейшей искренности и поэта, и музыканта, объединённых в одном лице. Это и есть Валерий Александрович Гаврилин!

И хочется плакать, потому что жаль, потому что нет его, потому что все мы живы, а Валерия-то нет... Но ведь нет ни Глинки, ни Мусоргского, нет ни Тютчева, ни Пушкина, ни Шаляпина нет, ни Саврасова... А почему всё-таки все они есть? Все присутствуют в нашей жизни, присутствуют они, присутствуют и Коля Рубцов, и Валера Гаврилин. Чем ещё убедить в этом неверующего человека, кроме их достоверного духовного присутствия?»

«Мы не должны забывать свойств характера В. А. Гаврилина, о коих говорят все, кто его знал: доброту, вечную боязнь кого-то обидеть, нежелание ссориться. Хотя он, как и Николай Рубцов, мог постоять за себя, но скандалить не мог. Рубцов был твёрже и жёстче Гаврилина».

«Сам Гаврилин о Рубцове писал так: «Творчество Н. Рубцова я понял не сразу. Только года через два после его гибели. Я думаю, это оттого, что его духовный, душевный мир был гораздо богаче, ярче и сильнее, чем мой. С годами мой жизненный опыт привёл меня к Рубцову - и теперь в современной русской поэзии нет поэта более для меня дорогого, чем Рубцов».

Я учусь у него, многое перенимаю и верю во всё, что он написал, даже если сам я этого не испытал. Он стал для меня школой, одним из учебников духовного опыта. Теперь я очень страдаю от того, что не могу найти музыкального ключа к раскрытию тайн его поэзии в музыке. Дважды брался - и всё с очень и очень плохим результатом. Мечтаю написать истинно рубцовскую музыку - надежда на то, что однажды это у меня получится, помогает мне жить и трудиться и лучше, старательнее сочинять и всю остальную музыку».

Тем «композиторам», что легко и задорно пишут и пишут песни на стихи Рубцова, прочитать бы эти строчки Гаврилина... Хотя вряд ли они им что-то скажут...

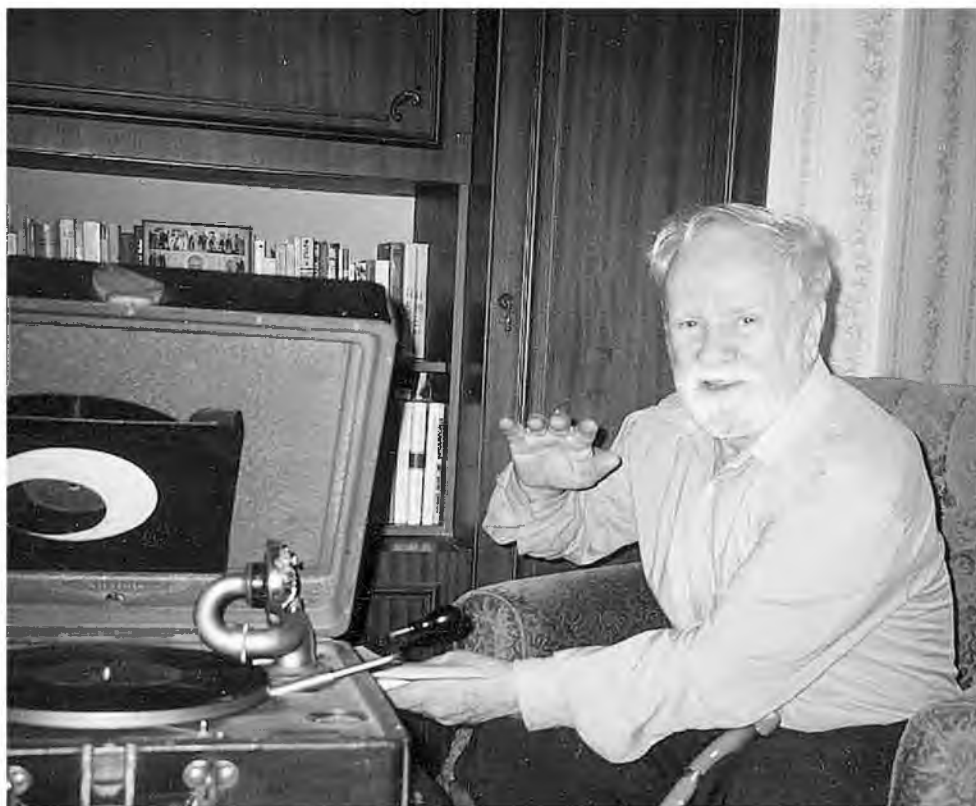
В последней главе повести Белов пишет: «Я включаю песню о «Стерегищем» в исполнении хора Петербургского подворья Валаамского монастыря... Включаю я её в память о Гаврилине и Рубцове. И Коля, и Валерий, думаю, были бы не против послушать эту музыку. Но ведь они же слышат! Если я человек истинно верующий, я не должен в этом сомневаться!

Одного корня, народного, с такими произведениями - и музыка В. А. Гаврилина. И снова хочется включить проигрыватель или же ежедневно ходить на любые концерты с гаврилинской музыкой!..

Он умер 28 января 1999 года. Только ведь не он умер. Бессмертна душа человеческая, бессмертна совесть, бессмертна и музыка Гаврилина, прожившего свою жизнь, совести и души не теряя, прошедшего свой путь след в след за Георгием Свиридовым...».

Имеется у повести и постскриптум - это гаврилинские строчки (и я когда-то эти же строчки выписывал в тетрадь), которые, наверное, Василий Белов примеривал и на себя: «Я человек очень простого склада. Тогда ко мне приближаются люди примитивные, душевные, иногда душевно тонкие и чистые, но которым непонятен я со своей работой и своими обоснованиями целей работы.

Я человек и очень сложного склада - тогда ко мне подходят люди с пораненным самолюбием, уязвлённые, очень развитые интеллектуально, но я для них

Василий Иванович Белов у себя дома слушает музыку

как сливная чашка, они во мне полощутся, подмываются, а в общем дают только душевную смуту.

Я мечусь меж первых и вторых и не могу найти преданного человека, который бы мне настоящим другом...

Но Боже мой, как много оказывается в жизни чужого для меня! Я потерялся. Я вижу сильных и талантливых работников, которые живут без сердечного тепла и на этой основе общаются друг с другом. Откуда они берут жизненные идеи? Как они чувствуют сердце общества? Ведь многое им удаётся...

А как умеют оправдывать всё это или не замечать сути своих поступков, какими светскими людьми могут быть, с какой милой непосредственностью презирать, плевать в лицо, как очаровательно умеют менять человеческий облик, быть необходимейшими свиньями. Жуть какая вещь - конъюнктура.

Музыка, сердце моё, жизнь моя, не учи людей ЖИТЬ, учи любить, страдать...».

И вспоминается почему-то эпизод с самим Беловым, уже тяжело больным, из последнего периода его жизни (рассказывал мне знакомый писатель). Зашли по какому-то делу (или просто нашли повод, чтобы зайти) к Белову. Он спросил, как обычно, как работают, что пишут. Ответили. И тут он сказал: «Ая, ребята, больше писать не могу...» И слёзы потекли (мне почему-то неудобно просто написать: Белов заплакал. Но он именно заплакал...).

ДУША БЕССМЕРТНА

*Жизнь -
Привычное дело
Бессмертной души.*

Эссе «Душа бессмертна» написано в середине 90-х, но, пожалуй, именно оно стало главным художественным взлётом последнего периода жизни и творчества Василия Ивановича Белова (хотя были потом еще и «Невозвратные годы», и «Голос рождённый под Вологдой»)...

Белов думает о неизбежности ухода близких (матери). От безутешности горя одно спасение - вера в бессмертие души... Но одно дело понимать это, другое - верить...

И опять вспоминается повесть «Привычное дело», написанная за тридцать лет до эссе «Душа бессмертна». Иван Африканович разговаривает с бессмертной

Олег Бороздин, заслуженный художник России. Портрет писателя В. И. Белова. Холст, масло. 2001

душой Катерины... Кстати, случайно или нет, Африканыч о жене думает, глядя на грозди рябины, как и герой «Души...»

«Иван Африканович вышел в огород. Сорвал несколько гроздьев красной, уцелевшей от дроздов рябины. Тихонько закрыл отводок, пошел за деревню.

Горький отрадный дым от костров тут и там таял в ясном неоощуаемом воздухе: копали везде картошку. Стая прилетевших из леса и готовящихся в путь скворцов опустилась в поле; за речкой, за желтым березнячком кричали ребятишки. Белая колокольня развороченной церкви явственно выделялась на спокойном, по-осеннему кротком небе. Зыбкая речка, огибавшая холм с кладбищем, не двигалась, и синенькое небо, отраженное ею, казалось чище настоящего, верхнего неба.

На кладбище, в старых вербах, тенькали синички.

Иван Африканович сидел на могиле жены и смотрел на речку, на желтые ясные березы вдаль. Думал, курил свой мелкослойный «Байкал».

«Грех один, а не папирасы. Спичек одних не напасешься, разок затянись, глядишь, опять и погасло. Ты уж, Катерина, не обижайся... Не бывал, не проведаль тебя, все то это, то другое. Вот рябинки тебе принес. Ты, бывало, любила осенями рябину-то рвать. Как без тебя живу? Так и живу, стал, видно, привыкать... Я ведь, Катя, и не пью теперече, постарел, да и неохота стало. Ты, бывало, ругала меня...

Вот, девка, вишь, как все обернулось-то... Я ведь дурак был, худо я тебя берег, знаешь сама... Вот один теперь... Как по огню ступаю, по тебе хожу, прости. Худо мне без тебя, вздоху нет. Катя. Уж так худо, думал, за тобой следом... А вот оклемался... А твой голос помню. И всю тебя, Катерина, так помню, что... Да. Ты, значит, за ребят не думай ничего. Поднимутся. Вот уж самый младший, Ванюшка-то, слова говорит... такой парень толковый и глазами весь в тебя. Я уж... да. Это, буду к тебе ходить-то, а ты меня и жди иногда... Катя... Ты, Катя, где есть-то?

Милая, светлая моя, мне-то... Мне-то чего... Ну... что теперече... вон рябины тебе принес... Катя, голубушка...»

Иван Африканович весь задрожал. И никто не видел, как горе пластало его на похолодевшей, не обросшей травой земле, - никто этого не видел.

Пронеслась над погостом шумная скворчинная стая.

Горько, по-древнему пахло дымом костров. Синело небо.

Где-то за пестрыми лесами кралась к здешним деревням первая зимка».

И ведь, между прочим, явная перекличка в концовках - дым. Только в повести дым мирных костров, а в эссе - военных пожаров...

И всё под «Времена года» Чайковского - от «Осенней песни» далее, через зимний звон валдайского колокольчика - в весну, в лето, снова в осень...

Сейчас, когда я пишу эти строчки, я тоже слушаю «Осеннюю песню», а за окном моим дождливый предосенний август... Но нет у меня беловского одиночества - одиночества с верой... Одиночество-то настанет, хотя бы и ночью... А вот веры пока маловато... Хотя ведь она или есть, или её нет. Значит, есть...

Белов вспоминает давно умерших друзей, о которых так и не написал: Яшин, Селезнёв, Рубцов, Передреев... О Шукшине всё-таки написал... Их души тоже бессмертны. И душа Чайковского...

...«Душа бессмертна» - простые два слова. А ведь это итог его жизни и творчества. И завещание нам. И мне...

Вологда - Тимониha - Россия, 2016 - 2019

Иллюстрация к повести-сказке
Д. Макурина «Кот Семён»

Денис Макурин

Денис Владимирович Макурин родился 10 июня 1981 года в Мезенском районе Архангельской области. В пятилетнем возрасте переехал с родителями в село Холмогоры. Закончил Даниловское профучилище, во время армейской службы участвовал во второй Чеченской кампании. В 2008 году закончил Вологодский строительный техникум. Работал на стройке мастером, прорабом. Прозу начал писать с 2015 года, после тяжелой аварии. Выпустил уже несколько книг - в основном о детях и для детей, но есть проза и для взрослых. «Северяне живут в уникальном месте, - говорит Денис Владимирович, - сказочные герои окружают нас повсеместно. Стоит лишь приглядеться... Мои сказки, как и ранешние сказки северных сказителей, наполнены юмором, легкостью и жизнерадостностью». Денис Макурин - автор нескольких книг, его прозу публиковали журналы «Юность», «Иван-да-Марья», «Север», «Двина», «Урал», «Чиж и Ёж» и другие, газеты «Графоман», «Завалинка», «Маяк». Статью о творчестве Д. В. Макурина читайте на 186-й странице журнала.

В нынешнем году Дениса Макурина приняли в Союз писателей России.

Поморские чудеса

РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

В ГОРОДЕ НА ДВИНЕ

Есть на русском Севере большой красивый город на Неве. А есть город поменьше, можно сказать, и вовсе маленький, но уже на Двине. И там, и там - выход в море имеется. И там, и там - по последнему льду рыбка корюшка ловится. Острова, затоны, речные крачки на Неве и на Двине водятся. Мосты для прохода кораблей в обоих городах разводятся. Летом одинаково - ночи белые. Зимой - улицы обледенелые. На Неве - эрмитажные коты, на Двине - домовые. На

Неве застыли львы, на Двине - олени живые. В первом городе - царские дворцы, во втором - мельницы ветряные. В городе на Неве - арки, колонны, остроконечные шпили. На Двине - корабельные мачты, колёсный пароход, тюлени катаются на весенней льдине. И всё-то в этих городах давно изведено. Разве что чудес в городе на Двине поболее будет, о них-то я вам и поведаю.

И вы уж, наверное, догадались, что речь об Архангельске пойдёт, том самом городе на Двине, где в каждом доме щепная птица счастья тихо-тихо поёт, лоскутное одеяло с

любовью шьётся да лунная сказка живёт.

В нашем городе на Двине, каждый год по весне, река так разливается, что прямо по улицам мужички, кто на лодке, кто на плотике, а кто и вовсе в корыте под парусом ходит. Ловят мужики на улицах города щук и камбалу, закидывают улов прямо в окна домов, а жёнки рыбники пекут и раздают их со второго этажа на каждом шагу.

В это же самое время, где-то на заливных лугах, язи и лещи трутся боками о кочки, мечут икру и млеют на солнце, забываясь в мечтах. Мечтают язи превратиться в китов, выйти в Белое море и, отражаясь в небе, плыть быстрее облаков.

Когда лето приходит и падает коренная вода*, много становится в городе света, улыбок и душевного тепла. Много бликов вдоль набережной, криков чаек, пароходных гудков, детей. Много на пляже тюленей, поморников и просто гуляющих по песку босиком людей. Дети и взрослые пряниками-козулями нерп и тюленей угощают, пузо им чешут, а животина хрумтит угощением да на поморской говоре песни распевает:

Уж ты поле моё, поле чистое.

Ты раздолье моё, ты широкое...

А по осени, по большой воде, архангельская сёмга и треска в ресторан спешат, шлёпают плавниками, чуть ли не по воздуху летят. Ресторан в Архангельске «Трескоед» называется, рыба сама там в соль, как надо, макается и на обеденный стол с отварной картошкой накрывается.

Бурый медведь в это время в соседнем лесу бересту с берёз обдирает, заяц туеса да корзины плетёт, а лис клюкву с брусничкой в них собирает. Жена лисица ягодой на центральном рынке за день сторгует. Она кричит, хитрит, так к вечеру все припасы архангелогородцам и сбудет. Ну, а поморы ягоды натолкнут, морс наведут, агар-агар**

добавят да мармелад из него варят.

К слову, деньги-то нашему зверью не особо и нужны. А потому лиса лесные дары на прочие лакомства обменяет. Себе и мужу достанет десяток яиц и крынку коровьего молока, зайцу - пару морковок, капусту три кочана, медведю - кадку мёда и на палочке леденец. В общем, каждому зверю по душе придётся от лисицы гостинец.

Зимой в городе на Двине лютый мороз гуляет. Покрывает он инеем провода, деревья, мосты, а порой так разойдётся, что и белым медведям носы.

Ночами сиверко*** на Двине шалит. (Все дома от этого ветра кряхтят, самовары у печек еловым дымом пыхтят). А сиверко знай себе верховодит - метровые торосы на реке городит.

За этими торосами наши мишки-то и укрываются, носы отогревают, подремать пытаются. Днём медведи по хозяйству помочь стараются, снегом самотканые половички метут - хозяйки за это с ними сахарком да сгущённым молоком расплачиваются.

Белые мишки, мармелад, треска, поющие нерпы да в пирогах камбала - всё это наши исконно северные чудеса. Правда, то, что я вам рассказал, это лишь малая диковинка да красота. А вы приезжайте-ка сами и поживите в гостях на Двине, тут в каждой избе вам расскажут сполна, чем ещё славится город сказочников Писахова и Шергина.

БЕЛОМОРСКИЕ ЗАЙЦЫ

В нашем Белом море да на Соловецких островах такая благодать, что со всех волостей разный люд отдохнуть приезжает. И чего на тех островах только нет: и горы могучие, и озёра, и луга, и леса дремучие. В озёрах да в речушках резвые окуни,

*Коренная вода - это второе водополье (паводок). Оно происходит от активного массового таяния снегов в лесах.

**Агар-агар - смесь агарозы и агаропектина, получаемая из красных водорослей.

***Сиверко - холодный северный ветер.

окуньки и окунята живут; сороги, сорожки и сорожата спуют; серебряные великаны-язи громко плещутся; седые старцы лещи о камни-валуны боками трутся; поросшая мхом беззубая бабушка-щука и дед-налим в омутах водятся.

На лугах коровёнки пасутся - не бодливые, а ласковые; лошадёнки бойкие, да не брыкливые, не тряские. Такие уж там заповедные места, что даже у всякой непутёвой животины ум и сердце просветляются.

Земля там столь богатая и обетованная, что прямо в море капуста растёт. Она так и зовётся - морской. А сколь полезности в той морской капусте - не счесть! Капусту поморы с карбаса косами косят, полную лодку этих водорослей нагрузят да на берег вывезут. Там они морскую траву, словно бельё, на вешала развешивают и на ветру сушат. Сушат, да не пересушивают, как по старинным поморским рецептам велено. Потом капусту искрошат и в супы, салаты, вторые блюда, выпечку даже, для приготовления морса и киселя, в посудыны вложат.

И всё бы хорошо, только вот морские зайцы до той капусты больно уж охочи.

Наш морской заяц - это не тот прыскучий русак с длинными ушами, что по лесам, как очумелый, стрекача задаёт. Беломорский, лахтак по-нашему, в море живёт. Он ведь и с виду совсем другой: будто деревенский кот-усат, словно косатка, во весь рот - зубаст, по воде ластами шлёпает, по льдине или суше ластами гребёт. Если бы между сухопутным и морским зайцем началось питье чая до седьмого пота, русак бы после третьей кружки отвалил, а лахтак и на пятом двухведёрном самоваре не уступил бы. Лесные зайцы в Центральной Расее-то - лохматые, голодные, лихие - кусты под корень грызут, яблони, ольху, ёлки просекой валят. А наши лахтаки - лощёные, сытые, добрые - наши ничего не валят, никого не рвут! Разве что взболоболькают по-своему под водой, косяк

селёдки окружают и, считай, за один присест тонну рыбы слопают, не жуя. И вот когда рыбы-то налопаются, на верхосытку-то за морскую капусту и принимаются. Уж так много её состригут - ни один помор столько бы на карбасе не увёз. И до того лахтаки обнаглели! Мало того, что всю морскую капусту подъели, так эти пройдохи ещё и рыбацкие сети на ужин проверят, мол, нет ли и там даров Белого моря?

На морюшке-волне и по сей день лодки-карбаса качаются, рыбаки ставные невода да мерёжи плетёные раскидывают, а морские зайцы - тут как тут! Уже носы свои в сети суют, проверяют: нет ли для них чего-нибудь вкусенького? На лахтака если прикрикнуть, он, конечно, оробеет: заяц всё-таки. Только поморы животину не обижают, ворчат: «Шут с ним, с бестолковым!» - и всё чаще на суше на грядки капусту высаживают. Правда, не морскую, а белокочанную.

ТАЙГА

Глава I. Экология

Раньше я не знал, что такое тайга. А в прошлом году встретился. Меня с ней дедушка познакомил. Мы с ним на рыбалку ходили. На лесное озеро. У него в этой тайге избушка своя.

На рыбалку мы, конечно, и раньше ходили. Только тогда это ближе к морю было. И мы там то селёдку ловили, то камбалу. Камбала - это рыба такая, сплюснутая. Дедушка говорит, что её море расплющило. Тяжёлое очень. Но я-то знаю, что он шутит. Разве у моря лапы есть? Он просто объяснить мне не хочет: что да почему? Деда всё ещё думает, что я маленький и в таких вещах не разбираюсь. А я думаю, что это слон на неё наступил. Или вообще мамонт! В самой далёкой древности, когда и слоноты в помине не было. Тогда только эскимосы водились. А мамонты - это их еда была. Вот одному мамонту захотелось воды испить, а быть может, помыться. И он в реку зашёл, а

там в это время рыбёшки у дна плавали, мамонт на них и наступил. Нечаянно, конечно. Просто раньше экология лучше была, и от этой рыбы отбоя не было. Её там столько водилось, что яблоку некуда упасть, то есть мамонту некуда наступить. В общем, рыбёшек было видимо-невидимо. А мамонт? Куда ему деваться? Он же огромный, как троллейбус! И лапищи у него, как баобабы. Вот и не заметил мелюзгу под самым носом, то есть хоботом. С тех времён и водится в наших реках сплоснутая камбала. А про селёдку я рассказывать не буду. Вы и так про неё всё знаете. Вон её в магазине сколько! И в банках, и в бочках, и просто так.

Глава II. Всё для дела

Ну а тогда мы, значит, не к Белому морю пошли, а в тайгу. На озеро Кривое. И мы там жили два дня. Пришли, развели костёр и сварили чай. Потом удили окуней-горбылей, то есть горбачей. Потом ели, затем спали. В общем, настоящее приключение! Лучше не придумаешь. Я как раз о таком всю жизнь мечтал.

А началось наше приключение утром. Мы с дедом встали ни свет ни заря. Собрали вещички и отправились навстречу неизвестности. Сначала мы шли по дороге, потом по лесу. И первое время нам было не очень весело. Спать хотелось, я то и дело носом клевал да спотыкался обо всякие коряги. Но потом я подобрал длинную палку, она у меня как будто сабля была, а вокруг враги и драконы ещё. И я как давай их рубать направо и налево, а они - падать и просить о пощаде. И мне от этого сразу же веселее стало. Я своей саблей - вжух! - жиганул по траве. И тут же мои злодеи попадали, как подкошенные. А потом подскочил и как дам дракону по шее: «Шмяк!» От этого только ягоды рябины на тропинку посыпались: «Брум! Брум! Брум!» А потом разбежался и - шлюмс! - по сыроежкам. Полетели шляпки в раз-

ные стороны. Только деду мои сражения почему-то не понравились. Он обернулся и сказал:

- А ну, не хулигань!

А я:

- Так это же поганки! Их можно хулиганить.

А деда вдруг остановился, погрозил мне пальцем и сказал:

- Тебе поганки, а живности припасы на зиму. В тайге ничего просто так не растёт, всё для дела. Понимать надо! Усёк?

Я вздохнул и пробурчал:

- Угу... усёк... - выбросил саблю-палку, и мы пошли дальше.

А очень скоро скукота стала проходить. Да и врагов я больше не встречал. Нам только солнышко через ёлки подмигивало, и птички пели. А ещё по веткам бурундучки бегали. Бурундуки - это мыш-ки такие с пушистыми хвостиками. Вот только до озера долго идти пришлось. Я думаю, мы тысячу километров прошли. Не меньше. У меня от этой ходьбы чуть ноги не отваливались. И сам я от приключения притомился что-то. Могли бы и поближе озеро устроить.

Глава III. Знай меру

Когда мы наконец-то добрались до избушки, я очень обрадовался. Я начал скакать, гикать и веселиться. Я даже забыл, что у меня ноги отваливались. Они у меня как будто новые выросли. Вся усталость прошла. И я кричал:

- Ура! Ура! Улю-лю! Улю-лю!

И тут же обскакал весь наш лагерь: и стол со скамейками, и костёр, и избушку тоже.

Наша избушка оказалась очень красивой: старой и дряхлой, как в сказках про Бабу-ягу. Внутри избушки всё было устроено по русскому обычаю: печка, стол, широкие лавочки, спички и соль. Деда сказал:

- Проходи, располагайся!

А я сказал:

- Ага-съ!

И мы разложили свои вещички по разным местам. Потом мы снова вышли на улицу, а деда развёл костёр, и мы стали жить дикарями. Без средств к существованию.

Сначала мы сварили чай, потом перекусили и пошли на рыбалку. Мы взяли ведро и удочки, затем накопили червяков, а уж после отправились удить на озеро. Рыбачить оказалось проще простого, только успевай забрасывать. Правда, нам одни голодные окуни попадались. Огромные и чёрные, как головешки. Мы снимали их с крючка и бросали в ведро, а они звонко шлёпали хвостами.

Через час у нас уже было полведра головешек-горбачей. И наши окуни то и дело выбрасывались наружу. Деда покряхтел и сказал:

- Кхе-кхе. Ну, пожалуй, и хватит на сегодня, - а потом встал с пенька и начал сматывать удочку.

А я удивился:

- Как же? Клоёт же! Давай ещё!

А дедушка улыбнулся и сказал:

- Не переусердствуй, Мишка. Нужно ловить столько, сколько съешь.

Тогда я вздохнул и ответил:

- Жалко. Вон как пошло, можно было хоть ведро, - и тоже начал сматывать удочку.

Когда мы вернулись к избушке и развели костёр, наступил вечер. Деда почистил окуней-горбачей и картошку, а я очистил лук. Потом мы сварили настоящую похлёбку и устроили пир на весь мир прямо под открытым небом. Наевшись до отвала, нам захотелось спать. Мы немножко прибрались на столе и пошли в избушку. А устроившись поудобнее, мы и не заметили, как отправились в спячку.

Глава IV. Одним днём

На следующий день я проснулся первым. Деда тархтел, как трактор, а мне что-то не

спалось, и я вышел на цыпочках из избушки. Попил холодного чаю, взял наше ведро, удочку и отправился удить прожорливых окуней.

И вот я иду по тропинке к озеру, протираю глаза, напеваю песенку про лошадь:

- *Далеко, далеко-о*

Ускакала в поле молодая лошадь,

Так легко, так легко-о

Не догонишь, не поймаешь,

не вернёшь...

Иду себе и пою. Ничего не думаю. И вдруг - бац! Что за шутки! Прямо передо мной чьё-то шерстяное лицо! Я встал как вкопанный! Замер, смотрю. И лицо стоит, смотрит. Смотрит на меня своими огромными ноздрями. А потом это лицо голову повернуло и уже выпуклым глазом смотрит. Затем оно чихнуло - и снова ноздрями. И рогами ещё. Я таких рогов никогда не видел! Они как ковш у экскаватора. А ещё эта странная морда чего-то жевала. И я подумал, что, наверное, такого недотёпу, как я, доедает. Сначала у меня выпала из рук удочка, затем ведро, а через миг я уже драпал обратно в избушку, только пятки сверкали. Но вы не смейтесь, не надо! Я вам не трусишка какой-нибудь. Просто я за окунями шёл, а тут лицо!

Я так испугался, что не помню, как в избушке оказался и дверь запер. Помню только: лежу на скамейке, одно ухо и глаза спят. Но вторым ухом всё-таки слушаю, потому что интересно.

Сначала эта рогатая морда по земле топала: «Тух... тух... тух... тух...» А потом она подошла к нашей избушке и начала чем-то хрумкать возле стола. А ещё эта морда громко чавкала и всё время роняла разные вещи, как у себя дома. Потом она ушла куда глаза глядят, и я наконец-то уснул полностью. Правда поспать как следует мне не удалось. Я только глаза закрыл, только с Соловьём-разбойником сражаться начал, а дедушка давай меня тормозить и спрашивать:

- Миш, это ты картошку съел?

Я сел на край скамейки и переспросил:

- Что съел?

Деда:

- Картошку! На ветке висела авоська с картошкой.

И я ещё не проснулся, но уже вспомнил про рогатую морду и про ноздри, и про то, как эта морда что-то роняла возле избушки, и как она хозяйничала нашими продуктами. И я догадался, что это она съела картошку, но побоялся сказать дедушке правду. Я подумал, что он заругает меня за то, что я привёл её в лагерь. Поэтому я сказал:

- Угу. Я!

А деда улыбнулся на всю ивановскую и опять спросил:

- И пачку масла тоже ты?

- Я, деда. Есть чего-то захотелось, вот и съел...

Дедушка всё не унимался и спрашивал:

- Что же это получается? Ёксель-моксель!

И полбанки соли тоже ты?

А я снова покивал головой:

- Да, деда... получается, что я, - и тяжело вздохнул.

- Да я по следам вижу, что тут лось был. Ты чего, Миш? - и хохочет так, что чуть не падает.

Тогда я тоже засмеялся и сказал:

- Не знаю, деда. Это я так просто.

И после этого мы хохотали уже вдвоём, чуть животики не надорвали, до слёз прямо.

А потом мы стали наводить порядки. И дедушка вдруг сказал:

- Я ещё вчера слышал, как за озером пилы жужжали. Видимо, лесорубы его угоды нарушили, вот сохатый и подался на поиски лучшего места.

А я спросил:

- А зачем он от нас ушёл? Мы же не лесорубы, жил бы тут. Разве ему здесь плохо? Вон сколько съел!

Тогда дедушка голову почесал, вздохнул и сказал:

- Так ведь одним днём сыт не будешь, вот и ушёл на поиски корма.

Чуть погода у нас забурился и зафырчал чайник на костре, и деда поторопился его снять, пока он весь не расплескался.

В избушке у нас ещё оставалось угощение к чаю - баранки, батон и банка сгущённого молока. И пока дедушка кружки раскладывал, я сбегал за гостинцами. Потом мы стали пить горячий чай вприкуску с баранками, а хлеб и сгущёнку приберегли на обед. Подкрепившись как следует, мы отправились на своё проверенное местечко удить вчерашних рыбёшек. Клёв у нас снова был что надо! Только успевай забрасывать! Когда мы выдёргивали своих полосатых окуней-горбачей из воды, то они сначала хлопали по воде, а потом елозили в воздухе. И они так сильно трепыхались, что у нас трещали удочки, хрустели поплавки и звенели лески.

Я выуживал свою добычу на берег, потом бросал удочку в траву и бегом снимал колбочего горбыля с крючка. После этого я брал пойманного окуня двумя руками и отправлял его в ведро. А он начинал радостно изводиться и шлёпаться, и колошматить своим хвостом куда попало.

Так очень скоро мы снова наловили полведра, и деда сказал:

- Ну, хватит! Пора и честь знать.

И я тут же смекнул, что пора сматывать удочки, потому что мы наловили больше, чем требуется для утоления голода. И полведра - это ещё надо постараться, чтобы съесть. Правда, когда я сматывал удочку, то мой живот заурчал оттого, что изрядно проголодался. Я подумал, что, может быть, полведра - не так уж и много. Тем более, если это будет не рыба, а, скажем, сгущёнка! А от полведра сгущёнки ещё никто не отказывался. И тут я вспомнил про угощение, оставленное на столе. И от таких мыслей я засобирился ещё быстрее. А через секунду я уже скакал к лагерю.

Всё время, пока мы с дедом скакали к избушке, я мечтал о своём заветном лакомстве. Я думал: «Вот сейчас приду, налью чайку, а деда откроет сгущёнку. И я макну в это тягучее молоко белый хлебушек и начну уплетать его за обе щёки. И это будет самое вкусное лакомство в мире, потому что ничего вкуснее я в жизни не пробовал. Потом я зачерпну сгущёнку ложечкой и съем её прямо так. А потом ещё одну. И ещё. И с ложкой во рту я промывчу: «М-м-м, какое блаженство!» На языке у меня сделается сладко-сладко. И так сладко, что зажжётся. Горло у меня сделается вдруг шерстяным, и захочется пить. А когда я хлебну чайку, то снова съем ложечку сгущёнки». Так я прыгал-скакал. И всю дорогу так вкусно мечтал, что не успел глазом моргнуть, как очутился возле избушки. Я даже не сразу заметил, что в нашем лагере гость появился. А когда разглядел и увидел, что он натворил, у меня сердце ёкнуло.

В гостях у нас был ворон. Большая чёрная птица. Морда у него была наглая и хитрая. И он не просто гостил, он ещё надо мной издевался. Ворон вертелся и юлил, а потом начинал скакать туда-сюда: то на стол запрыгнет, то на землю спикирует. А на столе в это время наша банка сгущёнки каталась. И это надо же, до чего воришка додумался! Магия какая-то! Он своим острым клювом банку сгущёнки в решето превратил! Проклевал и не поморщился.

Я замер, гляжу, а он ни чуточку и не стесняется, и нашу сгущёнку доедает. Запрыгнет на стол, затем лапой банку возьмёт и повернёт поудобнее, а молоко от этого вытекает начинает. И ворон тут же на землю пикирует и уже с земли лакомится. Так всю и склевал. И хлеб тоже. Нам только холодный чай остался. Подумать только! Я таких прожорливых птиц ещё никогда не видал!

Потом деда подошёл. Ахнул от того, что делается, и закричал:

- Кыш! Кыш отсюда!

А что толку? Кричи не кричи, сгущёнка-то уже - тью-тю! И я, конечно, расстроился и у дедушки спросил:

- Что же это? Как же мы теперь без сгущёнки и хлеба жить-то будем?

А он знай хохочет:

- Ничего, Мишка! Проживём как-нибудь! Уху сварим. Зато теперь-то мы всех досыта накормили.

Потом он сел на скамейку, но так сильно хохотал, что чуть с неё не свалился. Тоже мне, нашёл над чем смеяться! У людей горе, а он?!

Потом мы прибрались на столе. Затем деда почистил горбачей. А я очистил две луковицы. И мы сварили луковую похлёбку с окунями. А перекусив, мы начали собираться домой. Когда наши вещички были уложены, деда вздохнул и сказал:

- Ну что ж, присядем на дорожку!

- Ага!

И мы снова уселись на скамейке, а посидев минутку, оставили лесные края и отправились восвояси.

По дороге домой мы вспоминали наше приключение, и какой у нас был клёв, и похлёбку, и как мы остались без средств к существованию. А выходя из тайги, деда повернулся ко мне:

- В следующий раз прихватим с собой саженцы.

- А зачем?

- Посадим саженцы - вырастет лес.

И я прямо подпрыгнул от радости и завопил во всё горло:

- Здорово! Вот это дело!

А потом вспомнил и про ворона, и про сохатого, и про то, как за озером жужжали пилы. Затем немножко подумал, взял деда за руку и сказал:

- Саженцы и кормушки - это хорошо! Но всё-таки лучшее, что может сделать человек для тайги, - это оставить её в покое и ничего в ней не трогать.

Прошлое не стоит копировать, но знать его необходимо!

Беседа с иеромонахом Ферапонтом (Широковым)

Духовная семинария открылась в Вологде в 2014 году, но история этого высшего духовного учебного заведения насчитывает почти триста лет. О прошлом и нынешнем - наш разговор с иеромонахом Ферапонтом (Широковым).

Иеромонах Ферапонт - один из первых выпускников Вологодской духовной семинарии. Продолжил учебу в Санкт-Петербургской духовной академии, защитил магистерскую диссертацию, в конце минувшего года стал кандидатом богословия.

ЖИЗНЬ СЕМИНАРИИ БЫЛА РАЗНОЙ

- История Вологодской семинарии, как и всех духовных школ России, была прервана насильственно. Как думаете, мы с чистого листа начали? Удастся ли связывать прерванные нити - и надо ли это? Время-то другое, всё другое...

- Сегодня происходит становление современного духовного образования. Может быть, традицию дореволюционной богословской науки в полном объеме нам сохранить сегодня непросто. Тем не менее, нужно учитывать опыт наших предшественников, которые преподавали или учились здесь, знать их труды. Наша духовная семинария - правопреемница Вологодского православного духовного училища, созданного в 1990 году трудами архиепископа Михаила (Мудьюгина),

известного богослова нашего времени, выдающегося архиерея. Семинария, возрожденная в 2014 году трудами митрополита Игнатия (Депутатова), во многом сохранила традиции духовного училища, первым ректором которого был протоиерей Василий Павлов.

- Главный предмет Вашего исследования, отец Ферапонт, - жизнь Вологодской духовной семинарии. Насколько это интересно? Критики царского режима писали, что в духовных школах обстановка была суровая, мягко говоря: преподаватели - невежественные, основной метод обучения - тупая зубрежка, жили семинаристы в тесноте, кормили их скудно... В наше время появляются публикации, прославляющие семинарские порядки, - впрочем, есть и сторонники обличительной линии. А какой была жизнь вологодских семинаристов?

- Разной она была. Не такой жуткой, как описывали писатели-народники, конечно, но свои сложности были, и я о них постарался честно рассказать.

- И получилось?

- Моим рецензентом была Наталья Юрьевна Сухова - профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, крупнейший в стране специалист по истории духовного образования в России. После защиты она подошла ко мне и сказала: «Хорошо, что Ваша работа - не сусальный пряник».

- Это высокая оценка, батюшка. Можно понять, что Вы не обошли сложных вопросов. Известно, что в начале двадцатого века по всей Российской Церкви прокатилась волна студенческих волнений. А Вологду эта волна не обошла?

- Революционные волнения не минули ни одну духовную школу, не была исключением и Вологодская семинария. В 1901, 1905, 1906 годах вологодские семинаристы выступали с протестами против существовавших порядков; дважды - в 1901 и 1905 годах - духовную школу даже закрывали по особому распоряжению обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева. Конечно, пытались привести в порядок внутреннюю жизнь духовной школы и ректор протоиерей Александр Автономов, и епископ Алексей (Соболев). Но их усилия успеха не имели. Владыка Алексей, например, в ответ на свои увещевания слышал от семинаристов возгласы: «Тиран наших отцов!» А ведь он многое сделал для развития и семинарии, и Вологодской епархии...

- Вы, батюшка, рассказываете с такими подробностями, словно сами были свидетелем исторических событий...

- Детали событий помог узнать неисчерпаемый, не побоюсь этого слова, источник - дневник Никифора Ильинского, который дошел до нас благодаря выдающемуся вологодскому историку-профессору Александру Васильевичу Камкину (к сожалению, Александр Васильевич скончался в 2017 году) и его супруге Ирине Валентиновне Спасенковой. Никифор Ильинский закончил Вологодскую семинарию, а потом более тридцати лет являлся помощником инспектора.

Вернемся к бурным событиям начала двадцатого века. В 1906 году произошли изменения во всех сферах духовной жизни Вологды. Во-первых, архиерей сменился - возглавил нашу кафедру епископ Никон (Рождественский), известный архиерей

Иеромонах Ферапонт (Широков) - исполняющий обязанности заместителя Спасо-Прилуцкого Димитриево-мужского монастыря г. Вологды; проректор по воспитательной работе, секретарь ученого совета и заведующий кафедрой гуманитарных и естественно-научных дисциплин Вологодской духовной семинарии; заведующий епархиальным древлехранилищем; руководитель курсов базовой подготовки в области богословия для монашествующих Вологодской митрополии. В декабре 2021 года защитил диссертацию на тему «Развитие среднего духовного образования в Вологодской епархии во второй половине XIX - начале XX вв.». Решение диссертационного совета о присуждении иеромонаху Ферапонту (Широкову) ученой степени кандидата богословия утверждено Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом 21 февраля 2022 года.

синодальной эпохи, член Государственного Совета. К его деятельности сегодня относятся по-разному...

- В чем владыку Никона не упрекнуешь, так это в равнодушии...

- Да, несомненно. Его письма учащимся Вологодской семинарии преисполнены не столько архипастырского назидания или внушения, сколько личной скорби о сложившейся ситуации, о протестных волнениях...

В 1906 году ректором семинарии был назначен протоиерей Николай Платонович Малиновский, автор учебника по догматическому богословию. Отец Николай - один из выдающихся выпускников ВДС, его портрет украшает зал нашей духовной семинарии. Инспектором семинарии стал иеромонах Иоанн (Поммер), ставший впоследствии епископом Рижским, а ныне он прославлен как святомуученик. Отец Иоанн всего год был инспектором, но тем не менее он вместе с отцом ректором смог утихомирить протестующих: где-то жесткой волей, когда по-другому уже было нельзя, где-то силой своего авторитета. Святомуученик Иоанн не был нашим выпускником, но он, как и отец Николай Малиновский, навеки остался в нашей благодарной памяти.

ЛЮДИ, О КОТОРЫХ ХОЧЕТСЯ РАССКАЗАТЬ

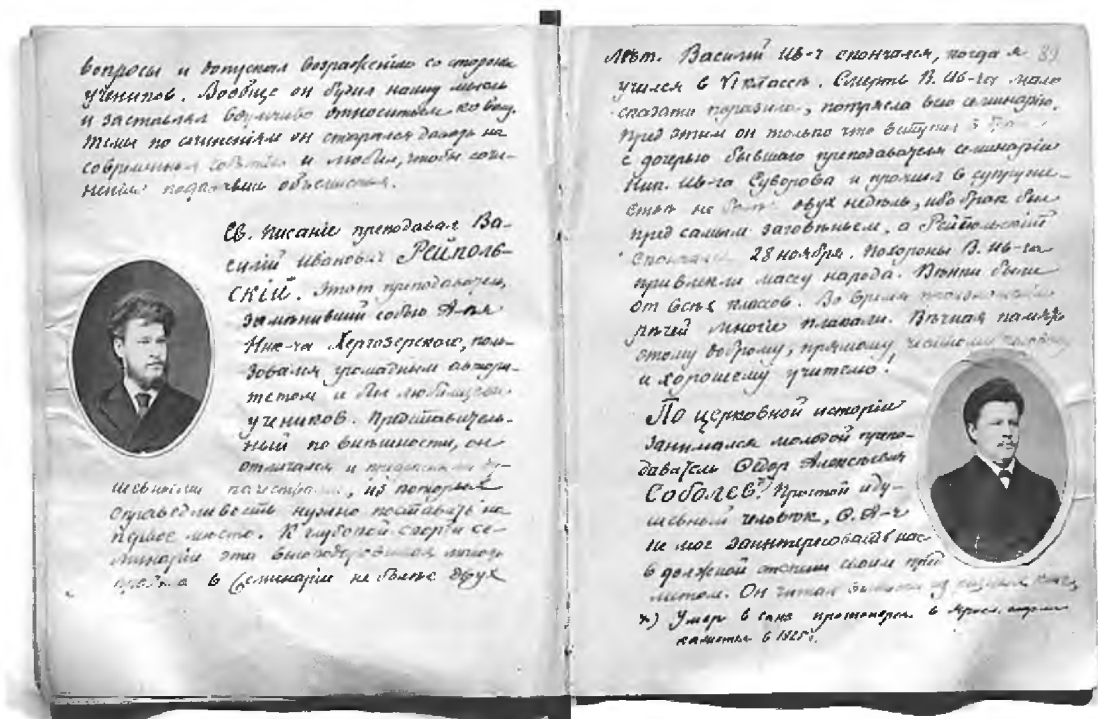
- Говорят, история - это прежде всего люди. Давайте, отец Ферапонт, вспомним тех, кто оставил самый яркий след в истории Вологодской семинарии.

- Таких людей немало. Если начинать рассказ о них не по хронологии, а по значительности вклада в богословскую науку и историю Русской Церкви, первым следует назвать Николая Никаноровича Глубоковского. Несомненно, это, скажем так, алмаз нашей духовной семинарии, он занимался всесторонними исследова-

ниями: историей Церкви и толкованием Священного Писания, изучением трудов святых отцов - каждая его работа сохранила научную ценность и для нашего времени. Отмечу, что духовные семинарии до революции не ставили своей целью готовить ученых богословов - это было учебное заведение для детей духовенства. В зависимости от того, насколько успешно выпускники заканчивали обучение, они служили либо на приходах, либо в духовных учебных заведениях. Тем удивительнее феномен Глубоковского - мальчик из священнической семьи, выросший в лесном Никольском уезде, стал ученым мирового уровня. Николай после нашей семинарии закончил Московскую духовную академию, а впоследствии преподавал в столичной академии.

Другом Николая Глубоковского был протоиерей Николай Малиновский. До революции во всех духовных школах учились по написанному им учебнику догматического богословия. В нашей библиотеке бережно хранится экземпляр этого учебника 1910 года издания.

Становление Николая Глубоковского связано с трудами архиепископа Николая, в миру - Михаила Захаровича Зиорова. Вологодский период служения владыки Николая был не очень продолжительным - с 1883 по 1885 год, но тем не менее он оказал положительное влияние на жизнь епархии, в частности - на жизнь духовной семинарии. Еще до принятия монашества будущий епископ исполнял должность инспектора Вологодской семинарии - в то время Глубоковский был старшекурсником. Михаил Захарович прекрасно понимал, как велики способности его ученика и старался поддерживать его. Став епископом, владыка Николай ходатайствовал перед ректором Санкт-Петербургской духовной академии епископом Антонием (Вадковским) о том, чтобы Глубоковский стал преподавателем столичного духовно-

Из воспоминаний Н. А. Ильинского:

...В выборе книг для чтения мне оказал громадную услугу Николай Никанорович Глубоковский, prima persona нашего класса. В течение последних двух лет, т.е. в V и VI кл., я сидел рядом с Глубоковским. ... Будучи необыкновенно даровитым, Н. Н-ч в то же время отличался замечательным трудолюбием и усидчивостью. В буквальном смысле он не терял ни одной минуты даром. Меня, рядом с ним сидевшего, он увлекал своим примером. Любил Глубоковский много читать и всякую более или менее заслуживающую внимания книгу он рекомендовал почитать и мне. Товарищ он был прекрасный, честный, благородный, прямой. Прямой он был с нами, прямою отличался и в отношении к лицам начальствующим и преподавателям. Это был «краса семинарии», как о нем выражались все, начиная с ректора и кончая нами, его товарищами. (Впоследствии Н. Н. Глубоковский - доктор богословия, профессор Санкт-Петербургской духовной академии, преподавал также в Московском и С.-Петербургском университетах. С 1921 года - в эмиграции, профессор Софийского университета, авторитетный богослов и церковный историк - ред.).

го учебного заведения. Владыка Николай (Зиоров) был членом Государственного Совета, о нем оставил интересные воспоминания протопресвитер армии и флота Георгий Шавельский.

Одна из славных страниц истории нашей духовной школы - организация класса зырянского языка. Его зарождение связано с именем епископа Иннокентия (Борисова), в 1841 году возглавлявшего Вологодскую кафедру. Объездив Вологодскую губернию, владыка узнал, что зыряне (так прежде называли коми) лишены пастырского окормления: на зырянский язык не переведены ни Библия, ни богослужебные книги. Пастыри в эти бедные и отдаленные края не едут. Нести к зырянам Слово Божие, как понял владыка, смогут только зыряне, и поэтому необходимо в семинарии открыть класс зырянского языка. Правда, осуществить этот замысел удалось уже преемнику владыки Иннокентия - епископу Иринарху (Попову).

Основоположником преподавания зырянского языка в ВДС стал еще один наш выдающийся выпускник, а затем и преподаватель Павел Иванович Савваитов. Епископ Иннокентий, уже после своего перевода из Вологды, премного способствовал тому, чтобы Савваитов попал в Санкт-Петербургскую духовную семинарию, впоследствии - в духовную академию. Кстати, и в Вологде, и в Санкт-Петербурге Павел Иванович был лучшим учеником. П. И. Савваитов написал много трудов по вологодскому фольклору, русской истории и толкованию Священного Писания, стал членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. Он навсегда сохранил признательность епископу Иннокентию: «Если бы не Иннокентий, - признавался Павел Иванович, - не быть бы мне в ученых».

Конечно же, из ректоров семинарии еще необходимо вспомнить протоиерея Петра Лосева. В 1877 году его трудами было открыто попечительство о бедных

Николай (Зиоров, 1851 - 1915), архиепископ Варшавский и Привисленский, духовный писатель. В 1881 - 1888 годах был епископом Алеутским и Аляскинским, в 1888 - 1905 - епископом Таврическим и Симферопольским. С 1906 года состоял членом Государственного Совета. Это был иерарх, одаренный богатыми способностями, всесторонне образованный, прекрасно владеющий даром слова и живой по темпераменту

воспитанниках семинарии. Казенно-коштных воспитанников ВДС, то есть находящихся на полном обеспечении, в XIX веке было 148 - 150, а число учащихся составляло от 400 до 600. Остальные устраивали жилье и питание за свой кошт (счет). Многие приезжали издалека и вынуждены были жить на квартирах в страшных условиях - по-другому не скажешь. У некоторых даже и обуви зимней не было; жили по 5-6 человек в комнате, где кровать часто была одна - спать приходилось по очереди...

Легче стало, когда появилось общежитие для своекоштных воспитанников - это

здание на улице Чернышевского у Октябрьского моста, его еще называли бурсой. За проживание здесь нужно было платить, и расходы на оплату жилья воспитанников взяло на себя попечительство для бедных.

Говоря о воспитанниках и преподавателях нашей семинарии, нельзя хотя бы не упомянуть отца и сына Суворовых. Оба они преподавали в семинарии, а Николай Иванович закончил ее. Его можно назвать основоположником вологодского краеведения. Иван Николаевич продолжил дело отца.

- В «Вологодских духовных ведомостях» приводится слова одного из учеников Н. И. Суворова на юбилее учителя: «Если бы собрать всё, что написал Николай Иванович, была бы огромная книга, без неё никто бы ничего не узнал о Вологодчине».

- Совершенно верно. Могу сказать, что отечественная историография духовного образования довольно обширна, но вот историография Вологодской духовной

семинарии очень скудна. До революции никто историей нашей духовной семинарии не занимался.

- Не сомневаюсь, что Ваша работа поможет сохранению памяти о тружениках духовного образования прошлого - а без этого, мне кажется, никакое развитие системы невозможно. Вспоминается выражение Исаака Ньютона: «Если я видел дальше, чем другие, то это потому, что стоял на плечах гигантов».

- Память о наших замечательных предшественниках необходимо сохранять - в первую очередь, на мой взгляд, это нужно делать в контексте молитвенного поминовения. В нашем семинарском храме - Воскресенском кафедральном соборе, и в Спасо-Прилуцком Димитриевом монастыре, где находится духовная семинария после возрождения, - мы за каждым богослужением неопустительно поминаем «зде начальствовавших, учивших, и учившихся», а всех ректоров духовной семинарии поминаем поименно.

Из воспоминаний Н. А. Ильинского:

...Назначенный к нам инспектор Михаил Захарович Зиоров до сего времени состоял преподавателем Рязанской дух. семинарии. Молва, шедшая главным образом от студентов академии, называла его человеком большой эрудиции и блестящим преподавателем...

Михаил Захарович обыкновенно, когда объяснял урок, ходил по классу и, будучи чрезвычайно живым и подвижным, часто жестикулировал, особенно тогда, когда он читал какие-либо летописные сказания.

А летописных сказаний он знал наизусть массу и читал их с неподражаемым искусством. Уроки проходили незаметно, часто приходилось жалеть, что урок уже кончился. ...Михаил Захарович настолько сумел заинтересовать нас своим предметом, что у нас явилось даже соревнование в знании церковной истории...

(Впоследствии М. З. Зиоров принял монашество, был ректором Могилевской и Тифлисской семинарий. В 1890 году был возведен во епископа. Возглавлял ряд епархий, в том числе Алеутскую, Варшавскую - ред.).

Николай Никанорович Глубоковский

Роль начальствующих лиц очень велика в формировании внутренней жизни духовных учебных заведений. Они могли своими действиями как провоцировать протестные волнения, так и утихомиривать взбунтовавшихся воспитанников (именно так называли прежде учащихся семинарий). Об этом говорили и писали многие деятели духовного образования, как носившие священный сан, так и светские ученые - например, Николай Никанорович Глубоковский. Они считали, что главная проблема наших духовных школ - это частая смена начальствующих лиц и инспекции, а также непоследовательность политики.

История духовного образования свидетельствует, что каждая реформа духовного образования, а их в XIX веке было четыре, по отношению к предыдущей зачастую становилась контрреформой.. И этим пользовались воспитанники; они понимали, что конца-краю этим реформам нет.

Так, при Николае I больше задумывались о том, чтобы учащиеся духовных школ получали знания и навыки, которые могли бы пригодиться им в повседневной жизни. Поскольку выпускники семинарии чаще всего отправлялись служить в село, по мнению авторов реформы, практические навыки им были нужнее, чем богословие и философия. Поэтому богословским дисциплинам отводили меньше внимания, а философию вообще исключили из программы. Зато воспитанники изучали медицину, сельское хозяйство. В начале XX века епископ Никон (Рождественский) говорил: «В чем проблема нашей духовной школы? В том, что она готовит, с одной стороны, пастыря, а с другой стороны - кандидата в ветеринары».

ТРУД УЧЕНОГО - ОТДЫХ ДЛЯ МОНАХА

- Поражает объем сделанного Вами, батюшка! Представляю, как много пришлось перерывать документов и книг, журнальных и газетных публикаций, чтобы выстроить историю семинарии!

- Скажу сразу: труд этот был исполнен неожиданных и очень радостных для меня находок. Когда я работал в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге, нашел там документы за подписью Протасова, тогдашнего обер-прокурора Святейшего Синода, а также епископа Сергия (Страгородского), который был в начале XX века председателем Учебного комитета, а впоследствии стал Патриархом Московским и всея Руси. Честное слово, держал их в руках с волнением: вот это и есть соприкосновение с историей... Мы почитаем епископа Никона (Рождественского) как выдающегося иерарха начала XX века, и я был очень рад, когда в архиве обнаружил обращение, написанное его рукой: он карандашом

• И НЫНЕ, И ПРИСНО

там подчеркивал что-то, что-то сверху подписывал, добавлял...

Помимо архивов, работал в отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Там в фонде Глубоковского нашел уникальные письма Н. Н. Глубоковскому ректора семинарии протоиерея Николая Малиновского, они опубликованы в «Вестнике Свято-Тихоновского университета».

Важным источником являются мемуары, и они существенно дополняют сухие зачастую факты, о которых говорится в документах официального делопроизводства. Богатую информацию дают мемуары Е. А. Грязнова «Из школьных воспоминаний бывшего семинариста Вологодской семинарии», а также «Воспоминания причетнического сына», написанные А. А. Поповым.

- Интересно, сколько понадобилось времени для работы над диссертацией?

- Над кандидатской диссертацией я работал два года.

- Это же довольно краткий срок!

- Дело в том, что в монастыре у меня немало послушаний - говоря мирским языком, обязанностей. И когда вечером

я наконец-то освобождался от них, работа над диссертацией была для меня отдыхом.

Интерес к истории нашей семинарии появился у меня на семинарских лекциях протоиерея Алексия Сорокина по истории синодального периода нашей Церкви. Батюшка уделял большое внимание истории Вологодской епархии и истории духовного образования, конечно.

- Какие у Вас планы, отец Ферапонт?

- Ну, на сегодняшний день первостепенный план - издать монографию. А в дальнейшем полагаю продолжить изучение истории духовного образования синодальной эпохи.

- Последователи есть у Вас?

- У нас есть студент-заочник, который занимается историей Тотемского духовного училища. Мы даже с ним пересекались в областном архиве; приятно видеть студента духовной семинарии в архиве, тем более, что с мы трудимся в одном направлении... Статья о зырянском языке, опубликованная на сайте нашей митрополии, вызвала интерес у исследователей.

Беседовал
Андрей САЛЬНИКОВ

Вологодская духовная семинария располагается в Спасо-Прилуцком Димитриевом монастыре. Фото с сайта Вологодской митрополии

Об искусстве рассказчика

В. И. Белов и его «Рассказы о всякой живности»

Как заинтересовать ребенка книгой - вопрос не только для родителя и педагога. Это вопрос и для писателя. Допустим, он хочет научить чему-то. Показать, как можно и как нельзя. Увлечь, создав невиданный мир. Вариантов может быть множество.

Но самая важная способность хорошего детского писателя - уметь рассказать интересную историю. Не заискивая и не снисходя. Без морализаторства, занудства и ханжества. Просто, но умело. С уважением к читателю - хоть он и маленький.

Такие истории умел рассказывать Василий Иванович Белов. Вообще-то он писал для взрослых - но и для детей у него нашлись слова и образы. Живые, увлекательные, их легко читать, легко представить героев, события, обстановку. Рассказы-этюды, короткие наброски, за которыми стоит большая литературная работа и большой талант.

Маленькая затертая книжечка «Рассказы о всякой живности» кочует в нашей семье от ребенка к ребенку уже более сорока лет. Забирается периодически на полку, когда очередной ребенок становится взрослым, а потом достается снова, когда подрастает следующий. И снова, и опять - потому что хочется возвращаться в эти истории.

Идет время, а я наблюдаю за тем, как дети слушают эти рассказы. Лично мне они близки, потому что напоминали детство: мы с родителями очень много времени проводили в деревеньке в Кирилловском районе. Поэтому герои Белова - основательные деревенские мужики, бабушки, ребятишки, вся живность - прекрасно мне знакомы. Но времена изменились, я вы-

росла, мои дети проводят лето на даче, там совсем другая обстановка и атмосфера. А «Рассказы о всякой живности» они слушают с огромным интересом, переживают за собачонку Мальку, хохочут над поросенком Кузей, радуются, что школьники покормили голодного коня Верного.

Мастеров короткого рассказа для детей немало - мы любим Николая Носова, Виктора Драгунского, многих других. Но в основном они пишут детям о детях - о школе, дружбе, игровых ситуациях, ссорах и примирениях. Пишут из мира детства, от лица ребенка, поэтому так популярны. У Белова же позиция совершенно другая.

Да, в «Рассказах о всякой живности» есть дети. Но их немного, они появляются нечасто и действуют как второстепенные персонажи. Гораздо подробнее выписаны характеры пенсионерки Лидии, неудачливого почтальона Федя, дедки Остахова. Ну, и животных, конечно, - именно характеры, а не просто повадки и похождения.

Эту книжечку я читала в детстве много раз. Потом читала племянникам. Теперь - своим детям и ученикам. Глядя на их интерес и радость, я вижу себя, маленькую. Рассказы Василия Ивановича работают так же, как и четверть века назад. В чем секрет? Мне было интересно в этом разобраться.

АВТОР

Позиция и присутствие автора в коротком детском рассказе бывают разными. Например, у Николая Носова среди героев его не найдешь - зато моральные установки

писателя двигают и определяют произведение. У Виктора Драгунского автор стоит на позиции папы главного героя, что и понятно: писатель создавал рассказы для сына и про него. Очень интересна авторская позиция у Михаила Зощенко в рассказах о Леле и Миньке: он смотрит на происшествия своего детства с позиции себя, взрослого.

Василий Белов стоит на позиции непосредственно рассказчика. Не человека, который решил написать для детей что-то полезное, не педагога, который тщательно подбирает подходящие сюжеты. Он просто делится тем, что увидел. Именно это желание и умение рассказать о своем опыте становится крючком для читательского интереса.

В жизни хороший рассказчик - редкость. Мы привыкли обсуждать, вести диалог, а слушать сложнее. Нужно, чтобы сошлись вместе по-настоящему интересный рассказ и умение человека понятно, последовательно, образно, увлекательно говорить. Хороший рассказчик не просто рисует перед нами «скелет» ситуации - он наращивает на него «мясо»: характеры, образы, реплики, подробности внешнего вида, одежды, быта героев. Он говорит и о своих чувствах, и это дополняет рассказ, который становится живее, полнокровнее.

Именно это делает Василий Белов в «Рассказах о всякой живности». Он просто беседует с нами, делится тем, что увидел и пережил. И дети верят ему и сопереживают. Не своему ровеснику, а взрослому человеку, который полвека назад в маленькой северной деревушке жил и наблюдал.

Особо стоит сказать о своеобразии авторского языка в книге. Она написана так, чтобы читать ее было просто и понятно людям от 7-8 лет. Интересно, что даже современному городскому ребенку в «Рассказах о всякой живности» почти всё понятно, хотя реальность описывается от него далекая. Как это получается? Все дело в простоте - предложений, эпитетов, диа-

логов. Но простота - это не примитивность, это ясность мысли. Поэтому неспешный беловский текст так легко читается и воспринимается. Много глаголов, много наречий - они создают динамику и объем картинки. Прилагательные писатель использует экономно и точно там, где нужно. Ну, и какой-то секретный ингредиент добавляет, который делает плавный и неспешный текст увлекательным. Да так, что погоня Феди за поросенком, припустившим искупаться в навозной жиже, выглядит динамичнее, чем некоторые современные блокбастеры.

Читаешь - вроде бы просто интересные рассказы о деревне. А пристальнее присмотришься - настоящая магия.

ЛЮДИ

Больше всего я расстраиваюсь, когда вижу, что от детей прячут жизнь. Формируют какую-то условно безопасную искусственную среду и думают, что так дети станут счастливее. Но счастлив человек, когда у него есть полнота чувств, умение видеть. Не выверенное и педагогически целесообразное, а непосредственное и живое.

Василий Иванович рассказывает детям истории не только животных - их хозяев, людей. Они не идеальные и не плохие. Хорошие, настоящие, живые люди. Ошибаются, злятся, много трудятся, ссорятся. И любят свою землю, в первую очередь. Друг друга, хотя и непросто это иногда. Животных.

Вот Федя - незадачливый деревенский почтальон, один из центральных героев книги. С почтальонов его сняли - за пьянство: об этом писатель говорит аккуратно, но и без лукавства. Федя любит животных и заботится о них, но по-своему, с деревенской практичностью. Автор не объясняет нам, что чувствует Федя, не разжевывает причины его поступков. Но читатель видит и понимает - такой живой получилась картинка. И нет в ней оценки, морализатор-

ства: вот герой, смотри, читатель, каков он. А выводы делай сам.

Между тем подумать здесь есть о чем. Федя - человек непростой и интересный. Чего стоят его взаимоотношения с Валдаем, большим дворовым псом. Федя Валдая почти не кормит, а тот ему предан всей душой, везде сопровождает, страшно радуется, когда берут в лес, помогает гонять от грязной лужи глупого поросенка Кузю. Почему Валдай так любит человека, который не кормит, не ласкает, почти не замечает его? Очевидно, для этого есть причины. Какие? Разобраться в этом - опять задача для читателя.

ЖИВОТНЫЕ

Рассказы о животных в детской литературе - штука непростая. Многие дети их откровенно не любят, им скучно. Предпочитают приключения, сказки, фантастику - там ярче, увлекательнее, мозг охотнее вырабатывает дофамин на такие сюжеты. А чтобы проникнуться рассказами Михаила Пришвина, Виталия Бианки, Бориса Житкова, нужно иметь достаточно сильный читательский навык, уметь вникать. Не гнаться за лихими сюжетными поворотами, а остановиться, оглядеться и вдуматься. Для современного ребенка, который растет в мире, полном легких цифровых развлечений, это сложно.

«Рассказы о всякой живности» воспринимаются детьми легче. Я наблюдаю это, читая не только своим собственным детям, но и ученикам. В чем секрет? Все в том же искусстве простого житейского рассказа, в опоре на собственные жизненные наблюдения. Да, и Пришвин, и Бианки поступали так же, но именно Белова дети читают охотнее. Мне кажется, дело в его взгляде человека со стороны, который просто внимательно наблюдает. Не профессионального натуралиста, не педагога, поставившего задачей рассказать детям о

повадках животных. Вся магия - в простой житейской истории.

Каждый крылатый или хвостатый герой книги - существо со своим характером. Эти образы словно бы разбивают привычные стереотипы о том, что животные «милые». Собачонка Малька, например, совершенно не милая: она злобная и назойливая. Но при этом она умная, преданная и любящая мать, которая героически бросается в ледяную реку, чтобы покормить своих щенков в соседней деревне. Мальку сложно любить, невозможно ей умиляться. Она вызывает уважение.

Уважение вызывают и другие деревенские животные - трудяги и умницы. Конь Верный, который знает, у каких ворот и сколько нужно стоять, чтобы забрали почту. Вечно голодный Валдай, который помогает хозяину и не ждет похвалы и награды. Кот Заплаткин, что сам ищет себе лекарственные травы.

Белов не приукрашивает и не заигрывает с читателем. Рассказывает как есть. Поэтому некоторые истории грустные - про кота Заплаткина, например. Другие вызывают возмущение, или недоумение, или искренний смех - как рассказ «Счастливого плавания!», в котором Федины гуси несколько раз приплывали к нему из соседней деревни, куда тот их продал. А все вместе эти истории, словно лоскутки, образуют целую картину деревенского мира. Уютную, живую, настоящую, без прилаженности, выхолощенности и лукавства.

Любить, как известно, нельзя заставить. Зато можно показать то, что любишь сам. Это-то и сделал Василий Иванович Белов, написав для детей «Рассказы о всякой живности». И так искренне и живо у него это получилось, что Федю, Мальку, Валдая, Верного, Заплаткина и других деревенских обитателей полюбили многие дети и взрослые. Даже те, кто никогда не был в русской северной деревне.

Мария МИНАЕВА

«В Каменке - родился, в Вологде - женился, в Холмогорах - пригодился»

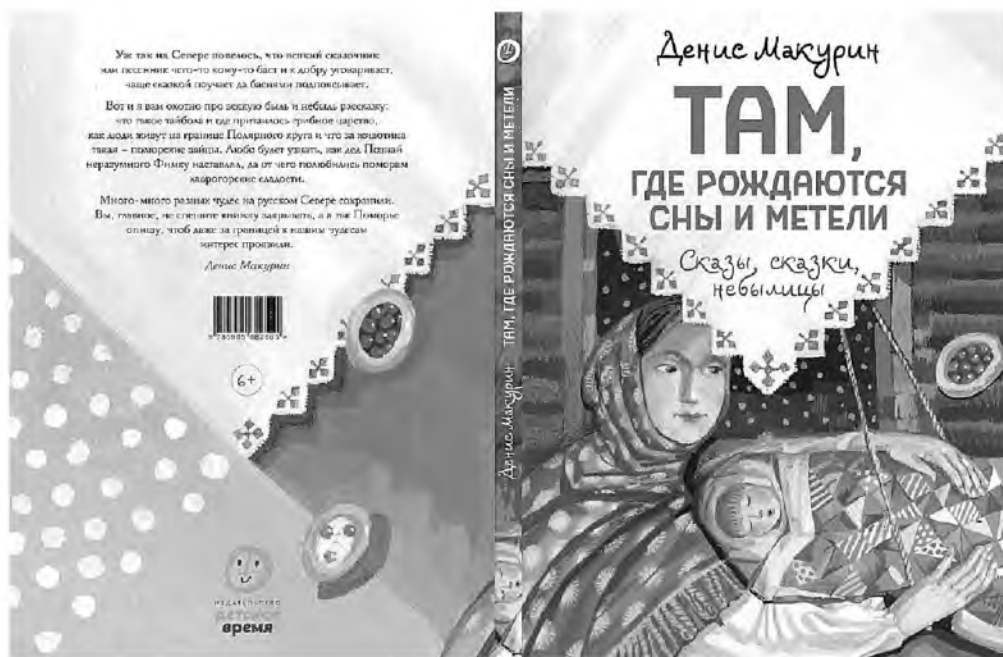
О Денисе Макурине и его новых книгах

Сразу три детские книги писателя Дениса Макурина¹ вышли в свет. Год издания - 2021, однако в переплете до автора и читателя они дошли только в 2022 году. Причинами тому послужили различные экономические и пандемические трудности.

Детские книги получились настолько красивые и даже праздничные, что их без чтения смогут понять даже самые маленькие дети (0+). Три книги - три мира. Сказочно-небыличный - в сборнике «Поморская окутка», где все тексты написаны в традициях русской северной сказки. Повествователь вездесущ и всезнающ,

вместе с читателем из сказки в сказ или небыличку он путешествует, перемещаясь из деревни в село, из северного городка в другую деревню. Село Холмогоры - деревни Денисовка и Мишанская - деревня Буты - село Емецк - деревня Зачачье и т.д.

Сказочный мир воссоздан в книге «Красота без пестроты», главными ге-

¹ Обладатель премии им. Рубцова (2019) За личный вклад в развитие детской литературы, пропаганду книг и чтения среди детей Холмогорского района. Победитель международного литературного конкурса малой прозы «ЭтноПеро» 2020/2021 г. «Вошел в короткий список VII Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков 2020»

роями которой оказываются маленькая девочка Ксюша родом из архангельской земли и ее дедушка. Истории про куклу матрешку - это истории о доброте, любви, мудрости, понимании красоты.

В книге «Нёйто, идущий на край земли» - повествование о юном охотнике, ненецком мальчике из Канинской тундры, о буднях канинских ненцев, о суровой жизни оленеводов. История о мальчике, детская энергия которого вносила жизнь и свет в будни жителей тундры.

«ЖИЗНЬ... ПОМОГАЕТ ПОЛНЕЕ РАСКРЫТЬСЯ»

Денис Макурин родился в 1981 году в посёлке Каменка Мезенского района Архангельской области, больше 10 лет жил в Вологде, сейчас живет и работает в Холмогорах.

На сегодняшний день увидели свет уже девять его книг: «Морские волки», «Макарены в тюбике», «Кот Семен», «Полведра сгущенки», «Хивок» и «Новые сказки Севера», «Поморская окутка», «Красота без пестроты», «Нёйто, идущий на край земли».

В интервью газете «Север» (2019) Денис сказал: «Пока я, как мезенский промысловик, кочую на льдине, болтаюсь по литературному морюшку, все время ищу что-то новое, но рано или поздно что-нибудь да получится». Прочтение новых детских книг показало, что автор обрел свой голос, сформировалась у него своя писательская вибрация, от которой становится тепло там, где читаешь или просто держишь книгу. Наверное, потому, что все книжки у него про разные проявления любви. Как он сам сказал: «Про любовь к родителям, любовь к другу, любовь к бабушке с дедушкой, любовь к деревне».

Будто из далекого деревенского детства Денис Макурин достает свой сундук сказок, небылиц и детских историй, хотя

иногда представляется не сундук, а теплая пуховая vareжка. Автор сохранил в себе детство и понял, что многое в его творчестве оттуда и «достойно быть сказанным». Вспоминаются слова кинодраматурга и писателя Тонино Гуэрра: «У меня было прекрасное детство. Именно тогда я впервые наслаждался шумом дождя по листьям, знакомился со снегом - открывал рот и ловил его...» Они будто лейтмотив многих авторских текстов, выраженный в словах и образах. Из рассказа «В январе»: «Два раза в год я гощу у бабушки с дедушкой в деревне. Деревенька у них хорошая... А домики какие симпатичные! Как из сказки - ну просто избушки на курьих ножках. А знаете, сколько там зимой снега бывает? Очень много бывает. Тонны! И люди просто не знают, куда его деть, поэтому они так и живут с ним как ни в чём не бывало и просто по нему ходят. А какой он вкусный! Вы такого ещё никогда не пробовали! Я бы каждый день его ложкой ел...».

Как рассказал Денис: «Пишется легче о беззаботном детстве: своём и окружающих. Когда из-под пера выходят какие-нибудь серьёзные или трагические вещи, потом душа болит, подолгу не пишется. И совсем иначе, когда опишешь светлое воспоминание или удаётся запечатлеть радостный миг племянников, тогда и у самого душа поёт, испытываешь подъем и прилив сил». Запечатление мига радости всегда открывает источник силы и в авторе, и в читателе. Изображение глубоких человеческих переживаний и трагедий требует от автора, как правило, больших физических и душевных сил, а потому часто необходимо восстановление после таких творческих затрат. Два разных писательских намерения - две истории рождения прозаического произведения.

Архангельский писатель легко превращает жизненные истории и диалоги в сюжеты малой прозы, прозрачны и понятны его образы. Но, как известно,

простота формы и содержания - результат долгой внутренней работы. О простом и понятном в искусстве так писал Михаил Пришвин в дневнике (1927): «В искусстве и в быту «простое» означает самое трудное, самое редкое... «Простое» в искусстве означает обыкновенно новое достижение художника в совершенствовании той формы, над которой работали до него другие художники, которая стала привычной и теперь возрождается в новых условиях». Вот легко читаются макуринские сказы да небывальщины, а отложишь книгу - и понимаешь, что самому так не написать. Какой должна быть среда для проклевывания таких литературных ростков?..

Сердечная радость переполняет при чтении детских рассказов, сказов, сказок и небылиц. При этом автор, как известно, пишет не только для детей, однако для детей он оставляет всё самое светлое и согревающее тонкий мир ребенка. Вспомним слова Василия Белова: «...по-моему, хороший детский писатель уже не только детский, а и «взрослый». Потому что настоящую детскую книжку с не меньшим удовольствием раскрывает и немолодой человек. С другой стороны, почему дети должны читать то, что взрослым неинтересно?» И про детские книги Дениса Макурина можно сказать, что они ум и сердце детей питают, и взрослым они интересны: наполняют их мир воспоминаниями о прошлом, эмоциями и чувствами, от которых наступает «веселье сердечное» (Б. Шергин).

Денис начал писать в 2015 году, когда ему было за 30 лет. На тот момент оказалось достаточно в нем тех внутренних содержаний, из которых рождаются тексты. За плечами было деревенское детство, школьные годы, служба в армии, в том числе и участие в чеченской кампании в начале 2000-х, вологодский период (2001 - 2013): женитьба, рождение дочери, работа в строительной сфере, автокатастрофа;

возвращение на родину в Архангельскую область.

О вологодском периоде, который длился 12 лет (на год больше, чем пребывание Виктора Астафьева в областной столице), следует лишь кратко сказать: Денис в Вологде не писал, но познакомился с литературной средой. Из этого города его супруга Ольга. Во время нашего общения прозаик рассказал: «Мы с ней в поезде познакомились, в годы моей армейской службы: в июне я из реабилитационного отпуска в воинскую часть возвращался, она, наоборот, поехала отдыхать к бабушке в Кировскую область. Так в плацкартном вагоне и познакомились, обменялись адресами - завязалась переписка». А когда засады, ущелья и бронжилеты остались в прошлом, началась мирная вологодская семейная жизнь. Эту тему писатель подытожил: «В Каменке - родился, в Вологде - женился, в Холмогорах - пригодился».

В селе Холмогоры и произошло рождение и становление Дениса Макурина как автора малой прозы. Кстати вспомнить слова выдающегося писателя-фронтовика Виктора Петровича Астафьева: «Жизнь, которая из каждого извлекает его возможности, помогает полнее раскрыться. Это и есть главное. Человек без творческого начала, без стремления помогать другому, делать добро - что лежачий камень».

«ВСЁ ИЗ ЖИЗНИ...»

«Всё из жизни...» - сказал мне во время общения Денис. А жизнь писателя - архангельские просторы, тишина и сияние Севера, тепло деревенского очага. Герои новых трех книг - деревенские люди, о которых сказки и небывальщины раньше слагались и передавались из уст в уста, жители тундры, далекие от нынешних светлых времен и цивилизационных благ. Все истории из жизни: сама жизнь их преподнесла писателю и развернула на

О Денисе Макурине и его новых книгах

книжных страницах. И на задней стороне обложки «Поморской окутки» читаем о том, что истории услышаны автором от бабушки и дедушки.

В ней есть слова из севернорусского диалекта, накрепко спаянные с литературным текстом. Без них и сказы бы не сложились. Они как пульс прежней жизни сёл и деревень. Выкинь их из текста - и по-другому, по-современному зазвучат рассказы о Севере. В слове - сам дух мест и деревенского человека. Не случайно напрашивался такой вопрос к автору: читает ли он деревенскую прозу?

На это Денис Макурин ответил: «А вот читаю деревенскую прозу часто, и есть любимые авторы: Василий Шукшин, Виктор Астафьев, Федор Абрамов, Василий Белов, Александр Яшин, Николай Жернаков. Из современных: Ольга Кузнецова, Артем Попов, Владислав Попов, Наталья Мелехина, Ася Астафьева...

У Белова отмечу две книги, из которых я много что для себя почерпнул: «Лад» и «Привычное дело». Очерки из книги «Лад» мне близки и понятны, они о Русском Севере, о деревне, о сельских жителях. Я и сам родился в поморском селе, а Поморье мало чем отличается от Вологодчины: при Петре I мы и были одной Архангелогородской губернией. Поэтому и читалась книга будто бы о знакомых, о своём детстве.

Я лишь по-новому взглянул на описание быта и жизни крестьян, припомнил минувшие годы. Ведь все перечисленные будни и праздники когда-то были и мной пережиты.

С книгой «Привычное дело» я познакомился уже после того, как посмотрел фильм по этой повести «Африканыч». Трудности жизни - это привычное дело. Вот основная мысль произведения.

Я помню, как мой дед

справлялся с целым хозяйством: корова, телёнок, конь, овцы, свиньи, кролики, куры... Вставал в пять утра, обряжался со скотом, потом шёл на работу. Вечером - накорми, подои. В выходные - картошка, сенокос. Ни минуты покоя! Но всё это воспринималось как должное, как норма. И мы, дети, были втянуты в этот процесс и не роптали.

И пусть повесть написана о 1960-х, а моё детство - это 1980-е, тем не менее описанные там люди мне будто бы знакомы, характеры героев узнаваемы, все свои...

У меня есть военная проза, детские рассказы, есть рассказы о подростках, сказки и небылицы изданы, но историй о деревне, о деревенской жизни, о её чаяниях и трудностях ничего не написано». Однако «будни и праздники когда-то были... пережиты», и сказано о красоте северной природы, и севернорусской речью-реченькой тексты наполнены.

Эльвира ТРИКОЗ

Сказали «Заветное слово»

Неделю в конце мая и день в июне длился литературный фестиваль «Заветное слово», организованный Централизованной библиотечной системой Вологодского района.

Почему так? Потому что: 24 мая - День славянской письменности и культуры, 25 мая - День филолога, 27 мая - День библиотек, 29 мая - день рождения поэта Константина Батюшкова (что особо важно для вологжан), ну и 6 июня - День русского языка, Пушкинский день России.

Впрочем, два мероприятия начались задолго до этих дат: в декабре объявлен литературный конкурс «Заветное слово» для взрослых, в январе - «Сказочный фонарик» для детей.

Юные читатели Сосновской библиотеки хотят получить автограф Леонида Николаевича Вересова. Фото автора

А начался фестиваль трансляцией в филиалах МБС записи беседы с Сергеем Юрьевичем Барановым - заведующим кафедрой литературы филологического факультета ВоГУ. Именно Сергей Юрьевич задал нашим встречам высокий тон уважения к слову, к литературе.

23 мая состоялась встреча сотрудников Грибковского библиотечного филиала с Андреем Константиновичем Сальниковым, главным редактором журнала «Вологодский ЛАД» - любимого журнала вологжан.

24 мая собрала более семидесяти школьников начальных классов в Доме культуры посёлка Непотягово встреча с прозаиком Светланой Чернышёвой, пишущей для детей и о детях.

В этот же день состоялся концерт замечательного вологодского музыканта, барда Владимира Сергеева, посвящённый 235-й годовщине со дня рождения К. Н. Батюшкова, в Майской модельной библиотеке.

25 мая в Фетининской библиотеке состоялась встреча с замечательным писателем-натуралистом, председателем Вологодского отделения Всероссийского союза охраны птиц Сергеем Шадруновым.

26 мая читатели библиотеки посёлка Сосновка узнали интересные факты о жизни и творчестве Николая Рубцова от, пожалуй, лучшего «рубцоведа» России Леонида Вересова; а в Надевском филиале прошла встреча с известным вологодским писателем Геннадием Сазоновым.

Но самым богатым на мероприятия выдался день 27 мая. В Вологодской центральной районной библиотеке им. В. М. Лукиной в селе Кубенском состоялись встречи со Светланой Чернышёвой и

Леонидом Вересовым; работала книжная ярмарка (свои товары предлагали книжные магазины из Вологды «Стегозавр» и «Бибколлектор»); подводились итоги конкурса для взрослых «Заветное слово». Подарком для участников конкурса стало выступление барда Владимира Сергеева. А победителями конкурса в номинации «Поэзия» стали Сергей Маслов (с. Новленское), Надежда Фирстова (с. Кубенское), Нина Липина (п. Надеево).

*Бронзовеют стихи,
Наполняясь таинственной силой.
Вдруг - охватят огнём,
Обожгут и достанут до слёз...
Вы - спасенье моё,
Вы побудьте со мной до могилы,
А потом, может быть,
Я смогу дотянуться до звёзд.
А потом - так легко и так мощно
Поднимется стая
Журавлей быстрокрылых
И пустится в дальний полёт...
Вместе с ними взлечу,
Будет свет, впереди нарастая,
Звать меня и любить
И приветствовать пенцем звёзд.*

Вот какие стихи пишут наши поэты...
Воистину - заветное слово.

В номинации «Проза» победителями стали Ирина Луссе (Вологда), Николай Соколов (с. Куркино) и авторы сборника эссе о малой родине из ветеранской организации села Куркино.

Призы для конкурса предоставила издательская фирма «Порт-Апрель» (г. Череповец).

И, наконец, 6 июня состоялся замечательный, яркий финал районного литературного фестиваля «Заветное слово»!

В этот день Майский библиотечный филиал превратился в сказочное Луко-

Известный вологодский бард Владимир Сергеев выступил перед участниками конкурса «Заветное слово». Фото автора

морье. Ребята, их родители, педагоги, библиотекари из Кубенского, Зари, Фофанцева, Надеева, Грибкова, Погорелова, Непотягова, Кипелова, Стризнева и других населенных пунктов Вологодского района приехали туда на подведение итогов детского литературного конкурса «Сказочный фонарик».

В конкурсе приняли участие более 220 учеников начальных классов школ Вологодского района, которые сочиняли сказки, рисовали иллюстрации к известным сказкам...

Встречали и награждали ребят сказочные герои - сотрудники Вологодской районной детской библиотеки и Вологодской центральной районной библиотеки имени В. М. Лукиной, а призы предоставил книжный магазин «Стегозавр».

Ну а победителями стали все, кто сказал своё «Заветное слово», прикоснулся к сказке...

Дмитрий ЕРМАКОВ

«Под синим небом»

В Тарногской районной библиотеке состоялась первая церемония вручения межрайонной литературной премии им. Станислава Мишнёва «Под синим небом», приуроченная ко дню рождения писателя - 24 июня.

ПРЕМИЯ ВРУЧЕНА

Премия учреждена администрацией Тарногского муниципального района Вологодской области. Организаторами премии являются Вологодское региональное отделение Союза писателей России; отдел культуры, туризма и молодежной политики администрации Тарногского муниципального района; Тарногская централизованная библиотечная система и литературное объединение «Родники».

Станислав Михайлович Мишнёв (1948 - 2020) - автор 13 книг, член Союза писателей России, трижды лауреат премии им. В. М. Шукшина «Светлые души», лауреат Международной премии «Филантроп», лауреат Всероссийской премии им. В. И.

Белова «Всё впереди», победитель Первого всероссийского конкурса литературного творчества инвалидов «СТИХИЯ Пегаса», автор самобытный, душой болевший за умирающую северную деревню и хорошо знавший жизнь колхозного крестьянства. Всю жизнь трудился в Шебеньге - на родной земле, был трактористом, бригадиром, заведующим мастерскими, инженером по технике безопасности, экономистом, кочегаром.

Конкурсные работы рассматривались в трех номинациях: «Поэзия», «Малая проза» и «Вещая моя печаль» (литературоведческие произведения, посвященные жизни и творчеству С. М. Мишнёва). Свои произведения представили 24 автора из Вологды, Череповца, Бабаева,

Тотьмы, Кириллова, Чагоды, Вашкинского, Верховажского, Ньюсенского, Бабушкинского, Междуреченского, Вологодского и Тарногского районов, из Ростовской области.

В состав жюри вошли представители Союза писателей России и районной администрации.

Среди 15 участников в номинации «Поэзия» отмечены наградами:

Николай Александрович Цыганов (г. Кириллов) - 1 степень;

«...Станислав Мишнёв - достойный продолжатель традиций Василия Шукшина и Василия Белова в русской литературе, - отмечает доктор филологических наук Людмила Яцкевич. - Тяжело читать рассказы Мишнёва, но в них нет либерального презрения к русской судьбе, а есть ясный взгляд на то, как было и есть на самом деле»

Николай Сергеевич Бечин (Верховажский район) - 2 степень;

Надежда Михайловна Юрова (с. Тарногский Городок) - 3 степень.

В номинации «Малая проза» (15 участников) стали победителями:

Наталья Георгиевна Сверчкова (г. Новочеркасск Ростовской области) - 1 степень;

Елена Дмитриевна Сквородина (Тарногский район) - 2 степень;

Андрей Валентинович Клыгин (Тотемский район) - 3 степень.

В номинации «Вещая моя печаль», посвященной памяти писателя, - четыре участника. По единодушному мнению жюри, высоко отмечена только одна исследовательская работа. Виталий Ювинальевич Ламов получил награду 1 степени.

Александр СИЛИНСКИЙ

От редакции. Радует, что среди отмеченных наградами конкурса - несколько авторов «Вологодского ЛАДА».

ПРОТИВОСТОЯНИЕ «ВОЛНЕ ЗАБВЕНИЯ»

Кажется, еще вчера мы говорили с Мишнёвым о новых рассказах, готовящихся к изданию, или о только что вышедших в свет книгах, дискутировали на литературных мероприятиях в районной библиотеке... Еще свежи в памяти его живая речь, доброжелательная и немного застенчивая улыбка. И горько сознавать, что всё в литературной жизни Вологодчины проходит нынче без его участия.

На церемонии выступили лучшие народные коллективы района, в том числе вокальный ансамбль «Кружева». Фото автора

А казалось бы, невозможно.

Это и правда - невозможно. Тем и отличается жизнь и творчество писателя от земного пути простого человека, что после него остаются книги. И они продолжают оказывать влияние на умы и сердца людей.

Не только наши современники, но и потомки откроют в его книгах трагедию северной деревни конца XX века.

Как хорошо, что труд Мишнева не пропал даром, - десятки пишущих людей направили свое внимание и подхватили деревенскую тему в стихах и прозе. Вологодские авторы с радостью приняли участие в конкурсе, посвященном памяти Мишнева. И я в том числе.

Очень здорово, что с организацией конкурса не затянули на десятилетия, не позволили «волне забвения» смыть добрые дела уважаемого человека.

Церемония в Тарногской районной библиотеке прошла на высоком уровне - тепло, душевно, радушно и очень доброжелательно. Уверена, Станиславу Михайловичу понравилось бы.

Надежда ЮРОВА

Виталий
Ламов

Виталий Ювинальевич Ламов живет в деревне Першинской, работает техником-лесоводом. Его произведения публиковались в коллективных сборниках «В начале было слово», «Храни огонь родного очага». Виталий Ламов - лауреат межрайонной премии им. Н. В. Груздевой «Твоё имя», международной премии «Филантроп», литературной премии имени Сергея Чухина. В «Вологодском ЛАДЕ» неоднократно печатались новеллы Виталия Ювинальевича. Он - руководитель тарногского литературного объединения «Родники».

БЫВАЛЬЩИНЫ- ЮВИНАЛЬЩИНЫ

Эти маленькие зарисовки о людях и событиях взяты с моей малой родины, география которой ограничена ближней округой, жителями своей и ближних деревень.

А в частности, местности Верховье Тарногского района.

Вторая часть заглавия - производное от отчества автора - Ювинальевич.

ПРИЩЕПКА ПАМЯТИ

В нашей деревне Першинской две коренные фамилии - Ламовы и Самодуровы. Вторая фамилия не накладывает ни в коей мере на их обладателей какой-то дури. Предки думали: будем прозываться неказистее - так спрячемся от лиха. Скажем, об этом же говорит фамилия Дураков. Но мы же знаем: не имя (или фамилия) красит человека, а он рисует картинку жизни.

Хочется вспомнить Николая Васильевича Самодурова, весёлого, неунывающего мужика, острослова и шутника. С Першины семья Самодуровых уехала в лесной посёлок Ёлгу, а потом поселилась

в деревне Власьевской с сельсоветом, магазинами, почтой и лесничеством, имевшем базу переработки древесины. Николай Васильевич шоферил в лесничестве то ли на «ГАЗ-63», то ли уже на «ГАЗ-66». Техника, обладающая высокой проходимостью, всё же не спасла от дорожных канав. Машина перевернулась на волоке между деревьями вверх колёсами. Водила забрался на раму и сидит, покуривает: может, оказия случится в виде проезжающего трактора...

Мимо проходил колхозный бухгалтер на работу в контору (кстати, величаемый Ювиналием Михайловичем). Многое можно бы поведать и о нём, но для на-

шего рассказа это всего лишь прохожий. Его вежливость.

- Николай Васильевич, чего ты там делаешь-то?!

Не факт автомобиля в необычном положении удивил, а спокойная поза восседающего водителя.

- Не видишь, что ли? Колёса сушу! - был ответ сверху.

СОЛЬ

Ещё одна бывальщинка, связанная с Николаем Самодуровым. Его розыгрыш.

В ту пору работал он в местном отделении сельпо. То ли на машине, то ли рабочим на подхвате при помощи одной живой лошадиной силы. В самом центре волости торговали продмаг, сельмаг и хозмаг да работали столовая и пекарня. Были ещё и лавки по деревням. Заведовал этим хозяйством Аркадий Васильевич Тюкачёв, человек хлопотливый, хозяйственный и заботливый. Ну, конечно, в меру материальных возможностей.

Хранились на складе россыпью, прямо на полу, запасы соли. Давно лежали. Склад был старенький, крыша на нём прохудилась. Соль намокла, а потом закаменела. Однажды Николай Васильевич и говорит с серьёзным, озабоченным видом начальнику:

- Аркадий Васильевич, чего же делать? В соли-то черви завелись!

- Ой, ой! - заволновался начальник. - Чего же делать-то? Как быть-то?

И то: не продать и списать не спишешь! Однако после первой реакции переживающему за всё и вся начальнику пришло понимание: «Какие в соли, едрит твою, черви-то могут быть?!»

Другая «соляная» история. В деревне Катеринино долгие годы посреди дороги стояла лужа. Надо сказать, была она про-

блемой не только для местных жителей, но для людей и техники двух дальних колхозов, вынужденных месить грязь на пути в райцентр и обратно. Ну да мало ли таких ляг на дорогах? Терпели.

Однажды местный председатель навозил всё-таки кучу песка и гравия, высыпали рядом с ямой. Навозить-то навозили, да распахать, разровнять никак не получалось почему-то. Год эта куча мозолит глаза, другой булькаются машины в луже, пошло на третье лето...

Встретился как-то местный житель, инвалид-фронтовик Евлампий с председателем Курбатовым. Александр Савватиевич был крепким хозяином своего колхоза советской поры. Хозяйство не пропало и в лихие годы и твёрдо стоит на ногах в наши дни. Неизвестно, что мешало засыпать лужу, но факт оставался фактом. Председатель обратил внимание на подошедшего ветерана. Последний вежливо и озабоченно спрашивает, кивая на кучу песка:

- А что бы, Александр Савватиевич, к этой куче песка ещё машину соли высыпать?

Председатель опешил, но тяга к новшествам взяла своё.

- Зачем? - спросил он заинтересованно.

- Долго бы куча-то ещё пролежала, не испортилась бы.

После некоторого замешательства председатель заругался:

- Тьфу на тебя! Я думал, чего-то толковое скажешь...

Вскоре холм песка был разровнен. Лужа исчезла.

ЗНАТОК «СЛОНИКОВ»

Лесники, охотники да рыбаки обычно любят почаёвничать. На природе, из котелка у костерка - тот ещё смак! Крепкой заварочки хлебнёшь, бывало, - и отодвинешь, отставишь поворот к дому. Вновь позовёт лесная даль.

• ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ

Но есть, конечно, исключения. Один азартный охотник брал с собой вместо чайной заварки... какао! Помнится лесник - только-только высыплет в бригадное ведро кипятка пачку заварки - помните, были такие не очень большие чайные упаковки кубиками? - так он зачерпывает уже в свою кружку. Чтобы не успел настояться напиток до дегтярной черноты.

Особенно ценили в своё время индийский чай со слониками на этикетке, а ещё пуще - цейлонский. Ароматные были заварки, только в деревенские лавки завозились эти «слоники» нечасто. В дефиците был аромат тот чайный. Ныне нет дефицита, но нет и прежней скуси. Но наш герой не был лесным человеком, а трудился в колхозе на разных работах и периодами бригадирил. И чтобы окончательно поведать о том, как знаток чая со «слониками» попал впросак, сделаем ещё одно отступление-пояснение.

В бытность больших колхозных стад и своих, личных многочисленных животных приходилось страдать от недостатка сенокосных угодий. В то время каждый уголок-закуток выкашивался так, что негде было нажать охапку травы серпом. Берега наших речек Уфтюги, Яхреньги, Коленьги с их притоками косились до самых верховий-истоков. Отдалённые покосы так и назывались - «дальние сена». Бригады косцов проживали там же в избушках, а то и просто в шалашах.

На дальние покосы отправлялись обычно с третьей декады июня сроком на месяц и более, как повезёт с погодой. В своё время было в ходу выражение - «от первых мух до белых «мух». То есть от самого раннего начала сенокоса до осени безвылазно, когда снежинки уже начинают пролетать «мухами». Не одна рубаха сгнивала от пота за лето!

Продукты сенокосникам завозили на лошадях раз в пятидневку, где на телегах, а где во вьючных мешках или пестерях

на «вершних». Занимались этим завозом ребята школьного возраста. Вот из тех времён и запомнился рассказ о земляке с редким именем Квинтилиан (в просторечии Квиня, а то и Квинька). Тот всё гордился перед товарищами:

- Уж я-то толк в чае понимаю!

Когда привезли на покос продукты, в них оказалась «индийская» заварка. С теми самыми слониками. Мужики, однако, специально заварили не чай, а густую наваристую «чернильную» чагу - перо макай да пиши! Пьёт знаток чай да хваливает:

- Вот это чаёк, вот это я понимаю! Настоящий индийский!

Смеялись долго над знатоком «слоников».

Хочется внести в скромную коллекцию наших бывальщин ещё одно воспоминание. Оно о герое предыдущей бывальщинки - Квине. А вернее, о Квинтилиане Петровиче Попове. Был он ветераном войны, хромот, но инвалидность сия была получена уже после войны. Кстати, за его заметную хромоту с подскоком при ходьбе местные острословы-злословы присвоили кличку «рупь пять». Может, не самому хозяину, а вынужденному образу его ходьбы как бы с прискоком. Шаг - «рупь», вынужденный подскок - «пять». Такая ущербная ходьба особенно проявлялась при спешке. Но мы не об этом.

Квинтилиан Петрович периодически занимал бригадирские должности: то руководил артелью строителей, а то возглавлял всю колхозную бригаду. В хорошую погоду облегал себе передвижение использованием велосипеда, и это был единственный ездовой механизм, им освоенный.

Прибыл как-то бригадир с проверкой на дальний запoleк под названием Делян-

ка. Туда был отправлен на летнюю вспашку гусеничный трактор ДТ. Видит: трактор стоит без движения, и тракториста нигде не видно. Наконец, на бригадирский призыв из-под гусениц вылезает помятый колхозник-механизатор.

- Что случилось? Чего не пашешь-то?

- Да люпина на кардан намотало... обрезал.

По некоторым пересказам тракторист ответил якобы, что люпина накрутило на коленвал, что вообще уже выходило за рамки разумного. Впрочем, Квинтилиан не был никаким боком причастен к механизаторскому делу и не вдавался в тонкости карданов и коленвалов. Вот и поверил хитровану-трактористу. Рослое растение - люпин, но куда ему наматываться в гусеничном тракторе и движение останавливать. Разве что плуга забудёт. Ну, а коленвал, как мы знаем и понимаем, вообще крутится и шпыняет взаимно поршни внутри двигателя. Разморило просто тракториста в горячем агрегате да на припекающем солнышке. Вот он и забрался под трактор в тенёк отдохнуть, вздремнуть.

- Так что, ремонта-то не надо?

- Нет. Сейчас поеду.

Времена в колхозе ещё были строгие.

МЕЧТЫ

Помните мечту героя, изречённую неповторимым Савелием Крамаровым? «Куплю машину с магнитофоном, костюм с отливом - и в Ялту...»

Был у нас парень на деревне. В жизни он есть и сейчас, а деревню, как и все другие, оставил на родителей. Однако время от времени наш герой навещает малую родину, и тогда неизменно всплывает воспоминание, с ним связанное.

Ещё перед армией молодой человек не раз озвучивал свою мечту:

- Вот отслужу - и куплю куртку-дуту (дутую, пухлую), брюки-бананы, сапоги на «липах» (липучках)...

Потом, видимо, предполагалось в таком крутом прикиде идти по девкам, в клуб на танцы.

Существовала одно время подобная мода, сохранившаяся в нашей памяти благодаря молодому мечтателю. И настолько часто озвучивалась парнем своя мечта с урезанными, прямо скажем, крылышками, что засела в память односельчан, будто плита-валун, кои покоятся под углами деревенских изб.

Автор этих записей воспоминаний ещё в армейские будни расписывал свою мечту. Состояла она из хороших беговых лыж, фотоаппарата и гитары. До сих пор не проходит удивление: ни одна из этих вещей не была приобретена. Мечты идиотов?! Или иже с ними? Мечты, где ваша сладость?.. Привкус сохранился.

ПОКУПКА

- Купил жене туфли. Половину зарплаты потратил.

- Такие дорогие?

- Нет, зарплата маленькая.

Это анекдот, а вот наша скромная история. Женщина накопила денег на сапожки. На хорошие сапоги, не простые рабочие, а элегантные выходные. Съездила в райцентр на рынок, обувной магазин посетила и не нашла ничего приличного и достойного для себя. Вернулась домой без желанной покупки и в расстроенных чувствах.

Муж ей говорит:

- Надо было в «Рыбак» идти, там наша бы.

Не утешил супруг. «Рыбак» - магазин снастей и большого выбора рабочей и походной одежды и обуви. Что называется, посыпал супруге «соли на рану».

• ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ

Приехала девушка в родной дом. Не долго и пожила в городе, а загордилась, смотрит на деревенских свысока. Вот бродит девица по сараю, прохлаждается. Надменно и вальяжно, старательно «акая», вопрошает домашних про грабли:

- Что это за «рагатка» такая?

Добездельничалась - наступила в сумраке сарая на эти грабли. Родной говор тут же вернулся:

- Какая зараза тут грабли-те оставила?!

Сохраним за собой малую надежду на то, что грабли убавили зазнайства у девицы.

ЛЮБАВА

Этот высокий и широченный пятистенник ещё недавно задумчиво и отрешенно взирал своими окнами на деревенскую улицу из двух рядов изб. В последнее время дом стоял без хозяйки, которая навсегда покинула и родные стены, и деревню, и наш суетный мир. Оставшись без человеческой души, старинный перёд ещё больше потемнел, начал покрываться мхом и оседать на один угол. Однажды приехали на тракторах мужики, в несколько дней разобрали летнюю избу и увезли с собой. Деревенская улица непривычно зазяла пустотой, защербатилась, как будто вырвали передний зуб.

Хозяйку этого дома я хорошо помню. Было известно, что в молодости она уехала в Ленинград и перестрадала там военные блокадные годы. Потом вернулась на родину, тянула обычную деревенскую лямку колхозницы. Любава - такое замечательное русское имя было у неё - семьи не обрела, потому что редкого парня отпустила война из своих ненасытных, жадных когтей.

Ещё с детства запомнился из рассказов взрослых случай, произошедший с Любовью на сенокосе. Косили бабы траву и внимания не обращали на тучку. Удар грома одновременно со вспышкой молнии был таким неожиданным и оглушительным, что косы выпали из рук. Любава упала на спину и кричит:

- Ой, убило, убило!

На это несколько опомнившиеся товарищи резонно заметили:

- Убило, так недосуг было кричать-то!

Продолжим про Любовь Александровну, по-деревенски - Любаву. Женщина держала козу, а справить козляток было никак. В округе коз никто не держал, не было, понятно, и козла. Вот однажды хозяйка навязала на козу овчину (овечью шкуру) и привела свою воспитанницу на колхозную овчарню к барану. Вдруг тот примет козу за овцу?! Посмеялась хозяйка овчарни и через какое-то время тайком дала хозяйке козы пару ягнят.

Добавим: овечками в бригаде в те давние времена заведовала Графида Никандровна из соседней деревни Дороники (Доронинской). Вот она и выручила одинокую женщину, а впоследствии оказалась тёщей автора этих записок. Так что история правдоподобная.

ТРИ ОНДАТРОЧКИ

Отца Любавы я не запомнил, разошлись во времени. С ним связана другая история, сохранившаяся в устных анналах деревенской памяти. Не знаю, занимался ли он лешней*, но в какой-то праздник угощал гостей дичинкой. Говорит:

- Мужики, у меня заяц в печь поставлен... сейчас достану, закусите.

* Лешня - охота.

Мужики рады и довольны радушием принимающей стороны. Жаркое под домашнее пиво и добрые разговоры подмелось быстро, ещё и мало оказалось. Тогда хозяин извиняющимся тоном изрёк:

- Не обессудьте, гости дорогие, три ондатрочки только и было!

Когда народ сообразил, что к чему, то скопом ринулся в двери на улицу, с трудом удерживая съеденное и выпитое в организмах. Чуть лавки со столешницей с собой не вынесли...

Любознательные охотники знают, что ондатры родом из Северной Америки. К нам на Север они завозились в начале тридцатых годов XX века и быстро расселились по водоёмам. Евразийский материк стал их второй родиной. В Америке этого грызуна называют водяным зайцем и употребляют в пищу. У моих земляков голохвостые грызуны ассоциируются с крысами и повсеместно вызывают брезгливость. Поэтому реакция мужиков на «три ондатрочки» вполне согласовывалась с местными обычаями и пристрастиями.

История с жарким из ондатр, скорее всего, имела место ещё до Великой Отечественной войны. В деревенском обычае тогда было варить пиво, приглашать на праздники. Гостились по очереди. Американские переселенки попали «гостеприимному» хозяину-шутнику, вероятно, в рыбацкую ловушку - плетушку. Специально никто ондатр не ловил, да, наверное, они были ещё под запретом. Теперь, увы, нет ни обычая угощать пивом, ни самих мужиков на деревне. Мирные невзгоды почище войны косят народ. Ондатры живут благополучно. Впоследствии их отлавливали, шили шапки, а чтоб пускали на жаркое - не слыхивал.

Но зарекается не будем, и вполне возможно, что когда-нибудь сподобимся. Вот посеём озимую рожь (в нашей местности

пиво варят из ржи), на следующий год обмолотим, наводим солода, приготовим сусло и переварим его с хмелем. Готовое пиво разольём в лагуны (деревянные бочонки) и выставим дозреть на погребной холодок. И вот тогда под струю тёмно-янтарного, душистого, густого, пенистого домашнего пива, нацеженного в подставленную братыню* из-под слегка стронутой затычки-гвоздя, пройдёт-пролетит любая закуска. Или по-современному, по-простому: накопим денег, купим водки и сходим на охоту. Попиру-у-е-ем! Жизнь должна продолжаться и в работе, и в праздниках.

ПРО КОРОВУ НА ПРОТЕЗЕ И КОРОВ ЯЙЦЕНОСНЫХ (По рассказам ветеринара)

Рассказчик этих историй имел редкое имя - Эварест. Возможно, даже, что Эверест, не знаю, в паспорт не заглядывал. Но при встрече с ним или в воспоминаниях всегда всплывала география. А то как же? Ведь Эверест - самая высокая гора планеты! Однако же человеку с таким гордым именем (хорошо ещё, не Джомолунгма - другое название этой взметнувшейся выше небес земной тверди) природа в полную противоположность дала весьма щуплые формы: ни роста, ни косой, ни даже прямой сажени в плечах, ни веса. Ну никакой внешней солидности! Но мы же понимаем: польза человека, его отдача, прелесть, если хотите, далеко не всегда заключена в его массе. Сила вся эта в характере сокрыта, в отношении к людям.

Доброта и мягкость характера и привели, возможно, Эвареста Константиновича, а по-простому Валерия, Валеру, так его все прозывали в неофициальной обстановке, к профессии ветеринара.

* Братыня - медная, латунная широкая посуда с носиком-рыльцем.

• ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ

Равнодушный, злой человек вряд ли способен приносить пользу даже животным. К тому же Валера любил составить компанию, пошутить. И рассказчик был (да-да, увы, приходится говорить в прошедшем времени: гора в Азии стоит себе на радость скалолазам-альпинистам, а Валеры уже нет) неплохой, с неторопливой, недокучливой речью. С юмором рассказывал, но не выставлял себя в красном цвете или свете, как это бывает у некоторых. Если выкачает шприцем водку из припасённой супругой для гостей бутылки и зальёт обратно колодезную воду, а дырочку от иглы в бутылочной крышечке-«бескозырке» залепит хлебным мякишем, то прямо об этом и последствиях своей проделки и расскажет. Не обелит себя. Попробуем пересказать парочку историй из богатой профессиональной практики ветеринара Валеры, а вернее, Эвареста Константиновича.

Наехало в колхоз районное начальство: из сельхозуправления, главный ветврач района, ещё кто-то... Пришли на ферму. А там грязно, навоз только с середины стаек-стойлов счищен, многодневные его залежи так на проходе и преют. Начальник управления, бывший прокурор, - такой горлопан! Конечно, в ругань пустился, за грязь, за низкие удои честит.

От ругани уши завяли. Зашёл от них в стайку, глянул за колоду. Автопоилок тогда ещё не было, а стояли деревянные корыта-колоды под воду. И вижу: белеет там что-то... Отшатил корыто... Мать честная! Куриная кладка чуть ли не с десяток яиц! За другим корытом - ещё, за третьим... Куры с двух ближних деревень ходили кластись на ферму. То-то хозяйки жаловались на своих кур: не кладутся,

мол, как ни корми. Коровы - на пастбище, а куры - на ферму. В навозе покопаются, покормятся и яичко здесь же снесут.

Подхожу к начальству и говорю:

- Где коровам-то молока много давать? Они ещё и яйца несут, а это сколько всякого корма надо для образования извести?

Смотрю, оторопевший начальник пальцем крутит у головы и у ветврача спрашивает: «Нормальный ли твой подчинённый?» Тот отвечает: «Вроде нормальным был». Глядите, говорю. Вытаскиваю одно гнездо, другое. Разобрались, посмеялись. Никто больше не ругался, и разговор пошёл спокойный и деловой. Без напряжения. А шутку эту ещё долго трясли-вспоминали на районных совещаниях. Про молочных и яйценосных коров.

Пропала колхозная корова. Дело было в сенокос, искать некому. Нашли лишь где-то через месяц. Попала в лесу в медвежий капкан, а тот ещё был привязан к тяжелой чурке-остуланку. Всю эту связку и таскала бедная животина за собой по маленькой полянке. Траву до чёрной земли выглодала.

Привезли рогатую лежачей на прицепленной к гусеничному трактору пене* к скотному двору. Собрались все: председатель, бригадир, зоотехник, из района кто-то был. Ждут ветеринара, что я скажу. Корова - одна кожа да кости. Клеп всё ещё на ноге. Кость перешиблена, конечность держится на коже. Достал скальпель - чик! Освободил от железяки.

Председатель спрашивает: «Что делать-то?» А что делать?! Кто будет за трёхногой ухаживать? Я и говорю: «Михаил Михайлович, в Вологде на улице Урицкого** есть протезная мастерская. Сними мерку да закажи протез. Тот по-

*Пена - толстый стальной лист, цепляемый к трактору и используемый для перевозки различных грузов.

**Урицкого - улица в Вологде, областном центре, ныне переименованная обратно в Козленскую; протезная мастерская в Вологде находится на улице Яшина, недалеко от Козленской.

смотрел непонимающе, а когда дошло, то пустился в матюги: «... , я думал, что дельное скажешь!..»

Списали корову на медведя. Такого свидетеля для дознания ни повесткой, ни нарядом милицейским не доставишь.

Клеп я домой унёс. Хозяин её так и не сказался. Оно и понятно: стоимость коровы на него могли повесить. А на медведя тогда ещё свободно охотились, круглый год как на вредного хищника. Коровёнка-то случайно забрела туда, где не надо гулять, от стада отбилась.

В округе было два толковых охотника: Константин Демидович и Василий Варсановьевич. Уже по осени один из них пригласил кастрировать поросёнка. За столом я дал понять, что клеп у меня и

готов от неё избавиться. Хозяин очень обрадовался. И то: такие капканы только в единичных экземплярах существуют.

Засиделись мы за застольем в тот день до позднего вечера...

В послесловии добавим: ветеринар наш охотником не был. Учить не оказалось кому, да и зрение было слабовато. В пенсионном возрасте Эварест уже не расставался с белой тростью. При виде обладателя этого скорбного символа инвалидов по зрению проезжающий транспорт должен притормаживать и уступать дорогу. Вот и мы сделали краткую остановку на жизни одного человека. Горы величавы сами по себе. Человек же велик делами, остающимися в памяти.

• ИЗДАНО НА ВОЛОГОДЧИНЕ

Проза поэта из Никольска

Василий Мишенёв. Жизнь - радость короткая. Повесть, рассказы, воспоминания. - Вологда: Родники, 2022.

Василия Мишенёва представлять читателям не надо: его стихи и прозу наш журнал неоднократно публиковал и неизменно получал одобрительные читательские отклики. Всю жизнь Василий Михайлович прожил в Никольске, однако провинциальным его творчество никто не назовёт. Василий Мишенёв - не никольский, не вологодский - он русский поэт, продолжающий традиции Есенина, Твардовского и Яшина, Чухина и Белова... Ни в стихах, ни в прозе Василий не подражает никому, его поэтический голос ярок и самостоятелен. «Всюду ты остался современно мыслящим, современно растревоженным, по-современному тихо горящим певцом», - так отзывался Виктор Астафьев о книге «Опавшие яблоки» в письме Василию Мишенёву. Те же черты свойственны всему, что написал Василий Михайлович. Он - автор двадцати книг стихов и прозы. Земляки выразили свою признательность писателю, присвоив ему высокое звание «Почетный гражданин Никольского района».

*Николай
Цыганов*

Николай Александрович Цыганов родился в 1960 году в деревне Глебовское Кирилловского района. Живет в Кириллове, работает слесарем аварийно-восстановительных работ. Стихи Николая Александровича опубликованы в газетах Вологодской области, а также в газете «На страже Заполярья» (г. Полярный), в сборнике «Любят поэтов в России» (Вологда), в журналах «Вологодский ЛАД», «Костер» и «Юность». В текущем году признан лауреатом межрайонной литературной премии имени Станислава Мишнева «Под синим небом».

Стала часто деревня мне сниться...

НА РОДИНЕ

*Остынет ночь, погаснут звезды,
И темнота придавит сном
Мой дом, дорогу, птичьи гнезда
В высоких липах над прудом.*

*Я не усну, я буду слушать
Немые звуки из небес,
Которые врачуют душу
Без всяких правил и чудес.*

*Оставляю всё... И словно в детство,
Нырну в туманы с головой,
Где красота - не наглядеться,
Заря жар-птицей над рекой...*

*И всё проснется, всё задышит:
Мой дом, дорога, поле, лес.
И я услышу, я услышу,
Как льются звуки из небес...*

*Плывут седые облака,
Темнея, набухают к ночи,
Зимы холодная рука
Хватает накрепко, по-волчьи.*

*Ветвями крепко обнялись,
Дрожат подруженьки-березы,
А по земле, сильны, как жизнь,
Трещат крещенские морозы.*

*Немая жуть. Трещит мороз.
Пронзили избы небо дымом.
И я задумался всерьез:
Всё то, что есть - неповторимо...*

*Покраснели щечки у осины,
Их прижег морозец поутру.*

*Легкий, чистый, как невинность, иней
Побелил и крыши, и траву.*

*Я смотрел с восторгом, как ребенок,
На земную эту благодать.
Солнца лучик - рыженький котенок
Всё хотел со мною поиграть.*

*За такую щедрость от природы
То ль смеяться, то ли зарыдать?
Наши годы, годы-скороходы,
Неужели вас не обогнать?..*

ПЕРВЫЙ СНЕГ

*Забелело в поле - не ромашками.
Сыплет снег в зеленую траву.
Тополь в тонкой беленькой рубашке
Без надежды смотрит в синеву...*

*А дорога вся преобразилась,
Будто бы стряхнула много лет.
Причесалась, старая, умылась.
Чистым, светлым вдаль
 уходит след...*

*На колодце - птичьих лапок строчки,
Только их нам не прочесть вовек.
Может, строчки телеграммы срочной?
«Ждем вас в гости - выпал первый снег!»*

ГЛУХАРИ

*Отблеском погаснувшей зари
Сгинул день, опала позолота.
Зазвенели песней глухари
В соснах на окраине болота.*

*Сразу как-то радость и печаль
Залетели в душу ветром шалым.
Не жалею того, чего не жаль,
Сохрани всё то, что нам осталось...*

*И не надо много говорить,
Для чего спешил и торопился?
Как я рад вас слышать, глухари,
Будто снова в юность возвратился...*

ПРО ЛЮБОВЬ

*Порвало ветром ночи полотно -
Сквозь дыры смотрит месяц, улыбаясь.
А я гляжу в размытое окно
И, словно в клетке, молча задыхаюсь.*

*Весь в паутине, будто в седине,
Калины куст согнулся, как от боли.
Какие тайны скрыты в глубине?
Какие песни не допеты полем?*

*Какая неразгаданная новь
Осудит нас мучительно и строго?
Нам не узнать, коль предана любовь
К родному краю, к отчему порогу.*

*Я не хочу со всеми заодно -
Не все бегут - другие остаются.
Порвало ветром ночи полотно -
Сквозь дыры смотрят
 звезды и смеются.*

*Затянуло небо желтой поволокой,
И мурлычет речка в дбрях камыша,
Затаился вечер в зелени осоки,
Ночь идет хозяйкой, не спеша.*

*День уснул, спиной прижавшись к ели,
Труден был его нелегкий путь.
Птицы с рожей тоже отшумели.
Тишь да гладь - пора и отдохнуть.*

ДУМЫ

*Я, как старей тополь, загрустил
О тепле, о лете - днях хороших.
И сегодня думы отпустил
Погулять по выпавшей пороше.*

*Охладеет их горячий пыл,
Может, поумнеют, недотроги.
Ничего из жизни не забыл -
Годы-свечи тают понемногу.*

• ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ

*Но пока земная благодать
Льет на сердце нежностью и светом,
Буду жить, и плакать, и страдать -
И встречать закаты и рассветы.*

В. И. Белову

*Неспроста это всё, неспроста -
Стала часто деревня мне сниться.
У багряного у куста,
Рыжей шапкою спит лисица.*

*Я шагаю мостками судьбы -
Все в занозах, зарубинах доски.
Нету больше родимой избы,
Только камень, зола, отголоски.*

*Да туманы ползут от болот,
Застилая поля и низины.
Деревенька, прими нас, сирот,
Дай нам выбраться из трясины.*

*Здесь такая кругом простота,
Сном здоровым до зорюшки спится.
Неспроста это всё, неспроста,
Стала часто деревня мне сниться.*

• ИЗДАНО НА ВОЛОГОДЧИНЕ

О времени и о себе

Вологжане о Вологде. Вологодская городская патриотико-краеведческая общественная организация «Держаться корней»; В. А. Яцкевич (главный редактор) и другие. Вологда: Древности Севера, 2022. - 239 с. - ил.

Сборник воспоминаний «Вологжане о Вологде» издан к 875-летию юбилею города. Книга выпущена в рамках проекта «Вологжане о Вологде» на средства гранта Правительства Вологодской области при софинансировании Фонда президентских грантов.

Книга «Вологжане о Вологде» даёт возможность взглянуть на недавнюю историю нашего города глазами ее жителей, рассказывающих о том, какой была Вологда во времена их детства и юности.

- Смысл издания - не углубиться в вековую историю, а запечатлеть недавно минувшие дни и дать высказаться обыкновенным жителям города, - рассказал инициатор проекта Михаил Глазов. - Авторы приносили нам и фотографии времен описываемых событий. Мы взяли практически все истории, которые нам прислали. Сборник передан во все библиотеки города. Будем рады, если кто-то, прочитав книгу, за-

хочет поделиться своими воспоминаниями - для этого мы указали в сборнике контакты, а истории читателей опубликуем в нашей группе.

В сборник вошли 59 воспоминаний, относящихся к 40-80-м годам прошлого столетия. Авторы поделились милыми воспоминаниями о детстве, юности, о работе, рассказали и о важных именно для каждого из них домах, улицах, людях, событиях. Вспоминаются трогательные мелочи, детали, о которых не расскажут в учебниках истории...

Читатели найдут также в книге отрывки из мемуаров академика Николая Девяткова, фрагмент из повести Вячеслава Белкова и несколько публикаций из периодической печати. Иллюстрирована книга фотоснимками из семейных архивов авторов воспоминаний.

ИГУМЕН ДИОНИСИЙ (ВОЗДВИЖЕНСКИЙ),
игумен Спасо-Каменного монастыря
на острове Каменном в Кубенском озере

«Мы жили в среде удивительной свободы»

Воспоминания игумена Дионисия редакция публикует в продолжение публикации в номере нашего журнала за 2021 год «Художники, наставники» - о выставке работ Ангелины Петровны Кротовой и Николая Константиновича Воздвиженского.

*Светлой памяти моих
незабвенных родителей*

Человек пользуется благами настоящей жизни и зачастую не осознаёт своего счастья, пока не лишится чего-либо. Только тогда он начинает по-настоящему ценить то, что имел. Как после долгой зимы особенно чувствуется теплота солнца, свежесть и прозрачность воздуха, или как после голода остро ощущается вкус простого черного хлеба. Пока живы родители, присутствие их в твоей жизни кажется таким естественным, как дыхание. Расставшись с ними, мы, как давным-давно замечено, перестаём быть детьми и в этой «взрослой» жизни, став сиротами, вновь открываем их для себя и ещё больше начинаем любить. Ведь «любовь никогда не перестаёт» (1 Кор. 13, 8). Наверно, так бывает не у всех. Но для меня самые близкие люди не только стали дороже, но и открылись новыми личными гранями. Благодаря рассказам тех, кто их близко знал. И если бы не бережно сохранённая давняя родительская переписка, пожалуй, никогда бы и не узнал, насколько трогательно-возвышенными, трепетными и взаимоуважительными были их личные отношения.

В памяти моей образ родителей начал проявляться во второй половине 70-х, в период беззаботного детства. Жили мы тогда в поселке Водников, на Городском валу, в небольшой комнате общежития, вчетвером. Жизнь была очень скромной, можно сказать, бедной. Посмотреть телевизор иногда ходили к соседям. В те годы родители больше занимались различной оформительской работой, что позволяло сводить концы с концами и располагать временем. Чтобы скрасить незатейливость обстановки, стены комнаты были расписаны персонажами из сказок. Помню большого кота - наверно, тот самый, который у лукоморья кругом дуба ходил.

Я доставлял родителям много хлопот своими шалостями: то окно разобью на общей кухне, то новое пальто извожу в грязи, но к ремню прибежали только в крайнем случае. Помню, как мама водила меня в детский сад, а отец - в местную баню, где была страшно закопчённая, чёрная, как преисподняя, парилка. Однажды, возвращаясь со мной из детского сада, по пути домой мама зашла в магазин одежды, и случилась очередь, так что мне пришлось долго стоять на улице (видимо, внутри было очень тесно и душно). Наску-

чив ожиданием, несмотря на приказание мамы никуда не отлучаться, отправился её искать и в толкотне не нашёл. Своим детским умом решил, что разминулись, значит, надо домой идти самому. Знакомой дорогой прихожу, мамы нет, но знаю, что ключи у соседней, высунулся в форточку, встречаю. Как сейчас помню: бежит, бедная, вся в слезах. И не знает, то ли стегать меня, то ли обнимать, что нашёлся, но всё же «досталось на орехи», как говорили раньше. Это был урок послушания.

Помню ещё из раннего детства, как мама рассказывала вечерами, когда я не мог никак уговориться, удивительную сказку «Про Холод и Голод». Думаю, она сама её сочинила, никогда больше такой не слышал. К сожалению, в памяти не сохранилось всего повествования, но основной поучительный мотив был такой: к непослушным детям приходят старик Холод и старик Голод, тогда в доме всё замерзает и пропадает еда, но если дети исправляются, то незваные гости покидают дом и всё становится по-прежнему. Это было очень таинственно и страшно, и действовало неотразимо!

В конце 70-х мы переехали в двухкомнатную «хрущёвку» на улице Горького, в ней родители прожили всю оставшуюся жизнь. Здесь прошли мои школьные годы. Здесь нас стало пятеро, появилась Таня, и наиболее яркие воспоминания связаны с обстановкой этой квартиры и полнотой семейной жизни. Мне кажется, мы, дети, жили в среде какой-то удивительной, не сознаваемой тогда нами свободы. Это ни в коем случае не было вседозволенностью; напротив, дурные поступки пресекались, всякая ложь обличалась и подвергалась соответствующей оценке. Нет, это то состояние, когда тебе дают плыть самому, не стесняя свободного движения и выбора, а только оберегая от крайностей. Не было никакого давления со стороны родителей

ни в выборе жизненного пути, ни в каких-либо предпочтениях, но создавалась такая творческая атмосфера, которая сама тебя несла, как мне кажется, в нужном направлении. Мы читали книги, увлекались занимательными играми (очень любили составлять слова из какого-нибудь слова), а поскольку множество книг и альбомов было с картинками, смотреть их можно было бесконечно. Бумаги и красок тоже хватало, поэтому опыты подражания Леонардо и Рафаэлю не заставили себя долго ждать.

Время от времени квартира наполнялась ученическими работами из художественной школы, которые родители обсуждали, или превращалась в оформительскую мастерскую, и тогда разворачивались рулоны с текстами социалистических воззваний или планшеты наглядной агитации с цитатами из классиков марксизма-ленинизма. Что поделывать, такая была эпоха.

Помнится, не раз приезжал из Тотьмы самодеятельный художник Николай Проккопьевич Сажин, большой друг отца, привозил свои новые холсты. За просмотром работ было очень интересно наблюдать. А сколь завораживающим таинством, каким праздником было печатание фотографий в домашней фотолаборатории, которой служила ванная комната!

Жизнь семьи не замыкалась в четырёх стенах, часто мы ходили в гости. Посещение родственников в Говорове и Октябрьском посёлке - как погружение в иной мир. Детские впечатления особенно яркие. У тётки Лены, бабушкиной сестры, обстановка была как в молельне: много икон и большое Распятие. Его потом передали в какой-то новооткрытый храм. А у дедушки с бабушкой - большущий огород, множество ягодных кустов и загадочный палисадник под кронами огромных тополей. Но главное - ощущение старого деревянного дома, с его неповторимыми

запахами, и заботливое отношение взрослых родни.

Так вообще сложилось, что большинство гощений приходилось на деревянную Вологду. В деревянных домах жили и тетя Лина, мамина сестра, друзья и коллеги родителей Анчуковы, Мамровские. Мне, привыкшему к многоквартирной пятиэтажке, было особенно интересно ходить в гости в такие дома. В остальном мы были предоставлены сами себе.

Тогдашняя ребятня много времени проводила на улице, и мы не были исключением. Никто нас не удерживал. Это был безусловный риск со стороны родителей, как теперь ясно понимаю, ведь уличная компания являла много негативных примеров, и порой они были притягательны. Дворовая стихия привлекала своей таинственностью и неизведанностью: стройки, лабиринты гаражей, заброшенная кочегарка... Много мест, где можно было пропасть. Поистине, как заметил некто, мужчина - это случайно выживший мальчик.

Но то, что предлагала улица, всё же проигрывало на домашнем фоне. И хотя материально было скудно (например, велосипед, о котором мечтал много лет, был куплен на двоих с отцом только к моим годам четырнадцати, да и тот украли из подъезда спустя два месяца), богатство было другого порядка. Нас окружала прекрасная библиотека, предметы искусства, репродукции картин великих мастеров прошлого - всё это создавало обстановку, при которой в душе неизбежно рождалось возвышенное, одухотворённое настроение. Родители нам не приказывали, а только аккуратно советовали и предостерегали от возможных ошибок. Как это было мудро с их стороны, и с какой любовью говорилось! При этом у нас почти не использовались обычные для внутрисемейного общения ласковые обращения. Всё зависело от тональности.

Ангелина Петровна Кротова и Николай Константинович Воздвиженский. Снимок из семейного архива

Суховатое по форме произносилось так, что чувствовалась вся гамма эмоций.

Религиозность дома не проявлялась, видимо, тщательно скрывалась. Помню, крестик я надел на себя сам лет в 15-16. Удивительно, как деликатны были родители не только по отношению к внешним, так сказать, но и по отношению к нам, своим детям. Как чутко с их стороны было узнать моё мнение (когда уже учился в художественном училище) о переходе отца на службу в Церковь. Хотя мне это показалось более чем естественным в тот момент.

Конечно, отношения родителей между собой и с нами не были полной идиллией, случались по временам и конфликты, как без этого, но быстро погашались. Огорчения происходили чаще всего из-за одной отцовской слабости, столь характерной для мужской части общества. Однажды, помню, будучи подростком, я сильно

обидел мать. Насмотревшись на жизнь некоторых сверстников, в недоумении и с обидой взирал на непрактичность и бедность родителей. Резко объявил матери претензии: почему у нас нет ни того, ни другого?.. Она в растерянности ничего не сказала в своё оправдание, а только неодобрительно посмотрела; видно было её огорчение. Тогда я не имел ещё понятия о подлинном богатстве, заключающемся в добродетельной жизни.

В общем, много всего в детстве и юности было испробовано, потому что многое родителями позволялось и предлагалось, - всевозможные кружки, музыкальная школа, спортивные секции... Но в конце концов всё вернулось на круги своя - к изобразительному искусству и православию.

Наверно, так и протекала бы размеренно-спокойно наша жизнь, не случись несчастья с Таней, этого семейного потрясения. В течении жизни семьи произошёл некий водораздел. Жизненный вектор изменился, переставляя всех постепенно на духовные рельсы. Каждый переживал случившееся по-своему; родителям, разумеется, это было тяжелее всего. И каким в этой связи было подвигом с их стороны принять мой монашеский выбор! В этом проявилось мужество и глубокое смирение.

У отца было трудное детство. Это, конечно, звучит банально, мало у кого детство было лёгким в те времена. Оно прошло в городке Щёкино под Тулой. Его папа, которого он, вспоминая, с улыбкой называл батей, происходил из духовного сословия, был весьма строг, ремень шёл в ход безотлагательно при первой возможности, отношения были патриархальными. Мама, Мария Ивановна, женщина простая и во всём послушная мужу, не препятствовала таким методам воспитания. Рано утром все поднимались на молитву. «Спать охота, - вспоминал отец как-то раз,

- носом клюёшь, а уйти нельзя. И вечером перед сном то же самое». Константин Иванович имел свои счёты с советской властью: тридцать седьмой год, унёсший жизни отца и старшего брата, оставил свой тяжёлый след. Поэтому ни в пионерах, ни в комсомоле отец не состоял - как, впрочем, и его брат и сестры. В детские годы, по собственным словам, он оказался «между молотом и наковальней»: учителя в школе относились с подозрением, а дома батя не давал спуска.

Но учился он всегда хорошо и, видимо, рано увлекся живописью. Сохранились его подростковые копии «Трёх богатырей» Васнецова, «Неизвестной» Крамского, поленовского «Заросшего пруда», левитановского «Вечернего звона». Всей душой он полюбил русскую культуру, много читал и со временем захотел уехать из невзрачного Щёкина в какой-нибудь город «с историей», как он сам говорил. Но сначала была долгая, не как сейчас, армейская служба. Она очень кстати проходила в живописнейшем месте, в Батуми. Горы, море... Сохранилось много армейских фотографий, и на всех он такой жизнерадостный, добродушный! Как будто служба была праздником, а может быть, он так и воспринимал жизнь.

Затем - художественное училище в Москве, факультет - «ковроткачество». Расширение кругозора, формирование художественного вкуса, посещение Третьяковки, музеев и, конечно же, московских храмов, знакомство с творческими людьми. По окончании училища Промысл Божий (или судьба, как хотите) привели его в Вологду. Сбылась мечта жить в городе с большой историей! После преподавания в художественной школе (период, который я не застал) отец работал в Доме народного творчества, впоследствии получившем более обтекаемое название - Областной научно-методический центр, курировал самодеятельных художников. Хотя я был

тогда ещё совсем мал, атмосфера жизни творческой интеллигенции запомнилась. Помню участие в конкурсе рисунков детей сотрудников ДНТ, первый диплом. Ярче всего то время воскресает почему-то при песне «Как молоды мы были» в исполнении А. Градского. Отец часто совершал поездки по области, иногда брал меня. Тогда я окупился в мир необычных, увлечённых своим творчеством людей, таких как ткачиха Е. В. Панова в Чёбсаре или график Е. И. Министров в Белозерске.

Впоследствии отец с желанием пошёл работать старшим художником на обойную фабрику. Ему удалось применить свои способности и навыки колориста, полученные в художественном училище, при решении производственных вопросов. Бывали интересные спецзаказы - создание обоев для музейных мемориальных комплексов, усадеб. Их, кажется, родители выполняли сообща. В конце 80-х отец перешёл на работу в объединение «Вологдареставрация», где несколько лет под руководством опытного художника-реставратора В. А. Митрофанова с большим воодушевлением занимался реставрацией икон. Таким образом, своё художественное призвание Николай Константинович реализовал в самых разных направлениях.

В мире изобразительного искусства у него был довольно широкий круг почитаемых художников, в основном русской школы. В этом отношении отец имел разнообразную палитру. На ней помещались Левитан, Ге, Серов, Врубель, Борисов-Мусатов, Кустодиев, Сомов, Лентулов, Петров-Водкин, Пикассо, Модильяни, импрессионисты. Но, пожалуй, наиболее важное место в этом ряду занимали Павел Дмитриевич Корин и Михаил Васильевич Нестеров. И не случайно - в их творчестве наглядно соединялось художественное и религиозное начало. Знакомство, пусть и краткое, с П. Д. Коринным в последние годы

его жизни произвело на отца сильное впечатление. Впоследствии он бывал у вдовы Корина, Прасковьи Тихоновны, чтобы ещё больше проникнуться силой духа великого мастера. Дома у нас на стене в разных вариантах (целиком и фрагментарно) всегда висели репродукции коринского этюда «Отец и сын». И вообще, мне кажется, он почти религиозно почитал всех персонажей «Руси уходящей»: от митрополита Трифона и протодиакона Холмогорова до схимниц и блаженных.

У отца было несколько духовно-нравственных авторитетов. Судя по всему, в молодости на него большое влияние оказал Л. Н. Толстой. Широта взглядов великого писателя привлекала его. Связано это ещё и с близостью Ясной Поляны, а детские и юношеские годы прошли в храме в Кочаках, где находится родовая усыпальница Толстых. До сих пор сохранилась старательно переписанная отцом книга «Мысли мудрых людей». По примеру Толстого он и сам впоследствии регулярно записывал мудрые высказывания, но авторы там уже другие - русские религиозные философы, особенно И. А. Ильин. Стоит заметить, что и экспозиция на домашних стенах не была постоянной. Постепенно Врубеля, Борисова-Мусатова, Корина заменили «Владимирская», «Иверская», «Тихвинская».

Из духовных лиц отец с огромным почтением и благоговением всегда говорил о патриархе Пимене, впечатленный его красивейшим служением и особенно голосом. Бывая в командировках в Москве, первым делом стремился в Елоховский собор. Импонировал ему и своеобразно служивший патриарший архидиакон Стефан Гавшев. Вспоминал жившего на покое в Москве и служившего в Скорбященском храме на Большой Ордынке архиепископа Киприана (Зернова), на службы которого также ходил. Не раз посещал Псковско-Печерский монастырь

• СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

(сохранились сделанные им прекрасные фотографии, отражающие неповторимую атмосферу тогдашних Печор), вспоминал свое краткое знакомство с архимандритом Алипием (Вороновым), благосклонно встретившим на монастырском дворе молодого художника, коллегу, и давшего ему краткое напутствие. Был с детства близко знаком с известным старцем схимандритом Григорием (Давыдовым), духовником их семьи, и со многими другими духовными людьми.

Очень проникновенно отец говорил о пострадавших за веру. Помню, как однажды он показал мне фотографию архиепископа Петра (Зверева) и с глубоким, восторженным чувством произнес: «Вот, камень!» Голос его в тот момент дрогнул, а на глазах появились слёзы. А с каким трепетным чувством он вспоминал о своих дедушке и дяде, протодиаконе Иоанне и диаконе Николае, расстрелянных за веру Христову: слова у него буквально вырывались, когда внутреннее чувство переполняло. Увидеть их отцу не довелось, - но, несомненно, они были для него нравственным ориентиром и внутренним эталоном служения.

Из детства и юности отложились в памяти несколько разновременных поездок с отцом. В основном это были поездки к родственникам и знакомым, иногда командировки по работе. Но неизменно, куда бы ни приезжали, в Харьков или Тулу, Сергиев Посад, Галич или Белозерск, мы бывали в храме. Поначалу мне это было тягостно. Куда приятнее с охотой убежать покататься на хозяйском велосипеде. И отец не настаивал, но попыток приобщения к православному богослужению не оставлял, что со временем возымело своё действие. Такие поездки были не часты, и для меня они теперь являются оценочной шкалой изменения и взросления. Начиная с 90-х годов, когда отец Николай служил в Рождество-Богородицком кафедральном

соборе Вологды, а я был уже в монастыре, несколько раз мы путешествовали вместе по костромской земле, посещали места служения наших предков: Парфеньево, Буй, Ветлугу. Для него эти паломничества были очень важны.

По внутреннему состоянию отец был глубоко верующим, церковным человеком, это было его сутью. Став диаконом, он попал в родную с детства стихию, оказался в очень близкой себе среде. Но вместе с тем, как проявление второй природы, он был художником, творческой личностью. Не случайно, уже будучи старым и немощным, он либо вклеивал в книги свои «иллюстрации» из фотографий и разных репродукций, либо раскрывал этюдник и писал что-то «авангардно-импрессионистское». Хотя, что удивительно, я за всю жизнь не припомню ни одного раза, когда видел его за этюдником или мольбертом. Как-то у него получалось это делать незаметно! А ещё он был собирателем: художественной литературы, книг и альбомов по искусству, красивых старых вещей, будь то подсвечник, поднос или рушник, всего, что несло на себе отпечаток искусства и изящества. Кроме того, он бережно относился к самым незначительным вещам: письмам, открыткам, пригласительным билетам. По целой стопке сохранённых отцом пригласительных можно без труда составить летопись художественной жизни Вологды за последние полвека.

Николай Константинович с детства был замечательным фотографом, благодаря этому мы имеем живую ретроспективу прошедших лет. Особое отношение у него было к старым фотографиям и открыткам: сохранилось несколько альбомов с тщательно подобранными старыми (дореволюционными, как обычно о них говорили) видами Вологды и других русских городов. Вырезки из газет - ещё одно характерное для его среды увлечение. Их было немало: всё сколько-нибудь интересное и заслу-

живающее внимания сразу вклеивалось в специальный альбом.

Вставал он всегда очень рано. Любил утром прогуляться по Вологде, брал фотоаппарат и снимал храмы, городские виды, особенно любил фотографировать набережные. Много читал, благо мы все ещё спали и никто не мешал. Кстати сказать, подарками отца всегда были книги. Хорошо помню две: в школьные годы - «Полтава» А. С. Пушкина с замечательными офортами-иллюстрациями, а когда поступил в художественное училище и уехал из дома, - «М. В. Нестеров. Воспоминания» с его напутствием: «Пусть в начале твоего самостоятельного жизненного пути эта книга для тебя будет ориентиром, и путь, пройденный М. В. Нестеровым, путь поиска духовности, красоты, правды, будет и твоим путем в дальнейшей жизни». Недавно открыл эту книгу - и так тронули его слова, до глубины души! Думаю, этим путём он и сам шёл.

Предки мамы по линии бабушки происходили из деревни Говорово в пригороде Вологды, по фамилии Оботуровы. Они были прихожанами Говоровской церкви, где бабушка, Агния Николаевна, с младшей сестрой Ларисой пели на клиросе. Алевтина Петровна была весьма поздним, «случайным» ребёнком. Три её сестры и брат родились ещё до войны, а она - в самое голодное послевоенное время, в 1946 году. Однажды, когда родители из-за крайней нужды уехали за зерном в Прибалтику, младенцем её оставили на попечение слепой бабушкиной сестры. Тётя Лена была глубоко верующей, молитвенницей; ослепнув в восемнадцать лет, не роптала на свою участь. Непонятно, как она справилась; но, видимо, только по её молитвам, чудом мама осталась жива. Дедушка, Петр Андреевич, был труженик, добрый и заботливый. Всю жизнь, даже во время войны, работал мастером цеха на

вагоноремонтном заводе (у него имелась бронь). Человеком он был нецерковным, бабушка в шутку называла его беспартийным коммунистом - за исполнительность и самоотверженный труд на общее благо.

Их семья жила в Октябрьском посёлке на окраине города. В картине «Воспоминание о детстве» запечатлён тот самый деревянный дом, где уже на моей памяти часто собирались родственники, там царила добрая атмосфера, и было ощущение деревни. В такой почти деревенской обстановке прошло мамино детство. Способности к изобразительному искусству проявились у неё в школе, где и посоветовали поступать в художественное училище. Про училищные годы мама вспоминала редко, как-то вдруг (она вообще, к сожалению, мало о чём подробно рассказывала; а может быть, я мало прислушивался), но всегда с почтением к преподавателям и добросердечно о сокурсниках. Из учителей запомнились фамилии Смагина и Томбасова, а из однокашников - Лёня Ершов и её близкая подруга Валя Ершова (они однофамильцы). Дружба с Валентиной Александровной продолжилась, они впоследствии встречались и иногда обменивались письмами. Сохранилось у нас, может быть, с десяток фотографий того времени, и по ним можно судить, в какой творческой и непринуждённой обстановке жили студенты. Помнится, говорила о скудном гардеробе, видимо, её это тогда удручало, хотя сказано было с улыбкой, самоиронией. Все пять лет носила одно пальто, пришивая на зиму воротник. Может быть, это и преувеличение, не знаю.

Про художественную школу и другие места работы мамы я тоже знаю немного (проблемы по работе обсуждались только между родителями, а мне было недосуг вникать), звучали часто фамилии, имена-отчества коллег. Помню хорошо только небольшой (из двух комнат) филиал на улице Горького, поскольку сам там не-

долго учился в подготовительной группе у А. Ф. Мамровского перед поступлением в училище и в 90-е заезжал туда не раз. Но я отлично помню, как ответственно мама подходила к работе, как тщательно выбирала предметы (в домашней коллекции их было множество) и ткани для учебных натюрмортов, не ограничиваясь школьным багажом, какие чудесные миниатюрные делала эскизики к постановкам, как скрупулёзно подбирала литературу для истории искусств.

Почему-то запомнился во всех подробностях её рассказ о курьёзном происшествии, случившемся при директорстве Н. К. Рогатнева, который сменил основателя и многолетнего руководителя школы Ю. А. Баранова. История такая. На одном из педсоветов директору (по разнарядке) пришлось проводить инструктаж по пожарной охране. Объясняя устройство огнетушителя, как-то неловко взялся за ручку, и огнетушитель сработал. Видимо, директор держал его в руках впервые, поэтому дальше началось стихийное бедствие. Обдав порцией пены самого себя, Николай Константинович непроизвольно направил его в сторону собравшихся преподавателей. Спасался кто как мог: одни под столами, другим посчастливилось выскочить в коридор! Подоспевший Александр Францевич Мамровский помог «обезвредить» огнетушитель посредством выброса его в окно. Сюжет был достоин популярной в то время телепередачи «Вокруг смеха». Мы все дома долго по доброму смеялись, хотя понятно, что участникам происшествия было не до смеха.

В свободное от работы время мама понемногу писала. Для литературных школьных и институтских вечеров нам со старшей сестрой успевала рисовать портреты К. Н. Батюшкова, М. И. Цветаевой, Б. К. Зайцева, А. А. Ахматовой, Б. Л. Пастернака. Сохранился только последний. У

Алевтины Петровны был свой творческий подход, отличающийся тщательностью во всём. Много раз она переписывала свои работы, некоторые просто записывала другими. Часть сюжетов, к сожалению, так и осталась погребена под толстым слоем масляной краски - например, портрет отца совсем ещё молодым сохранился только на фотографии...

Она очень требовательно относилась как к самой себе, так и к творческому выражению. У неё было всего две-три изблюбленные темы, которые сопутствовали ей всю жизнь. В первую очередь - это тема семьи, портретная галерея самых близких людей. Затем, она очень любила натюрморты с цветами и пейзажи дорогих сердцу мест. «Воспоминание о детстве» имело множество вариантов живописного исполнения, неизменной осталась только общая композиция. Помню не менее трёх портретов Н. М. Рубцова. Нашёл лишь один, самый последний, незаконченный. Поэзию мама любила, а Николай Рубцов и сам был ей близок, и стал своего рода собирательным образом поэта. Родственным ей по духу было творчество американского художника Эндрю Уайета, философский строй его картин. Книга о нём всегда лежала где-то рядом с мольбертом. Отчасти повлияло и творчество другого классика американского искусства - Рокуэлла Кента, а также замечательного отечественного живописца Виктора Попкова.

Можно подчеркнуть как характерную черту в её творчестве, вне зависимости от жанра, стремление изобразить вечерний свет. Это предзакатное состояние, вечерний колорит, с тёплым светом, холодными тенями, при всей своей яркости является кратким, быстротечным. Здесь и намёк на краткость нашего бытия, и на непреходящую ценность времени, которое не вернёшь, и религиозно-философское осмысление прожитых лет.

Мама любила остаться наедине с собой, и творческий процесс наполнял её уединение. Она создавала картины как бы для себя. Ни одна работа не подписана. По своей скромности никогда не считала свои произведения заслуживающими внимания, убедить её в том, что надо выставляться, было делом невозможным. Даже Николай Константинович в этом не преуспел, а очень старался. Творчество помогало справиться с невзгодами. Летом 1991 года, после трагедии с Таней, мы специально вместе поехали на этюды в Кириллов и Ферапонтово. Но по-настоящему залечить эту рану помогла только вера. Последние десятилетия мама вела очень внимательную духовную жизнь. Ни слова ропота или даже намёка никогда не слышал. Она переносила эту скорбь stoически, держала всю при себе.

Таня была любимицей родителей. Ей передался их художественный талант. С раннего детства много и охотно рисовала. Готовилась осенью пойти в художественную школу. Не забыть последний наш общий пленэр в парке Мира в мае 1991 года. Мы прошли тогда весь парк и расположились за железной дорогой рядом с храмом в Слободе, напротив Спасо-Прилуцкого монастыря. Я взялся за панораму обители, полагая, что и Таня сделает то же. Через какое-то время, закончив, подхожу и вижу у неё на листе синее небо со звёздами - и больше ничего. Я был озадачен, а всё сбылось, как на картине.

С начала 2000-х, когда мама вышла на пенсию, я стал обременять её заказами. Для монастыря были нужны портреты Патриарха и архиерея. Можно, наверно, было обойтись и фоторепродукциями, но хотелось приличествующего интерьеру уровня. Тут ей пришлось заняться несвойственным делом, писать парадные портреты. Она написала их несколько, не могла мне отказать. Зато ещё раз показа-

ла, насколько острый был у неё взгляд и как прекрасно она схватывала характер и передавала сходство! Разумеется, всё это делалось совершенно бескорыстно.

Недавно удалось найти в фонде Ярославского училища дипломную работу Алевтины Петровны. Мастерски, свободно, очень уверенно выполнены и рисунок, и живопись. Уже в этой работе 20-летней выпускницы, в её простом и незамысловатом с виду сюжете присутствует философский взгляд на жизнь. Смотрю на эту картину - и вижу её автопортрет в трёх возрастах: здесь и весёлая мечтательность детства, и озабоченная деятельность зрелости, и снисходительно-спокойная старость. И опять же - вечерний колорит! Достойный внимания штрих к её собственному портрету: Алевтина Петровна писала картины и рисовала левой рукой, а в обыденной жизни использовала правую, но именно ею она прекрасно, каллиграфически, писала и замечательно печатала шрифты.

Нелишним будет сказать и о маминых музыкальных предпочтениях. Сохранилась маленькая записочка, где упоминаются Второй концерт С. В. Рахманинова, «Реквием» Моцарта, «Адажио» Альбиони и ещё несколько классических произведений. Серьёзная музыка, глубокая, всеохватная! Но Рахманинов, без сомнения - самый любимый её композитор. И не только композитор: она почитала и любила его как человека высокой духовно-нравственной культуры. А «Элегия» и «Вокализ» Сергея Васильевича, мне кажется, являются точным выражением характера Алевтины Петровны. Крайне обострённое чувство долга и ответственность были её характерными чертами, а также пронизательность. При всей художественности натуры она с педантичной аккуратностью заносила в записную книжку все наши встречи и общие поездки.

Мама была очень сдержанной в проявлении своих чувств и деликатной в общении. Может показаться странным, но ко мне она обращалась «отец Дионисий», тем более, когда говорила обо мне в третьем лице. Впрочем, и об отце мы с ней говорили «отец Николай». Думаю, это было высшей степенью благоговения перед саном и крайним умалением своей значимости. Многие вещи «проявились» уже после маминой кончины. Она вела дневник с выписками из творений святых отцов. Записи в нём появляются с начала 90-х годов. Обнаружились некоторые неизвестные доселе картины, в том числе и мой портрет. Не показывала! Она всю жизнь, сколько помню, старательно избегала шумных сообществ, весёлых компаний. И этим отличалась от отца, который как раз был человеком общительным, любил бывать в гостях. Но в целом у родителей были родственные души, очень тонкие и восприимчивые. Говорили они мало, прибегая к слову, что называется, в крайней необходимости, «от избытка сердца». Они были простыми, порой детски-доверчивыми, отчего всегда остро переживали всякую грубость и несправедливость и радовались чистым и светлым проявлениям человеческого духа.

Подводя итог своим воспоминаниям, не могу не сказать и о христианской кончине родителей. Переход в вечность - это всегда тайна. Мы можем только созерцать внешнюю канву этого непостижимого события. Последние годы, чуть менее десятилетия, были отягощены немощью отца, последствием инсульта. Все это время Алевтина Петровна смиренно за ним ухаживала, скрашивая будни чтением

вслух книг и молитвой. Она и сама не отличалась крепким здоровьем, но никогда не сетовала на свою участь. Тихой и мирной, незаметной была кончина отца Николая. Такой же прикровенной была она у мамы два с половиной месяца спустя, - такой, какую она сама хотела. Они ушли вместе... Отца Николая похоронили на Горбачевском кладбище, на участке вместе с духовенством. В этом была воля мамы, тем самым она как бы отдала его Церкви, а не присвоила себе! Сама же упокоилась рядом с любимой дочкой, по-другому и не могло быть.

Во всём чувствую вашу благодетельную руку, ваши молитвы и невидимую поддержку, дорогие мои родители. После Бога я всем обязан вам!

Вместо послесловия. Переживание расставания с матерью сильнее, чем переживание разлуки с отцом. Глубоко врезалась в память наша последняя встреча за несколько дней до её ухода. Встреча была особой, но тогда я не придавал значения деталям. Вид у неё был какой-то отстранённый, показала найденную у отца икону «Собор архистратига Михаила» (это было накануне Михайлова дня), сказав, что нужно икону в храм передать. На столе лежала её большая школьная фотография, которую я почему-то переснял и все последующие дни на неё смотрел. Провожая, она вышла на лестничную клетку, чего раньше не делала, и перекрестила меня, когда я спускался и, обернувшись, сказал ей, что теперь мы, наверно, не скоро увидимся, имея в виду наступающий ледостав. Я спешил попасть на остров. Но спустя несколько дней возвращался... по только что установившемуся первому льду.

Татьяна
Горшакова

Татьяна родилась и выросла в Никольске. Закончила Вологодское педагогическое училище, потом - заочно - педагогический институт. 35 лет проработала учителем начальных классов. В настоящее время на заслуженном отдыхе. «Часто бывала на малой родине отца в деревне Блудново (родина поэта Александра Яшина), - пишет о себе Татьяна Горшакова. - Возможно, отсюда любовь к лирической поэзии. Пытаюсь складывать слова в рассказы, иногда в стихи. Восхищаюсь никольской природой. Любовь к тихой и размеренной жизни вылилась в цикл о деревне». Нынешняя публикация - первое появление прозы Т. Горшаковой в нашем журнале, однако её произведения уже печатались на сайте Proza.ru, в районных газетах Никольска и Кичменгского Городка. В литературном альманахе «Звезда Поюжья», который вышел в свет в июле текущего года, помещён её рассказ.

БАТЮШКИ-СВЕТЫ, ЧТО ЖЕ ЭТО ДЕЕТСЯ?

РАССКАЗЫ О ДЕРЕВЕНСКИХ ЖИТЕЛЯХ

ЗА ЕЛОВИКАМИ

Ильинишна открыла глаза. За окном начинал брезжить рассвет.

«Слава Богу, ночь прошла, - подумала она и перекрестилась - Роботы сегодня много, вставать пора».

Нагужно поднявшись с кровати, аккуратно, привычными движениями, застелила постель, не забыв подушки накрыть накидкой тюлевой. Умылась, оделась, перед иконою прочитала «Отче наш» и «Богородицу» и пошла чайник ставить.

А чайник особенный, со свистком. Дети из города привезли. Очень Ильинишна им гордилась: ни у кого в деревне не было такого. Скоренько попив чайку с пряником, стала собираться за рьжиками.

- Робята приедут, с собой дать надо? - разговаривала она сама с собой.

Выйдя на крыльцо и взяв в руки старенькую корзинку, уж собралась спускаться, да тут кот, бестия пушистая, с гулянки ночной вернулся.

- В дом не пушу, вот вернусь с губами - тогда... А молока счас налью, - сказала

Ильинишна коту и вынесла магазинный пакет молока, купленный накануне. Налив в плошку, пакет оставила тут же, на крыльце. Дверь подперла веником и пошла по деревне.

«Да разве деревня это? - думала она. - Жилых только шесть домов, да и в тех старики одни».

Летом, правда, деревня оживала, наполнялась детскими голосами: внуки приезжают к бабушкам и дедушкам. Вот и Ильинишна на днях ждала своих. С думами о внуках пройдя соседскими огородами, дошла Ильинишна до изгороди: два длинных батога, прибитые на тонкие столбики. Свободно пролезла между батожинами, перебросив корзинку. Тихонько пошла она по бывшей поскотине, заросшей маленькими ёлочками. Земля была неровная, исхоженная когда-то стадом коровушек. Осторожно ступая, заглядывала Ильинишна под ёлочки, кое-где приподнимая нижние еловые лапы палкой, специально поднятой на краю мелкокося.

Еловики в этом году попадались щедро. Маленькие, все ровные, с махровыми загнутыми краями, не больше чушки поросёнка, что держала Ильинишна лет эдак пять назад. Переходя потихоньку от ёлочки к ёлочке, незаметно для самой себя наломала Ильинишна корзинку. Опомнилась, когда переносить корзину с места на место стало тяжеловато.

- Ух ты, что делать-то что? - рассуждала она сама с собой.

Отбавлять из корзины не хотелось. Для начала наломала лапника и накрыла грибы. Сняла с головы платок, закрыла сверху лапник, завязав узлы под ручками корзины. Затем сняла пояс. Привязала его к середине корзинки у самого низа ручки и медленно потащила к изгороди. С грехом пополам дотащила корзинку до изгороди, присела немножко попышкать. Солнышко уже пригревало, и Ильинишну сморило.

Очнулась она, когда донесли со стороны деревни звонкие детские голоса.

Два мальчонки резво перебрались через изгородь и, не останавливаясь, едва бросив «Драсьте!» - умчались к поскотине. А их спутница, девчушка лет двенадцати, остановилась. Поздоровалась и поинтересовалась:

- Что ж вы, бабушка Вера, такую тяжесть носите? Надо было корзинку поменьше взять.

- Дак взяла бы, коли была бы. И эта-то уже вся прохудилась. Лапника вот на низ положила, чтоб грибочки-то не выпадали.

Девчонка без лишних слов взяла корзинку и понесла к дому Ильинишны. Та, как могла быстро, семена по-стариковски, старалась не отстать.

- Зовут-то тебя как? - крикнула Ильинишна.

- Маришка.

Девчонка донесла корзинку, поставила на крыльцо и быстро умчалась за рыжиками. А Ильинишна села на крыльцо отдышаться.

Сладив мелкие дела, которые она и за дела-то не считала, Ильинишна взяла кулёк конфет и отправилась к Петровне, жившей в трёх домах от неё. Она знала, что к Петровне на днях подкатила ватага внуков. Поблагодарить решила Маришку за помощь.

Петровна зазвала её на чай.

- Да ладно уж, выпью чашечку, хоть водица у тебя не чета моей, - сказала Ильинишна.

И начался у них постоянный диспут - чья вода лучше. В деревне было два общих колодца. Один, недалеко от дома Ильинишны, - обычный, с подъёмным воротом, ручку которого надо крутить, чтобы достать ведро водой. Другой, в центре деревни, вырытый ещё прадедами Ильинишны и Петровны, звался по деревне «журавлём». За деревянным срубом стоял высокий толстый столб,

в прорезь которого вставлено такое же длинное коромысло. На нижний край привязан камень в противовес верхнему, на который приделан тонкий шест. К нему и крепилось ведро. Чтобы набрать воды, нужно было, схватившись за тонкий шест, опустить ведро в колодец, а затем, перебирая руками поднять его. Прежде вместо ведра висела деревянная бадья. Но об этом уже почти никто не помнил, разве что Ильинишна с Петровной.

За разговорами, допивая четвёртую чашку, Ильинишна рассказала подруженьке, как за рыжиками сходила и что пришла она поблагодарить внучку Петровны, Маришку.

- Да, она у нас такая, - с гордостью сказала Петровна.

Придя от Петровны, едва взглянула на корзинку неперебранных рыжиков, махнула рукой и решила, что завтра времени будет много и грибы никуда не денутся, пошла почивать.

Утречком, выйдя на крылечко, обнаружила рядом со своей корзинкой, по-прежнему полной рыжиков, новую корзинку, слетённую из коричневых и белых полосок, нарезанных из пластиковых бутылок. Корзинка была очень лёгкая и баская. Она так понравилась Ильинишне, что она принесла её в избу и поставила на видное место. А сама, взяв ведро, пошла перебирать и солить собранные вчера еловики.

САНЫЧ И БАРИН

Саныч никогда не был заядлым рыбаком, но время от времени хаживал на речку с удочкой. Речка, что протекала недалеко от деревни, в которой всю свою сознательную жизнь прожил Саныч, была неглубокая и чистая, с тихим, спокойным течением. По берегам росло много ивняка и других кустов.

Первая рыба, что поймал Саныч, каждый раз отдавалась коту Барину. В детстве кота звали самым что ни на есть кошачьим именем - Барсик. Когда же котёнок стал большим котярой, то частенько любил растянуться во весь диван. И если Саныч хотел лечь или сесть на диван, то ворчал:

- Ишь, барин какой, разлётся. Подвинься, барин.

В конце концов кот стал откликаться только на кличку Барин.

Барин всегда сопровождал Саныча на рыбалку. Рыбёшка попадалась в основном мелкая, плотва да пескари. Карасики с окуньками случались редко. А вот если на крючок попадался ерш, Саныч тут же выбрасывал его обратно в речку, приговаривая:

- Ёрш Барину не товарищ.

Барин не сидел около Саныча в ожидании рыбы, а занимался своим делом: проверял прибрежные заросли ивняка в надежде, что перепадёт, чем поживиться. Как только Саныч снимал рыбку с крючка, он кричал:

- Барин!!

Кот тотчас выскакивал из кустов, а Саныч выбрасывал рыбёшку подальше от воды. И кот быстро справлялся с добычей. Съедая двух-трёх рыбок, а то и больше - в зависимости от размера, Барин начинал усердно мыться. Потом ложился неподалёку и отдыхал, а Саныч ловил уже для себя.

Но однажды у Барина случился конфуз. Санычу на крючок попался окунь приличных размеров, сантиметров 30 в длину. Он по привычке (первая рыба Барину) выбросил её подальше от воды. Кот, ошалев от такой добычи, попытался схватить окуня и приступить к трапезе. Но не тут-то было. Окунь, извиваясь, ударил Барина хвостом по морде. Ошарашенный кот уселся рядышком и наблюдал, как трепыхается рыбина. Скоро Санычу попалась более

мелкая рыбёшка, и кот с удовольствием её съел, оставив окуня Саньчу.

Поздней весной, по ему одному ведомым приметам, Саньч доставал бредень - старый, латаный-перелатаный, ещё дедовский, и шёл на речку. Как он с ним управлялся один, только Богу известно. Барин даже в этом долгом походе сопровождал Саньча. Чаще кот прыгал на тачку и ехал, а иногда шёл сам. Саньч никогда не уходил далеко от кота, дожидался его после отлучки. Возвращаясь через день (иногда через два), привозили они в тачке два мешка рыбы. Один мешок Саньч забирал себе. Свою рыбу он чистил на реке:

- Зачем грязь домой возить?

Чешую и внутренности (кроме икры) отправлял Саньч обратно в реку, на корм рыбам.

Второй мешок рыбы Саньч высыпал в тачку и ставил между домами Ильинишны и Петровны. Когда это случилось впервые, Саньч предполагал, что рыба будет съедена местными кошками и собаками. Но не тут-то было. Всю рыбу разнесли по домам немногочисленные жители деревеньки. Кошек, разумеется, тоже накормили до отвала. С тех пор так и повелось: раз в год Саньч угощал односельчан рыбой. Барин сидел около тачки и не подпускал к ней деревенских кошек и котов.

Промышлял Саньч и добычей икры. Срубив ёлочку, бросал её в речку, но бывало, что Саньч сначала привязывал верёвкой на берегу, ёлочку притапливал камнем, который закреплял верёвкой. Выждав ночь, Саньч приподнимал ёлочку и собирал икру. Получалось около литра. Процедура повторялась несколько раз: утром и вечером. Так набиралось около трёх литров икры.

Из своей доли Саньч делал консервы. Раньше всем занималась его жёнушка Аннушка, но вот уже три года как жил он вдовцом. А консервов хотелось. Мало-помалу вспомнил Саньч всё, что делала

его Аннушка. Клал рыбу в чугунок, добавлял специи: соль, перец да лаврушечку. И ставил в печь томиться. После раскладывал по баночкам и спускал в голбец. Зимой откушивал и радовался.

Саньч и Барин жили очень дружно и по мере сил помогали друг другу. Барин ловил на огороде кротов, мышей и землероек, а Саньч кормил кота рыбой и угощал молоком. Барин жил по правилу: ночь, проведённая в избе, напрасно прожита. И вот однажды зимой, вернувшись домой после морозной ночи, Барин запросил еды. Но вот рот открывал, а «мяу» не получалось. Саньч понял, что кот осип, и приступил к лечению: нагрел молоко и добавил чуточку меда. Барин отвернулся от лекарства, показывая всем своим видом, что зря испортили молоко. Пришлось Саньчу накормить Барина обычной едой. Тот, наевшись, прыгнул на печь и грелся весь день. А голос через недельку вернулся, чему оба были несказанно рады.

Ранней осенью получил Саньч от Барина подарок, в аккурат на именины. После ночной гулянки кот принёс в зубах маленький пушистый комочек - рыжего котёнка. Где Барин его нашёл и как он там оказался, в деревеньке так и не смогли понять. Саньч, как смог, выкормил котёнка. Хотел было назвать найдёныша Рыжиком, но вышло иначе. Бабушки-соседушки пошутили:

- Барин себе сынка притащил.

Так и повелось: Сынок да Сынок. А когда Сынок подрос, Барин стал водить его с собой на рыбалку. Теперь Саньчу надо было ловить в два раза больше рыбы. Но он был только рад заботиться о тех, кого приручил.

ТРЕСКУНЫ

В один из сентябрьских дней, когда осень набирает обороты, а на огородах разворачивается генеральная уборка,

Ивановна зашла набрать овощей для борща. Проходя мимо капусты, она ахнула:

- Батюшки-светы, что же это деется? Как же это я не углядела? Вроде и шатала вас, - разговаривала она с кочанами. - Как же быть-то?

Забыв про борщ, Ивановна стала шатать в разные стороны кочаны, оставшиеся целыми: стараясь ослабить корни, наклоняла их влево-вправо, вперёд-назад. Более лёгкие кочаны пыталась даже чуть-чуть поддёрнуть вверх.

- Вы уж, милушки, не трескайте. Рановато вам ещё в засолку. Потерпите недельки две. Там и ваше время придёт, - уговаривала она кочаны.

Успокоив душу разговорами, набрав овощей для супа, направилась Ивановна в избу, доваривать борщ. Но трескунны никак не выходили у неё из головы.

- Что же делать-то? Как же быть? Солить, буди, что ли? Так вроде рановато. Скиснет быстро, - рассуждала про себя Ивановна.

Но на следующее утро отправилась в огород и вырубилла эти два треснувших кочана.

Все в деревеньке капусту шинковали и квасивали. Но у Ивановны был свой способ засолки капусты. Она её шпарила кипятком. Нет, шинкованную она тоже умела делать, но зашпаренная ей нравилась больше. Да и зубы пока позволяли. Способ этот достался ей, как водится, от матушки. Сначала кочан разрезался на четвертушки и из него удалялась кочерыжка. Раньше она была бы тоже разрезана и сварена скоту. Но, как говорится, тепереча не то, что давеча: скота Ивановна уже не держала, и кочерыжка отправлялась в компост. Капусту хозяйка разрезала на дольки сантиметра три-четыре толщиной. Насыпав на дно эмалированного бачка горсть соли, клала туда верхние листья, а уже на них - дольки кочана. Каждый слой

сдабривался горстью натёртой моркови и чуть большим количеством соли. Так заполнила Ивановна весь бачок. Кипяток к этому времени уже был готов. Зашпарив капусту, положила на неё деревянный круг и тяжёлый камень-груз.

Только успела закончить солить капусту, как открылась дверь и послышался голос Саньча:

- Ивановна... Ух ты, а что это ты так рано капусту квасишь?

- Ты зачем пришёл? Поучать меня пришёл или соскучился?

- Ну, и это тоже. А вообще-то я за солью зашёл. Кончилась.

- Ты ж вчера в город с Ондрухой ездил. Что ж не купил?

- Да вот, голова моя дырявая, забыл.

- Так записывай, чего купить-то надо, и не забудешь ничего, - поучала Ивановна, прибираясь после засолки.

- Писал, да посеял где-то. Ондруха завтра снова поедет, так пять пачек мне привезёт. Надолго хватит. И тебе возверну. Мне немножко надо - только супчик посолить.

- Соль и хлеб не надо вертать, аль забыл?

- Так, к слову сказал.

Насыпав соли в солонку, принесённую Саньчем, Ивановна молвила:

- Всё, поди-поди. Мне ещё прибраться надо. За капустой дня через три приходи - угощу.

Дня через три Ивановна разложила капусту по банкам, обязательно утрамбовывая её деревянной толкушкой - поболее войдёт. И с этого момента обычные походы в гости на чай переросли в раздавание засоленной капусты. Первой подарок получила Ильинишна.

- Ну, и пошто ты несёшь? Скоро и сама насолю.

- Скоро не скоро, а моя уже готова.

- Что ты ныне торопишься капусту-то прибирать?

- Так треснули, заразы. Не углядела.
- Я ж тебе говорила, что шатать их надо.
- А я не шатала? - с обидой в голосе отвечала Ивановна, - несколько раз принималась.

- Ну, видать, не шибко шатала.
- Силы-то не те. Ну да нет худа без добра. Всех угошу - вот и разойдётся. Сама-то я уж наелась. Ничего получилось. И ты попробуй, не побрезгуй.

- Знаю, у тебя капуста всегда вкусная получается. Антону моему шибко нравится. Обещал в выходные заехать: в лес ему захотелось, груздей проведать.

- Вот и славненько. Я ему домой трёхлитровую наложу. Пусть угощается. Да меня добрым словом, глядишь, помянет.

Почти такой же разговор повторился и у Петровны.

- Ну, и ты туда же. Что вы с Ильинишной за дурочку-то меня держите? - с обидой отвечала Ивановна на укоры Петровны. - Шатала, и не раз.

- Ну, не сердись, не сердись. Я ж люблю. А за капусту спасибо, вкусная она у тебя получается.

- Так с душой делаю.

- Вот и славно!

Так, день за днём, обошла Ивановна с гостинцем почти всю деревню. Односельчане радовались разносолу и всюю благодарили Ивановну. А та была довольнёнхонька, что её трескуны пришлось кстати жителям деревеньки.

• ИЗДАНО НА ВОЛОГОДЧИНЕ

Автору книги - три года!

Жил-был ёжик. Ксения и Алина Ковалёвы. - Вологда: Арника, 2022.

В заголовке ошибки никакой нет: историю про ёжика, которая составила небольшую и очень красивую книгу, придумала трехлетняя москвичка Ксения Ковалёва, она же и картинки нарисовала. История о ёжике, который осенью искал в лесу, где бы согреться, и нашел друзей, которые ему помогли, понравилась маме девочки - Алине, и она прислала дочкину рукопись в жюри Всероссийской премии для начинающих поэтов и прозаиков «В начале было слово». Премия учредил российский политический деятель Евгений Шулепов. Выпустило книжку в свет вологодское издательство «Арника».

Инна Девятъярова

Инна Девятъярова родилась и выросла в Омске, с 1996 года живет в Санкт-Петербурге. Пишет стихи и рассказы в жанре фэнтези и фантастики, а также исторические рассказы. Произведения И. Девятъяровой публиковались в российских и зарубежных русскоязычных журналах и газетах, а также в сборниках рассказов. Призёр конкурсов «Север - страна без границ» в 2019 году, «Голос Севера» в 2017 году, «Теплые слова» в 2017 году. Победитель конкурса «Петроглиф-2019» в номинации «Фантастическая проза». Рассказ «Верный способ» - первая публикация прозы Инны Девятъяровой «Вологодском ЛАДЕ».

Верный способ

РАССКАЗ

Апрель прорастал, как трава, сквозь прозрачный, трепещущий март. Нагонял юрких черных пронырливых птиц - небо пело на все голоса. Солнце шурилось меж облаков, озорное, набравшее силу. Просыпаясь, деревья тянулись к нему. Сок гулял под корой. Открывались доверчиво почки. Зудела земля, преисполнившись влаги, тепла и семян.

А зима забывалась, как сон, долгий, тягостный морок. Лишь тени её хоронились в нестаявших плешинах снега. Холодные, скорбные тени.

- Да я ради участка беру. Тут хороший участок... и озеро рядом... а цену бы сбавить, ага? - покупатель торчал на крыльце, точно гвоздь, тонкий, остро вколоченный в доски. Курил, не спеша выдыхая во-

просы. Крыльцо заскрипело - весна пробуждала в нем жизнь и ворчливость. - Ну, м-мать... полтора миллиона... за это гнилье... да тут проще снести всё и поставить коттедж. Знаешь, сколько коттедж сейчас стоит?

Прищурился. Живо блестели глаза. Сигарета меж пальцев вскипела густым белым дымом. Ехидным, седым, с хитрецей.

- Так, - твердо сказала Марина, и птичий, разбуженный талый апрель поддакнул ей за левым плечом, - сто тысяч могу сделать скидку. За срочность. Не больше... Берите - и ставьте себе хоть коттедж, хоть картошку сажайте. Участок всё стерпит.

Взошла беспокойная туча. Серая, распростерлась над крышей, грозила дождем.

Солнце скрылось, бледнея. Апрель был капризен, веснушчат и хил.

- Ну зачем же картошку? Цветы, гамачок... пикничок, - покупатель хихикнул. Скомкал сигарету в руке. - Хорошо тут. Зачем продаешь? Деньги срочно нужны?

Ветер выпростал крылья, заблажил над садом, завыл. Закачались деревья, царапая небо. Апрель - переменчив, недобр - воцарялся в округе на смену бежавшему марту.

- Работа, - сказала Марина. - В Москве предлагают... А дом я куда?

Грач вспорхнул на крыльцо - злой, напыщенный, строгий. Смотрел острым глазом. Весна изнуряла грача. Лихорадочный март и апрель - томный, ветренный... Грач закричал. Его ярость рассеяла ветер.

- И вправду - куда? - подмигнул покупатель. - Продать - и с концами. А деньги в Москве пригодятся. Москва - город денежный... Беру. И участок, и дом. А уж что тут построить - придумаем. Виды-то, мать, тут какие! Роскошные виды. Леса! И озеро под боком. В Москве ты таких не найдешь! Тю...

Грач взвился над крышей, углем прочертил облака. Весна наступала на пятки. Зыбка, тороплива - звала.

Май пришел незаметно, в одну из ночей, когда звезды в окне были белы, как сыр, и особенно ясны. И запел - так свирельно, что стиснуло сердце и спокойные сны устремились к далекой луне. И Марина проснулась, и вышла во двор.

Было черно, лишь лунный, тревожащий свет изливался над крышей. Лишь звезды горели над ней, анемичны, бледны. А одна из них, острая, злая - мигнула беспомощно и прекратила. Марина протерла глаза. Сон не шел.

- Не хочу, - вдруг сказала она вслух - и маю, и звездам, - не хочу продавать завтра

дом. Не хочу уезжать. Этот сад, - вдруг сказала она, - этот месяц, и эти грачи, пораженные в сердце весной... Не хочу. Что мне делать?

В саду был тихо, и лишь вовне его, в поднебесии майском - играла свирель. Тонка, жалостна...

- Это вода, - пел, нашептывал май, - воды мягки, текучи. Луна состоит из воды, замороженной в лед. Нити лунные тянутся к самой земле, разливаются реками. Если спрашивать - то у воды. Если верить - то водам небесным.

И помстилось, что воды близки. Шаг ступи - и холодная галька, и плеск. И звезда - удивленно над озером. Мерзлая тень камышей...

И Марина шагала к воде.

- Это сон, - отрицала она. - Я заснула, измучившись страхами. Я боюсь - что с работой не сложится. Что я зря уезжаю. Что я... А еще этот май... как некстати!

Она засмеялась. Онего придвинулся ближе. Вольно, беспокойно - ждал. Волны рвали песок, набегали, оскалась. Роняли жемчужную пену.

- Да-а! - сказала Марина. - Вот ты мне, конечно, ответишь. Песчаное, рыбное, чёрное... ты мне подскажешь ответ. Уезжать - или здесь оставаться? Как скажешь - так и будет. Клянусь. Во сне - это всё несерьёзно.

- А зря, - май был грустен и юн. На цветущей его голове проросли одуванчики. - Зря ты так. Воды зрячи. Спроси - и сама убедишься. Верный способ. Проверенный.

Тучи взошли и украли луну. И вода - вознеслась, почернела, взыграла. Невиданной силы волна обернулась кольцом - и ударила в берег. Как молот. И гром застонал в небесах. И затихло.

- Ну вот, - май сидел у воды и держал на коленях уснувшую рыбу, - вот Онего тебе и ответил. Как я говорил.

- Что? - сказала Марина. - Зачем?

Май хихикнул.

- Затем. Прожила тут всю жизнь - и не знаешь. Как чужачка. Как гостя... Смешно! Уезжать вот теперь собралась... жаль, что озеро против. Не пустит. Ты - плоть от плоти его. И вода в твоих жилах - озёрная.

Он стал бел, и прозрачен, и легок, как туман над водой, безголовая дымка. Поднялся над Онего, укутал. Зашептал. Укачал камыши.

- Волхв здесь был, говорят... в стародавние годы... судьбу предсказать мог, до точности самой... утоп в этом озере, с камнем на шее... и идол его деревянный - утоп... А озеро - сделалось вещим. Онего, ему говорят, ты наш батюшко, наш ты Онего... уж ты не обидь, подкажи - да аль нет... - донеслось из тумана. - Ты разве не знала? Спросить... старый способ... проверенный... если идешь по весне...

И умолкло.

Поезд вырос, подобный дракону. Исторг оглушительный рев. Темный, мрачный - восстал на перроне, и было молчанье вокруг, а потом - забурлило, полились голоса и шаги. Поезд был неприступен и глух. Рельсы скали его, обrekli на несвободу. Поезд грезил о поле - зелёном, пустом, где цвели тополя, и щекочущий пух облетал на дорогу. Пыльный, душный июнь наступал. Май прощался, чирикают птичье.

- Потрясающе! Нет, ты вообще понимаешь?.. - подруга была с чемоданом. - Я ишу ей работу. Ишу покупателя дому. А она... то есть ты... извини, это свинство, Марина. Взять - и всё отменить. В самый-самый последний момент. Ты меня подставляешь!

Она посмотрела на поезд. Потом на часы. Стрелки их указали начало июня.

- Прости, что так вышло. Что я никуда не уеду... ни в этот июнь, ни в другие, - поспешно сказала Марина. - Что я подвела тебя. Тут...

И она замолчала. Дурацкий июнь! Любопытен, ленив, бестолков. Что ему заозерные тайны! Не сдержит язык. Посмеется. Растреплет.

- Ладно, что там, - сказала подруга. Июнь торопил. - Я свой дом продала. Я уеду. Нет, я буду скучать, и вообще...

Поезд хищно вздохнул. Пыхнул дымом, сердито, драконье откашлялся. Ждал. Всех принцесс ждут московские замки. И полный надежды июнь...

Но Марина - совсем не принцесса. Русалка онежской воды.

Вода не отдаст её. Даже июню.

Этот город был болен - июлем, жарой и тоскою. Обессилен, пустел, задыхался от смога. Изнывая, гудели машины. Неслись за пределы его. Беспощадный июль истирал даже память о них. Обращая их бегство...

...в табуны лошадей, что влекло за кордоны июля. Туда, где накрапывал дождь и густились туманы. Где с деревьев листва была желтой и колкой на звук. На границу меж хмарью и снегом. В бесконечную, палую осень. Город ждал ее, с тайной надеждой. Город помнил - свободу её.

- Вот, - сказала подруга, и голос в смартфоне иссяк. - Так всё и случилось. Не успела я тут приработаться - как узнала, что нас закрывают. По осени, да. Мол, финансовый кризис... А мы? Как же мы-то? В Москве... и ни с чем.

Но июль был жесток и злораден.

- Ты, - сказала Марина, - не «мы». Я с тобой не поехала... И хорошо. Будто знала... да нет, почему ж таки - «будто»?

Раскалённый асфальт. Миражи. И в одном из них, сонное - было великое озеро, рыбы мерцали на дне, камыши были остры, печальны, тихи. Злой подарок июля. Онего, утопленный в городе. Город, что был пожран Онего...

• НОВОЕ ИМЯ

- Издеваешься? - грустно ответил смартфон. - Хорошо тебе. Ты при работе. При доме. А я...

Голос всхлипнул.

Пугающий, мертвый июль. Только озеро, там, в облаках. Невозможное, синее. Тонко звенела вода. Верный, давешний способ - спроси...

... и ответ был известен.

- Отставить рыдать, - и Марина вздохнула. - Возвращайся обратно. Здесь Онего. Июль. Для чего тебе эта Москва? Поживи у меня. Для начала. А потом... знаешь, есть один путь узнать, что тебе делать дальше...

Она глянула в небо. Онего был прозрачен и бел, и вода - по-июльски недвижна.

Онежское озеро - одно из крупнейших озер России, расположено в Вытегорском районе Вологодской области. Батюшко Онего - так это озеро называют в народе. Есть поверье, что можно получить ответ от Онего - «да» или «нет» - на самые важные жизненные вопросы. Для этого надо прийти на берег озера и мысленно задать нужный вопрос. Если озеро бушевало и вдруг успокоилось, то Батюшко Онего дает положительный ответ. Если наоборот - спокойное озеро разбушует, то ответ отрицательный.

• ИЗДАНО НА ВОЛОГОДЧИНЕ

Проводник по минному полю жизни

Алёшинцев Николай Созонтович. Благодарю за встречу. Сборник. - Северодвинск, 2022. - 366 с.

В предисловии к своей книге, вобравшей в себя и стихи Николая Созонтовича, и прозу, и повествование о своем роде, автор уподобил писателя проводнику по минному полю. Писательская работа - «проводить людей по жизненному полю с наименьшими для них потерями. Быть вместе, а на минном поле - впереди». Автор книг, по мнению Николая Алёшинцева, должен «до слёз радоваться чужому счастью, сопереживать при чужом горе».

Николай Созонтович - именно такой писатель. «Я, - пишет он, - переживаю за каждое написанное слово и втайне надеюсь, что оно поможет без потерь пройти жизненный путь».

Почему книга так названа? «Перебирая в памяти разные события прожитых лет, я всё-таки пришёл к выводу, что ничего, кроме благодарности, к ним не испытываю. Да и не может быть иначе. Это они дали мне возможность встреч с родными и близкими, с радо-

стями солнечных рассветов, с бездонной голубизной небес и ослепляющим блеском речных излучин. Это дало мне возможность любить и быть любимым... А не к этому ли мы стремимся?»

Новая книга Николая Алёшинцева - тоже выражение благодарности жизни за всё, и за возможность рассказать об этом читателям - тоже. В книге несколько разделов: «Поэзия»; «Мой месяцеслов» (короткие эссе о каждом месяце года); «Очерки, легенды, рассказы»; «Охота пуще неволи» - впечатления и размышления человека, для которого охота - не только и не столько промысел, сколько возможность единения с природой, которую он искренне и горячо любит и прекрасно понимает. Завершает том раздел «Река рода» - о предках и потомках, о славной жизни рода северных крестьян Алёшинцевых.

Разъясняет или запутывает?

О словаре «Русская деревня - XX век»

ЖУРНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ

Культурологический словарь «Русская деревня - XX век» (М.: Флинта, Наука, 2003) привлек моё внимание на книжной выставке, которую Вологодская областная библиотека подготовила к 100-летию Федора Александровича Абрамова. Авторы - ученые-филологи Ирина Викторовна Андреева и Нина Васильевна Баско.

В аннотации и предисловии к книге отмечается следующее: «Цель словаря - познакомить современного (городского) читателя с жизнью русской деревни, объяснить значение ныне редко употребляемых слов и стимулировать читательский интерес к прозе XX века, раскрывающей особенности русской ментальности». Необходимость данной работы вызвана, во-первых, ослаблением общественного интереса «к жизни и проблемам русской деревни, к исконной ценности национальной культуры - труду земледельца, землепашца. Об этом свидетельствует сужение читательского интереса к прозе деревенской тематики и идущее параллельно сокращение словарного запаса рядового носителя русского языка.

Во-вторых, это возрастание языковых трудностей при работе над художественными текстами деревенской тематики, ощущаемое в любой учебной аудитории: вузовской и школьной, среди русских и иностранных учащихся».

Словарь состоит из двух частей: в первой дается толкование наиболее употребительных деревенских слов, во второй объясняется так называемая областная лексика, характерная для северной деревни, донских станиц, поселений Сибирского региона. Приводятся цитаты

из произведений В. Белова, Ф. Абрамова, М. Шолохова, В. Распутина и других писателей-«деревенщиков».

Постановка вопросов, цели и задачи словаря меня, как читателя, только радуют. В то же время сильно огорчают неточности и ошибки, допущенные авторами, - очевидно, по причине слабого знания особенностей деревенской жизни. Сужу как краевед и практик: я вырос в северном селении, в пятнадцати километрах от родного дома писателя В. Ф. Тендрякова, на произведения которого авторы словаря «Русская деревня - XX век» ссылаются не единожды. Беловская деревня Тимониха от нас тоже не за горами.

Как можно учить современного городского читателя, если сами авторы «плавают» во многих вопросах сельской жизни? Ошибок можно было избежать, если бы составители словаря отнеслись к работе более ответственно. Неужели так сложно заглянуть в толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, посоветоваться с узкими специалистами, глубоко и всесторонне знающими плотническое, шорное дело, быт русской деревни? Непонятно и другое: почему на столь явные недостатки закрыли очеса рецензенты издания - кандидаты филологических наук О. В. Новицкая и В. М. Шетеля?

Впрочем, это не единственный словарь деревенской лексики, подготовленный российскими филологами, компетентность которых вызывает определенные нарекания читателей, краеведов, практиков и специалистов.

Приведу примеры.

Лавка, -и, ж. Скамья в избе для сидения или лежания.

При таком упрощенном толковании непонятно, чем отличается лавка от скамьи. Скамья как предмет мебели - это доска толщиной 3-5 см на четырех-пяти опорных ножках. Она относительно легкая, ее несложно перенести с места на место. Обычно скамья ставилась к обеденному столу. Короткую скамейку (100-150 см) иногда вытесывали из расколотого обрубка елового ствола, вывернутого с корнями. Два отростка корней обрабатывали в виде ножек. Второй конец такой скамейки (без ножек) опирался на лавку около стола.

Лавка - это предмет стационарной мебели; массивная, тяжелая скамья на ножках или вдолбленная в стены. Как правило, её длина равнялась длине стены. Вытесывалась особым образом из расколотого соснового бревна. Толщина «доски» - 8-10 сантиметров, ширина - 35-40 и более. Даже во время приборки в избе лавку не передвигали.

Пóлоз, -а, м. Одна из двух загнутых спереди и скользящих по снегу пластин, на которых закреплены сани.

Сани не могут существовать без полозьев, ибо они являются неотъемлемой частью саней, деталями зимней повозки. Полозья - основа для сборки и крепления всех частей перевозочного средства.

Порог, -а, м. Поперечный брус, закрывающий проем между дверью и полом.

Такое толкование слова «порог» приемлемо только для городской квартиры. Многие столетия порогом в избах служи-

ло и служит в наши дни толстое нижнее бревно дверного проема, стесанное с боков и сверху. Для удержания тепла высота порога в зимних избах могла достигать 25-30 сантиметров. Подойдет ли для этого брусок?

Постное масло, разг. Растительное масло, употребляемое во время поста.

Володька достал из мешка бутылку с постным маслом, налил в кружку, запустил туда ржаной кусок (Ф. Абрамов. Безотцовщина).

Толкование довольно странное. Постное масло употребляется не только во время поста, что и показывает пример их повести Ф. Абрамова, где описано сенокосное время во второй половине июля, то есть после Петровского поста, который закончился 11 июля. Может быть, правильнее было написать, что Володька налил в кружку растительное масло? Да нет же. Федор Абрамов, как и Василий Белов, Виктор Астафьев, Валентин Распутин, деревенской речью владели в совершенстве. Они с рождения окунулись в крестьянскую среду, где испокон веку льняное и конопляное мало звали постным.

Пятистѣнка, -нке, ж. Деревянный дом, разделенный капитальной стеной на две половины.

Стеша жила на окраине села, в пятистенке, раздавшемся в ширину, работала приёмщицей на маслозаводе. (В. Тендряков. Не ко двору).

Правильно - пятистенок (муж. р.). Именно о таком пятистенке, раздавшемся в ширину, говорит писатель.

Капитальной внутренней стеной делится на две половины не дом, а изба (летняя, реже - зимняя). В сельской бытности под домом понимается вся совокупность помещений, входящих в него: жилая часть, двор, хлев, повети.

Хутор, -а, м. Небольшое селение на юге России.

В предпоследнюю турецкую кампанию вернулся в хутор казак Мелихов Прокофий. (М. Шолохов. Тихий Дон).

Здесь трудно понять, почему авторы словаря так объясняют распространённое слово «хутор», тем более что довольно точное определение дано в толковом словаре С. И. Ожегова: «обособленный земельный участок с усадьбой владельца».¹ После аграрной реформы Столыпина 1906 года на Русском Севере выросли тысячи хуторов. Этому движению способствовала и советская власть, притом вплоть до коллективизации.

Шестистёнок, -нка, м. Изба, имеющая зимнюю и летнюю половины, со входом в каждую половину из сеней, расположенных посредине.

Великан дом. Двухэтажный шестистенок с грудастым коньком на крыше, большой двор с поветью и сенником, и сверх того ещё боковая изба-зимница. (Ф. Абрамов. Пелагея)

При таком толковании непонятно, посреди чего находятся сени. На самом деле, у такой избы есть и второе название - крестовая. В помещении шесть рубленых капитальных стен. Две из них находятся внутри избы. Они врублены в наружные стены перпендикулярно друг другу и делят помещение на четыре комнаты. Если смотреть сверху, то эти стены имеют вид креста. Как правило, устраиваются два входа со стороны общих или отдельных сеней. В последнем случае строят отдельное крыльцо.

Второй вариант: две внутренние параллельные стены делят избу на три комнаты. По площади средняя комната меньше двух других, так как она значительно уже. В ней оборудуют русскую печь, и комната становится кухней. В обоих вариантах внутренние стены имеют межкомнатные двери. На зимний период часть комнат может изолироваться.

Жердь, -и, ж. Длинная доска.

И позабыв про отдых, про усталость, она (Пелагея) схватила с земли ведро с помоями, схватила сумку с хлебом и звонко-звонко зашлепала по воде шатучими жердями, перекинутыми за лыву. (Ф. Абрамов. Пелагея).

Жердь - это длинная доска? Даже не верится... Потому что жердь - это очищенный от сучьев длинный ствол тонкого дерева. Мостики из двух-трех еловых жердей через ручей, низменное сырое место - обычное явление для северной деревни 1950-60-х гг.

Кисель, -я, м. Кислое студенистое кушанье, сваренное из овсяной, ржаной, пшеничной муки.

Кисель варили, варят и в наши дни не только из муки. Из картофельного крахмала готовят молочный, клюквенный, брусничный, черничный, смородинный, морошковый и другие кисели. Из ржаной муки варили не кисель, а клейстер. Его использовали для оклеивания стен жилищ обоями и газетами.

Коло́да, -ы, ж. Кадка, выдолбленная из дерева.

Старый-то хозяин вздумал в прошлом году водопровод провести коровам... До этого-то доярки воду на себе таскали по колодам. (В. Белов. Привычное дело).

Сравним простое и точное толкование этого слова в словаре С. И. Ожегова: «Род деревянного корыта - бревно с выдолбленной серединой. Водопойная колода». О водопойной колоде пишет и В. И. Белов. Этот же словарь объясняет, что такое кадка: «Вместилище цилиндрической формы со стенками из деревянных клепок, обтянутое обручами». (с. 264)

Лы́ва, -ы, ж. Яма, наполненная водой.

У мостков за лыву - грязную осотистую озерину, в которой, отфыркиваясь, по колону бродила пегая кобыла с жеребенком

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1993. - 902 с. Далее даются ссылки на это издание.

- Пелагея остановилась отдохнуть. (Ф. Абрамов. Пелагея).

О том, что лыва не является ямой, наполненной водой, говорит характерная особенность, упомянутая писателем: *осотистая озерина*. Это мелкое озерцо, болотце, заросшее осотом (растение из семейства сложноцветных или астровых), который поедают кобыла с жеребенком.

Огород, -а, м. Ограда, забор.

И вот теперь Катерина, не утирая слёз, перешла мостик, перелезла огород у бани и все глядела на свой дом, и волнение, скопленное за две недели, делало её ещё слабее. (В. Белов. Привычное дело).

Слово «огород» авторы словаря толкуют не совсем точно. Это не просто ограда, забор, а изгородь из кольев и жердей. В отличие от ограды и забора изгородь легко перелезть, если жерди закреплены горизонтально.

Осек, -а, м. Место, огороженное сваленными друг на друга деревьями или сучьями, а также изгородь из таких деревьев, сучьев.

И вот десять минут не пробежала - старый осек, за осеком покружила, поёрзала меж осин и березок - зеленая полевина (Ф. Абрамов. Алька).

Осек не огороженное место - это изгородь из поваленных в ряд деревьев, устроенная по границе лесного пастбища. Сучья на стволах не обрубали. Вот что пишет В. И. Белов: «Затем крест-накрест бьют еловые колья и на них складывают новые лесины, также не обрубая с них сучьев. Выходит очень прочная колючая изгородь». Приведу еще цитату: «Изгородь в лесу называлась осеком...»². Мне остается лишь добавить: если пара забитых кольев не имела опоры на ствол поваленного дерева (в его вершинной части), то ее крепили черемуховой, березовой

или ивовой вицей (прутом), тут же срубленной. Ссылка на цитату Ф. Абрамова сделана явно необоснованно. Более того, она опровергает утверждение авторов о том, что осек - это огороженное место. В повести «Алька» слово «осек» имеет сноску: «Осек - лесная изгородь».³

Очеп, -а, м. Устройство для опускания и подъема колыбели.

Они (дети) спали в люльке, и очеп легонько поскрипывал, и бабка Евстоля сбивала мутовкой сметану в горшке. (В. Белов. Привычное дело).

Такое объяснение больше подходит для колодезного очепа, с помощью которого опускают и поднимают из колодца бадью (ведро) с водой. Мне думается, будет проще и много уважительнее по отношению к автору, если взять формулировку в другом произведении В. И. Белова: «Очеп - это гибкая жердь, прикреплённая к потолочной матице». (В. Белов. Лад).

Пёстерь, -я, м. Большая корзина из бересты.

А она (Милентьевна) встала из-за стола, перекрестилась, принесла из сеней берестяной пестерь и начала привязывать к нему лямки из старого холстяного полотенца. (Ф. Абрамов. Деревянные кони).

Могут ли быть у корзины лямки? Тот, кто в детстве читал сказку «Маша и медведь» или смотрел одноимённый мультфильм, знает, что пестерь - это плотный четырёхугольный заплочный короб с крышкой и двумя лямками. С ним ходили в лес по грибы и ягоды. На сенокос и лесозаготовки в нём приносили продукты питания. В таком пестерё медведь доставил Машу к деду и бабке. Ударение в слове падает на последний слог.

Подволо́ка, -и, ж. Чердак, жилое помещение над сенями.

² Белов В. И. Лад. Очерки о народной эстетике. М.: Молодая гвардия, 1982 с. 28, 137.

³ Абрамов Ф. А. Алка // Собрание сочинений в 3 томах. Л., 1982, с. 123.

Ко мне на подволоку залезли - всю пыль собрали, два туеска да старую ложку наши. (Ф. Абрамов. Алька).

Подволоку, или избицу, действительно можно назвать чердаком, однако помещение не имеет никакого отношения к селям: оно расположено между потолком летней или зимней избы и крышей дома. Иногда называли надызбицей, то есть над избой.

Подволока не бывает жилой. Летним жилым помещением на подволоке может быть вышка (светёлка, горенка). Цитата из повести «Алька» не подтверждает толкование словаря, ибо на подволоке обычно хранили временно не нужный инвентарь, бытовую утварь, и они быстро пылились. Некоторые старики сберегали там гробы, заранее приготовленные для себя.

Рыльник, -а, м. *Небольшой сосуд с носиком для наливания молока, сливок, сметаны.*

Но вот, наконец, она обтерла пол, взяла на кухне рыльник со сметаной и села. (В. Белов. Привычное дело).

Такое объяснение вряд ли можно назвать точным и полным. Рыльник - это глиняный горшок с рыльцем (с носиком, как у чайника). В основном он предназначен для перетапливания коровьего масла в русской печи. Нередко его использовали как сосуд для сбивания масла из сметаны.

Стожар, -а, м. *Шест, втыкаемый в землю посреди стога, чтобы он не наклонялся.*

Ворона каркнула на высоком стожаре. Иван Африканович поглядел наверх: «Чего, дура, орешь? Орать нечего зря». (В. Белов. Привычное дело).

Стожар - действительно, шест, длинная жердь, втыкаемая в землю. Но втыкается не посреди стога, ибо сделать это невозможно: сено укладывается вокруг стожара. Он позволяет сформировать плотный

стог правильной формы. За шест придерживается работник, стоящий на стоге, страхуя себя от падения.

Упряг, -а, м. *Перегон, расстояние.*

... То ли потому, что он был намного легче Кузьмы и лошади шли свободнее, или от того, что сам он ловчее Кузьмы, - и такая мысль приходила в голову, но как ни гадай, а за этот упряг он обскакал Кузьму. (Ф. Абрамов. Безотцовщина).

Такое толкование слова «упряг» ошибочно: упряг - это мера времени, затраченная на выполнение конкретной работы. Именно так понимали это слово и в Поморье, на родине писателя. «Упряг - мера рабочего времени в крестьянстве в прежнее время, от отдыха до отдыха, примерно треть рабочего дня»¹.

Итог наших размышлений таков: примерно каждое пятое слово в разделе «Северная деревня Ф. Абрамова и В. Белова» объяснено не совсем верно, неточно и даже ошибочно.

Если учесть, что некоторые диалектные словари, вышедшие из-под пера даже вологодских ученых, хромают на ту же ножку, то можно сделать вывод: подобное явление стало нормой жизни. Как ни прискорбно, но оно объективно характеризует современную действительность, состояние культуры и общественные отношения в российском государстве.

Владимир КОНДАКОВ,
почетный гражданин
Верховажского района

В публикации сделаны некоторые сокращения, частично убраны примеры, иллюстрирующие словарные статьи.

Полностью статья опубликована в книге «Слово русское, родное» (о ней читайте рецензию на странице 232 текущего номера журнала).

«Не надо называть Леденцова русским Нобелем!» -

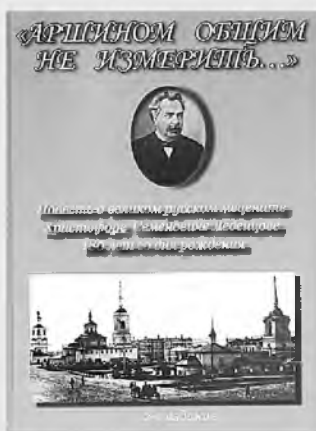
считает автор книги о великом русском меценате

Сазонов Г. А. «Аршином общим не измерить...»: повесть о великом русском меценате Христофоре Семёновиче Леденцове. Вологда, 2021.

24 июля нынешнего года исполнилось 180 лет со дня рождения Христофора Семёновича Леденцова. К этой памятной дате вышло второе, значительно дополненное издание повести о великом русском меценате, первое выпущено в 2012 году.

Геннадий Алексеевич Сазонов представил свою книгу в музее-квартире Василия Ивановича Белова. Писатель рассказал, как готовилась книга; отметил, что идеи вологодского предпринимателя ни в коем случае не устарели. Христофор Семёнович создал «Общество содействия успехам опытных наук» при Московском университете и Московском техническом училище; эти учебные заведения стали учредителями общества, им Леденцов завещал свой немалый капитал. Название общества говорит об его главной цели: поддержка ученых, а не награждение успешных. В этом - кардинальное отличие Леденцовского общества от Нобелевской премии, которая предназначена для тех, кто уже добился весомых результатов.

Подход Леденцова показал свою ценность в первые годы работы общества, и об этом убежденно говорил автор книги о нашем великом земляке. Физиолог Иван Петрович Павлов именно на средства, выделенные «Обществом содействия успехам

опытных наук», создал лабораторию, в которой проводил свои исследования, удостоенные позднее Нобелевской премии. Поддержка Леденцовского общества помогла делать открытия Клименту Аркадьевичу Тимирязеву и Владимиру Ивановичу Вернадскому, Константину Эдуардовичу Циолковскому, Николаю Егоровичу Жуковскому и многим другим ученым. Деятельность общества прервалась с приходом к власти большевиков. Как отмет

тил Геннадий Сазонов, идет работа по возрождению общества, основанного Х. С. Леденцовым. Возможно, удастся найти возможность вернуть на родину капиталы общества, переведенные за границу.

Похоронен Христофор Семёнович на Введенском кладбище в Вологде. Могила его находится рядом с храмом, который Леденцов также активно поддерживал. За годы безбожия кладбищенская церковь была частично разрушена, уцелел лишь Никольский придел. Его восстанавливают прихожане во главе с настоятелем иереем Тимофеем Левчуком.

Книга издана при поддержке администрации города Вологды, Клуба деловых людей Вологодского землячества в Москве.

Второе издание обогатилось новыми главами, в которых автор рассматривает взаимосвязь современности и наследия мецената, анализирует исследовательские труды о его деятельности.

Книга о сильных духом

Вот что рассказывает автор о своей новой работе: «Это книга об интересных и сильных духом людях, полностью реализовавших данные Богом способности на избранном ими пути служения родному краю».

Один из таких людей - Юрий Константинович Митрошкин, заслуженный работник культуры, создатель и бессменный руководитель Центра традиционной народной культуры и истории Чагодощенского района. Светлана Дурягина пишет: «Он был знаком с известными теперь всей стране писателями, чье творчество в то время было в самом расцвете: Н. Рубцовым, В. Беловым, А. Романовым, В. Коротчаевым. С улыбкой Юрий Константинович вспоминает свою первую встречу с Николаем Рубцовым в апреле 1960 года: он провожал невесту Ливию в общежитие и заметил, что за ними неотступно следует парень в тельняшке.

Он догнал их у самой двери и обратился к Митрошкину с вопросом: «Молодой человек, можно поговорить с вашей девушкой?» Вопрос студенту Митрошкину показался нахальным. Он подобрал с земли полено и ответил вполне категорично: «Еще чего?! Иди отсюда». Парень не стал нарываться и с сожалением на лице отступил. Через некоторое время в газете «Вологодский комсомолец» Митрошкин увидел фото парня и прочитал его стихи, а потом увидел и фотографию Татьяны Агафоновой, первой любви Николая Рубцова, которая не захотела связать свою судьбу с поэтом. Девушка была очень похожа на Ливию».

Персонажи книги - врачи, стеклоделы, политики, предприниматели, педагоги, работники культуры и сельского хозяйства. Книга вышла при финансовой поддержке районной администрации.

Невыдуманые рассказы, душевные стихи

Леонид Лешуков. *Ну что, Петька, гроза будет?* Сборник рассказов. - Никольск: ЦРБ, 2021.

Леонид Лешуков. *Танго на причальном понтоне.* Стихотворения. - Вологда: Родники, 2022. - 280 с.

Леонид Петрович Лешуков - автор трех поэтических сборников, многих публикаций в прессе, альманахах и коллективных сборниках. Стихи поэта из Никольска публиковал и «Вологодский ЛАД». В новой книге Леонид Лешуков представляет свою малую прозу.

В рассказах Лешукова говорится и о событиях нашего времени, и о временах давно прошедших. «Люди, о которых рассказываю, мною не выдуманы. Они жили в моей деревне, в соседних сёлах, - так характеризует автор свою книгу. - Думаю, что каждый читатель найдет для себя что-то новое, родное и близкое по душе...»

Недавно вышедший сборник стихов Леонида Петровича содержит стихи, написанные в последнее время. Как и рассказы Леонида Петровича, его стихи говорят о том, что окружает автора. Главное в стихах, конечно, не тема, они передают чувства поэта - описывает ли он родную деревню или путевые впечатления, соседа деда Ивана или трудовые будни... Леонид Петрович старается делать это по-своему, учитывая уроки своих славных предшественников, но не слепо за ними следуя. Стихи наполнены душевной теплотой, о чем бы в них ни говорилось.

Рисунок на обложке - Ольги Кульневской из Великого Устюга.

«У общества есть потребность в таком словаре...»

Кондаков В. А. *Слово русское, родное: народные слова и выражения жителей деревни Подсосенье и прилегающих селений Верховажского района Вологодской области* / В. А. Кондаков. - 2-е изд., испр. и доп. - Вологда: Киселев А. В., 2022. - 344 с.

Переиздание словаря Владимира Александровича Кондакова «Слово русское, родное» - это важное событие не только для автора словаря, его земляков и исследователей народной речи; книга эта - явление в культурной жизни области и всего Русского Севера. Это вклад в дело сохранения родного русского слова. Словарем автор подытожил свой более чем полувековой опыт собирания и описания тех слов и крылатых выражений, которые он в разные годы услышал на своей родине - в Верховажском районе.

В книгу вошло более 4 400 словарных статей, что почти на 2 тысячи больше, чем в первом издании. Из аннотации к книге: «Издание впервые подробно представляет словарный состав земляков автора. Большинство слов не только толкуются, но и сопровождаются развернутыми комментариями об их употреблении и происхождении, об истории и бытовании отдельных предметов деревенской жизни. Это дополненное издание включает в себя словарь известных автору топонимов и прозваний; статьи, посвященные народной речи и языку писателей-«деревенщиков», опубликованные в 2000-х гг.; 50 фотографий старинных предметов и приспособлений, иллюстрирующих быт и культуру уходящей крестьянской эпохи».

Еще в 2020 году на презентациях автор с радостью говорил о том, что до сих живы те

люди, которые были свидетелями послевоенной жизни страны и деревни, которые помогли дать емкие и точные толкования собранных слов и выражений. За время подготовки нового издания ушли из жизни мудрые и много знавшие о деревне и ее языке люди - земляки Владимира Александровича. Однако их речь теперь осталась на страницах книги.

По словам автора, не каждый сейчас способен что-то пояснить из того, что его окружает в быту и повседневной жизни. Уходят люди, а вместе с ними их мысли, речь, житейские истории, истории жизни целых деревень и сел... Не случайно многие читатели

первого издания книги «Слово русское, родное» говорили В. А. Кондакову, что берут книгу не только для себя, но и для своих детей и еще не родившихся внуков, чтобы те помнили о своих корнях.

Во многом поддержка читателей сыграла роль в решении о переиздании книги. Краевед отметил: «После выхода в свет первого издания, месяца через два, я почувствовал, что у общества есть потребность в таком словаре... Была еще задумка 10 лет назад оформить материал о прозваниях людей, названиях рек, речушек, пожен, покосов, полей, которые раньше мне были хорошо известны. Хорошо помнил места, где прежде косил. А получилось это сделать только сейчас. В новом издании скомпонован в приложении накопленный материал. Больше его нет нигде в таком виде. Останется память о тех местах...»

И действительно, помним ли мы, что такое колоколо? А это не только название жестяного колокольчика на шее коровы или лошади. Так называли еще и женщину, которая много и

попусту говорит. Представляем ли, какой образ скрыт за выражениями «дуть на коготки», «кипеть белым ключом» или «издержать двух мужиков»? И сможем ли сейчас прочесть, не заглядывая в словари, произведения Василия Белова или Валентина Распутина?

По вопросам приобретения книги можно писать автору на электронную почту: slovorusskoerodnoe@yandex.ru

Эльвира ТРИКОЗ,
кандидат филологических наук

Священномученик Николай (Караулов)

Верен до смерти. Священномученик Николай (Караулов), епископ Вельский. - Вологда, 2022. Рисунки Ирины Власовой, изложение монахини Афанасии (Васильевой).

Эта небольшая брошюрка выпущена в год 90-летия со дня мученической кончины святого Николая (Караулова), епископа Вельского (Вельск в то время был частью Вологодской области, и упоминание этого города в титуле архиерея указывает на то, что он был викарием, то есть помощником управляющего Вологодской епархией).

До своего архиерейского рукоположения в 1923 году Николай Караулов служил в Спасо-Всеградском соборе, Воскресенском и Екатерининском храмах. К сожалению, ни одна из этих церквей не сохранилась. Не уцелел и дом, в котором жил священномученик Николай, неподалеку от Свято-Духова монастыря. Мы точно не знаем, где он похоронен: официальных сведений об этом нет. В 1932 году владыку Николая заочно отпели на Богородском кладбище: прихожане получили известие о кончине епископа в заточении. По одним источникам, владыка Николай скончался в новосибирской тюрьме, по другим - в вологодской, по третьим - на пути к вокзалу в Вологде.

Но жива память об этом кротком и боголюбивом служителе Церкви Христовой. «Мы не найдем описания ярких чудес и великих подвигов его, - говорится в книжке «Верен до смерти», - но сама жизнь владыки оказалась подвигом и примером для нас...».

Московская художница Ирина Власова знакома православным вологжанам, которые посетили выставку её работ «Любовь материнская - отблеск любви Божией» в областном Центре народной культуры в прошлом году. Она иллюстрировала несколько православных книг, в том числе брошюру, рассказывающую о житии святителя Антония Вологодского. Ирина жила в Горницком монастыре в Вологодской области, где создала книжечку воспоминаний о монахини Зосиме с иллюстрациями.

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностию: были.

Эти слова Василия Андреевича Жуковского как нельзя лучше передают чувство светлой скорби, которое охватывает нас при воспоминании о близких, оставивших земной мир. Публикации о постоянных авторах нашего журнала, скончавшихся в 2021 - 2022 годах, исполнены светлой печали (пушкинское выражение). Вечная им память!

«ЖИТЬ В ЛЮБВИ И ЧИСТОТЕ...»

Памяти Людмилы Григорьевны Яцкевич

Вечером 26 января тихо отошла ко Господу Людмила Григорьевна Яцкевич. Родные были рядом, старшая дочь держала её за руку...

Сила её слова удивила многих ещё в докторской диссертации, которая отличалась чистотой стиля, ясностью мысли и духовной мощью логически безупречных построений и выводов. Тогда подумали: «Так не каждый мужчина способен писать, видно, дама опытная и в возрасте». А вскоре легендарный декан Маргарита Вавилова представила коллективу филологического факультета молодую изящную женщину. Современный, но строгий костюм, великолепная причёска, осанка, туфли на высоком каблучке, но самое главное - искренний, открытый взгляд.

Хорошего человека видно сразу, но Людмила Григорьевна поразила всех ещё и прямоотой, нетерпимостью ко лжи и бесстрашием. Она оказалась не только знающим преподавателем, профессором, учёным с именем, выпустившим в «свободное плавание» многих кандидатов и докторов наук, но и беспокойным человеком, всегда готовым защитить слабого, помочь ему, наставить на путь истинный.

Памяти Людмилы Григорьевны Яцкевич

Её бескомпромиссность и вера в Бога не всем были по душе, некоторые из студентов и коллег даже роптали, но потом, смотришь, одна студентка, другая, третья - уже на Литургии, а затем и аспиранты, преподаватели... Она всегда говорила, что личная нравственность должна быть необычайно твердой, даже алмазной, жить надо в любви и чистоте!

Людмила Григорьевна воспитала вместе с мужем, замечательным человеком и профессором-физиком Владимиром Антоновичем, дочерей, а потом и внуков, правнуков... Для неё не было в жизни разделения на личное и духовное - она была подлинной православной христианкой во всём: и когда учила, и когда горела душой в молитве, и когда сражалась за чистоту русской речи, литературы, национальной жизни. Она выступала против русофобии авторов так называемого «тотального диктанта», против засилья англицизмов... Не против людей, а против их грехов.

Людмила Яцкевич писала о русском языке, о творчестве Николая Клоева, составляла областные и авторские словари (словарь языка Василия Белова), собирала частушки, пословицы, поговорки, сочиняла рассказы (как и её супруг), очерки (например, исторический очерк о поэте Батюшкове, которому, как она выяснила, несправедливо приписали душевную болезнь), опубликовала «Бывальщины», выпустила несколько книг воспоминаний.

В последние годы жизни она была принята в Союз писателей России, не раз становилась лауреатом газеты «Российский писатель», журнала «Берега», её статьи появлялись в «Вологодском ЛАДе», «Вологодском литераторе», «Родной Кубани», в

других журналах и газетах. Её книга «Православное слово в творчестве вологодских писателей» (2019) ещё по-настоящему не прочитана даже вологодской публикой, а ведь она обращена ко всей России!..

В «ковидные» годы Яцкевич как будто спешила высказаться, книги и статьи из-под её пера выходили одна за другой... Сразу надо уточнить, что скончалась Людмила Григорьевна не от «модной» ныне хвори, а от последствий других болезней, - она всегда, к сожалению, была слаба здоровьем.

Ещё осенью Людмила Яцкевич работала дома, постоянно публиковалась, но в декабре стала сдавать. 20 января Людмила Григорьевна исповедовалась и причастилась...

Языковед, литературовед, критик, литератор Людмила Яцкевич была из дворянской семьи, породнившейся с Пушкиными, а в наши дни она стала крёстной матерью племянницы Василия Белова - так в её лице незримо соединились судьбы великих русских писателей.

Её родной дядя - поэт-фронтовик Владимир Калачёв, сложивший голову под Ленинградом, о нём Людмила Яцкевич (Калачёва) часто вспоминала, готовила и выпускала его лирические книги. Её дочери работают со словом, внучка - драматург, сценарист. Говорят, что пути Господни неисповедимы, но в этих биографиях всё ясно и зримо...

Небесной чистотой, любовью и искренностью была наполнена её жизнь, такой же оказалась и кончина... Упокой, Господи, её душу!

Виктор БАРАКОВ,
доктор филологических наук,
член Союза писателей России

Лирик Божией МИЛОСТЬЮ

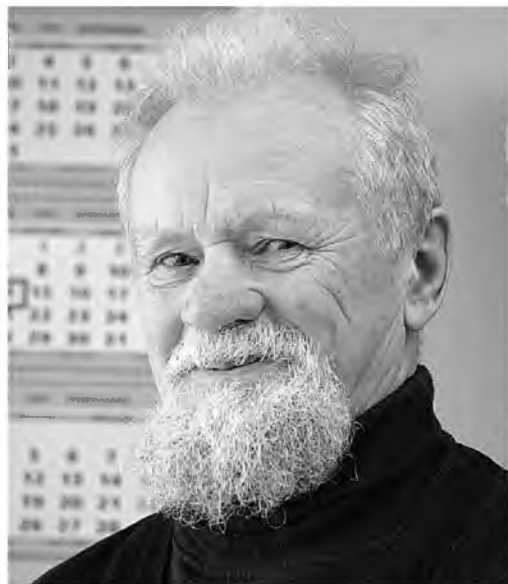
Памяти Сергея Петровича Багрова

Трудно подобрать слова, чтобы выразить чувства, которые всколыхнуло сообщение: «После продолжительной болезни ушёл из жизни 1 июля 2022 года Сергей Петрович Багров, член Союза писателей России и член Союза журналистов России».

Имя Сергея Петровича известно широкому кругу читателей в нашей стране, в том числе и детям, для них он писал рассказы и «поучения» с особой любовью, с особым старанием. Всего же из-под пера неутомимого труженика вышло около пятидесяти книг - по существу, собрание сочинений.

Господь подарил Сергею Петровичу долгую жизнь, наполненную писательскими поисками и озарениями. Он родился 6 января 1936 года в старинном русском городе Тотьме, на берегу широкой полноводной Сухоны. Все его творческие устремления были связаны с тотемским краем, который он очень любил. Здесь он встретился и дружил с поэтом Николаем Рубцовым, о котором потом написал самую лучшую книгу о Николае Михайловиче - «Россия. Родина. Рубцов». Здесь же он познакомился с Василием Беловым, стал его настоящим другом.

Сергей Петрович был одной из самых надёжных опор Вологодской писательской организации. Верил в возможности и силы вологодских писателей, несмотря на «холодное отношение» власть имущих к поддержке творческих людей. «Они всё равно придут к нам, - как-то сказал он мне, - потому что у нас - слово, а это огромная сила».

Сейчас трудно дать оценку всему, что было создано Сергеем Петровичем. Но это, несомненно, огромное творческое наследие, которое должно служить русскому народу в его сложном вселенском пути. Оно важно ещё и потому, что Сергей Петрович Багров занимался художественными исследованиями русской истории, в том числе и победы русского войска в битве при Молодах.

Уход ветерана - ощутимая потеря для всей русской литературы, но особенно - для вологодских писателей.

Утешение - творчество Сергея Петровича, который всегда оставался в душе лириком.

«Дивно увидеть в ночи, как встаёт из земли, без лучей, без сиянья, огромное

алое солнце. Такое бывает только в начале июля. Чёрные крыши домов, застывающая листва, пролетевший с мышью в когтях хищный филин... Нет. Земля не погасла. Не к смерти она подбирается - к воскресению. И спасёт её, как всегда, тихий свет, разливающийся над миром. Православный народ называет его Божья милость...».

Так писал Сергей Петрович. Так оно и есть!

Отблески Божьей милости лежат на его творчестве.

Господь да упокоит душу раба Божия Сергия в селениях праведных и помилует его!

Геннадий САЗОНОВ,
член Союза писателей России

По-настоящему вологодский писатель

Памяти Роберта Александровича Балакшина

10 марта после продолжительной болезни скончался член Союза писателей России, православный христианин Роберт Александрович Балакшин.

Роберт Балакшин родился в селе Коротыгино Грязовецкого района 25 декабря 1944 года. С 1945-го жил в Вологде. Окончил Вологодский строительный техникум, затем - филологический факультет Вологодского педагогического института. Свой писательский путь Роберт Александрович начинал в «золотой век» вологодской литературы. Среди прозаиков и поэтов, известных ныне всей читающей России, молодой автор смог обрести свой голос. В 1971 году в газете «Красный Север» был напечатан первый рассказ писателя. Своими наставниками он считал Александра Романова и Виктора Астафьева.

Главная его тема творчества - родная Вологодчина, люди Русского Севера, его история. Р. А. Балакшин самозабвенно любил свой родной город. Одна из его книг посвящена Вологде и называется «Мой милый город» - в неё вошли краеведческие исследования и лирическое эссе «Родной город», в котором есть такие проникновенные строки: «Пройдут

годы. Как это ни печально, но все мы уйдем. А город останется. Будут стоять храмы и дома, в струящейся реке будут отражаться облака и звезды, будет бурлить иная, новая жизнь, а над нею, как отлетевшее дыхание, как наши не умершие мечты и думы, по-прежнему будут

Памяти Роберта Александровича Балакшина

шуметь высокие, вечные тополя. Я воспринимаю город как живое существо. И часто я иду и думаю о том, как я буду без своей Вологды, когда меня не станет...».

С трепетом, волнением и любовью относился Роберт Балакшин ко всей Вологодчине, всей России, всему русскому народу, его истории и настоящему. *«Мы не всегда замечаем в истории житейские детали, а для Балакшина история жива и человечески тепла»*, - отмечал вологодский литературный критик Вячеслав Белков.

С 1998 по 2002 год Р. А. Балакшин был ответственным секретарем Вологодской писательской организации, наставником начинающих литераторов, частым гостем библиотек и литературных семинаров в районах области.

Через историю родного края, через пламенную к нему любовь Роберт Балакшин пришел к вере Христовой. Заинтересовался созданием обывденного Спасо-Всеградского собора в Вологде, стал читать книги об истории храмов, о Церкви. *«Для меня это была история моего города, - вспоминал Балакшин, - с Богом я ее не соотносил. И вот засел за «Вологодские епархиальные ведомости» - и столкнулся с очень мощным пластом культуры. С глубокой, интересной, своеобразной жизнью. Во время этой работы и произошло чудо моего возвращения к вере»*. В 1984 году Роберт был крещён.

Вскоре Роман (такое имя Р. А. Балакшин получил в таинстве Крещения) стал прихожанином Лазаревского храма в Вологде. В год 70-летия писателя вышла его книга о родном храме *«Церковь Лазаря Четверодневного, что в Горбачеве»*. Это была уже вторая книга о вологодских храмах, первая была издана в 2000 году и рассказывала о Покровской церкви на Козлене.

Вел Р. А. Балакшин летопись Вологодской епархии, был одним из первых редакторов газеты «Благовестник», предшествовавшей изданию епархиального журнала

под тем же названием. С «Благовестником» Роберт Александрович сотрудничал активно, в 2014 году была опубликована беседа с ним - в связи с тем, что Р. А. Балакшин вошёл в короткий список номинантов Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Роберт Александрович написал и издал более сорока книг, среди них - сборники повестей и рассказов, исторические романы и повести, исследования «Почетные граждане Вологды» и «Вологодские губернаторы», публицистика... Есть переводы христианских сказок немецкого писателя Ричарда фон Фолькманна, двухтомник «Жития святых для детей», изданный издательством Сретенского монастыря в Москве по благословению настоятеля Сретенского Московского монастыря архимандрита, ныне митрополита Псковского и Порховского Тихона (Шевкунова). Главы из этой книги публиковал «Вологодский ЛАД». С нашим журналом писатель сотрудничал постоянно - с его первого номера, вышедшего в 2006 году. Книга «Россия - это сама жизнь» - сборник высказываний иностранцев о нашей стране. В 2014 году издан роман Роберта Александровича Балакшина «Страсти по Дому».

Роберт Балакшин - лауреат Всероссийского литературного конкурса «О, русская земля» за 2005 год, Всероссийского литературного конкурса современной прозы имени В. И. Белова «Всё впереди» за 2020 год, Государственной премии Вологодской области по литературе за 2006 год. Награждён медалью «20 лет Победы в Великой Отечественной войне», а также медалью благоверного князя Даниила Московского (с надписью «За труды во славу Святой Церкви»).

В последние годы Роберт Александрович был активным членом приходской общины восстанавливаемого вологодского храма священномученика Власия, епископа Севастийского.

Тотемский краевед, известный всей России

Памяти Александра Васильевича Кузнецова

В минувшем году ушел из жизни известный краевед, многолетний автор «Вологодского ЛАДА» Александр Васильевич Кузнецов.

В декабре 2022 года исполняется 60 лет со дня его рождения.

Главная тема исследований Александра Васильевича - топонимика. Вся жизнь его связана с Тотемским краем - в Погорелове он родился, много лет преподавал в Усть-Печеньгской школе. А. В. Кузнецов - автор 33 книг и более 500 журнальных и газетных публикаций по топонимике и истории родного края. Причем большинство своих работ Александр Васильевич оформлял сам, а в книгах «Тотемская церковная старина» и «Свод вологодских волоков» им нарисованы не только иллюстрации и карты-схемы, но и весь текст.

А. В. Кузнецов в своих публикациях умел совмещать высокий научный уровень и доступность изложения. «Тотемский ономастикон», «Словарь гидронимов Вологодской области», «Вологодский именослов», «Старая Тотьма на старой карте», «Почитаемые камни на Вологодчине» - эти и другие книги Александра Васильевича являются незаменимыми пособиями для всех, кто интересуется историей и географией Русского Севера. А. В. Кузнецов в соавторстве с А. М. Новоселовым подготовил книгу «По следам тотемского барокко: альбом-путеводитель», которая выдержала два издания.

Александр Васильевич Кузнецов удостоен знака «Почётный работник общего образования Российской Федерации», в 2014 году он стал почётным гражданином Тотемского района.

Вклад А. В. Кузнецова в изучение истории края велик, и его научное наследие со временем не теряет значения. Готовится к изданию альманах «Соль Тотемская: от Средневековья до наших дней», который включает в себя последние статьи Александра Васильевича. Областная универсальная научная библиотека разместила на своем сайте полнотекстовую коллекцию трудов А. В. Кузнецова.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА	
Белов писал о каждом из нас.....	1
УРОКИ БЕЛОВА	
Александра Мартыанова. Первая книга Василия.....	3
Василий Белоусов. Всякое дело для него было важным..	4
Николай Цыганов. С ними было легко и надежно.....	6
Народ рисует ЛАД.....	8
ПОЭЗИЯ	
Ольга Фокина. Соседствуя с кукушкой.....	10
Вера Коричева. Памятная колея.....	13
Александр Пошехонов. Я ушел в свою Россию.....	18
Андрей Лушников. Слезинка на смуглой щеке.....	24
Ростислав Панов. Русские песни поют нам березы.....	28
Юрий Максим. У времени тот еще вес.....	31
Наталья Унгерова. С сердцем я не в споре.....	34
ЮБИЛЕИ	
Сергей Созин. Воспитывайте в себе внутреннего редактора! К столетию Сергея Видулова.....	38
ПРОЗА	
Николай Алешинцев. Волоковое поле. Проза разных лет.....	42
Анатолий Ехалов. Александр Сидельников: человек с камерой на фоне горящего дома. Главы из будущей книги.....	62
Владислав Попов. Токна.....	78
Евгений Палюлин, священник. Бог напитал, никто не видал.....	86
Сергей Багров. О друзьях-товарищах... Литературно-художественные очерки о писателях.....	90
Любовь Лихоманова. Валюшкино счастье.....	102
ИЗДАНО НА ВОЛОГОДЧИНЕ	
Грязовецкий край в жизни писателя. Г. Сазонов. «Далекая зоря».....	7
Вологда - значит красивая. Сборник стихов поэтов разных эпох «Вологодчины свет золотой».....	61
«Автограф» № 2.....	104
Станиславу Мишнёву посвящается. Альманах «Тарногские просторы» № 6.....	105
Стихи о том, что нас окружает. Книга Ростислава Панова.....	105
Проза поэта из Никольска. Новая книга В. Мишенёва	201
О времени и о себе. Книга «Вологжане о Вологде»... 204	
Авторы книги - три года! Сказка «Жил-был ежик».....	220
Проводник по минному полю жизни. Сборник Н. С. Алешинцева «Благодарю за встречу».....	224
«Не надо называть Леденцова русским Нобелем!» - считает Г. Сазонов, автор книги о великом русском меценате.....	230
Книга о сильных духом. «Очерки о почетных гражданах Чагодощенского района».....	231
Невыдуманные рассказы, душевные стихи. О книгах Леонида Лешукова.....	231
Эльвира Трикоз. «У общества есть потребность в таком словаре...» О книге В. А. Кондакова «Слово русское, родное».....	232
Священномученик Николай Караулов.....	233
КНИГА В ЖУРНАЛЕ	
Дмитрий Ермаков. От земли. Василий Белов. Повесть-отзвук.....	106
СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ	
Денис Макурин. Поморские чудеса. Рассказы для детей.....	168
И НЫНЕ, И ПРИСНО	
Андрей Сальников. Прошлое не стоит копировать, но знать его необходимо!.....	175
КНИГА И ДЕТИ	
Мария Минаева. Об искусстве рассказчика. В. И. Белов и его «Рассказы о всякой живности».....	183
Эльвира Трикоз. «В Каменке - родился, в Вологде - женился, в Холмогорах - пригодился». О прозаике Денисе Макурине и его новых книгах.....	186
ЛИТПРОЦЕСС	
Дмитрий Ермаков. Сказали «Заветное слово».....	190
«Под синим небом». Итоги премии им. С. М. Мишенёва.....	192
ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ	
Виталий Ламов. Бывальщины-ювинальщины.....	194
Николай Цыганов. Стала часто деревня мне снится.....	202
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ	
Дионисий (Воздвиженский), игумен Спасо-Каменного монастыря. «Мы жили в среде удивительной свободы».....	205
НОВОЕ ИМЯ	
Татьяна Горчакова. Батюшки-светы, что же это делается? Рассказы о деревенских жителях.....	215
Инна Девятьярова. Верный способ.....	221
ЯЗЫК МОЙ	
Владимир Кондаков. Разъясняет или запутывает? О словаре «Русская деревня – XX век».....	225
СЛОВО ПРОЩАНИЯ	
Виктор Барakov. «Жить в любви и чистоте...» Памяти Людмилы Григорьевны Якуевич.....	234
Геннадий Сазонов. Лирик Божией милостью. Памяти Сергея Петровича Багрова.....	236
По-настоящему вологодский писатель. Памяти Роберта Александровича Балакишина.....	237
Тотемский краевед, известный всей России. Памяти Александра Васильевича Кузнецова.....	239

На 1-й и 4-й страницах обложки - фотография Николая Карачёва «На сенокосе в Тимонихе»

Электронный вариант всех номеров «Вологодского ЛАДА» размещен на сайте Вологодской областной универсальной научной библиотеки имени И. В. Бабушкина <https://www.booksite.ru/lad/index.htm>

ВОЛОГОДСКИЙ
ЛАД

Литературно-художественный журнал

2022, № 1 (40)

В 1991-1995 годах выходил под названием «Лад. Журнал для семейного чтения». С 2006 года - «Вологодский ЛАД»

Главный редактор - А. К. Сальников
Адрес редакции: 160000, Вологда, ул. Зосимовская, д. 54-а.
e-mail: salnikovandre@yandex.ru

Адрес типографии: ООО ПФ «Полиграф-Периодика», 160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

Тираж 500. Объем 15 п.л. Формат 70х100/16. Печать офсетная. Подписано в печать 26 сентября 2022 г. Время подписания номера по графику - 10 час., номер подписан в 10 час. Дата выхода номера - 5 октября 2022. Заказ № 1323. Свободная цена.

Редакция не имеет возможности рецензировать и возвращать рукописи.

Учредитель - автономное учреждение Вологодской области в сфере средств массовой информации «Вологодский областной информационный центр»

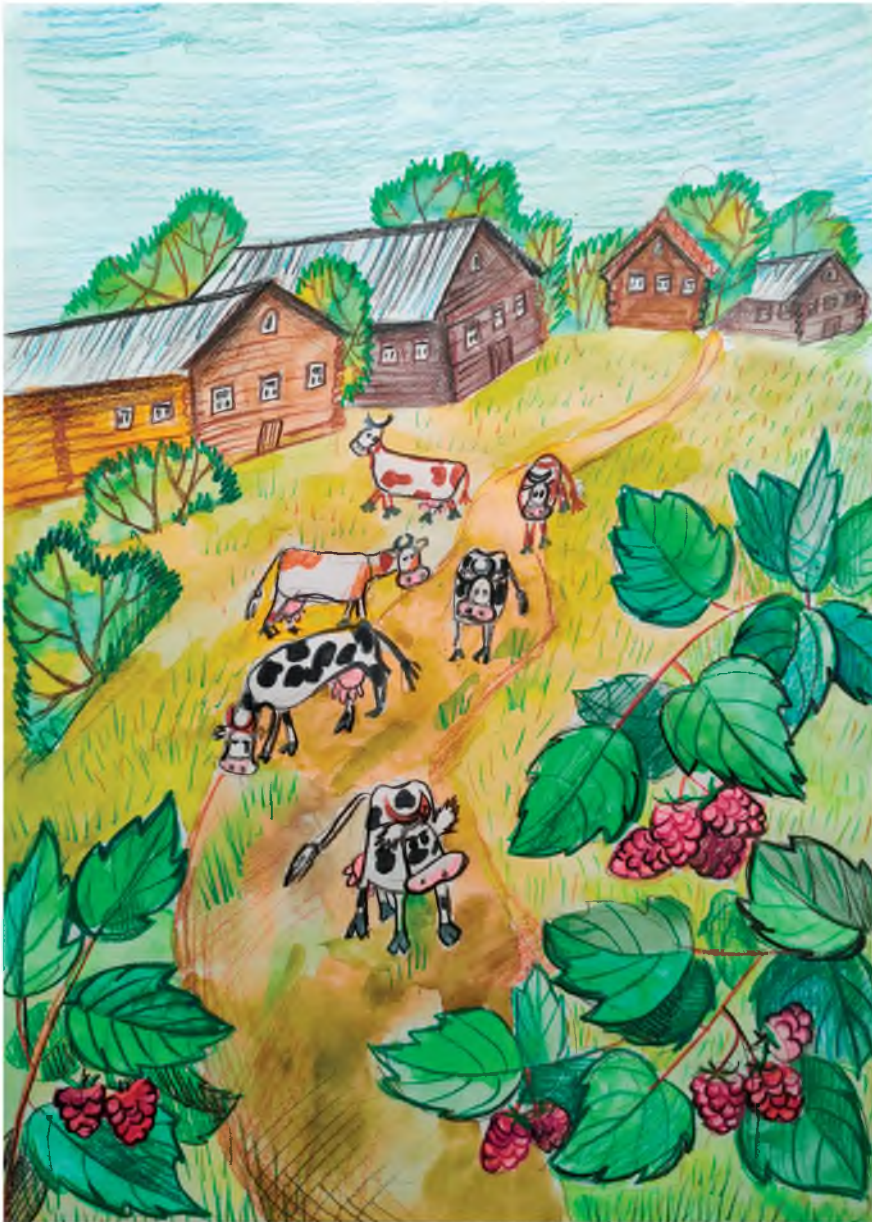
Адрес издателя: АО ВО «Вологодский областной информационный центр», юридический адрес: 160000, Вологда, ул. Зосимовская, д. 54-а; почтовый адрес: 160000, Вологда, ул. Зосимовская, д. 54-а.

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Вологодской области, регистрационное удостоверение ПИ № ТУ 35-069 от 28 декабря 2011 г.

16+

Народ рисует ЛАД

Рисунки участников выставки в музее-квартире В.И. Белова
(текст на стр.)

Аня Веселова, 7 лет (Череповец). Утро. В поскотину

• УРОКИ БЕЛОВА

Алексей Берзин, 49 лет (Москва). Душа крестьянская

Рузана Ибрагимова, 12 лет (г. Сасово Рязанской области). Пастух Павлик в деревне Тимонихе

Дарья Зайцева, Череповец. Вологодская деревенька

• УРОКИ БЕЛОВА

Елизавета Белозерчик (Архангельск). Зимние беседы

Алёна Сулова, 9 лет (Владимир). Масленица. Работа, представленная на выставке в музее-квартире В. И. Белова «Я рисую ЛАД»